

[illegible]
[illegible]

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

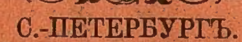
Годъ XXXII-й. ДЕКАБРЬ. 1901 годъ.

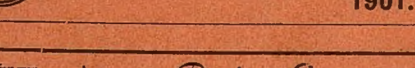
СОДЕРЖАНІЕ:

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1902 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подьяческая, 39.
1901.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1901 г.

Библіографическій листокъ.

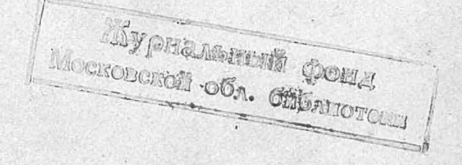
А. С. Пушкинъ, его публицистическая и журнальная дѣятельность. Историко-литературный очеркъ К. Кузьминскаго. Изд. И. П. Жемочкина подъ редакціею проф. А. И. Кирпичникова. Москва. 1901 г.

Членъ Попечительнаго Совѣта студенческаго общежитія имени Императора Николая II, И. П. Жемочкинъ, годъ назадъ пожертвовалъ въ библіотеку общежитія полный экземпляръ Пушкинскаго «Современника». Студентъ-филологъ г. Кузьминскій взялся написать объ этомъ драгоцѣнномъ памятникѣ русской литературы классическаго періода рефератъ, который разросся въ цѣлое небольшое изслѣдованіе о публицистической и журнальной дѣятельности Пушкина вообще,—вотъ происхожденіе разсматриваемой нами книги.

Прежде всего авторъ дѣлаетъ краткій очеркъ главнѣйшихъ событій изъ жизни поэта, особенно ярко отразившихся на его судьбѣ и дѣятельности. Пушкинъ, какъ извѣстно, получилъ образованіе въ наиболѣе либеральную пору царствованія императора Александра I, когда западно-европейскія политическія идеи стали извѣстны русскимъ не только изъ книгъ, но и изъ непосредственнаго наблюденія лицъ, побывавшихъ въ Западной Европѣ. Потомъ онъ долго вращался среди тѣхъ лицъ, которыя хотѣли воспользоваться этими идеями, выработанными вѣковой исторіей, и перенести ихъ на русскую почву. Обладая могущественнымъ средствомъ—стихотворнымъ талантомъ, онъ способствовалъ распространенію этихъ идей и возбуждалъ, зачастую въ рѣзкой формѣ, критическое отношеніе къ русской дѣйствительности и правительству. Рѣзкіе и часто необдуманные поступки возбуждали противъ него правительство и довели его до ссылки на югъ Россіи. Эта ссылка, вмѣстѣ съ вліяніемъ западно-европейскаго пессимизма, усилила раздраженіе и недовольство существовавшимъ порядкамъ, что и повлекло за собою новую ссылку. Покинувъ югъ, онъ проводитъ два года въ деревнѣ, занимается изученіемъ русской исторіи и русской жизни вблизи народа и среди чисто-русской природы. Тѣмъ временемъ совершаются важныя событія: умеръ императоръ Александръ, и вступилъ на престолъ императоръ Николай Павловичъ. Вступленіе на престолъ сопровождалось бунтомъ «декабристовъ»,—по большей части друзей и вдохновителей Пушкина въ области политики. Это событіе вырвало изъ русскаго общества лучшую его часть, которая необдуманно приступила къ проведенію лучшихъ стремленій того времени; уцѣлѣвшимъ единомышленникамъ нужно было позаботиться о просвѣщеніи общества, и это сдѣлалось главною цѣлью ихъ дѣятельности. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей былъ А. С. Пушкинъ, который своимъ талантомъ охватилъ всѣ главнѣйшіе вопросы, формулировалъ ихъ, возбуждалъ сочувствіе или ненависть. Его поэзія была зачастую проникнута публицистикой; она откликалась на все то, что интересовало лучшую часть общества, пробуждая въ немъ лучшія стремленія.

Когда Пушкинъ прибылъ въ Москву и нашелъ въ кружкѣ Веневитинова людей, всею душою преданныхъ литературѣ, то у него явилось желаніе поработать именно съ ними на журнальномъ поприщѣ. Намѣреваясь издать альманахъ «Гермесъ», Веневитиновъ и Погодинъ обратились къ Пушкину за содѣйствіемъ. Онъ воспользовался удобнымъ случаемъ и сказалъ: «Альманахъ не надо издавать, пусть Погодинъ издаетъ въ послѣдній разъ, а после станемъ издавать журналъ; кого бы редакторомъ». Предложеніе Пушкина издавать журналъ понравилось кружку Веневитинова. Журналъ назвали «Московскимъ Вѣстникомъ»; редакторомъ былъ назначенъ Погодинъ, въ помощники ему Рожалинъ. Изданіе велось на коллективныхъ началахъ, статьи должны были помѣщаться по большинству голосовъ главныхъ сотрудниковъ. Пушкину былъ назначенъ огромный гонораръ—съ каждыхъ 1.200 экз. 10.000 руб. Цензоромъ журнала былъ назначенъ С. Т. Аксаковъ, и сотрудники были всѣ люди талантливые, а дѣло шло плохо, и въ 1830 г. журналъ прекратилъ свое существованіе; онъ не выдержалъ трудной борьбы съ тѣми, противъ которыхъ сражался, и не достигнулъ цѣли, которую себѣ поставилъ, главнымъ образомъ благодаря равнодушію общества. Участіе въ изданіи «Московскаго Вѣстника» для Пушкина было урокомъ въ томъ отношеніи, что онъ ближе присмотрѣлся къ журнальной работѣ и увидѣлъ на яркомъ примѣрѣ, что русская публика еще очень и очень неподготовлена къ серіозному чтенію.

Далѣе авторъ говоритъ о дѣятельности Пушкина въ «Литературной Газетѣ», редактировавшейся барономъ Дельвигомъ. Главная цѣль, которою руководились издатели «Литературной Газеты», заключалась, по словамъ Анненкова, въ томъ, чтобы образовать какой-либо оплотъ противъ журнальной монополіи, захваченной издателями «Сѣверной Пчелы» и «Сына отечества». Въ третьемъ номерѣ «Литературной Газеты» была помѣщена статья Пушкина «О литературной критикѣ», въ которой положеніе критики рисуется слѣдующимъ образомъ: «Критика въ нашихъ журналахъ или огра-

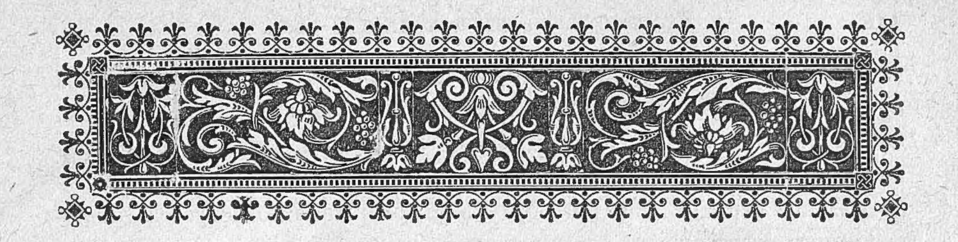

Дозв. ценз. Спб., 9 ноября 1901 г. Тип. Тов. „Общ. Польза“, Б. Подъяч., д. 39.

ГРАФЪ ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

БЛУДОВЪ.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XV [1]).

Мѣры, предпринятыя Барклаемъ-де-Толли къ обученію войскъ и облегченію солдатской службы.—Составъ офицеровъ.—Низкій уровень ихъ образованія.—Средства къ его поднятію.—Бытъ офицеровъ и солдатъ.—Дисциплина и ученье.—Переводъ наставленія Наполеона въ день сраженія.—Сознаніе офицеровъ въ необходимости изученія военной исторіи.—Образованіе съ этою цѣлію общества въ Измайловскомъ полку.—Изданіе подполковникомъ Хатовымъ «Опыта общей тактики».—Всеобщая ненависть къ Наполеону.—Появленіе кометъ.—Патріотическое настроеніе.

Дѣятельный и неутомимый, пріобрѣвшій опытъ въ предъидущихъ кампаніяхъ, Барклай-де-Толли, со дня назначенія своего военнымъ министромъ, обращалъ особенное вниманіе на живую боевую силу Россіи и на нравственную подготовку войскъ.

«Главное въ военныхъ экзерциціяхъ занятіе солдата,—писалъ онъ,—должно быть въ цѣльной стрѣльбѣ; искусство сіе не можетъ иначе пріобрѣтаться, какъ безпринужденнымъ поощреніемъ къ тому охоты.

«Офицеры, отъ коихъ зависитъ весь успѣхъ сего дѣла, предварительно должны быть сами испытаны въ правилахъ необходимыхъ цѣльной стрѣльбѣ; замѣчанія и пріемы ихъ должны быть основательны и вѣрны» [2]).

---

[1]) См. „Русскую Старину", ноябрь 1901 г.

[2]) Приказъ военнаго министра 6-го сентября 1810 г. № 309. Воен.-учен. арх., отд. I д. № 277. По свидѣтельству Ланжерона, русскіе солдаты стрѣляли

Указавъ на нѣкоторыя подробности, которыя должны быть приняты при обученіи стрѣльбѣ, военный министръ выражалъ надежду, «что если дивизіонные, полковые и баталіонные командиры неослабное будутъ имѣть смотрѣніе за симъ ученіемъ, то въ короткое время нижніе чины въ цѣльной стрѣльбѣ доведены будутъ до совершеннаго искусства, которое у насъ нынѣ еще въ большомъ небреженіи. Гг. начальники обязаны надзирать, чтобы офицеры сами занимались стрѣляніемъ въ цѣль, дабы они могли съ лучшимъ успѣхомъ учить солдатъ».

«По дошедшимъ ко мнѣ свѣдѣніямъ,—писалъ Барклай въ другомъ приказѣ [1],—что въ нѣкоторыхъ полкахъ обучаютъ нижнихъ чиновъ стрѣлять въ цѣль безъ штыковъ и ранцевъ, я въ обязанности себя нахожу рекомендовать дивизіоннымъ начальникамъ, чтобы они приказали ученіе сіе производить съ примкнутыми штыками, а иногда и въ полной аммуниціи, ибо людямъ должно пріучаться стрѣлять мѣтко въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ будутъ находиться во время сраженій съ непріятелемъ».

Вмѣстѣ со введеніемъ новыхъ правилъ въ обученіе солдата, принимались мѣры и къ облегченію его службы, но къ сожалѣнію мѣры эти ограничивались одними бумажными распоряженіями и въ большинствѣ случаевъ не исполнялись.

Такъ, 9-го апрѣля 1801 года повелѣно было во всѣхъ полкахъ обрѣзать у нижнихъ чиновъ пукли, косы же оставить, но только такъ, чтобы были длиною въ 4 вершка и завязывались бы въ половину воротника.—«Его императорское величество, дѣлая сіе облегченіе,—писалъ генералъ-адъютантъ Ливенъ,—надѣется что гг. шефы тѣмъ болѣе будутъ наблюдать опрятность нижнихъ чиновъ» [2].

Распоряженіемъ этимъ воспользовались прежде всего офицеры; они стали придумывать разныя прически и дозволять себѣ отступленія отъ формы.

«Помню какъ теперь,—говоритъ Ѳ. В. Булгаринъ [3],—удивленіе наше, когда поручикъ нашей роты Бабинъ явился безъ пуклей, съ небольшою косою, привязанною въ полворотника, съ волосами, спущенными на лобъ (называемыми тогда эсперансами), въ короткихъ сапогахъ вмѣсто

на удачу, иногда на воздухъ и вовсе стрѣлять не умѣли. Ученій со стрѣльбою не производилось. Для этой цѣли выдавалось по три пули на солдата, и нѣкоторые командиры, понимая важность стрѣльбы, заготовляли пули изъ глины, но отъ стрѣльбы ими портились ружья. (Запис. Ланжерона, „Русская Мысль“ 1896 г. № 9, стр. 39).

[1]) Приказъ военнаго министра 10-го іюня 1811 г. № 28. Военно-ученый архивъ, отд. I, № 277.

[2]) Арх. Канцел. воен. минист., высочайшія повелѣнія кн. № 127.

[3]) Въ своихъ воспоминаніяхъ, изд. 1846 г. т. II, стр. 5—7.

штиблетъ... Намъ казалось это удивительно хорошо! При отступленіи отъ прежней формы появились военныя моды въ прическѣ, повязкѣ галстуха, ношеніи шляпы и шпаги.—Вмѣсто чрезвычайно низкихъ офицерскихъ шляпъ, введены огромныя высокія шляпы съ чернымъ султаномъ (въ кавалеріи бѣлымъ); вмѣсто отлогаго воротника, лежавшаго на спинѣ, стали носить превысокіе воротники до самыхъ ушей; вмѣсто широкихъ и длинныхъ фалдъ мундировъ, мундиры были короткіе съ фалдочками въ два пальца.—Пудра и косы не были отмѣнены, но прическа совершенно измѣнилась.—Щеголи сбивали волосы на верху головы (тупей) и всю красу поставляли въ вискахъ (oveilles de chien), эсперансахъ и широкой короткой косѣ».

Возникшая мода не затрудняла конечно офицеровъ, но тяжело отзывалась на солдатахъ, отъ которыхъ требовала также тщательной и красивой прически.—Чтобы достигнуть этого, необходимо было употребить много времени, и потому въ большей части полковъ прическа производилась съ вечера. Связанные ею солдаты думали только о томъ, чтобы не испортить ее къ утру; убранство головы не давало имъ покоя и ночью.

Такимъ образомъ желаніе императора Александра облегчить солдата на первыхъ же порахъ, несмотря на сдѣланное распоряженіе, не было исполнено.

«Дошло до свѣдѣнія его императорскаго величества,—писалъ государь самъ, отъ своего имени, въ собственноручной запискѣ [1]),—что въ нѣкоторыхъ полкахъ продолжается еще обычай чесать волосы людямъ съ вечера, передъ строемъ.—Столь не нужное щегольство совсѣмъ противно намѣренію его величества.—Оное имѣло цѣлію, при заведеніи существующей простой чески, единственно доставленіе бòльшаго спокойствія солдатамъ.—Долгъ гг. шефовъ былъ сему въ точности сообразоваться и за онымъ строго наблюдать.

«Въ подтвержденіе сего, его императорское величество предписываетъ всѣмъ шефамъ, чтобы подобнаго впредь не случалось и чтобы приложили свое стараніе о пріученіи людей во ввѣренныхъ имъ полкахъ какъ возможно проворнѣе чесаться и одѣваться, сохраняя при томъ всю должную опрятность.—Для достиженія же сего умножить число умѣющихъ убирать такъ, чтобы одинъ другаго чесалъ».

Облегченіе по внѣшности мало облегчало внутреннюю жизнь солдата, и положеніе его было очень тяжелое.—Оно, конечно, зависѣло прежде всего отъ командировъ частей и состава офицеровъ.—Послѣдніе комплектовались почти исключительно дворянами, уровень образованія которыхъ былъ весьма низокъ. Графъ Ланжеронъ называлъ ихъ просто

---

[1]) Военно-ученый арх., отд. III, № 1053.

*

невѣждами, считавшими лишнимъ заниматься военными науками и ни во что ставившими военное искусство такихъ знаменитостей, каковы Густавъ Адольфъ, Конде, Тюренъ, Евгеній Савойскій, Лаудонъ и Фридрихъ II.—Ланжеронъ указываетъ лишь на очень не многимъ русскихъ генераловъ, которые занимались военными науками, а остальные смѣялись надъ ними. Познанія большинства генераловъ, по словамъ графа Ѳ. П. Толстаго [1]), ограничивались «вытяженіемъ носковъ», ружейными пріемами и полковыми ученіями.

— Мнѣ,—говоритъ онъ,—однажды случилось быть въ ихъ обществѣ, въ кабинетѣ Петра Александровича Толстаго, гдѣ они разсматривали географическія карты и разные планы, которыхъ у Петра Александровича было большое собраніе.—Между прочимъ зашла рѣчь объ опредѣленіи разстоянія до предметовъ, находящихся на дальнемъ и недоступномъ мѣстѣ, а также объ опредѣленіи высоты горъ; никто изъ присутствующихъ не могъ объяснить, какъ это дѣлается».

«Офицеры кичились быть хорошими фронтовиками,—говоритъ С. Г. Волконскій [2]),—и книги забытыя не сходили съ полокъ». По словамъ генерала Маевскаго, до 1812 года военная наука была у насъ совершенно въ «дикомъ состояніи» [3]). Впрочемъ, не надо забывать, что въ то время многими европейскими государственными дѣятелями признавалось, что наука не только не нужна военнымъ, но и вредна.

Вотъ что писалъ извѣстный де- Местръ графу Разумовскому [4]): «Наука, по самому существу своему, во всѣ времена и при всякой формѣ правленія, годна не для всѣхъ, даже и не для всѣхъ, принадлежащихъ къ высшему сословію.—Напримѣръ, военные (т. е. $^{80}/_{100}$ дворянства) отнюдь не должны, да и не могутъ быть учеными.—Однимъ только артиллерійстамъ, инженерамъ и морякамъ потребны познанія въ математикѣ, но познанія эти почти исключительно практическія и вовсе не такъ глубоки, какъ воображаютъ.—Весьма кстати замѣчено было во Франціи, что никогда не случалось моряку-академику захватить вражескій фрегатъ.—Къ тому же вездѣ существуютъ для разныхъ этихъ родовъ службы специальныя школы, но для того, что̀ называется арміею, наука не только недосягаема, она даже вредна.—Наука изъ военнаго дѣлаетъ домосѣда, лѣнивца, она почти всегда его лишаетъ того безотвѣтнаго мужества и удальства, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ на войнѣ.—Къ тому же, большинство никогда не захочетъ прилежно заняться, въ особенности же высшій классъ общества.—Военная жизнь,

---

[1]) Записка гр. Ѳ. П. Толстаго. „Русская Старина“ т. VII, стр. 42.

[2]) Въ своихъ запискахъ, изд. 1901 г., стр. 61.

[3]) „Русская Старина“ 1873 г. № 8, стр. 141.

[4]) Бывшему въ то время министромъ народнаго просвѣщенія въ іюнѣ 1810 г. А. А. Васильчиковъ.—„Семейство Разумовскихъ“, т. II, стр. 254.

за нѣкоторыми исключеніями, которыхъ нельзя брать въ соображеніе, всегда была и будетъ разсѣянною.—Отнимите отъ ежедневныхъ занятій офицера время, необходимое для свѣтскихъ обязанностей, для удовольствій и для военнаго ученія, спрашивается, что останется для науки?».

У насъ не раздѣляли такого взгляда, но недостаточное число учебныхъ заведеній въ Россіи было причиною того, что большая часть дворянъ, маменькиныхъ сынковъ, не обучаясь ничему, даже грамотѣ, и достигнувъ извѣстнаго возраста, поступали преимущественно въ полки, расположенные въ мѣстахъ ихъ жительства, унтеръ-офицерами и за тѣмъ, часто проживая спокойно въ своихъ имѣніяхъ, дослуживались, правдами и неправдами, до офицерскаго чина. 8-го апрѣля 1801 года графъ Ливенъ сообщилъ циркуляромъ всѣмъ начальникамъ частей, что государь императоръ, усмотрѣвъ, что въ полкахъ находится очень много унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ, не умѣющихъ совсѣмъ грамотѣ, «повелѣлъ принимать безграмотныхъ не иначе какъ рядовыми»[1]). Тѣ же, которые успѣли быть произведенными въ офицеры до этого распоряженія, оставались неграмотными во всю свою службу.

Поэтому въ 1807 году было объявлено «благородному дворянскому сословію», что всѣ желающіе вступить въ военную службу молодые неслужащіе дворяне, отъ 16 лѣтъ и болѣе, могутъ, вмѣсто опредѣленія въ полки унтеръ-офицерами, пріѣзжать въ Петербургъ и являться въ кадетскіе корпусы, куда они будутъ немедленно приняты. Оставаясь тамъ только самое необходимое время, для изученія порядка службы и продолжая ученіе въ классахъ, соотвѣтственныхъ ихъ познаніямъ, они будутъ выпускаемы въ полки прапорщиками или корнетами.

«Я увѣренъ,—писалъ императоръ Александръ [2]),—что симъ распоряженіемъ достаточно облегчены будутъ благородному юношеству средства ко вступленію въ службу соотвѣтственно ихъ званію, наипаче въ такое время, когда честь и польза государства призываетъ къ службѣ каждаго члена благороднаго сословія, знаменитаго своею любовію и вѣрностью къ отечеству».

Одновременно съ этимъ министру народнаго просвѣщенія графу Завадовскому поручено [3]) извѣстить черезъ попечителей округовъ всѣхъ дворянъ, обучающихся въ гимназіяхъ, университетахъ и другихъ училищахъ, что желающіе поступить въ военную службу будутъ приняты на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Студенты, окончившіе курсы въ университетахъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, должны явиться въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ, куда

---

[1]) Арх. Канцеляр. воен. министер., высочайшія повелѣнія кн. № 127.

[2]) Въ рескриптѣ графу Кочубею 14-го марта 1807 г. Арх. Сената, копіи высочайшихъ повелѣній, кн. № 292.

[3]) Рескриптомъ отъ того же 14-го марта. Тамъ же.

будутъ немедленно приняты унтеръ-офицерами и, пробывъ въ оныхъ опредѣленное время, для пріученія ихъ къ воинской службѣ, будутъ выпускаемы и опредѣляемы въ полки офицерами.

2) Не имѣющіе званія студентовъ, гимназисты и обучающіеся въ другихъ заведеніяхъ дворяне, въ возрастѣ не менѣе 16 лѣтъ, являясь въ кадетскіе корпусы въ Петербургѣ, будутъ помѣщаемы, по мѣрѣ ихъ познаній, въ соотвѣтственные классы, для окончанія въ оныхъ наукъ и пріученія ихъ къ воинской службѣ, послѣ чего, по мѣрѣ ихъ успѣховъ, будутъ опредѣляемы въ полки прапорщиками и корнетами.

Дворянство не охотно слѣдовало такому предложенію и предпочитало поступать унтеръ-офицерами преимущественно въ гвардейскіе полки, что̀ годъ спустя и вызвало новое распоряженіе военнаго министра.

«Объявляется всѣмъ гвардейскимъ полкамъ,—писалъ графъ Аракчеевъ [1]),—что по высочайшей волѣ, опредѣляющіеся въ гвардію недоросли изъ дворянъ не иначе могутъ быть приняты, какъ по испытаніи въ знаніяхъ предположенныхъ для сего наукъ. Оный экзаменъ назначено производить у генералъ-маіора Клингера и не прежде можно представлять таковыхъ на смотръ государю императору, какъ по полученіи отъ него, генералъ-маіора Клингера, аттестата объ удостоеніи къ принятію. А безъ сего аттестата запрещается утруждать таковыми представленіями государя императора, ибо сіе будетъ противъ установленія, основаннаго на высочайшей волѣ».

Мѣра эта могла оказать благодѣтельное вліяніе на корпусъ офицеровъ только въ будущемъ; настоящее же представлялось въ неприглядномъ видѣ.

«Пѣхоту (гвардейскую) я не любилъ,—пишетъ Ѳ. Я. Мирковичъ [2]),—и служба въ ней была такъ обременительна, что человѣку некрѣпкаго сложенія трудно было и выносить. Караулы, которые пѣхота содержала во всѣхъ концахъ столицы, дежурства и непрерывныя ежедневныя ученья просто изнуряли, и кто только могъ, избѣгалъ пѣхоты. При томъ только въ двухъ полкахъ, Преображенскомъ и Семеновскомъ, было тогда болѣе порядочное общество офицеровъ, состоявшее на половину изъ пажей. Государь былъ шефомъ обоихъ полковъ и особенно ихъ любилъ. Общество офицеровъ остальныхъ полковъ было менѣе, чѣмъ посредственное, такъ что въ общественномъ мнѣніи армейскіе артиллерійскіе офицеры стояли выше гвардейскихъ пѣхотныхъ.

[1]) Въ приказѣ отъ 11-го февраля 1808 г. Воен.-учен. арх., отд. I № 265.

[2]) Въ своихъ запискахъ. См. жизнеописаніе Ѳ. Я. Мирковича, т. I, изд. 1889 г., стр. 19.

Въ кавалеріи отличались обществомъ офицеровъ только кавалергарды и лейбъ-гусары, куда поступала вся знатная и богатая молодежь.

«Хотя Кавалергардскій полкъ,—говоритъ С. Г. Волконскій [1]),—славился составомъ корпуса офицеровъ, но въ общемъ смыслѣ о моральной (нравственной) жизни не могу ничего сказать хорошаго. Во всѣхъ моихъ товарищахъ, не исключая и эскадронныхъ командировъ, было много свѣтской щекотливости, что французы называютъ point d'honneur, но врядъ ли кто бы выдержалъ во многомъ разборъ своей собственной совѣсти. Вовсе не было ни въ комъ религіозности, скажу даже во многихъ безбожничество. Общая склонность къ пьянству, разгульной жизни, молодечеству... Шулерничать не было считаемо за порокъ, хотя въ правилахъ чести были мы очень щекотливы. Еще другое странное было мнѣніе,—это, что любовникъ, пріобрѣтенный за деньги, за плату, не подлецъ... Весьма ложное понятіе о чести, весьма мало дѣльной образованности и почти во всѣхъ преобладаніе глупаго молодечества, которое теперь я назову чисто порочнымъ. Въ одномъ одобряю ихъ: это—тѣсная дружба товарищеская и храненіе приличій того времени».

Офицеры сливались въ одно цѣлое, «какъ скоро рѣчь шла о какомъ-либо дѣлѣ, относящемся до чести полка и мундира или защиты обиженнаго начальствомъ офицера».

Эта особенность была, какъ увидимъ впослѣдствіи, достояніемъ всего корпуса офицеровъ.

Кромѣ названныхъ четырехъ полковъ, офицерскій составъ вообще «представлялъ сборище молодыхъ людей мало образованныхъ и чуждыхъ столичныхъ обществъ. Отъ нихъ требовалось только, чтобы они были исправными фронтовыми офицерами. Не посѣщать общество и не ѣздить ни на какіе балы,—это было непремѣннымъ условіемъ, чтобы понравиться своему корпусному командиру [2]). Цесаревичъ ненавидѣлъ всю знать и преслѣдовалъ ихъ въ полкахъ [3]).

Многіе офицеры гордились тѣмъ, что кромѣ полковыхъ приказовъ ничего не читали; фронтовая служба ихъ исключительно занимала, и они рѣдко показывались въ обществѣ.

Отчужденіе отъ него вело къ суровости нравовъ, кутежамъ и попойкамъ. День проходилъ среди ученій, хожденія по набережной, обѣдѣ въ трактирѣ, всегда орошенномъ черезъ край виномъ, въ отправленіи общей ватагой въ театръ, или кутежъ и пьянство [4]). Молодечество и удальство составляли исключительный характеръ молодежи. «И въ войнѣ

---

[1]) Въ своихъ запискахъ. Изд. 1901 г.

[2]) Великому князю Константину Павловичу.

[3]) Жизнеописаніе Ѳ. Я. Мирковича. Изд. 1889 г., т. I, стр. 19.

[4]) Записки С. Г. Волконскаго, изд. 1901 г., стр. 59.

и мирѣ,—говоритъ Ѳ. В. Булгаринъ [1]),—мы искали опасностей, чтобы отличиться безстрашіемъ и удальствомъ. Попировать, подраться на сабляхъ, побушевать, гдѣ бы не слѣдовало, это входило въ составъ нашей военной жизни въ мирное время». Ведя вѣчную войну съ рябчиками, т. е. со статскими, военная молодежь не покорялась никакой власти кромѣ полковой и всегда противодѣйствовала городской и земской полиціямъ.

Сами начальники подавали тому примѣръ. Командиръ Измайловскаго полка генералъ Малютинъ отличался своимъ хлѣбосольствомъ, молодечествомъ и удальствомъ. «Этотъ Малютинъ,—говоритъ Вигель,—былъ добрый малый, гуляка, великій другъ роскоши и всякихъ увеселеній, который имѣлъ особенное искусство придавать щеголеватость даже безобразному тогдашнему военному костюму. Но это въ немъ было не главное: въ фронтовомъ дѣлѣ былъ онъ величайшій мастеръ; за то все ему прощалось, даже страсть его къ щегольству [2]).

Тогда было въ модѣ держать собственные катера, и Малютинскій катеръ былъ извѣстенъ всему Петербургу своимъ роскошнымъ убранствомъ и удалыми гребцами, а Измайловскій полкъ—своими пѣсельниками и плясунами.

«Осенью 1806 года,—пишетъ Булгаринъ [3]),—въ пять часовъ по полудни отправился я въ Измайловскія казармы. На половинѣ Вознесенскаго проспекта услышалъ я звуки русской пѣсни и музыки. У Измайловскаго моста я нашелъ такія густыя толпы народа, что долженъ былъ слѣзть съ дрожекъ и пробираться пѣшкомъ. Что же я тутъ увидѣлъ? Возлѣ моста на Фонтанкѣ стоялъ катеръ генерала Малютина. Онъ сидѣлъ въ немъ съ дамами и нѣсколькими мужчинами, а на мосту находились полковые пѣсельники и музыканты и почти всѣ офицеры Измайловскаго полка въ шинеляхъ [4]) и фуражкахъ съ трубками въ зубахъ [5]). Хоры пѣсельниковъ, т. е. гребцы и полковой хоръ, то смѣнялись, то пѣли вмѣстѣ, а музыканты играли въ промежутки. Шампанское лилось рѣкой въ пивные стаканы и громогласное «ура!» раздавалось подъ открытымъ небомъ».

Въ это самое время императоръ Александръ подъѣхалъ на дрожкахъ съ набережной Фонтанки и спросилъ у полицейскаго офицера:

— Что это значитъ?

— Генералъ Малютинъ гулять изволитъ,—отвѣчалъ спрошенный.

---

[1]) Въ своихъ воспоминаніяхъ, т. II, стр. 135.
[2]) Записки Вигеля, т. I, 91.
[3]) Въ своихъ воспоминаніяхъ, т. II, стр. 142—145.
[4]) Тогда не было мундирныхъ сюртуковъ. Прим. Булгарина.
[5]) Тогда на городскихъ улицахъ курить не дозволялось.

Государь приказалъ кучеру повернуть лошадь и поторопился удалиться.

Подобные кутежи продолжались всю ночь до утра и сопровождались разными насиліями надъ мирными жителями. На слѣдующій день приходили въ полки жалобы, и виновные тотчасъ сознавались, что̀ считалось долгомъ чести. На полковыхъ гауптвахтахъ всегда было тѣсно отъ арестованныхъ офицеровъ, особенно въ Стрѣльнѣ, Петергофѣ и Мраморномъ дворцѣ. «Буянство хотя и подвергалось наказанію, но не почиталось порокомъ и не помрачало чести офицера, если не выходило изъ извѣстныхъ условныхъ границъ. Стрѣлялись чрезвычайно рѣдко, только за кровавыя обиды, за дѣла чести; но рубились за всякую мелочь, за что̀ нынѣ и не поморщатся».

Распущенность начальниковъ была весьма заразительна и, по мнѣнію великаго князя Константина Павловича, вела къ упадку дисциплины. Впрочемъ, онъ смотрѣлъ на нее своими особыми глазами. Съ раннихъ лѣтъ великій князь усвоилъ себѣ понятіе, что офицеръ есть не что иное, какъ машина; все, что командиръ приказываетъ своему подчиненному, должно быть исполнено, хотя бы это была жестокость «По его мнѣнію, начальнику должна быть предоставлена полная и неограниченная власть надъ подчиненнымъ: онъ можетъ сдѣлать подчиненнаго своимъ слугою и употреблять его на все и вездѣ».

«Понеже,—сказано было въ высочайшемъ указѣ 4-го іюня 1806 г. [1],—ничто такъ не наноситъ вреда службѣ, какъ ослабленіе субординаціи, то стражайшимъ образомъ подтверждается, чтобы низшіе къ высшимъ чинамъ имѣли совершенное по службѣ повиновеніе и приказанія ихъ исполняли безпрекословно. Высшіе же, обращаясь съ подчиненными ласково и отдавая справедливость отличающимся исправностью и достохвальнымъ поведеніемъ, не входили бы однако же ни въ какое фамильярное обхожденіе, но взыскивали должное къ себѣ почтеніе и уваженіе не только при отправленіи службы, но и во всякомъ мѣстѣ и случаѣ».

Спустя два года графъ Аракчеевъ счелъ необходимымъ подтвердить высочайшій указъ, причемъ ставилъ себя примѣромъ исполненія обязанностей начальника.

«Съ самаго вступленія моего въ званіе военнаго министра,—писалъ онъ [2],—замѣчалъ я, что субординація не наблюдается въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ полной ея силѣ. А какъ извѣстно, что оная есть главнѣйшее правило, связующее всѣ части военной службы, то и полагаю

---

[1]) Циркулярный указъ главнымъ начальникамъ. Арх. канцеляріи военн. министерс. Связка 8, дѣло № 7.

[2]) Въ приказѣ отъ 9-го іюня 1808 г. „Русскій Арх.“ 1875 г. т. III, 314

должною по званію моему обязанностію объявить слѣдующее. Нерѣдко случается, что, особливо въ публичныхъ собраніяхъ, младшіе чиновники не сохраняютъ въ отношеніи старшихъ должнаго уваженія, и даже самой благопристойности, то причину сему отношу я не столько на счетъ младшаго чиновника, какъ къ лицу старшаго, упускающаго изъ виду должное за сіе взысканіе, и черезъ то дающаго совершенный поводъ къ явному ослабленію установленныхъ правилъ военной службы. Въ ономъ мнѣніи удостовѣряюсь я, поставляя собственно себя примѣромъ: ибо никогда не замѣчалъ я, чтобы въ отношеніи меня была нарушена субординація; слѣдовательно, какъ нынѣ, такъ и впредь увѣрительно заключать должно, что если генералъ не будетъ взыскивать за неисполненіе обязанностей младшихъ его чиновниковъ, то таковой докажетъ, что онъ не умѣетъ удержать должнаго къ себѣ уваженія».

Великій князь Константинъ Павловичъ тотчасъ же воспользовался этимъ распоряженіемъ и, будучи генералъ-инспекторомъ всей кавалеріи, писалъ въ своемъ приказѣ [1]):

«Господамъ офицерамъ передъ всѣми генералами дѣлать внѣ службы фронтъ, какъ на улицѣ, такъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, исключая, если случится сіе въ комнатахъ, поднявъ лѣвую руку къ шляпѣ, киверу или каскѣ [2]), а въ комнатѣ встрѣтясь съ генералами становиться къ онымъ лицомъ; равномѣрно всякому младшему передъ старшимъ штабъ-или оберъ-офицеромъ, не останавливаясь на улицѣ, поднимать лѣвую руку къ шляпѣ, киверу или каскѣ.

«Всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ наиубѣдительнѣйше предписываю себѣ вразумить, что какъ въ службѣ, такъ и внѣ оной, во всякомъ обществѣ, въ публичныхъ собраніяхъ, на гуляньяхъ—единымъ словомъ вездѣ, гдѣ двое встрѣтятся, одинъ изъ нихъ есть старѣе и для того младшему передъ старшимъ оказывать военное почтеніе и послушаніе и что мнимаго названія въ одномъ чинѣ (камрадства) товарищества нѣтъ, ибо одинъ выше, а другой ниже въ спискѣ поставленъ.

«Часто мною замѣчено, что г.г. офицеры, имѣя братьевъ или родственниковъ въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ, обходятся съ ними фамильярно въ публикѣ, и какъ оное совсѣмъ противно порядку службы, ибо со стороны чужіе офицеры и унтеръ-офицеры, не знавъ родства

---

[1]) Въ приказѣ по всей кавалеріи отъ 29-го октября 1808 г., № 16.

[2]) До 23-го іюня 1808 г., всѣ генералы, штабъ-и оберъ-офицеры при встрѣчѣ съ императоромъ снимали шляпы и каски. Въ этотъ день приказомъ военнаго министра предписано „шляпъ не снимать, а вмѣсто сего, во-первыхъ, останавливаться, и во-вторыхъ, подымать лѣвую руку къ шляпѣ. Равнымъ же образомъ наблюдать сіе штабъ-и оберъ-офицерамъ при встрѣчѣ съ генералами и вообще во время строя ни въ какомъ случаѣ шляпъ не снимать“. См. Военно-ученый арх., Отд. I, д. № 265.

между таковыми, могутъ взять съ того примѣръ, который совсѣмъ противенъ порядку службы и законамъ, установляющимъ раздѣленіе чиновъ, то и въ сихъ случаяхъ должно равномѣрно сохранить чинопочитаніе.

«Находя себя принужденнымъ дать сей приказъ, я буду неослабно взыскивать за несоблюденіе онаго».

Вскорѣ послѣ Тильзита императоръ Александръ предоставилъ Константину Павловичу главное распоряженіе по администраціи и обученію войскъ. Отъ великаго князя зависѣло введеніе и отмѣна во всей арміи какъ фронтовыхъ, такъ и хозяйственныхъ порядковъ. Константинъ Павловичъ писалъ строгіе приказы, напоминалъ о дисциплинѣ, но всѣ его старанія не вели къ желаемымъ результатамъ. Причина того лежала въ тогдашнемъ строѣ общества. Офицеры, почти исключительно дворяне и помѣщики, были сибариты, не привыкшіе подчиняться, а напротивъ повелѣвать и пользоваться жизнью. Они переносили въ войска привычки родительскаго дома, своеволіе и всѣ особенности помѣщичьяго быта. Командиръ полка или ротный были въ сущности помѣщики своей части, болѣе дисциплинированной и послушной, чѣмъ крестьяне, и, смотря на солдатъ какъ на своихъ крестьянъ, считали себя въ правѣ распоряжаться ими, какъ своею вещью и собственностію. Ходячая нынѣ излюбленная фраза «сѣрая скотина» была тогда больше примѣнима къ солдату, чѣмъ теперь. Солдатъ въ глазахъ тогдашнихъ офицеровъ былъ тотъ же крестьянинъ, надъ которымъ они имѣли власть жизни и смерти. Это понятіе такъ всосалось въ плоть и кровь офицеровъ, что жестокое обращеніе съ солдатомъ не считалось предосудительнымъ, никого не удивляло, не оскорбляло и не вызывало противодѣйствія.

Были люди честные и добрые, готовые придти на помощь ко всякому въ частной жизни, сочувствовавшіе чужому горю, возмущавшіеся при чтеніи романовъ или въ разговорахъ противъ всякой жестокости и въ то же время сурово и безжалостно наказывавшіе солдатъ. П. Пестель, проповѣдывавшій равенство, писавшій Русскую Правду и ратовавшій за республиканскій образъ правленія, былъ необыкновенно жестокъ съ солдатами своего полка. Таково было то время! Плакали надъ жалостливыми романами, сентиментальничали въ жизни и въ то же время слѣдовали поговоркѣ: «моему нраву не препятствуй».

Въ общемъ, положеніе солдата было очень тяжелое.— Въ то время по рукамъ ходили вирши подъ заглавіемъ «Жизнь солдатская» въ которыхъ говорилось:

Я отечеству защита,
А спина всегда избита.
Я отечеству ограда,
Въ тычкахъ—пинкахъ вся награда.

Кто солдата больше бьетъ,
И чины тотъ достаетъ,
Тѣмъ старателенъ, хорошъ,
Хоть на черта онъ похожъ,
А коль бить кто не умѣетъ,
Тотъ ничего не разумѣетъ.

Графъ Ланжеронъ, отстаивавшій строгія правила въ обращеніи съ солдатами и считавшій тѣлесныя наказанія необходимыми для поддержанія дисциплины, приводитъ, однако же, съ особымъ раздраженіемъ примѣръ безумной жестокости.—Онъ говоритъ о множествѣ случаевъ, въ которыхъ солдаты умирали подъ ударами палокъ и розогъ.—Многіе офицеры находили въ этихъ истязаніяхъ «особое удовлетвореніе и, какъ бы ради спорта, за чаемъ, велѣли наказывать солдатъ виновныхъ и невинныхъ» [1]).

Вотъ что разсказываетъ М. С. Щепкинъ въ своихъ запискахъ [2]).

Въ 1802 году зашелъ онъ палатку къ И. Ф. Б. [3]), гдѣ находилось еще нѣсколько офицеровъ, и услышалъ споръ. И. Б. держалъ на 500 руб. пари съ другимъ офицеромъ, что солдатъ его роты Степановъ выдержитъ тысячу палокъ и не упадетъ. «Это меня чрезвычайно поразило, говоритъ Щепкинъ, тѣмъ болѣе, что мы знали И. Б. какъ благороднаго человѣка; но вотъ каково было наше хваленое время: я, признаюсь, старался скрыть мое волненіе, боясь быть уличеннымъ въ слабости».

Послали за солдатомъ, мужчиною вершковъ восьми, широкоплечимъ и костистымъ.

— Степановъ! синенькую и штофъ водки,—сказалъ ему И. Б.,—выдержишь тысячу палокъ?

—Рады стараться, ваше благородіе,—отвѣчалъ онъ.

Щепкинъ обезумѣлъ.

— Какъ же ты, братецъ на это согласился?—спросилъ онъ у проходившаго мимо его Степанова.

— Ахъ! парнюга,—отвѣчалъ онъ,—все равно даромъ дадутъ.

Щепкинъ сообщилъ объ этомъ полковому командиру, у котораго были гости, и «повѣрите ли,—замѣчаетъ Щепкинъ,—все это принято обществомъ съ хохотомъ, а нѣкоторые даже повторяли: «ахъ, какіе милые шалуны». А другіе отзывались: «каковъ русскій солдатъ!» Только одна А. А. Анненкова замѣтила полковому командиру князю И. Г. В.

— Князь! пожалуйста, хоть для своего рожденія не прикажи; право, жалко, все-таки человѣкъ.

---

[1]) „Русская Мысль“ 1896 г. № 9, стр. 33.

[2]) Записки и письма М. С. Щепкина, Москва, изд. 1864 г., стр. 149.

[3]) Полныхъ фамилій авторъ не называетъ.

Князь призвалъ офицеровъ.

— Что вы, шалуны,—сказалъ онъ,—тамъ затѣяли какое-то пари? Ну, вотъ дамы просятъ оставить это; надѣюсь, что просьба дамъ будетъ уважена.

Такое поведеніе и жестокость офицеровъ осуждались, хотя и довольно робко, военною литературою.

«Еще и понынѣ,—писалъ Трухачевъ [1]),—водится въ нѣкоторыхъ полкахъ не жестокость, не тиранство, но что-то на сіе похожее и едва-ли сносное, а болѣе за ученья. Хотя со времени царствованія государя Александра Павловича весьма примѣтнымъ образомъ прекращена жестокость; но все еще остались въ полкахъ слѣды такъ называемыхъ бравыхъ капитановъ, которые однимъ тиранствомъ заслужили имя бдительнаго и попечительнаго ротнаго начальника; другіе же, чтобы быть на счету таковыхъ же, слѣдовали совсѣмъ противу чувствъ своихъ не похвальному сему примѣру. Продли милосердный Боже благословенно многія лѣта императору; его сердце остановило (?) въ войскахъ тиранство, и солдатъ не страшится (?) уже службы, однако же поколачиваютъ безъ содроганія [2]).

Поколачиваніе происходило большею частію во время ученій, не имѣвшихъ однообразія, а потому не удобо-усваиваемыхъ солдатомъ. Въ то время, по словамъ Ѳ. Я. Мирковича, не придерживались и не руководствовались уставомъ, а были рукописныя тетради, въ родѣ «Эволюціи Коннаго полка». Каждый полкъ имѣлъ свою тетрадь неизвѣстнаго происхожденія или заимствовалъ у другаго, вносилъ свои поправки и измѣненія по своему произволу и по нимъ производилъ муштровку. Такое разнообразіе въ обученіи вызвало вмѣшательство военнаго министерства. 16-го апрѣля 1801 г. генералъ-адъютантъ графъ Ливенъ объявилъ высочайшее повелѣніе, чтобы до полученія особаго распоряженія полки во всемъ поступали на основаніи устава и прочихъ предписаній, до порядка службы относящихся.

«Если же бы дошло до свѣдѣнія ихъ, что въ войскахъ, въ Петербургѣ находящихся, и сдѣлана какая-либо перемѣна, то равномѣрно, чтобы себѣ примѣромъ не ставили, но ожидали бы надлежащаго предписанія [3])».

Муштровка войскъ доводилась до поэтическаго восторга. — Войска выводились на ученье задолго до назначеннаго часа.— Измученные долгимъ ожиданіемъ, валившіеся подъ грузомъ ранца, подавленные тяжестью туго надѣтаго кивера, съ колыхающимся отъ вѣтра почти аршин-

---

[1]) Маіоръ Бѣлозерскаго мушкетерскаго полка.

[2]) „Военный Журналъ“ 1810 г., книга V, стр. 61.

[3]) Арх. Канцел. воен. минист. Высочайшія повелѣнія, книга № 127

нымъ султаномъ, затянутые «до удавленія» туго застегнутымъ воротникомъ и скрещенными на груди ремнями, солдаты съ напряженнымъ вниманіемъ исполняли команды, требовавшія отъ нихъ бодрости и быстраго исполненія.

— Смотри веселѣя!.. Больше игры въ noскахъ... Прибавь чувства въ икры!..—кричали имъ начальники.

«Бывало,—говоритъ современникъ [1],—церемоніальнымъ маршемъ передъ начальникомъ проходишь, такъ всѣ до одной жилки въ тѣлѣ почтеніе ему выражаютъ; а о правильности темпа въ шагѣ, о плавности поворота глазъ направо, налѣво и бодрости вида—и говорить нечего! Идешь это передъ ротою, точно одно туловище съ ногами впередъ идетъ, а глаза такъ отъ генерала и не отрываются... А нынче что? Ну, кто нынче ухитрится ногу съ носкомъ въ прямую линію горизонтально такъ вытянуть, что носокъ такъ тебѣ и выражаетъ, что, вотъ-молъ, до послѣдней капли крови готовъ за царя и отечество животъ свой положить».

Одиночныя ученья зимою были еще сносны, но съ наступленіемъ весны они производились съ 9 часовъ утра до 2-хъ по полудни, причемъ за малѣйшую ошибку съ солдатами обращались не только строго, но и жестоко.

Ахъ, прекрасная весна,
Ты пріятна и красна,
Если вольнымъ кто родится.
А солдату ты, весна,
Очень, очень несносна!
Тутъ начнется въ ней ученье
И тиранство и мученье.
О! солдатская спина,
Ты къ несчастью рождена.
Лучше въ свѣтѣ не родиться,
Чѣмъ въ солдатахъ находиться,
Этой жизни хуже нѣтъ,
Изойди весь бѣлый свѣтъ.
Въ караулъ пойдешь, такъ горе,
А съ караула, такъ и вдвое.
Въ караулѣ намъ мученье,
А какъ смѣнишься,—ученье.
Въ караулѣ жмутъ подтяжки,
На ученьи жди растяжки,
Стой прямѣе, не тянись,
За тычками не гонись.
Оплеухи и пинки
Принимай какъ блинки [2].

---

[1]) «Изъ очерковъ недавней старины». «Русскій Арх.» 1871 г., т. II стр. 1255.

[2]) Поэма «Жизнь солдатская» (рукопись).

Жестокость въ обращеніи съ солдатомъ была всѣмъ извѣстна, и правительство неоднократно приходило къ нему на помощь, но безуспѣшно.

«Доходитъ до свѣдѣнія моего,—писалъ императоръ Александръ всѣмъ главнымъ начальникамъ [1]),—что во многихъ полкахъ при обученіи солдатъ и рекрутъ экзерциціи, наказываютъ ихъ съ такою строгостію, какую употреблять должно въ случаѣ важныхъ только преступленій. Метода сія, бывъ столь же вредна для службы, сколько противна здравому разсудку, введена, конечно, или отъ непонятія, въ чемъ состоять должна воинская строгость, или же отъ природной нѣкоторыхъ наклонности къ жестокостямъ.

«Первое непростительно никакому офицеру, а послѣдняя, обнаруживая дурныя свойства души, уничтожаетъ въ немъ самое достоинство человѣка. Неоспоримо, что строгость въ войскѣ отнюдь ослабляема быть не должна, и взысканіе за проступки дѣлать надлежитъ неупустительно; но съ преступленіями, подвергающими виновнаго строгому наказанію, нельзя смѣшивать погрѣшностей, происходящихъ отъ неумышленности или отъ непривычки еще къ тому, о чемъ погрѣшающій не имѣлъ прежде никакого понятія. Преступленія моральныя, какъ запрещаемыя всѣми законами: грабежъ, воровство, обманъ и проч., такъ въ особенности нетерпимыя въ службѣ воинской: неповиновеніе командиру, оплошность стоя въ караулѣ, небреженіе ружья своего и аммуниціи, отлучка безъ позволенія, трусость противъ непріятеля и т. п., требуютъ неотложнаго взысканія, сужденія по воинскимъ артикуламъ и неизбѣжнаго наказанія; но ошибки въ ружейныхъ пріемахъ, въ маршированіи, въ словахъ, когда рапортуетъ или является вѣстовымъ, особливо же въ новопринятомъ солдатѣ, требуютъ больше неусыпности офицера и способности къ его поученію, нежели строгости. Она въ семъ случаѣ не только невмѣстна, но вредна для службы и для самыхъ успѣховъ въ доведеніи обучаемыхъ до надлежащаго познанія, ибо, кромѣ того, что черезъ частыя безразсудныя наказанія лишается солдатъ здоровья и крѣпости, толико нужныхъ ему для понесенія трудовъ военныхъ, не согласно съ разумомъ, чтобы онъ, выходя на ученье, имѣлъ въ намѣреніи своемъ ошибаться съ умысла; напротивъ того, ежеминутное ожиданіе палочныхъ ударовъ, а особливо въ человѣкѣ торопливомъ, разстраиваетъ вниманіе его, и при всемъ напряженіи силъ исполнять наилучшимъ образомъ командуемое, ошибается онъ на всякомъ шагу и при всякомъ словѣ.

«Движимъ будучи чувствованіемъ сострадания къ сему толико заслуживающему о себѣ попеченія классу людей и желая, чтобы какъ вышніе,

---

[1]) Отъ 12-го іюня 1804 г. «Русская Старина» т. VI, стр. 283.

такъ и другіе офицеры, при обученіи солдатъ должностямъ ихъ и экзирцицiи, давали себѣ больше труда къ вразумленію ихъ въ томъ прилежнымъ и частымъ растолкованіемъ и тѣмъ, а не побоями, гдѣ безъ нихъ обойтиться можно, доводя ихъ до совершенной исправности, отличали сами себя успѣхами и пріобрѣтеніемъ похвалы и достойной справедливости. Я рекомендую вамъ возъимѣть объ ономъ рачительное попеченіе и сообщить съ сего копіи гг. шефамъ полковъ ввѣренной вамъ инспекціи, на тотъ конецъ, чтобы они не предписаніями и не отдачею въ приказахъ, а внушеніями при случаяхъ приличныхъ ротнымъ (эскадроннымъ) командирамъ и собственнымъ своимъ надзоромъ, старались дать желаемое на сей предметъ вліяніе. Впрочемъ, сіе мое повелѣніе сохранить имъ, какъ и вамъ, въ одномъ своемъ только свѣдѣніи.

Въ 1808 году, графъ Аракчеевъ объявилъ [1]) всему петербургскому горнизону высочайшее повелѣніе, чтобы во время жаровъ не производить никакого ученья, а когда оно бываетъ рано утромъ, то оканчивать не позже 8 часовъ. Аракчеевъ обѣщалъ слѣдить за этимъ и строго взыскивать съ ослушивающихся командировъ.

Наконецъ, въ 1810 году послѣдовало новое распоряженіе военнаго министра Барклая-де-Толли.

«Усматривая изъ всѣхъ вообще полковыхъ рапортовъ непомѣрное число больныхъ нижнихъ чиновъ,—писалъ Барклай [2]),—я долгомъ себѣ поставляю обратиться къ вашему превосходительству, чтобъ предписать гг. дивизіоннымъ командирамъ, при наступающихъ осмотрахъ войскъ во всѣхъ родахъ ученья: цѣльной стрѣльбѣ, исправности оружія и одеждѣ, обратить особенное вниманіе на содержаніе солдатъ. По моему мнѣнію, нѣтъ другой причины къ умноженію больныхъ и даже смертности, какъ неумѣренность въ наказаніи, изнуреніе въ ученьяхъ силъ человѣческихъ и непопеченіе о сытной пищѣ. Вашему превосходительству по опыту должно быть извѣстно закоренѣлое въ войскахъ нашихъ обыкновеніе: всю науку, дисциплину и воинскій порядокъ основывать на тѣлесномъ и жестокомъ наказаніи;—были даже примѣры, что офицеры обращались съ солдатами безчеловѣчно, не полагая въ нихъ ни чувствъ, ни разсудка. Хотя съ давняго времени мало-по-малу таковое звѣрское обхожденіе перемѣнилось, но и по нынѣ еще часто за малыя ошибки весьма строго наказываютъ, учатъ весьма долго и даже по два раза въ день, что допустить можно только въ наказаніе лѣнивыхъ и непонятныхъ; въ пищу солдатамъ кромѣ хлѣба ничего не доставляютъ; а на лицахъ ихъ не токмо не видно здоровья и жив-

---

[1]) Въ приказѣ отъ 29-го мая 1808 г. Воен.-учен. арх., Отд. I, № 265.

[2]) Въ циркулярномъ отношеніи отъ 9-го іюня 1810 г. Воен.-ученый арх. Отдѣл. I, дѣло № 277.

ности, но по цвѣту и худобѣ можно назвать цѣлые роты или баталіоны больными и страдающими.

«Господа дивизіонные командиры обязаны употребить усильныя старанія о сбереженіи людей въ полкахъ, чрезъ бдительный надзоръ за обращеніемъ офицеровъ съ нижними чинами. Россійскій солдатъ имѣетъ всѣ отличнѣйшія воинскія добродѣтели: храбръ, усерденъ, послушенъ, преданъ и неприхотливъ, слѣдственно, есть много способовъ, не употребляя жестокости, довести его до познанія службы и содержать въ дисциплинѣ.

«Я приказалъ ежемѣсячно представлять мнѣ выписку изъ полковыхъ рапортовъ о числѣ больныхъ, по коей судить буду о способностяхъ и усердіи полковыхъ начальниковъ, ибо за неопровергаемую истину принять можно, что число въ полку больныхъ показываетъ ясно образъ управленія.

«Покорнѣйше прошу ваше превосходительство предписать въ донесеніяхъ объ осмотрѣ войскъ, сверхъ предписаннаго прежними повелѣніями, помѣщать мнѣніе дивизіонныхъ командировъ о здоровомъ состояніи нижнихъ чиновъ и хорошемъ ихъ содержаніи».

Распоряженія эти остались историческими памятниками благихъ намѣреній императора Александра и его сподвижниковъ, не осуществившихся на дѣлѣ: они остались свидѣтелями того, что за исполненіемъ сдѣланнаго распоряженія необходимо неослабное наблюденіе и обузданіе ослушниковъ, а это было дѣло трудное, когда примѣръ тому подавалъ великій князь Константинъ Павловичъ, стоявшій во главѣ начальниковъ.

Живя постоянно въ Стрѣльнѣ, великій князь цѣлый день и даже ночью муштровалъ свое войско и стрѣльбою по ночамъ не давалъ покоя жителямъ. Смиренный инокъ Троицко-Сергіевской пустыни Евгеній Болховитиновъ, впослѣдствіи знаменитый митрополитъ кіевскій, жаловался своему пріятелю Македонцу, что Константинъ Павловичъ не даетъ монахамъ спать, открывая по ночамъ около 11 или 12 часовъ пушечную пальбу. «Онъ ужасный охотникъ до пальбы и до экзерциціи», прибавлялъ Евгеній [1]).

Желая водворить порядокъ и однообразіе въ строю, великій князь вызывалъ въ Стрѣльну изъ всѣхъ кавалерійскихъ полковъ по одному штабъ и по два оберъ-офицера, для узнанія порядка кавалерійской службы. Онъ производилъ имъ ученья съ ранняго утра и до поздней ночи.

Трепещетъ Стрѣльна вся, по всюду ужасъ, страхъ.
Неужель землетрясенье?
Нѣтъ, нѣтъ! Великій князь ведетъ насъ на ученье.

Будучи чрезвычайно вспыльчивъ, Константинъ Павловичъ былъ рѣзокъ въ обращеніи съ офицерами и солдатами и весьма часто вы-

[1]) «Русскій Архивъ» 1870 г. Т. I, стр. 827.

ходилъ изъ границъ предоставленной ему власти. Гнѣвъ его не зналъ предѣловъ. Онъ самъ потомъ осуждалъ свои поступки и нерѣдко просилъ у оскорбленныхъ прощенія. «Много офицеровъ, полковниковъ и генераловъ были имъ оскорблены на маневрахъ, парадахъ и ученьяхъ, въ особенности на послѣднихъ»[1]).

«Однажды,—пишетъ графъ Ланжеронъ въ своихъ запискахъ[2]),—я видѣлъ, какъ великій князь Константинъ Павловичъ велѣлъ наказать одного прапорщика, Лаптева, 50-ю ударами за неважное упущеніе при разводѣ. Другой случай: не задолго до коронаціи императора Александра I, Николай Олсуфьевъ былъ наказанъ пятнадцатью ударами (сабли) плашмя. На другой день онъ сдѣлался гвардейскимъ офицеромъ, а впослѣдствіи генеральсъ-адъютантомъ великаго князя Константина Павловича».

При такомъ обращеніи съ офицерами о солдатахъ и говорить нечего. Но солдатъ съ терпѣніемъ переносилъ самыя жестокія наказанія, проходилъ безъ ропота нѣсколько разъ сквозь строй или какъ тогда называли по «зеленой улицѣ», если назначенное ему наказаніе было справедливо и одинаково для всѣхъ. Онъ покорялся и покорялся безропотно всѣмъ требованіямъ, если они исходили отъ начальника справедливаго, дѣлившаго съ нимъ холодъ и голодъ, готоваго положить животъ свой за честь русскаго знамени.

— Для милаго дружка и сережку изъ ушка, говорили гусары, когда Кульневъ запретилъ своимъ солдатамъ носить серьги[3]).

Несмотря на всѣ невзгоды, на всю тяжесть службы, русскій солдатъ удивлялъ Европу. Нѣмецъ Шторхъ, французъ графъ Ланжеронъ и англичанинъ Вильсонъ одинаково восторгались имъ.

Русскій солдатъ—спартанецъ,—говоритъ Ланжеронъ[4]),—онъ «воздержаніемъ въ пищѣ и питьѣ походитъ на испанца, терпѣніемъ на чеха, гордостью на англичанина, мужествомъ—на шведа, предпріимчивостью и энтузіазмомъ—на француза или на венгерца. Въ немъ нѣтъ жестокости.—Никогда не слышенъ ропотъ въ средѣ русскихъ солдатъ; во имя Россіи и царя, они всегда готовы на геройскіе подвиги».

«Когда россіянинъ нападаетъ на непріятеля,—писалъ Шторхъ[5]),—то онъ почитаетъ долгомъ своимъ или побѣдить или умереть. Искусный маневръ и предусмотрительное отступленіе вовсе ему не нравятся. Онъ не

---

[1]) Изъ разсказовъ стараго лейбъ-гусара, „Русскій Арх." 1887 г. № 10, 196.

[2]) „Русская Мысль" 1896 г. № 9, стр. 33 и 34.

[3]) Изъ очерковъ недавней старины „Русскій Арх." 1871 г., т. II, стр. 1264. Въ этихъ очеркахъ читатель найдетъ многія подробности жестокаго обращенія съ солдатами.

[4]) «Русская Мысль» 1896 г. № 9, стр. 31.

[5]) Въ статьѣ: «Русскій солдатъ» „Улей" на 1812 г., ч. III, стр. 491—495.

знаетъ, что такое отступить, а сильно разумѣетъ только слово—впередъ. Необходимый жаръ, чтобы пробиться побѣдительски, соединенный съ народнымъ духомъ, также особенная довѣренность къ судьбѣ—«чему быть, того не миновать»—поставляютъ пѣхоту россійскую на первѣйшей степени въ Европѣ.

«Сперва довѣренность къ народному патрону (заступнику Николаю чудотворцу)[1]) творила все, а нынѣ мѣсто сіе заступило сильное слово наши, коего могущество производитъ чудеса. Русскій начинаетъ битву хладнокровно; но лишь только изъ нихъ падетъ одинъ, то раздаются тысячи голосовъ: нашихъ бьютъ; они (солдаты) требуютъ дозволенія броситься на непріятеля, отъ чего тогда весьма трудно воздержать ихъ... Въ очевидной опасности русскій солдатъ идетъ равнодушно, будучи увѣренъ, что съ нимъ ничего не сдѣлается, если Богъ не допуститъ; онъ вѣритъ, что если время не пришло, то пуля не возьметъ.

«Русскій особенно отличается отъ прочихъ народовъ удивительнымъ терпѣніемъ, перенесеніемъ всего и безъ сомнѣнія онъ крѣпче изъ всѣхъ европейцевъ. Суворовъ, хорошо знавшій сіе свойство, нападалъ на непріятеля тотчасъ послѣ самыхъ тягостныхъ переходовъ, безъ роздыха, а особливо въ Италіи подъ жаркимъ небомъ. И французы всегда обманывались, когда хотѣли утомить русскихъ. Сей солдатъ готовитъ свой обѣдъ, когда можетъ, не спитъ, когда занятъ службою; напротивъ того на досугѣ радъ спать сутки. Онъ гораздо меньше имѣетъ нуждъ, въ сравненіи съ прочими войсками, и потому во время войны не много стоитъ».

По словамъ графа Ланжерона, русскіе солдаты какъ нельзя болѣе скромны въ пищѣ и могутъ обойтись безъ говядины и водки. Онъ восхищается безусловнымъ послушаніемъ русскаго солдата.

То же или почти то же писалъ и англичанинъ Вильсонъ[2]). «Русскій солдатъ,—говоритъ онъ,—привыченъ ко всѣмъ перемѣнамъ погоды и нуждамъ, къ самой худой и скудной пищѣ, къ походамъ днемъ и ночью, къ труднымъ работамъ и тягостямъ. Солдаты упорно храбры и удобно возбуждаются къ славнымъ подвигамъ, преданы своему государю, начальнику и отечеству, набожны, но не омрачены суевѣріемъ, терпѣливы и сговорчивы. Природа одарила ихъ самыми лучшими существенными способностями для военныхъ дѣйствій; штыкъ есть истинное оружіе русскихъ; храбрость ихъ безпримѣрна».

Извѣстны слова Фридриха II-го, сказавшаго, что «убить русскихъ солдатъ легче, чѣмъ побѣдить ихъ».

---

[1]) Такъ думалъ нѣмецъ Шторхъ.

[2]) Выписка изъ книги: „Краткія замѣчанія о составѣ русскихъ войскъ“ и проч. С.-Петербургъ, издан. 1812 г.

*

Въ такомъ положеніи были живыя боевыя силы Россіи, когда въ половинѣ 1810 года сильно запахло войною. Всѣ встрепенулись, стали оглядываться назадъ и въ ожиданіи гостя, хотя и не желаннаго, готовились встрѣтить его достойнымъ образомъ

Назначенный въ маѣ 1810 года управляющимъ квартирмейстерскою частью князь П. М. Волконскій употреблялъ всѣ усилія къ улучшенію устройства этой части и привлекалъ на службу хорошо подготовленныхъ и образованныхъ офицеровъ. Князь всѣми средствами поощрялъ поступленіе въ колонновожатые молодыхъ людей, обладавшихъ основательными свѣдѣніями въ математическихъ наукахъ, въ чемъ ему много помогало основанное въ Москвѣ Н. Н. Муравьевымъ «Общество математиковъ».

Въ высочайше утвержденномъ уставѣ Общества [1]) говорилось, что члены его, будучи убѣждены въ необходимомъ содѣйствіи математическихъ наукъ познанію, во многихъ частяхъ споспѣшествующихъ государственному благу, при томъ возбуждаемые истинною и чистѣйшею любовію къ Отечеству, постановили себѣ непреложнымъ правиломъ возможно стараться о распространеніи математическихъ наукъ между своими соотечественниками. «Но какъ изъ прикладныхъ частей математики вообще самыя полезныя суть механика и военное искусство, то наипаче на нихъ Общество обратило свое вниманіе и устремило всѣ труды къ приготовленію молодыхъ людей особенно въ военную службу».

Принявъ званіе почетнаго члена математическаго общества и познакомившись съ его призидентомъ Н. Н. Муравьевымъ, князь Волконскій нашелъ въ немъ полезнаго сотрудника, который частными средствами и своими обширными знаніями содѣйствовалъ къ возвышенію и усовершенствованію квартирмейстерской части, одной изъ важнѣйшихъ отраслей военной службы.

Съ своей стороны великій князь Константинъ Павловичъ, очарованный военнымъ геніемъ Наполеона и подъ его вліяніемъ, перемѣнилъ свой взглядъ на военное дѣло, и въ іюлѣ 1810 года, приказалъ напечатать у себя въ Стрѣльнѣ и разослать войскамъ переводъ «Наставленія въ день сраженія его императорско-королевскаго величества Наполеона I». Въ немъ говорилось о сбереженіи людей отъ утомленія передъ сраженіемъ, «ибо свѣжія войска способнѣе къ дѣлу, нежели обремененныя усталостью», указывалось на то, что войска должны въ точности знать, что отъ нихъ требуютъ, и чтобы всякій зналъ, что ему дѣлать. Отъ начальниковъ требовалось, чтобы они ясно, но кратко излагали обязанности каждаго подчиненнаго имъ лица, не

[1]) Полное Собр. Законовъ, т. XXXI № 24614.

увеличивая и не уменьшая трудностей, равномѣрно не оказывая къ непріятелю ни страха, ни презрѣнія.... «Итакъ начальники не должны скрывать отъ подчиненныхъ трудности, которыя имъ преодолѣть, и усилія, которыя вынести надобно будетъ, давъ на замѣчанія, что во всякомъ случаѣ успѣхъ зависѣть будетъ отъ тишины, порядка и послушанія во время дѣла и особенно отъ твердости духа и храбрости, которыя по мѣрѣ непріятельскаго стремленія увеличиваться должны....

«Какъ бы главный начальникъ ни былъ дѣятеленъ,—говорилось далѣе въ «Наставленіи»,—ему невозможно видѣть всего войска и быть вездѣ, слѣдовательно остается частнымъ начальникамъ дѣйствовать по обстоятельствамъ каждому, стараясь одержать побѣду, но не отходя отъ даннаго начальствующимъ плана, который долженъ быть основаніемъ всѣхъ частныхъ дѣйствій».

Наставленіе это перечитывалось и изучалось въ войскахъ. Готовясь къ предстоящимъ военнымъ дѣйствіямъ, нѣкоторые офицеры стали читать военныя сочиненія и изучали кампаніи преимущественно самого Наполеона. Еще лѣтомъ 1809 года въ Измайловскомъ полку образовалось общество офицеровъ, занимавшихся военными науками.

«Мы,—пишетъ М. М. Муромцевъ [1],—собирались у нашего поручика Михаила Александровича Фонвизина [2]. Тутъ бывали Дибичъ, Березинъ, графъ Дамасъ, Спиридовъ [3] и многіе, которыхъ не упомню. Читали «Commentaires de César», Семилѣтнюю войну Фоларда и Вобана. Всѣ чувствовали, что война будетъ неизбѣжно, а потому множество офицеровъ стало заниматься военными науками.... Кругъ нашъ прибавился А. А. Вельяминовымъ и П. А. Рахмановымъ, людьми замѣчательными. Они издавали «Военный журналъ». Этому обществу я много обязанъ тѣмъ малымъ образованіемъ, какое пріобрѣлъ. Тактика вошла теперь въ моду.

Подполковникъ Хатовъ издалъ «Опытъ общей тактики». Барклай-де-Толли писалъ по этому поводу въ приказѣ по войскамъ: «Весьма пріятно видѣть, когда офицеръ, съ отличнымъ рвеніемъ и исправностію исполняя долгъ службы своей, занимается сверхъ того въ свободные часы военными науками, столь необходимыми для своей и общей пользы. Сочиненіе свиты его императорскаго величества по квартирмейстерской части подполковника Хатова: «Опытъ общей тактики» много приноситъ чести его усердію и военнымъ познаніямъ. Выхваляя по достоинству его трудъ, свидѣтельствую ему должную благодарность въ

---

[1]) Воспоминанія М. М. Муромцева. „Русскій Арх." 1890 г. № 1, стр. 70 и 71.
[2]) Впослѣдствіи декабристъ.
[3]) Впослѣдствіи декабристъ.

примѣръ всѣмъ господамъ офицерамъ, кои отъ правительства или домашнее получили хорошее воспитаніе и образованіе въ наукахъ» [1]).

Приказъ этотъ оказалъ благодѣтельное вліяніе на офицеровъ. Мы,— говоритъ М. М. Муромцевъ [2]),—начали по утрамъ опять съѣзжаться у Фонвизина и заниматься военными науками. Дибичъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ) читалъ намъ Семилѣтнюю войну. Въ это же время Д. Давыдовъ написалъ:

Жомини да Жомини, а о водкѣ ни полслова.

Императоръ Александръ I былъ съ офицерами очень внимателенъ и милостивъ, «а великій князь Константинъ не смѣлъ дѣлать тѣхъ непріятностей, какъ прежде. 1811 годъ смягчалъ сердце начальства: офицеровъ берегли». Никогда государь не занимался своею гвардіею такъ много, какъ въ 1811 году: присутствовалъ ежедневно въ дворцовомъ манежѣ на разводѣ, а каждое воскресенье производился такъ называемый кейзеръ-парадъ [3]).

Неизбѣжность войны была ясна для Александра I, для большей части русскаго общества и для угнетенной Европы. Тамъ, всѣ стремились къ тому, чтобы свергнуть ненавистное имъ иго Наполеона, а въ Россіи возбудить національное единство противъ злаго генія войны, исполина, передъ однимъ именемъ котораго все трепетало [4]). Въ этомъ направленіи дѣйствовали и обѣ императрицы.

На одномъ изъ обѣдовъ во дворцѣ, Коленкуръ сказалъ, что пріятнѣе было бы съѣздить въ Парижъ, чѣмъ въ Сибирь.

— А я лучше поѣду въ Сибирь, чѣмъ въ Парижъ,—отвѣчала императрица Елисавета Алексѣевна, обращаясь къ Н. С. Мордвинову [5]).

Всѣ, кто только имѣлъ случай, высказывали полную ненависть къ Наполеону. Извѣстная г-жа Сталь, ненавидѣвшая императора Франціи, во время обѣда у графа Румянцева замѣтила великолѣпный фарфоровый сервизъ, присланный Наполеономъ въ подарокъ графу. Посмотрѣвъ на поставленную ей тарелку, она увидѣла на ней изображеніе ястреба необыкновенной породы. Это было изображеніе такъ называемаго королевскаго ястреба, или, какъ было сказано въ надписи: «царя ястребовъ». Обратившись къ хозяину, Сталь сказала ему: «это царь ястребовъ, а вы получили его въ подарокъ отъ ястреба царей» [6]).

---

[1]) Приказъ военнаго министра 26-го января 1811 г. Воен.-учен. арх. отд. I, д. № 282.

[2]) „Русскій Арх.“ 1890 г., № 1, стр. 80 и 81.

[3]) Ѳ. Я. Мирковичъ. Его жизнеописаніе, т. I, изд. 1889 г., стр. 24.

[4]) Изъ воспоминаній графа Рошешуара „Рус. Арх.“ 1890 г. № 4, стр. 484.

[5]) Воспоминанія графини Мордвиновой, изд. 1873 г., стр. 51.

[6]) „Маякъ“ 1842 г., т. I, стр. 59.

Этотъ послѣдній все болѣе и болѣе омрачалъ политическій горизонтъ, а въ небесномъ пространствѣ являлись знаменія, по вѣрованію народа, не предвѣщавшія ничего хорошаго.

9-го марта 1811 года жители г. Богоруслана видѣли на небѣ три свѣтлыя линіи, сближавшіяся другъ къ другу и образовавшія нѣчто въ родѣ колчана со стрѣлами и потомъ исчезнувшія [1]. Вслѣдъ затѣмъ явилась на горизонтѣ великолѣпная комета краснаго цвѣта съ длиннымъ хвостомъ, видимая въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Она была очень замѣчательна по своей величинѣ и блеску. Комета имѣла большое ядро, хвостъ очень густой и свѣтлый; когда не было луны, то отъ кометы освѣщалась часть неба [2]. Подобной кометы, — говоритъ Вигель [3],— «я во всю жизнь мою не видывалъ ни прежде, ни послѣ. Все лѣто вплоть до осени, горѣла она на нашемъ небѣ и освѣщала мои вечернія и ночныя прогулки». Комета была такъ ярка, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ее можно было видѣть невооруженнымъ глазомъ. По вечерамъ на набережныхъ и бульварахъ Петербурга толпы гуляющихъ любовалась ея длиннымъ хвостомъ, горѣвшимъ на голубомъ небѣ [4]. Жители Москвы, наоборотъ, предавались тревожнымъ опасеніямъ и ожидали для себя неминуемыхъ бѣдствій. Въ Тулѣ совершенно сгорѣлъ большой оружейный заводъ; послѣдовавшія вслѣдъ за тѣмъ пожары во многихъ городахъ, селахъ и горящіе лѣса давали поводъ къ разнаго рода предсказаніямъ и толкамъ. «Хотя мы,—говоритъ М. П. Третьяковъ [5],—знали по слухамъ, что между Россіею и Франціею возникли тогда важныя несогласія и что обѣ державы вооружаются и увеличиваютъ ратныя силы, однако, надѣялись, что властелинъ Франціи, Наполеонъ, не осмѣлится напасть на Россію въ собственныхъ ея предѣлахъ».

А если бы и напалъ, то «народъ,—писалъ С. Н. Глинка [6],—помнящій древніе нравы и славу предковъ; народъ, отличный отъ другихъ нарѣчіемъ своимъ и обычаями, безпредѣльно преданный государю и начальникамъ; наконецъ, твердый и непоколебимый въ вѣрѣ—сей народъ, одушевляясь вѣрою, прославится подвигами неслыханными. Вѣра все замѣнитъ; и можетъ ли быть что-нибудь сильнѣе мысли, что смерть на полѣ сраженія есть начало жизни безсмертной и блаженной! Вѣра пре-

---

[1] Рапортъ оренбургскаго военнаго губернатора министру внутр. дѣлъ 3-го мая 1811 г., Арх. мин. внутр. дѣлъ департ. полиціи, дѣло № 136.

[2] Калейдоскопъ воспоминаній.—„Русскій Арх.“, 1872 г., т. II, 2270.

[3] Въ своихъ воспоминаніяхъ. Ч. III, стр. 172.

[4] Воспоминанія А. П. Бутенева. „Рус. Арх.“ 1881 г., кн. III, стр. 58.

[5] Въ своихъ воспоминаніяхъ. „Русская Старина“ 1892 г., № 8, стр. 307.

[6] „Русскій Вѣстникъ“ 1811 г. № 1, ч. 13, стр. 79.

восходнѣе мнѣнія о чести, которое не удовлетворяетъ ни сердца, ни души».

Вѣря въ незыблемость и стойкость русскаго народа, С. Н. Глинка сравнивалъ его съ галлами (французами).

«Галлы,—писалъ онъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»,—управляемые римлянами, смѣшались съ ними. Римскіе законы и нарѣчія почти повсемѣстно водворились; нравы римлянъ часъ отъ часу болѣе вкоренялись. Явились римскія бани, конскія ристалища, сраженія бойцовъ или гладіаторовъ. Словомъ, въ началѣ пятаго столѣтія едва-ли галлы были въ галлахъ».

«То ли видимъ во время владычества татаръ надъ Россіей. Въ какомъ изъ нашихъ городовъ возникли нравы татаръ? Гдѣ учредились ихъ обычаи, празднества, обряды, вѣра и проч.? Гдѣ узаконенія ихъ истребили коренное русское право? Наконецъ, гдѣ русскіе не были русскими? Тщетно Батый и наслѣдники его стремились истребить Россію въ Россіи. Князья, бояре, граждане, люди всѣхъ сословій, противуборствуя угрозамъ, мученіямъ, въ примѣръ грядущихъ столѣтій, жили и умирали русскими.

«Непоколебимо храня любовь къ вѣрѣ, отечеству и Богу, они текли подъ знаменами Донскихъ и прочихъ героевъ своихъ къ низложенію татарскихъ племенъ; не унывали отъ неудачъ, зная и чувствуя, что постоянство и твердость духа все преодолѣваютъ. Наконецъ, достигли цѣли своей: счастіе покорилось ихъ усиліямъ, усиліямъ твердымъ, постепеннымъ; потряслось владычество царей ордынскихъ.—Орды пали передъ торжествующей Россіей... Русскіе остались русскими».

Съ приближеніемъ отечественной войны появились въ печати патріотическіе стихи, основывались новыя періодическія изданія, съ патріотическою цѣлію. Правительство поощряло то и другое, и когда при появленіи «Сына Отечества» императоръ Александръ узналъ о недостаточности состоянія издателя его, Н. Греча, то приказалъ выдать ему тысячу рублей [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, оберегая общество отъ возможныхъ со стороны Наполеона интригъ и происковъ, Комитетъ министровъ положилъ [2]), чтобы въ настоящихъ обстоятельствахъ, издатели всѣхъ періодическихъ сочиненій въ государствѣ, въ коихъ помѣщаются политическія статьи, почерпали изъ иностранныхъ газетъ такія только извѣстія, которыя до Россіи вовсе не касаются, а имѣющія нѣкоторую связь съ нынѣшнимъ нашимъ политическимъ положеніемъ, заимствовали единственно изъ

---

[1]) Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи. Изд. 1862 г., стр. 19.

[2]) Письмо графа Алексѣя Разумовскаго С. С. Уварову 20-го апрѣля 1812 г. № 1568, Арх. С.-Петерб. универс., дѣла попечителя № 117.

С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», издаваемыхъ подъ ближайшимъ надзоромъ».

При этомъ необходимо припомнить, что въ то время существовало двѣ литературы: одна печатная, болѣе обширная и другая рукописная—менѣе обширная, но зато болѣе ядовитая. По рукамъ ходило множество стиховъ, акростиховъ, эпиграммъ и разныхъ листковъ, направленныхъ противъ Наполеона и современныхъ политическихъ событій.— Въ числѣ ихъ были, между прочимъ и «Скрижали Наполеона».

I. Народы Европы! Азъ есмь единый вашъ царь и властелинъ, да не будутъ вамъ иные цари.

II. Не творите себѣ другихъ владыкъ, ни всякаго подобія онымъ. Хощу, да ни въ какой странѣ не будетъ инаго повелителя, кромѣ меня; покланяйтеся и служите мнѣ единому.

III. Однако же не пріемлите имени моего всуе, но произносите его всегда съ ужасомъ и трепетомъ.

IV. Помните мою конскрипцію! Всякій годъ изъ семи юношей— шесть должны поступать подъ мои знамена, а седьмой будетъ мнѣ работати и давати дани, яко Кесарю.

V. Оставляйте дѣти отцовъ и матерей вашихъ, идите на войну.— Тамъ благо вамъ будетъ, хотя вы и не долголѣтни будете на землѣ.

VI. Изъ подъ знаменъ моихъ никто не уйди.

VII. Отнюдь не ропщите, сіе бо противно волѣ моей, и кто разверзитъ уста, того я лютой смерти предамъ.

VIII. Не укради только у меня, ибо я самъ стяжалъ отъ другихъ все, что имѣю.

IX. Не послушайте на меня свидѣтельствъ ни истинныхъ, ни ложныхъ; а другихъ царей безславьте и поносите елико возможно.

X. Если не сотворите моихъ заповѣдей, то я не пожалѣю ни женъ, ни домовъ вашихъ, ни селъ, ни рабовъ, ни рабынь; пойму вашихъ воловъ, куръ, ословъ и свиней и все, елико имате.

«Въ сихъ десяти заповѣдяхъ содержатся главныя правила поступковъ новаго Макіавеля—завоевателя.—Съ перваго взгляда онѣ кажутся смѣшны, но Наполеонъ доказалъ ихъ основательность своимъ поведеніемъ.—Его прокламаціи къ солдатамъ, декреты и другія публичныя бумаги содержатъ сіи заповѣди только въ другихъ словахъ».

Въ отвѣтъ на «Скрижали» явился листокъ подъ заглавіемъ «Символъ политической вѣры русскаго»:

I. Вѣрую во единаго государя Александра I, кроткаго и человѣколюбиваго царя земли русской и всея сѣверныя страны.

II. Исповѣдую священные уставы мудростью великихъ князей, православныхъ царей, императоровъ утвержденные и никогда не признаю

законовъ чуждыхъ, не преклоню колѣно предъ владыкою чужеземныхъ или пришлецовъ.

III. Вѣрую во единое Отечество, охранявшее благоденствіе нашихъ предковъ и нынѣ охраняющее насъ самихъ. Исповѣдую, что его польза единосущна съ моею собственною.

IV. Вѣрую, что благотворное правительство избавитъ насъ отъ злыхъ рукъ Наполеона, рожденнаго въ Корсикѣ, отъ невѣрной жены Летиціи, пронырствомъ достигнувшаго престола, поработившаго Францію, Италію и Германію.—Наконецъ, въ восьмое лѣто своего лютаго царствованія пришедшаго на сѣверъ съ своими клевретами и крамольниками, для порабощенія или ограбленія земли русской.

V. Но я вѣрую, что онъ пострадаетъ отъ рукъ нашихъ воиновъ.

VI. И не превознесется (онъ) по описаніямъ лживыхъ его рабовъ и наемниковъ.

VII. И не сядетъ одесную отца-отечества царя русскаго.

VIII. И паки не пріидетъ къ намъ со славою творити живыхъ мертвыми и царствію его скоро будетъ конецъ.

IX. Чаю возстановленія престоловъ, низверженныхъ хищною его рукою.

X. И будущаго благоденствія разоренныхъ имъ народовъ.

Такіе листки читались съ увлеченіемъ и жадностью, переписывались въ разные сборники и усиливали нерасположеніе къ Наполеону, котораго справедливо считали виновникомъ всѣхъ невзгодъ.

Всѣ желали выдти изъ того тяжелаго положенія, въ которое были поставлены совершеннымъ прекращеніемъ торговли, упадкомъ курса, дороговизною первыхъ потребностей жизни и усиленными чрезвычайными налогами. «Тяжкое время пережили мы отъ Тильзитскаго мира до разрыва 1812 года,—говоритъ Н. И. Гречъ [1]). Россія не была покорена врагомъ, не повиновалась ему формально, но и союзъ съ властолюбивымъ завоевателемъ былъ уже нѣкотораго рода порабощеніемъ.— Земля наша была свободна, но отяжелѣлъ воздухъ; мы ходили на волѣ, но не могли дышать».—Ненависть къ французамъ возростала по часамъ. Няни разсказывали, что они нехристи, питаются лошадинымъ мясомъ и даже пожираютъ маленькихъ дѣтей [2]), а простой народъ еще не забылъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ церквахъ проповѣдывалось, что Наполеонъ антихристъ. Для всѣхъ сословій онъ являлся какимъ-то чудовищемъ, подвиги котораго были собраны въ такъ называемомъ его Титулѣ.

«Мы, Наполеонъ Великій, Божіимъ гнѣвомъ и кровію вѣнчанный,

---

[1]) Въ своихъ запискахъ. Изд. 1886 г., стр. 224.

[2]) Воспоминанія Ю. К. Арнольди, „Русскій Арх.“, 1891, № 7, 326.

императоръ французовъ, кавалеръ ордена Большаго Чернаго, у Пруссіи похищеннаго орла, военачальникъ многочисленной адской ватаги, разбойникъ, вѣроотступникъ египетскій, похититель престоловъ: Неаполя и Испаніи; палачъ Италіи, златожадная піявица Голландіи, великій разрушитель польскій, переторжчикъ владѣній Саксоніи, Баваріи и Вюртенберга, гнусный бездѣльникъ, мальтійскій разбойникъ, атаманъ черной парижской шайки, грабитель галлереи въ Дрезденѣ, тать сокровищъ гессенъ-кассельскихъ, королевско-княжескій воръ лошадей въ Берлинѣ, мошенникъ саксонскій, живодеръ тѣла Фридриха Великаго въ Потсдамѣ, ненасытный волкъ въ Германіи, измѣнникъ и клятвопреступникъ противъ Россіи, братъ Плутуса и начальникъ всего дьявольскаго рыцарства въ преисподней и проч. и проч.».

Ненависть къ Наполеону естественно переносилась и на его посланника Коленкура. Онъ видѣлъ это и всѣми средствами старался, учтивостью и предупредительностью, сгладить непріязненныя къ нему чувства. Тѣмъ не менѣе «многіе изъ насъ,—говоритъ С. Г. Волконскій [1]),—прекратили посѣщенія въ тѣ дома, куда онъ былъ вхожъ. На зовъ его на балъ мы не ѣздили, хотя насъ сажали за это подъ арестъ и между прочими нашими выходками негодованія было слѣдующее:

«Мы знали, что въ угловой гостиной занимаемаго имъ дома былъ поставленъ портретъ Наполеона, а подъ нимъ какъ бы тронное кресло, а другой мебели не было, что мы почли обидой народности. Что же мы сдѣлали? Зимней порой, въ темную ночь, нѣсколько изъ насъ, сѣвъ въ пошевни, поѣхали по Дворцовой набережной, взявъ съ собою удобометательные каменья, и, поровнявшись съ этой комнатой, пустили въ окна эти метательныя вещества.

«Зеркальныя стекла были повреждены, а мы, какъ говорится французами, fouette cacher [2]). На другой день жалоба, розыски; но донынѣ врядъ ли кто знаетъ и то по моему разсказу—кто былъ въ санкахъ и я въ томъ числѣ».

Военная молодежь горѣла нетерпѣніемъ отомстить французамъ за неудачи, испытанныя въ предыдущихъ кампаніяхъ. Это желаніе было столь сильно, что въ немъ офицеры полагали единственно свой гражданскій долгъ. Побѣды въ Финляндіи и Турціи не ослабляли чувства мщенія къ французамъ и ненависти къ Наполеону. Литература воспѣвала подвиги предковъ, а С. Н. Глинка печаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» разсужденія о военномъ искусствѣ, и въ этотъ періодъ времени его литературный журналъ обратился въ военный, отмѣчавшій всякую особенность прежнихъ патріотическихъ событій въ Россіи.

---

[1]) Въ своихъ запискахъ. Изд. 1901 г., стр. 61 и 62.

[2]) А насъ и слѣдъ простылъ.

Подобно тому, какъ въ 1807 году и теперь въ театрахъ Петербурга и Москвы давались патріотическія піесы, среди которыхъ трагедія Озерова «Дмитрій Донской», какъ наиболѣе подходившая къ современнымъ событіямъ, вызывала особый восторгъ и энтузіазмъ. Трагедія эта читалась и перечитывалась, и многіе знали подходящіе стихи наизусть.

Вспоминая о Наполеонѣ, какъ похитителѣ престоловъ, кто могъ равнодушно слушать слѣдующія слова:

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Прешедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы
И свергнуть, наконецъ, насильствія яремъ!
Доколѣ было намъ въ отечествѣ своемъ
Терпѣть татаровъ власть и въ униженной долѣ
Рабами ихъ сидѣть на княжескомъ престолѣ?..
Ахъ! лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестный!
Такъ предки мыслили, такъ мыслить будемъ мы... [1]).

Рѣчь эта покрывалась рукоплесканіями, подобными грому, и театръ трещалъ отъ нихъ. Но особенный восторгъ вызывали стихи:

Вы видѣли, князья, татарскую гордыню
Россіи миру нѣтъ, доколь ее въ пустыню
Свирѣпостью своей враги не превратятъ,
Иль къ рабству пріучивъ, сердецъ не развратятъ,
И не введутъ межъ насъ свои злочестны нравы.
Отъ нашей храбрости намъ должно ждать управы;
Въ крови враговъ омыть прошедшихъ лѣтъ позоръ,
И начертать мечемъ свободы договоръ.
Тогда по истинѣ достойными отцами
Мы будемъ Россіянъ, освобожденныхъ нами... [2])
Постыдно будетъ намъ отъ боя уклоняться,
Когда священный долгъ и честь велятъ сражаться... [3])
Но первый сердца долгъ къ Тебѣ, Царю Царей!
Всѣ царства держатся десницею Твоей:
Прославь, и утверди, и возвеличь Россію!
Какъ прахъ земной, сотри враговъ кичливу выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Языки вѣдайте: великъ Россійскій Богъ! [4]).

Современники, перенесшіе, за послѣднее время, много тревогъ, опасеній и лишеній, не могли не восторгаться такими рѣчами и примѣняли ихъ къ текущимъ событіямъ. Во всѣхъ слояхъ общества, «въ позолоченныхъ ли салонахъ высшаго круга, въ отличающихся ли простотою казарменныхъ помѣщеніяхъ, въ тихой ли бесѣдѣ дружеской, въ разгуль-

[1]) Сочиненія Озерова, изд. 1828 г., ч. II, стр. 3, 7 и 8.
[2]) Тамъ же, стр. 13.
[3]) Тамъ же, стр. 54.
[4]) Тамъ же, стр. 85.

номъ ли обѣдѣ или вечеринкѣ,—одно, одно только высказывалось: желаніе борьбы, надежда на успѣхъ, на возрожденіе отечественнаго достоинства и славы имени русскаго. Въ домашнемъ кругу отцы благословляли дѣтей своихъ, жены—мужей, любовницы—милыхъ ихъ сердцу на дѣло святое, близкое каждому русскому» [1]).

Были конечно и такіе, которые, помня наши неудачи въ предыдущихъ кампаніяхъ и преклоняясь передъ военнымъ геніемъ Наполеона, говорили, что затѣваемая борьба будетъ намъ не по силамъ, но ихъ было очень мало и ихъ считали трусами. Никто ихъ не оспаривалъ, но выражалъ презрѣніе къ ихъ словамъ и поступкамъ. «Общество чувствовало опасности,—говоритъ Н. И. Гречъ [2]),—но возвышенное ощущеніе благодарнѣйшихъ движеній любви къ государю и отечеству волновало всѣ сердца. Но это не былъ страхъ. Мы отнюдь не ужаснулись нашествія Наполеонова; ни мало имъ не изумились. Оно давно уже было предвидѣно, предсказано и ожидалось со дня на день. Особы, посвященныя въ тайны кабинетовъ, утверждали, что, вѣроятно, все кончится миролюбиво, что нѣтъ никакихъ ясныхъ примѣтъ скораго начатія войны. Но публика судила и видѣла иначе, видѣла правду, которой до времени нельзя было возгласить во всеуслышаніе».

Въ общемъ, вся Россія какъ одинъ человѣкъ желала войны, ненавидѣла Наполеона и радовалась его неудачамъ въ Испаніи. Вѣсти о возникшихъ несогласіяхъ и близости борьбы жадно ловились публикою и были встрѣчаемы съ такимъ же восторгомъ, какъ извѣстія объ одержанной нами побѣдѣ надъ турками. Въ устахъ каждаго было ненавистное имя Наполеона; въ обществѣ только о немъ и говорили. «Но онъ въ безумномъ своемъ самолюбіи,—писалъ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ,—не хочетъ признать за истину, что неудовольствіе его есть похвала, немилость—награда, гнѣвъ—слава, а печатная брань—грамота на безсмертіе». Наполеону приписывали всѣ невзгоды: говорили, что онъ, при помощи своихъ сторонниковъ-французовъ, жившихъ въ Россіи, поджигаетъ наши города, распространяетъ фальшивыя ассигнаціи и проч. Какъ же не отомстить ему? Порывъ національной гордости и чести высказывался при всякомъ случаѣ словомъ и дѣломъ. Молодежь спѣшила въ ряды войскъ, а удалившіеся изъ военной службы поступали опять въ нее, не обращая вниманія на то, что, за время ихъ отставки, бывшіе ихъ подчиненные становились начальниками.

«Наполеонъ,—писалъ Ѳ. Н. Глинка [3]),—разгромивъ большую часть Европы, стоитъ, какъ туча, и хмурится надъ Нѣманомъ. Онъ подобенъ бурной рѣкѣ, надменной тысячью похищенныхъ источниковъ; грудь рус-

[1]) Записки С. Г. Волконскаго, изд. 1901 г., стр. 149.

[2]) Въ своихъ запискахъ. Изд. 1886 г., стр. 223.

[3]) Письма русскаго офицера. Москва, изд. 1870 г., стр. 4.

ская есть плотина, удерживающая его стремленіе,—прорвется—и наводненіе будетъ неслыханное! О, другъ мой! ужели бѣдствія нашествій повторятся въ дни наши?.. Ужели покореніе? Нѣтъ, русскіе не выдадутъ земли своей! Если недостаетъ воиновъ, то всякъ изъ насъ будетъ одною рукою водить соху, а другою сражаться за Отечество!»

Патріотическое настроеніе достигло до высшаго предѣла; каждый считалъ своимъ долгомъ пожертвовать своимъ достояніемъ и собою для блага и счастія Россіи. Ненависть къ французамъ и нерасположеніе ко всѣмъ иностранцамъ были всеобщія и высказывались при каждомъ удобномъ случаѣ.

— Для васъ Россія мундиръ вашъ,—сказалъ однажды графъ Остерманъ иностранцу маркизу Паулуччи: вы его надѣли и снимете, когда хотите, а для меня Россія—кожа моя.

Съ такими патріотическими задатками можно было спокойно смотрѣть на будущее и ожидать великихъ событій.

— У меня нѣтъ такихъ генераловъ, какъ ваши,—говорилъ императоръ Александръ Коленкуру въ прощальной аудіенціи; я самъ не такой полководецъ и администраторъ, какъ Наполеонъ, но у меня хорошіе солдаты, преданный мнѣ народъ, и мы скорѣе умремъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели позволимъ поступать съ нами, какъ съ голландцами и гамбургцами. Но увѣряю васъ честью, я не сдѣлаю перваго выстрѣла. Я допущу васъ перейти Нѣманъ, и самъ его не перейду; будьте увѣрены, что я не объявлю вамъ войны; я не хочу войны; мой народъ, хотя и оскорбленъ отношеніями ко мнѣ вашего императора, но такъ же, какъ и я, не желаетъ войны, потому, что онъ знакомъ съ ея опасностями. Но если на него нападутъ, то онъ съумѣетъ постоять за себя [1]).

«Въ 1811 году,—писалъ Н. М. Карамзинъ въ посвященіи своей исторіи императору Александру,—въ счастливѣйшія минуты моей жизни, читалъ я вамъ, государь, нѣкоторыя главы моей исторіи объ ужасахъ Батыева нашествія, о подвигѣ героя Димитрія Донскаго въ то время, когда густая туча бѣдствій висѣла надъ Европой, угрожая и любезному отечеству нашему. Вы слушали съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ; сравнивали давно минувшее съ настоящимъ и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣли для себя еще славнѣйшія».

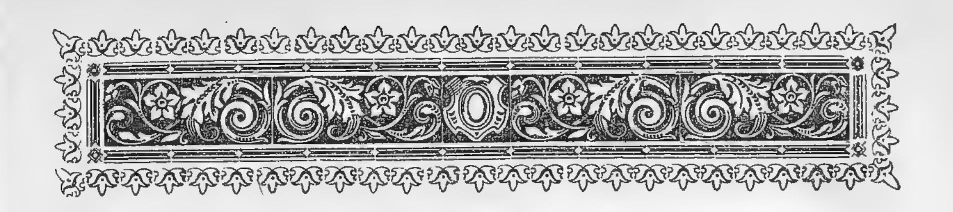
Александръ твердо вѣрилъ въ патріотизмъ и въ предстоящую стойкость русскаго народа, но его безпокоило положеніе западныхъ нашихъ губерній, недавно присоединенныхъ отъ Польши.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Шильдеръ, т. III, стр. 26. Богдановичъ, т. III, 116.

Воспоминанія К. С. Веселовскаго.

Время президентства графа Д. Н. Блудова въ Академіи Наукъ 1855—1864 [1]).

„Воспоминаніе, двойникъ того, что было,
„Отъ жатвы времени сей уцѣлѣвшій цвѣтъ".
Кн. П. А. Вяземскій.

Президентство графа Д. Н. Блудова въ Академіи Наукъ составляетъ свѣтлую страницу въ исторіи нашего высшаго ученаго учрежденія; но для вѣрной оцѣнки его оно должно быть вставлено въ болѣе обширныя рамки. Началомъ своимъ оно совпадаетъ съ тяжелыми годами ликвидаціи, приведшей къ Парижскому миру, какъ слѣдствію Крымской войны, а конецъ его соприкасается съ началомъ эпохи великихъ реформъ, увѣковѣчившихъ имя императора Александра II. Для справедливой оцѣнки этого президентства требовалось бы разсмотрѣть его въ связи съ условіями времени и съ характеромъ всей многообразной государственной дѣятельности Блудова, и опредѣлить его значеніе путемъ сравненія съ предыдущими временами,—президентства графа С. С. Уварова,—и послѣдовавшими—графа Ѳ. П. Литке. Не задаваясь такою обширною и сложною темою, для которой можетъ быть еще и не настало время, за неимѣніемъ под-

---

[1]) Помѣщая на страницахъ „Русской Старины" настоящую статью, редакція съ грустью заявляетъ, что она написана и исправлена авторомъ за нѣсколько дней до его кончины, послѣдовавшей 3-го ноября. Имя Константина Степановича Веселовскаго тѣсно связано съ дѣятельностью Академіи Наукъ въ теченіе почти полвѣка, и редакція надѣется въ непродолжительномъ времени представить читателямъ біографическія о немъ свѣдѣнія. Ред.

готовительныхъ для нея работъ, я имѣю въ виду только болѣе скромную цѣль—представить рядъ набросковъ и воспоминаній, какъ свидѣтельство современника, поставившаго себѣ закономъ—искренность и безпристрастіе даваемыхъ имъ показаній.

Представляемыя здѣсь воспоминанія относятся къ восьмилѣтію 1855—1864 гг. Не всѣ они касаются до графа Блудова, но могутъ оказаться иногда не лишними для изображенія того времени.

1855 годъ отмѣченъ въ исторіи Академіи почти одновременною смѣною двухъ человѣкъ, блюстителей ея интересовъ и вершителей ея дѣлъ. 4-го сентября скончался въ Москвѣ престарѣлый графъ С. С. Уваровъ, распоряжавшійся Академіей почти 38 лѣтъ въ званіи ея президента, а незадолго передъ тѣмъ, именно 10-го января того же года, сошелъ въ могилу многолѣтній socius laborum, «потомственный» ея непремѣнный секретарь Павелъ Николаевичъ Фуссъ, исполнявшій въ ней 30 лѣтъ секретарскую должность [1]). Эти два имени до того срослись съ названіемъ Академіи, и преобладающее вліяніе ихъ на направленіе всѣхъ ея дѣлъ пустило въ теченіе столь долгаго времени до того глубокіе корни, что и тотъ и другой могли съ полнымъ правомъ, пародируя знаменитое изреченіе Лудовика XIV, сказать о себѣ «Академія—это я», и это тѣмъ болѣе, что время установило между обоими полное согласіе, скажу болѣе: истинную и искреннюю дружбу. Всѣ и въ Академіи, и внѣ ея, до того къ нимъ привыкли, что въ то время нельзя было себѣ представить Академію безъ Уварова и Фусса, и одновременное исчезновеніе ихъ открывало двери въ неизвѣстность.

Назначеніе преемника Уварову было дѣломъ самого государя. Когда министръ просвѣщенія доложилъ ему объ открывшейся вакансіи президента Академіи, государь сказалъ: «Я дамъ ей президента, которымъ она будетъ довольна», и указомъ 26-го ноября 1855 года назначилъ Блудова. Выборъ этотъ, конечно, былъ самый счастливый. По своимъ государственнымъ заслугамъ онъ былъ, можно сказать, первымъ сановникомъ въ Имперіи; многосторонняя образованность и рѣдкія качества прекрасной души соединялись въ немъ съ высокимъ уваженіемъ къ наукѣ,

---

[1]) П. Н. Фуссъ родился въ Петербургѣ въ 1798 году, когда его отецъ, Николай Ивановичъ, былъ уже ординарнымъ академикомъ; ему еще не было и двухъ лѣтъ, какъ отецъ былъ сдѣланъ, 7-го сентября 1800 г., непремѣннымъ секретаремъ, и оставался въ этомъ званіи до самой своей кончины, послѣдовавшей 23-го декабря 1825 г., такъ что секретарство обоихъ Фуссовъ, отца и сына, обнимаетъ собою въ исторіи Академіи періодъ въ 55 лѣтъ. А если присоединить къ нимъ 31 годъ секретарства Іоанна-Альберта Эйлера, связаннаго съ Фуссами узами родства, то окажется, что эта вліятельная должность находилась въ рукахъ семейства Эйлеръ-Фуссъ непрерывно въ теченіе 86 лѣтъ. Рѣдкій примѣръ пригодный, можетъ быть, для защитниковъ наслѣдственности умственныхъ способностей.

чтò и отражалось у него въ постоянномъ, неподдѣльномъ благодушномъ расположеніи къ ея представителямъ и служителямъ. При этихъ задаткахъ, восьмилѣтнее президентство графа Дмитрія Николаевича было однимъ изъ счастливѣйшихъ для Академіи, а въ особенности для академиковъ.

Не такъ скоро и удачно разрѣшили вопросъ о непремѣнномъ секретарѣ. При томъ значеніи, какое во всякой Академіи имѣетъ лицо, облеченное этимъ званіемъ, какъ представитель ея въ ученомъ свѣтѣ и какъ органъ, черезъ руки котораго проходятъ всѣ ученыя дѣла ея, выборы въ эту должность составляютъ одно изъ важнѣйшихъ событій во внутренней жизни ученой корпораціи, и поэтому не мудрено, что они приводятъ въ движеніе весь муравейникъ. Такъ какъ исполненіе всего установленнаго порядка этихъ выборовъ требовало времени, то, во избѣжаніе остановки въ отправленіи текущихъ дѣлъ, поручено было, по смерти Фусса, временно исполнять секретарскія обязанности, по физико-математическому отдѣленію—В. Я. Буняновскому, а по историко-филологическому—М. И. Броссе, и затѣмъ началась избирательная агитація, изъ которой выдѣлились два кандидата: одна часть членовъ конференціи, дорожа традиціей, по которой секретарствовали въ нашей Академіи почти цѣлое столѣтіе одни математики, стояли за Буняновскаго; другіе, отдавая полную справедливость благородству характера его, находили, что недостатокъ въ немъ самостоятельности и энергіи, при крайней скромности и уступчивости, могло имѣть неблагопріятное вліяніе на ходъ общаго академическаго дѣла, выставляли своимъ кандидатомъ академика А. Ѳ. Миддендорфа. Борьба между ними была очень оживленная и кончилась 7-го апрѣля 1855 г., еще до президентства графа Блудова—избраніемъ въ непремѣнные секретари Миддендорфа, т. е. человѣка, наименѣе созданнаго и приготовленнаго для этой должности, какъ это и оказалось потомъ на дѣлѣ.

Гр. Блудовъ, при вступленіи своемъ въ Академію президентомъ, засталъ, что званіе вице-президента носилъ князь Сергій Ивановичъ Давыдовъ, именно—только носилъ, такъ какъ онъ не принималъ почти никакого участія въ дѣлахъ Академіи. Это былъ человѣкъ пожилой, много послужившій, въ то время уже сенаторъ, и хотя свѣтски и образованный, но при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ невольно возникалъ вопросъ: какое отношеніе могло быть между нимъ и высшимъ ученымъ учрежденіемъ. И самъ собою кстати вспоминался отзывъ историка университета св. Владиміра о дѣятельности кн. Давыдова, какъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа [1]).

---

[1]) Исторія Имп. Университета св. Владиміра, сост. М. Ф. Владимирскій-Будановъ, т. I, стр. 175.

Тамъ читаемъ: кн. Давыдовъ былъ «повидимому, не чуждъ общаго, болѣе свѣтскаго просвѣщенія», но «незнакомство его съ сферою для него совершенно новою и крайняя лѣность и безпечность побуждали его отдаваться въ руки другихъ. Ему было тягостно посѣщать университетъ. Если иной разъ приходилъ онъ въ университетъ во время экзаменовъ, то развѣ отъ скуки; онъ садился на студентской скамьѣ и рисовалъ карандашемъ головки, а рисовалъ онъ очень хорошо; съ такимъ же небреженіемъ относился онъ и къ текущимъ дѣламъ по управленію округомъ». Тѣмъ же характеромъ отличалось и пребываніе его въ званіи вице-президента Академіи; дѣлами ея онъ очевидно не интересовался; почти никогда не бывалъ въ засѣданіяхъ и собраніяхъ конференціи, разумѣя повидимому указанія устава такъ, что должность вице-президента состоитъ лишь въ томъ, чтобы замѣнять президента въ случаѣ его болѣзни или отсутствія. Всѣ прикосновенія къ нему Академіи состояли только въ томъ, что ему иногда посылались для подписанія неважныя бумаги, изъ комитета правленія, касавшіяся хозяйственной части и личнаго состава служащихъ. Такое положеніе было для него тѣмъ естественнѣе, что и гр. Блудовъ никогда не возлагалъ на него никакихъ порученій по Академіи. Что касается академиковъ, то всѣ ихъ прикосновенія къ нему заключались лишь въ томъ, что они въ Новый годъ ѣздили къ нему записываться въ поздравительную книгу, лежавшую для этого въ его прихожей [1]).

Однимъ изъ первыхъ распоряженій гр. Блудова по вступленіи его на президентство было назначеніе особой коммиссіи для обсужденіи нѣкоторыхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ приложенія дѣйствующихъ для Академіи законоположеній. Поводомъ къ этому распоряженію послужили

---

[1]) Кн. С. И. Давыдовъ происходилъ изъ князей Грузинскихъ, которыхъ родъ получилъ свое начало отъ сына царя кахетинскаго Александра I († 1511), царевича Дмитрія, сынъ котораго — Давидъ получилъ княжеское достоинство и сдѣлался родоначальникомъ этой фамиліи. — Изъ потомковъ его — сынъ князь Ивана Михайловича — кн. Сергій Ивановичъ родился въ 1790 г. Воспитаніе получилъ въ домѣ родителей, а потомъ учился въ университетахъ Геттингенскомъ и Оксфордскомъ. Въ 1809 г. поступилъ въ гражданскую службу, которую въ 1812 г. перемѣнилъ на военную, и, дослужившись до полковничьяго чина, вышелъ въ 1825 г. въ отставку. Въ 1827 г. поступилъ опять въ гражданскую службу, въ которой назначенъ въ 1828 г. витебскимъ, а въ 1832 г. гродненскимъ вице-губернаторомъ, въ 1833 г.—правителемъ Бѣлостокской области, въ 1835 г.—минскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а въ 1838 г.—попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа, въ 1845 г. сенаторомъ, и наконецъ въ 1852 г. 18-го марта вице-президентомъ Академіи Наукъ. Изъ этой должности уволенъ 7-го августа 1863 г., скончался 17-го марта 1878 г.—Такимъ образомъ, біографія его вся умѣщается въ рамкѣ гражданской службы, въ исторіи же Академіи онъ прошелъ, какъ тѣнь, не оставляющая по себѣ никакого слѣда.

дошедшія до Блудова мнѣнія и желанія нѣкоторыхъ членовъ отдѣленія русскаго языка и словесности. Одни изъ этихъ членовъ находили неумѣстною и невыгодною ту обособленность отъ двухъ остальныхъ отдѣленій, которыя были установлены изданнымъ въ 1841 г. Положеніемъ о II отдѣленіи; другіе же напротивъ считали эту самую обособленность, и какъ слѣдствіе ея—извѣстнаго рода самостоятельность и независимость отъ конференціи Академіи,—за драгоцѣнную привилегію отдѣленія, которая должна быть сохранена и придавать отдѣленію характеръ преемницы и наслѣдницы созданной Великой Екатериной—Россійской Академіи.

И вотъ, предложеніемъ 1-го марта 1856 года графъ Блудовъ поручилъ Академіи избрать изъ среды своей коммиссію, по два члена отъ каждаго отдѣленія, «для разсмотрѣнія разныхъ вопросовъ, возникающихъ при соглашеніи устава Академіи 1836 года съ изданнымъ въ 1841 году Положеніемъ объ отдѣленіи русскаго языка и словесности». Членами этой коммиссіи были избраны по I-му отдѣленію Ленцъ и Гельмерсенъ; по II-му отдѣленію—Плетневъ и Никитенко, и по III-му отдѣленію Кеппенъ и я; впослѣдствіи вмѣсто Гельмерсена назначенъ былъ членомъ Остроградскій, а на мѣсто Плетнева—Срезневскій.

Съ перваго приступа къ своимъ занятіямъ коммиссія натолкнулась на подводный камень. По издавна установленному ею обычаю, да и по указаніямъ устава, во всѣхъ собраніяхъ, какъ конференціи, такъ и особыхъ коммиссій, если не присутствуетъ президентъ или вице-президентъ, право предсѣдательствовать принадлежитъ непремѣнному секретарю; на этомъ основаніи Миддендорфъ и сталъ было предсѣдательствовать въ коммиссіи; но это, Богъ знаетъ почему, показалось обиднымъ для предсѣдательствовавшаго въ то время въ отдѣленіи русскаго языка и словесности, властолюбиваго и тщеславнаго И. И. Давыдова, который захотѣлъ играть въ этомъ дѣлѣ первенствующую роль. Отсюда произошло столкновеніе съ Миддендорфомъ, который, понятно, не хотѣлъ добровольно поступиться неотъемлемымъ, принадлежавшимъ ему правомъ. Споръ о предсѣдательствѣ затянулся не къ пользѣ дѣла и разрѣшился тѣмъ, что Блудовъ, предложеніемъ 31-го марта, назначилъ И. И. Давыдова предсѣдателемъ коммиссіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ Миддендорфу, какъ непремѣнному секретарю, принимать участіе во всѣхъ разсужденіяхъ коммиссіи.

Это насильственное вмѣшательство Давыдова въ это дѣло вызвало величайшее неудовольствіе академиковъ, и они, поддаваясь весьма обыкновенному человѣческому чувству, вымещали свою досаду нѣмою обструкціей, держась въ засѣданіяхъ пассивной роли и предоставивъ самому Давыдову, мало знакомому съ внутреннею жизнью Академіи наукъ и чуждому ея интересамъ, разбираться самому въ этомъ дѣлѣ.

*

Легко себѣ представить, какъ, при такихъ условіяхъ, должна была идти работа: она была большою тратою времени; породила много горячихъ споровъ и стоила немалой порчи крови. Первое засѣданіе коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ И. И. Давыдова, происходило 5-го апрѣля 1856 года, а кончила она свои труды только въ мартѣ 1857 года, внесеніемъ въ общее собраніе конференціи проекта новаго устава Академіи, который и былъ конференціею одобренъ въ засѣданіи 30-го мая 1857 года.

Когда я, вслѣдъ затѣмъ, исправляя уже обязанности непремѣннаго секретаря, представилъ графу Блудову этотъ такими трудными родами вымученный плодъ занятій коммиссіи, графъ принялъ его очень холодно и спросилъ только, предполагается ли при этомъ какое-либо увеличеніе отпуска на Академію суммъ изъ казны. Когда же я ему доложилъ, что въ представляемомъ проектѣ такое увеличеніе составило бы до 30.000 руб. въ годъ, графъ сказалъ мнѣ очень опредѣлительно и ясно почти текстуально слѣдующее: «вотъ видите, мнѣ очень хорошо извѣстно нынѣшнее затруднительное положеніе нашихъ государственныхъ финансовъ, вынуждающее ограничиваться при назначеніи новыхъ расходовъ крайнею неотложностью; характера такой неотложности потребности науки и Академіи не имѣютъ, и я составленному вами проекту новаго устава не могу дать хода». При этомъ онъ мнѣ возвратилъ, даже не развернувъ его, представленный ему проектъ; и коммиссіи пришлось только сказать: «oleum et operam perdidi».

Вотъ, что была въ сущности эта коммиссія; съ точки зрѣнія правдивой исторіи; но не таковою она изображалась устами современныхъ академическихъ ораторовъ. Въ похвальномъ словѣ, произнесенномъ вскорѣ послѣ смерти Блудова, въ общемъ собраніи Академіи 6-го марта 1864 г., академикъ А. В. Никитенко, увлекаясь естественнымъ при надгробныхъ рѣчахъ желаніемъ превознести чествуемую личность, зашелъ слишкомъ далеко, приписавъ Блудову реформаторскія вожделѣнія по отношенію Академіи. «Вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность президента, — сказалъ Никитенко, — Блудовъ предпринялъ измѣнить устройство Академіи согласно съ требованіями времени, обновить, такъ сказать, ея организацію и усилить ея матеріальныя средства». Академическое краснорѣчіе пользуется иногда особою вольностью, почти даже правомъ усиливать краски, хотя бы съ нѣкоторою неточностью относительно истины; но исторія такого права не имѣетъ, она не можетъ принимать реторическія фіоритуры за свидѣтельскія показанія: для нея одинъ законъ—голая истина, безъ румянъ и прикрасъ. А исторія обязана сказать, что ни о какой реформѣ Академіи Блудовъ никогда не думалъ; никакихъ указаній въ этомъ смыслѣ членамъ коммиссіи никогда не

дѣлалъ, предоставляя имъ, какъ ближе знакомымъ съ положеніемъ и нуждами Академіи, полную свободу высказаться по своему усмотрѣнію. Наконецъ, Блудовъ былъ слишкомъ опытный государственный дѣятель, чтобы предпринимать реформу чего-нибудь при отсутствіи положительныхъ фактовъ, указывающихъ на ея необходимость; а такихъ фактовъ Академія не представляла; измѣненіе редакціи нѣкоторыхъ параграфовъ устава, какую имѣлъ въ виду Блудовъ, еще не есть реформа, и если въ послѣдніе годы президентства его снова возникла мысль о новомъ уставѣ для Академіи, то починъ исходилъ не отъ Блудова, а отъ бывшаго тогда министромъ А. В. Головкина, бывшаго, какъ извѣстно, большимъ охотникомъ надѣлять всѣ бывшія въ его вѣдомствѣ учрежденія новыми уставами.

Признавъ по обстоятельствамъ времени не возможнымъ думать о какомъ-либо увеличеніи денежныхъ средствъ Академіи насчетъ государственнаго казначейства, Блудовъ за то стойко оберегалъ тѣ средства, какими она пользовалась, отъ всякихъ посягательствъ на нихъ для постороннихъ надобностей. Такъ, въ одномъ году когда въ министерствѣ просвѣщенія не достало средствъ для выдачи ежегодныхъ пособій минералогическому и нѣкоторымъ другимъ ученымъ обществамъ, Норовъ рѣшилъ выдать такое пособіе изъ экономическихъ суммъ, которыя въ то время, т. е. до введенія въ 1863 году правилъ составленія государственныхъ смѣтъ и системы единства кассы, были въ распоряженіи Академіи. Когда объ этомъ дошло до свѣдѣнія Блудова, то онъ, вопреки министерскаго распоряженіи, рѣшительно въ такой выдачѣ отказалъ. Это привело Норова въ величайшій гнѣвъ, и вотъ какое средство онъ придумалъ, чтобы выместить свою досаду. Пригласивъ меня къ себѣ на обѣдъ, онъ во все время, что̀ мы сидѣли за столомъ, формально пушилъ меня, что̀ называется, распекалъ меня по-начальнически, и это еще въ присутствіи постороннихъ, такъ какъ тутъ же были еще кто-то изъ его семейства, и какой-то чиновникъ, кажется, его секретарь. Такая вспыльчивость была въ натурѣ вообще добродушнаго и даже слабохарактернаго Норова. «Видано ли это,—говорилъ онъ,—я министръ, и не могу распорядиться въ подвѣдомой мнѣ Академіи! На что̀ это похоже!» Напрасно я ему объяснялъ, что я тутъ былъ ни при чемъ, что о распоряженіи Блудова я до той минуты даже ничего не зналъ (я въ то время не присутствовалъ въ комитетѣ правленія Академіи, по которому состоялось это распоряженіе); Норовъ, разъ расходившись, продолжалъ свои упреки, забывъ или не желая знать, что такое своеобразное гостепріимство онъ оказываетъ своему гостю, а не своему подчиненному.

Я уже сказалъ, что за полгода до назначенія графа Блудова президентомъ, академикъ Миддендорфъ былъ избранъ въ непремѣнные

секретари. Трудно себѣ представить, что заставило его принять это званіе. Произведя обширныя изслѣдованія для изученія природы на огромныхъ пространствахъ русскаго сѣвера—въ экспедицію 1840 г., въ сообществѣ К. М. Бэра, къ Бѣлому и Ледовитому морямъ, съ 1842 по 1844 гг. въ академическую экспедицію на сѣверѣ Сибири, Миддендорфъ былъ въ то время весь погруженъ въ разработку привезенныхъ изъ этихъ экспедицій матеріаловъ и съ большимъ одушевленіемъ трудился надъ своимъ монументальнымъ «Сибирскимъ путешествіемъ», составившимъ ему громкую славу въ ученомъ свѣтѣ. Послѣ трудовъ такого рода, лежащія на непремѣнномъ секретарѣ канцелярскія занятія представлялись ему слишкомъ скромными и не интересными; они тѣмъ болѣе были для него докучливы, что до того времени онъ не имѣлъ случая освоиться съ порядками оффиціальнаго дѣлопроизводства. Не желая нисколько жертвовать для нихъ временемъ, необходимымъ для ученыхъ занятій, онъ устроилъ секретарскую часть слѣдующимъ образомъ: все до-обѣденное время было у него отдано наукѣ, а для письменныхъ занятій по должности непремѣннаго секретаря онъ назначилъ вечерніе часы. При такомъ порядкѣ не только значительно сокращалось время для этихъ занятій, но и являлись разныя неудобства для сношеній съ канцеляріею секретаря. Затрудняясь составленіемъ дѣловыхъ бумагъ, онъ для этого нанялъ особаго чиновника, титулярнаго совѣтника Альберта Альбертовича Люджера, столоначальника въ гидрографическомъ департаментѣ морскаго министерства, свѣдущаго въ иностранныхъ языкахъ, которому онъ платилъ за его работу изъ собственныхъ своихъ средствъ; онъ-то собственно и былъ редакторомъ всѣхъ бумагъ Миддендорфовой канцеляріи[1]). Когда я послѣ Миддендорфа вступилъ въ завѣдываніе канцеляріей конференціи, то нашелъ дѣла въ большомъ безпорядкѣ. Напримѣръ, съ писемъ и отношеній, которыя отправлялись изъ канцеляріи въ разныя мѣста и разнымъ лицамъ, не оставлялись при дѣлахъ копіи, или такъ называемые отпуски и мнѣ приходилось года два послѣ того распутывать дѣла и пополнять по возможности старыя упущенія. Когда я говорилъ объ этомъ Миддендорфу, именно о неимѣніи при дѣлахъ копій съ того, что имъ куда-нибудь писано, то онъ отвѣчалъ: «и, и, батенька, всѣ мы и все нами писанное потонетъ въ Летѣ забвенія; не стоютъ они сохраненія». Такая примѣсь философіи къ канцелярскому порядку довольно характеризуетъ этотъ порядокъ.

Къ счастію, секретарствованіе Миддендорфа было не продолжительно.

---

[1]) Этотъ Люджеръ былъ сынъ Генріеты Люджеръ, урожденной Рочфоръ, содержавшей въ 1830 годахъ въ Петербургѣ пансіонъ для дѣвицъ и о которой сохранилъ извѣстія графъ Бутурлинъ въ своихъ любопытныхъ запискахъ въ „Русскомъ Архивѣ“, 1897 г. № 2, стр. 243 и № 3, стр. 409 и 440.

Не долѣе года по избраніи его въ непремѣнные секретари, онъ по приглашенію военнаго вѣдомства, принялъ участіе въ составленіи устава кавалерійской службы, и по этому поводу онъ просилъ объ увольненіи его отъ занятій по должности секретаря и его обязанности по этой части были возложены на меня. Вступивъ затѣмъ 2-го ноября 1856 г. въ отправленіе секретарской должности, онъ скоро заболѣлъ горломъ (съ потерею голоса) и уѣхалъ на четыре мѣсяца, съ 23-го мая по 20-е сентября 1857 года за границу для лѣченія на минеральныхъ водахъ, и мнѣ пришлось вторично исправлять его должность. Въ томъ же году, 1-го ноября, онъ просилъ и получилъ полное увольненіе отъ званія непремѣннаго секретаря, обязанности котораго были исполняемы имъ менѣе двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ я, замѣняя его, вполнѣ ознакомился съ этою должностью, да и товарищи мои имѣли достаточно времени, чтобы испытать меня съ этой стороны; такъ что когда назначены были новые выборы на эту должность, то избраніе мое въ общемъ собраніи конференціи 1-го ноября 1857 г. состоялось такимъ огромнымъ, лестнымъ для меня большинствомъ голосовъ (30 изъ 34 баллотировавшихъ), что мнѣ оставалось только повиноваться такъ дружно высказанному желанію товарищей.

Миддендорфъ, въ бытность свою непремѣннымъ секретаремъ, составлялъ какъ бы центръ, около котораго охотно групировались ученые и образованные люди, будучи привлекаемы къ нему его значеніемъ въ наукѣ, его умомъ и остроуміемъ, его любезностью и привѣтливостью. Устроенные имъ тогда у себя еженедѣльные, по воскресеньямъ, журъ-фиксы были весьма многолюдны и оживленны; здѣсь всегда можно было встрѣтиться съ интересными личностями изъ міра ученаго, медицинскаго, педагогическаго, и просто съ людьми пресвѣщенными, интересующимися наукою. Кто-нибудь изъ гостей, а чаще всего самъ хозяинъ, читалъ составленное спеціально для этой цѣли полуученое, полушутливое изложеніе какой-нибудь интересной темы, для оживленія бесѣды, въ ожиданіи скромнаго, но всегда веселаго ужина, которымъ кончался вечеръ. Всѣ академики, т. е. члены всѣхъ трехъ отдѣленій, были разъ на всегда приглашены на эти журъ-фиксы; но не знаю, почему никто изъ членовъ втораго отдѣленія на нихъ не показывался; имѣли ли они что-либо лично противъ Миддендорфа, или же причиною ихъ отсутствія было то, что фамилія хозяина кончалось на дорфъ и что онъ былъ лютеранинъ, не знаю.

Я охотно бывалъ на этихъ вечерахъ, находя удовольствіе быть въ обществѣ людей образованныхъ, связанныхъ между собою узами радушной пріязни. Но это послужило тогда нѣкоторымъ лицамъ, ко мнѣ недоброжелательнымъ, поводомъ распускать слухи о моемъ пристрастіи къ нѣмцамъ. Что такіе слухи тогда ходили, я узналъ изъ такого источ-

ника, который имѣлъ для меня особое значеніе; объ нихъ сообщилъ мнѣ вскорѣ по назначеніи меня непремѣннымъ секретаремъ самъ графъ Блудовъ. Понятно, что къ такому упреку, исходившему изъ такихъ устъ, я не могъ оставаться равнодушнымъ, тѣмъ болѣе, что я легко угадывалъ, гдѣ эти слухи зарождались, и догадывался о не совсѣмъ дружелюбныхъ чувствахъ со стороны нѣкоторыхъ товарищей. «Враговъ имѣетъ въ мірѣ всякъ». Поэтому обдумавъ хорошенько свое положеніе въ Академіи, я рѣшился лучше сложить съ себя званіе непремѣннаго секретаря, чѣмъ испытывать недоброжелательство тѣхъ, кому не успѣлъ угодить, и вслѣдствіе этого отправилъ къ графу Блудову письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь графъ Дмитрій Николаевичъ! При послѣднемъ докладѣ моемъ ваше сіятельство изволили сообщить мнѣ замѣчаніе о распространившемся, какъ въ самой Академіи, такъ и внѣ оной, обвиненіи меня въ пристрастномъ направленіи мною дѣлъ Академіи въ пользу сочленовъ нѣмецкаго происхожденія и въ ущербъ русскихъ ученыхъ изъ соотечественниковъ. Обвиненіе въ недостаткѣ патріотизма должно быть тяжко для всякаго гражданина, любящаго свое отечество, для всякаго честнаго человѣка, дорожащаго своимъ именемъ; но еще тяжелѣе для того, кто, будучи облеченъ общественнымъ довѣріемъ, поставленъ на такую должность, при исполненіи которой онъ дѣйствуетъ отъ имени цѣлаго сословія и можетъ имѣть болѣе или менѣе вліянія на ходъ общаго дѣла. Наконецъ, еще менѣе могу я оставаться равнодушнымъ къ подобному обвиненію предъ лицомъ вашего сіятельства, какъ начальника и покровителя Академіи, коего высокія и всѣмъ извѣстныя чувства патріотизма и справедливости должны нещадно осуждать человѣка, подвергшагося такому важному обвиненію. Въ сихъ обстоятельствахъ настоящее мое объясненіе кажется мнѣ священнымъ моимъ долгомъ.

«Я никогда не искалъ мѣста непремѣннаго секретаря. Вступая въ Академію, я радовался лишь возможности исключительно предаться наукѣ, въ которой находилъ больше душевной отрады, чѣмъ въ практической жизни. Еще гораздо прежде избранія меня въ секретари, я всѣми силами отклонялъ отъ себя предложенія нѣкоторыхъ сочленовъ моихъ, которые уже тогда говорили мнѣ объ ихъ желаніи содѣйствовать такому избранію; и если послѣ того я рѣшился принять званіе секретаря, то единственно уступая почти единодушному желанію моихъ сочленовъ, выразившемуся столь лестнымъ для меня образомъ, въ баллотировкѣ общаго собранія 1-го ноября 1857 года. Въ голосѣ общаго избранія есть какое-то обаяніе, противъ котораго не всякій можетъ устоять. Тѣмъ не менѣе, даже принявъ должность, съ которою соединенъ нѣкоторый почетъ, я считалъ, что принесъ съ своей стороны жертву Академіи. Не говорю уже о томъ, что при этомъ я долженъ

былъ отказаться отъ выгодъ гражданской карьеры въ то самое время, когда, послѣ 20 лѣтней службы, она начинала манить меня уже не-слишкомъ несбыточными надеждами повышенія, и отъ такихъ, довольно значительныхъ для меня, матеріальныхъ выгодъ, отъ которыхъ отецъ семейства и человѣкъ, живущій единственно своими трудами, можетъ быть не всегда и въ правѣ отказываться; но главною съ моей стороны жертвою я считалъ то, что, принимая на себя обязанности, для исполненія которыхъ едва доставало всего моего времени, я долженъ былъ разстаться съ занятіями наукой, которой себя посвятилъ, и отказаться отъ спокойствія кабинетной жизни, которое столько цѣнилъ. Смѣю самымъ чистосердечнымъ образомъ удостовѣрить ваше сіятельство, что душевно и искренне былъ бы радъ, если бы въ то время выборъ Академіи палъ не на меня. Но разъ рѣшившись принять на себя обязанности, при исполненіи которыхъ неизбѣжно столкновеніе съ весьма различными характерами, убѣжденіями и стремленіями, я твердо рѣшился неуклонно руководствоваться одними правилами строжайшаго безпристрастія, и нисколько не жертвуя своими собственными убѣжденіями, ибо человѣкъ безъ твердыхъ убѣжденій не достоинъ быть представителемъ какого бы то ни было сословія,—всякое дѣло направлять, по крайнему моему разумѣнію, единственно съ точки зрѣнія требованій науки и достоинства Академіи. Я всегда былъ далекъ отъ духа партій, а еще менѣе имѣлъ сочувствія къ тѣмъ, которые подымаютъ раздоръ во имя одной національности. Смотрѣть непріязненно и завистливо на нѣмцевъ значитъ имѣть слишкомъ мало вѣры въ жизненныя силы и будущность Россіи. Когда же дѣло идетъ о наукѣ, то вліянія вопроса о національности кажутся мнѣ совершенно неумѣстными, и созданное недавно, писателями извѣстнаго рода, слово: Русская наука считаю рѣшительно лишеннымъ всякаго смысла. Если національныя раздраженія вносятся иногда нашею современною литературою въ область ученыхъ споровъ, то это служитъ только доказательствомъ младенчества у насъ науки, которой міровое значеніе еще не достаточно сознается. Но въ Академіи, какъ соединеніи главныхъ представителей науки, какъ высшаго ученаго сословія, коего задача состоитъ въ расширеніи области человѣческихъ знаній, всякія увлеченія чувствъ національности были бы крайне неумѣстны и не только оскорбляли бы достоинство науки, но и служили бы укоромъ для цѣлой Академіи. — Академикъ, будь онъ русскій или нѣмецъ, если онъ добросовѣстно и по мѣрѣ силъ трудится надъ наукою, достоинъ въ одинаковой степени признательности. — Иностранцы, оставляющіе свое отечество для того, чтобы принести намъ сокровища своихъ знаній и помогать намъ въ дѣлѣ водворенія у насъ науки, достойны столько же благодарности Россіи, какъ и природные русскіе, успѣшно дѣйствующіе на томъ же

поприщѣ. — Но когда среди этой самой Академіи, нѣкоторые русскіе позволяютъ себѣ наносить жестокія оскорбленія своимъ товарищамъ во имя ихъ не русскаго происхожденія, то такіе поступки могутъ только возбуждать негодованіе всякаго самаго даже искренняго патріота, если онъ при этомъ сколько-нибудь образованный человѣкъ. Я былъ свидѣтелемъ подобныхъ поступковъ и долженъ былъ краснѣть за Россію. Тѣ, которые позволяли себѣ подобные поступки, доказывали ими, что они не понимаютъ ни своихъ обязанностей въ отношеніи къ Академіи, ни своего положенія въ отношеніи къ наукѣ. Раздѣлять ихъ слѣпыя и заносчивыя увлеченія я, конечно, не могу, а это должно было послужить въ глазахъ ихъ достаточнымъ поводомъ къ обвиненію меня въ пристрастіи къ нѣмцамъ.

«Скажу болѣе — мое чувство національности гораздо глубже оскорбляется подобными поступками нѣкоторыхъ русскихъ, чѣмъ сознаніемъ того несомнѣннаго и объясняемаго исторіею факта, что въ дѣлѣ науки мы еще далеко отстали отъ нѣкоторыхъ народовъ Европы и въ особенности отъ нѣмцевъ. Это аксіома для всякаго, кто изучалъ современное состояніе науки добросовѣстно, не внося въ мирную область знанія неумѣстныхъ въ этомъ дѣлѣ и всегда слѣпыхъ увлеченій ложнаго патріотизма.

«Безпристрастіе, которое я себѣ поставилъ путеводною нитью при отправленіи обязанностей секретарскихъ, и отъ котораго я, по моему убѣжденію, никогда не отступалъ, заставляетъ меня сказать, что въ Академіи нѣтъ партій; что если, съ одной стороны, нѣкоторые, впрочемъ немногіе русскіе, члены ея вносятъ, къ прискорбію, даже въ сферу чисто ученой дѣятельности постороннюю примѣсь запальчивыхъ страстей худо понимаемаго патріотизма, то съ другой стороны нѣмцы (я съ сожалѣніемъ употребляю эти неточныя названія; но это для краткости) далеки отъ того, чтобы платить имъ тѣмъ же; они скорбятъ о нихъ, пренебрегаютъ ихъ оскорбленіями, чѣмъ, конечно, доказываютъ свое нравственное превосходство. Они любятъ Россію и русскихъ, и доказываютъ это тѣмъ, что посвящаютъ свои труды пользѣ Россіи. Тѣ самые нѣмцы, которымъ нѣкоторые столь несправедливо приписываютъ непріязненное настроеніе противъ всего русскаго, первые радуются всякому проявленію науки между природными русскими и ничего не желаютъ усерднѣе, какъ возможности призывать въ среду Академіи нашихъ отечественныхъ ученыхъ. Съ 1850 года принято въ Академію наукъ (по I и III отдѣленіямъ оной) 12 новыхъ членовъ: изъ нихъ 7 природныхъ русскихъ, 3 изъ уроженцевъ Остзейскихъ губерній, которые, какъ уроженцы части имперіи, должны быть принимаемы наравнѣ съ русскими, и только двое изъ новыхъ членовъ суть иностранцы. Эти цифры достаточно доказываютъ, что Академія внимательно слѣ-

дитъ за движеніемъ науки въ отечествѣ и не упускаетъ случая призывать въ свой составъ отечественныхъ ученыхъ, когда къ тому представляется возможность.

«Но какъ бы я ни чувствовалъ, въ своей собственной совѣсти, убѣжденія, что въ продолженіе кратковременнаго пребыванія моего въ должности непремѣннаго секретаря, всегда, во всѣхъ случаяхъ поступалъ безъ всякаго пристрастія и руководствовался ежедневно соображеніями о выгодахъ науки и достоинствѣ Академіи; тѣмъ не менѣе зная, что никто въ своемъ собственномъ дѣлѣ судьею быть не можетъ, охотно отдаю свои поступки и дѣйствія на судъ другихъ. Если, какъ ваше сіятельство изволили замѣтить, обвиненія меня въ пристрастіи къ нѣмцамъ слышатся и въ Академіи, и внѣ оной, то можетъ быть, что такія обвиненія имѣютъ достаточныя основанія. Если такими основаніями служатъ мои убѣжденія, которыя я со всею откровенностью изложилъ выше предъ вашимъ сіятельствомъ, то мнѣ остается только сожалѣть объ этомъ; но убѣжденія мои перемѣнить уже не въ моей власти, ибо они плодъ наблюденій, размышленій и опытовъ всей моей жизни. Но благо общее должно быть для каждаго выше личныхъ разсчетовъ, и если я, какъ человѣкъ пристрастный, не заслуживаю болѣе довѣрія, а безъ довѣрія нельзя, съ пользою для общаго дѣла, исполнять столь трудныя обязанности непремѣннаго секретаря, то я готовъ, безъ малѣйшаго колебанія, сложить съ себя сіе званіе.

«Высокія чувства великодушія и справедливости вашего сіятельства, которыя я имѣлъ счастіе извѣдать, будучи поставленъ обязанностями своей должности въ столь непосредственныя отношенія къ вашему сіятельству, служатъ мнѣ порукою въ томъ, что ваше сіятельство оцѣните истинныя мои побужденія въ настоящемъ случаѣ, а потому не лишите меня, и какъ просто лишь академика, благосклоннаго и столь высоко цѣнимою мною расположенія вашего».

Не прошло и двухъ часовъ, послѣ того какъ я отправилъ это письмо, какъ пріѣзжаетъ курьеръ, съ приглашеніемъ, чтобы я тотчасъ же явился къ Блудову. Онъ принялъ меня до чрезвычайности любезно, почти извинялся, что нечаянно и неумышленно оскорбилъ меня; говоря, что онъ и не думалъ упрекать меня въ недостаткѣ безпристрастія, а сообщалъ только, въ видѣ разговора, о ходившихъ о томъ слухахъ, которымъ онъ самъ не вѣритъ; и заключилъ тѣмъ, что на увольненіе меня отъ должности непремѣннаго секретаря онъ не согласенъ, такъ какъ считаетъ, что мое удаленіе было бы потерею для Академіи, и онъ отпустилъ меня только послѣ того, какъ взялъ съ меня слово объ увольненіи и не думать.

Такія объясненія изъ устъ такого прямаго и симпатическаго человѣка, какъ Блудовъ, обезоружили меня, и я остался.

По множеству лежавшихъ на немъ дѣлъ государственной важности, графъ Блудовъ не могъ часто присутствовать въ засѣданіяхъ Академіи; въ засѣданія отдѣленій онъ никогда не пріѣзжалъ. Но, желая показать свое вниманіе къ Академіи, онъ въ первые годы своего президентства, пока позволяло ему здоровье, бывалъ въ засѣданіяхъ общаго собранія конференціи, при чемъ постоянно выказывалъ замѣчательную любознательность, вызывая объясненія объ ученыхъ вопросахъ, о которыхъ упоминалось въ читаемыхъ въ его присутствіи протоколахъ засѣданій. Такъ, услышавъ, что астрономы, для опредѣленія своихъ уравненій, прибѣгаютъ къ наблюденію искусственныхъ звѣздъ, онъ полюбопытствовалъ узнать, что это за звѣзды; на это старикъ В. Я. Струве замѣтилъ, что это очень сложный вопросъ, и что онъ боится утомить вниманіе графа слишкомъ длинными объясненіями, какія были бы для этого необходимы, что повидимому не очень понравилось любознательному президенту.

Но къ сближенію президента съ академиками служили не столько присутствіе въ собраніяхъ конференціи, сколько застольныя бесѣды съ ними.

Блудовъ не былъ охотникъ до большихъ обѣдовъ и банкетовъ; но не любилъ также обѣдать одинъ. Время обѣда было для него временемъ отдыха отъ государственныхъ дѣлъ, въ теченіе котораго лучшимъ развлеченіемъ отъ нихъ служила для него бесѣда съ умными и образованными людьми. Поэтому у него ежедневно было три, четыре и рѣдко болѣе приглашенныхъ, передъ которыми онъ расточалъ всѣ чары своей любезности; при его многосторонней образованности, при его живости ума, громадной памяти и словоохотливости, разговоры съ нимъ были для собесѣдниковъ необыкновенно занимательны и поучительны. Особенно неистощимъ былъ Блудовъ въ занимательныхъ разсказахъ о современныхъ и прошедшихъ, важнѣйшихъ событіяхъ политической и литературной исторіи Россіи,—разсказахъ, источникомъ для которыхъ служило знакомство Блудова съ массою архивныхъ документовъ и важнѣйшихъ дѣлъ, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ въ теченіе своей долгой и дѣятельной жизни.

Къ такимъ-то обѣдамъ и были нерѣдко приглашаемы то тотъ, то другой изъ академиковъ; и я не разъ бывалъ удостоиваемъ этой чести и всегда впослѣдствіи сожалѣлъ, что въ то время не записывалъ всѣ интересные и поучительные разсказы, которые удавалось мнѣ на этихъ обѣдахъ слышать изъ устъ Блудова.

По окончаніи обѣда, хозяинъ и гости переходили въ гостиную графини, гдѣ подавали кофе и продолжалась начатая за столомъ бесѣда, пока Блудовъ, опустивъ незамѣтно руку въ карманъ, не надавливалъ пружины своихъ часовъ съ репетиторомъ. Это было сигналомъ, что

гости должны были удаляться, тогда хозяинъ требовалъ къ себѣ своего секретаря или другаго чиновника своей канцеляріи и начиналъ свои вечернія занятія государственными дѣлами.

Однажды, когда я былъ приглашенъ къ Блудову на обѣдъ, онъ былъ за столомъ въ очень хорошемъ расположеніи духа, по обыкновенію любезенъ и разговорчивъ, но когда послѣ обѣда мы перешли въ гостиную графини, гдѣ подавали кофе, графъ вдругъ пришелъ въ какое-то возбужденное состояніе и сталъ пенять, что въ русской Академіи до сихъ поръ нѣтъ настоящаго представителя русской исторіи, и говорилось это тономъ упрека. Конечно, внутренне я не могъ не соглашаться съ Блудовымъ; но съ формальной стороны могъ бы замѣтить, что, по уставу, въ Академіи полагается лишь одна ординатура по исторіи, и ее занимаетъ Н. Г. Устряловъ, а экстраординарнымъ академикомъ по этой же части состоитъ А. А. Куникъ; оба они избраны были задолго до моего вступленія въ Академію, такъ что въ избраніи ихъ я не участвовалъ и поэтому не могу нести никакой отвѣтственности за ихъ избраніе. Но всего этого, что впрочемъ и самъ Блудовъ долженъ былъ знать, я не счелъ возможнымъ тутъ же напомнить ему, зная по опыту, что это могло бы только болѣе раздражить Блудова, и поэтому я отвѣчалъ на его попрекъ уклончиво, общими мѣстами, въ возможно примирительномъ духѣ. Но во всякомъ случаѣ такая вспышка неудовольствія меня очень удивила, и я стороной узналъ, что было поводомъ къ ней, и узналъ слѣдующее: утромъ того же дня у графини былъ профессоръ Московскаго университета С. М. Соловьевъ, обыкновенно пріѣзжавшій, во время университетскихъ вакацій, въ Петербургъ, для собиранія въ государственномъ архивѣ матеріаловъ для своихъ работъ. Этимъ все объяснялось. Соловьевъ считалъ кровною для себя обидою, что онъ, авторъ многотомной «Русской Исторіи», до сихъ поръ не членъ Академіи Наукъ, въ которой сидитъ ненавистный ему Куникъ, котораго трудовъ онъ, кажется, совсѣмъ не признавалъ, какъ и не особо высоко цѣнимаго имъ автора неконченной исторіи «Петра Великаго». Куникъ съ своей стороны платилъ Соловьеву такою же взаимностью; когда, послѣ смерти Устрялова, предстояло избрать ему преемника по ординатурѣ, то въ коммиссіи, на которую было возложено избрать кандидата, одно упоминаніе имени Соловьева приводило Куника въ неистовство, и потому, чтобы дѣйствовать примирительно, ею предложенъ былъ Н. В. Калачевъ, а Соловьевъ былъ избранъ членомъ Академіи по отдѣленію русскаго языка и словесности.

Вспоминается мнѣ при этомъ еще другой эпизодъ, связанный съ обѣдами у графа Блудова, случившійся въ первыхъ числахъ апрѣля 1859 года. Гости, приглашенные къ обѣду, собирались, въ ожиданіи появленія хозяина, въ гостиной графини; подойдя къ дверямъ этой ком-

наты, я увидѣлъ, что графиня Антонина Дмитріевна сидѣла на диванѣ, а противъ нея на креслѣ Иванъ Давыдовичъ Деляновъ, которому она говорила съ большимъ жаромъ и съ видомъ сильнѣйшаго огорченія, чуть не задыхаясь отъ слезъ. Я остановился въ дверяхъ, не зная, войти мнѣ или нѣтъ въ комнату. До слуха моего долетѣли только послѣднія фразы: «успокойтесь же, графиня,—говорилъ слащавымъ голосомъ и съ своей обычной улыбочкой Иванъ Давыдовичъ,—вѣдь это уже люди образованные».

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите, какъ бы ни былъ человѣкъ образованъ, но если онъ худо говоритъ о моей матери, я ему руки не подамъ!— былъ отвѣтъ.

Когда я затѣмъ вошелъ въ комнату, разговоръ этотъ прекратился, но послѣ я узналъ отъ Делянова о причинѣ огорченія графини: она только въ тотъ день, изъ газетъ, узнала о распубликованномъ 3-го апрѣля того (1859) года, высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта о предоставленіи евреямъ-купцамъ 1-й гильдіи и евреямъ-иностраннымъ подданнымъ права жительства и торговли внѣ черты постоянной осѣдлости евреевъ. Графъ, щадя антисемитическія чувства дочери, чтобы ее не огорчать, скрывалъ отъ нея, что подобный законъ разсматривался въ Государственномъ Совѣтѣ.

1859 годъ отмѣченъ большимъ пожаромъ, истребившимъ, 16-го февраля, химическую лабораторію Академіи, помѣщавшуюся въ то время въ первомъ этажѣ зданія, обращенномъ окнами къ университету, тамъ, гдѣ теперь находится физіологическая лабораторія; а надъ нею, во второмъ этажѣ, помѣщался Азіатскій Музей. Пожаръ произошелъ по неосторожности академика Ю. Ѳ. Фричше, который производилъ въ лабораторіи перегонку каменно-угольнаго масла и, не окончивъ ее, уѣхалъ куда-то на званый обѣдъ, не погасивъ огня въ печи и не отставя реторты отъ огня. Въ его отсутствіе реторта лопнула, содержимое ея вспыхнуло и разлилось, и какъ лабораторія была въ это время заперта, и въ ней никого не было, то огонь имѣлъ достаточно времени похозяйничать на просторѣ въ помѣщеніи, въ которомъ находилась масса каменно-угольныхъ продуктовъ, бывшихъ предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій Фричше. Огонь былъ очень силенъ; громадные огненные языки, вырывавшіеся изъ оконъ, лизали стѣны до втораго этажа, представляя опасность и для Азіатскаго Музея, и только энергическимъ дѣйствіямъ пожарной команды должно приписать, что этотъ музей не пострадалъ.

Это происшествіе, когда о немъ было доложено общему собранію Академіи, въ ближайшемъ его засѣданіи, вызвало цѣлую бурю негодованій противъ академика Фричше; оріенталисты и присоединившіеся къ нимъ члены II отдѣленія Академіи и слышать не хотѣли, чтобы

лабораторія оставалась долѣе въ такой опасной близости къ музеямъ; не соглашались даже на то, чтобы она была исправлена и оставалась бы временно въ своемъ помѣщеніи, а требовали, чтобы были приняты мѣры къ устройству лабораторіи въ особомъ зданіи, вдали отъ музеевъ. На это другіе члены собранія возражали, что, конечно, постройка для химической лабораторіи особаго зданія есть дѣло весьма желательное, но какъ неизвѣстно, будутъ ли у Академіи когда-нибудь средства для возведенія такого зданія, и можетъ пройти много времени, пока представится къ тому возможность, то было бы несправедливо лишать химиковъ Академіи возможности заниматься учеными изслѣдованіями, и при томъ въ теченіе неопредѣленнаго и можетъ быть долгаго времени; поэтому они полагали необходимымъ возобновить погорѣвшую лабораторію, съ принятіемъ лишь нѣкоторыхъ мѣръ предосторожности, и между прочимъ, обязать химиковъ не дѣлать въ лабораторіи никакихъ работъ съ взрывчатыми веществами. Дебаты по этому предмету, какъ всегда бываетъ, когда въ дѣло замѣшаются личные вопросы, скоро приняли весьма страстный характеръ и составили собою такое бурное засѣданіе, какого я другаго не помню во все мое долгое пребываніе въ Академіи.

Въ ту пору проводилась предложенная Татариновымъ весьма важная финансовая мѣра, извѣстная подъ названіемъ единства кассы, по которой всѣ хозяйственные доходы, бывшіе въ распоряженіи разныхъ вѣдомствъ, подлежали обращенію въ Государственное казначейство. Изъ такихъ доходовъ въ то время составилось въ кассѣ Академіи 40.000 руб. экономической суммы, а когда «по примѣрному» разсчету, составленному состоявшимъ при Академіи архитекторомъ А. С. Киріловымъ, было опредѣлено, что этой суммы было бы достаточно для постройки особаго зданія для химической лабораторіи, то этимъ и воспользовался графъ Блудовъ, чтобы дать ходъ этому дѣлу согласно желанію общаго собранія конференціи. Такимъ образомъ онъ и отнесся 26-го апрѣля 1860 года къ министру народнаго просвѣщенію Евгр. Петр. Ковалевскому, о необходимости—вывести лабораторію изъ зданія музеевъ, постройкою для нея особаго зданія, съ расширеніемъ ея для работъ обоихъ химиковъ Академіи, и съ употребленіемъ для сего, по «примѣрному» разсчету, до 40.000 руб. экономической суммы, подлежавшей передачѣ въ Государственное казначейство.

Это предположеніе Блудова, по докладу Ковалевскаго, 20-го мая 1860 года удостоилось высочайшаго соизволенія. Но когда, вслѣдствіе этого, были составлены архитекторомъ необходимые для предположенной постройки подробные чертежи и полная смѣта, то оказалось, что для возведенія особаго зданія лабораторіи потребно ровно вдвое (т. е. до 90.000), противъ исчисленной по «примѣрному» разсчету суммы.

Такъ какъ у Академіи не было въ распоряженіи такихъ денежныхъ средствъ, а графъ Блудовъ, по своимъ убѣжденіямъ, не считалъ возможнымъ просить изъ Государственнаго казначейства какихъ-либо пособій на науку въ то время, какъ всѣ финансовыя средства требовались для покрытія болѣе важныхъ государственныхъ потребностей, то пришлось все дѣло объ этой постройкѣ остановить или, какъ говорится на оффиціальномъ языкѣ—отложить до болѣе благопріятнаго времени. Это было тѣмъ удобнѣе, что отъ такой проволочки не страдали ученые интересы, такъ какъ погорѣвшая лабораторія была между тѣмъ исправлена и ремонтирована въ прежнемъ видѣ, и въ ней возобновились по-прежнему работы химиковъ.

Дѣло, можетъ быть, и долго оставалось бы въ такомъ положеніи, въ ожиданіи лучшихъ дней, если бы не подоспѣло на его выручку слѣдующее обстоятельство:

Въ Академіи, въ числѣ разныхъ коллекцій, было собраніе египетскихъ древностей, пріобрѣтенное въ давнее время отъ нѣкоего Кастильона; оно было совершенно не нужно Академіи, въ которой и египтолога никогда не было, и было куплено на ея малыя денежныя средства единственно по приказанію министра народнаго просвѣщенія. Эта-то коллекція оказалась въ то время желательною для Императорскаго Эрмитажа, въ которомъ она очень кстати пополняла бы собраніе памятниковъ древняго искусства. Поэтому коллекція эта, по высочайшему повелѣнію, была передана въ Эрмитажъ, а графъ Блудовъ получилъ отъ министра императорскаго двора увѣдомленіе, отъ 21-го мая 1863 г., о томъ, что государь пожаловалъ въ вознагражденіе за нее 11.500 руб. изъ суммъ Кабинета. Съ присоединеніемъ этихъ денегъ къ капиталу изъ хозяйственныхъ суммъ Академіи, предназначенному на постройку химической лабораторіи и нароставшему съ тѣхъ поръ процентами, образовался всего капиталъ въ 56.500 руб. Такъ какъ и этой суммы было еще недостаточно для предположенной постройки, то графъ Блудовъ, вѣрный своему правилу не обременять государственную казну какими-либо требованіями на пользу науки, прибѣгъ къ слѣдующему средству: онъ предложилъ извѣстному подрядчику, много лѣтъ производившему обыкновенныя лѣтомъ ремонтныя работы по домамъ Академіи, петергофскому 2-й гильдіи купцу Никитѣ Артамонову, взять на себя всю работу постройки лабораторіи оптомъ за 55.000 руб., а подъ рукою дано было ему знать, что за хорошее исполненіе этой работы онъ можетъ ожидать себѣ почетной награды. Когда Артамоновъ на это согласился, то графъ Блудовъ, 30-го мая 1863 г., просилъ министра народнаго просвѣщенія, въ то время уже А. В. Головнина, испросить высочайшее соизволеніе на приведеніе въ исполненіе его предположеній и исходатайствовать: 1) чтобы предназначенная на по-

стройку химической лабораторіи сумма, составлявшая въ то время до 45.000 руб., а равно и деньги, слѣдующія Академіи изъ Кабинета его императорскаго величества за египетскія древности, въ количествѣ 11.500 руб., а всего 56.500 руб., какъ не вошедшія въ смѣту Академіи на 1863 годъ, не были обращаемы, на основаніи высочайше утвержденнаго 8-го февраля 1863 г. журнала комитета финансовъ, въ Государственное казначейство, а предоставлены на постройку означенной лабораторіи; 2) предоставить Академіи заключить съ Артамоновымъ контрактъ съ тѣмъ, чтобы работы производились подъ руководствомъ архитектора Академіи, кол. ассес. Кирилова, при содѣйствіи особой коммиссіи, назначенной гр. Блудовымъ, изъ непремѣннаго секретаря, одного или двухъ академиковъ; а въ эту коммиссію, по части технической, графъ Блудовъ пригласилъ архитектора II отдѣленія Собственной его императорскаго величества канцеляріи, кол. ассес. Пеля.

Дѣло по этому представленію было внесено Головнинымъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ оно подлежало разсмотрѣнію департамента экономіи. Предсѣдатель этого департамента К. В. Чевкинъ твердо стоялъ на стражѣ того, чтобы во вводившейся тогда «системѣ единства кассы» не было допускаемо ни малѣйшаго отступленія и послабленія, поэтому на предлагаемый Блудовымъ способъ покрытія расходовъ на постройку лабораторіи онъ не соглашался. Нужды нѣтъ, что дѣло шло о суммѣ собственно незначительной, нужды нѣтъ, что Блудовъ могъ бы и просто просить объ отпускѣ такой суммы изъ государственныхъ средствъ, не связывая этого требованія съ изъятіемъ изъ закона, обратившаго всѣ хозяйственныя средства разныхъ вѣдомствъ въ доходъ казны. Въ томъ видѣ, въ какомъ сдѣлано было представленіе о лабораторіи, Чевкинъ увидѣлъ отступленіе отъ «системы»; а одобреніе его—составило бы собою прецедентъ, который открылъ бы двери и для болѣе важныхъ уклоненій отъ закона. Желая избѣжать конфликта съ Блудовымъ, который въ это время (съ 1861 г.) былъ уже предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, Чевкинъ, чтобы достигнуть соглашенія путемъ личныхъ объясненій, пріѣхалъ самъ къ Блудову, полагаясь, конечно, при этомъ на силу своего краснорѣчія и на извѣстную уступчивость и сговорчивость графа. Вышло однако не такъ, какъ онъ ожидалъ; возраженія его сильно не понравились графу, въ немъ заговорили нервы, и онъ, всегда столь учтивый и мягкій, впалъ въ такой тонъ крайняго раздраженія, что Чевкину оставалось только отступить. «Успокойтесь, графъ! успокойтесь; все будетъ сдѣлано по вашему», повторялъ онъ, отступая задомъ къ дверямъ кабинета.

Наконецъ, 26-го декабря 1863 года графъ Блудовъ получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія увѣдомленіе о состоявшемся въ Государственномъ Совѣтѣ мнѣніи, высочайше утвержденномъ, относительно

постройки новой химической лабораторіи Академіи; вслѣдствіе чего и было тотчасъ же приступлено къ работамъ; но Блудовъ, какъ извѣстно, не дожилъ до окончанія этой постройки, точно такъ, какъ не дожилъ до того и составитель плановъ и смѣты на эту постройку, архитекторъ Кириловъ, погибшій подъ ножемъ убійцы въ самомъ центрѣ столицы.

Кириловъ имѣлъ обычай проводить свои вечера въ клубѣ, помѣщавшемся на углу Гороховой улицы и Адмиралтейской площади; чтобы возвращаться оттуда къ себѣ домой, на Васильевскій островъ, ему нужно было проходить черезъ очень пустынный уголъ, бывшій между Адмиралтейскимъ бульваромъ, берегомъ Большой Невы и Петровскою площадью, усѣянной огромными гранитными глыбами, привезенными по Невѣ для постройки Исакіевскаго собора. И среди бѣлаго дня, прохожіе старались обходить этотъ дикій уголъ, а подъ вечеръ и особенно ночью это былъ прямой пустырь. Тутъ-то убійца, выбравъ ночку потемнѣе, зарѣзалъ и ограбилъ несчастнаго Кирилова, неосторожно пробиравшагося домой среди этихъ глыбъ [1]).

Постройку послѣ него лабораторіи продолжалъ принятый послѣ Кирилова архитекторомъ Академіи Рудольфъ Богдановичъ Беригардтъ, первый въ ту пору знатокъ строительнаго искусства, бывшій впослѣдствіи директоромъ строительнаго училища. Имъ-то и окончена постройка прекраснаго зданія, находящагося по 8-й линіи Васильевскаго Острова, между Николаевскою набережною и Большимъ проспектомъ, и составляющаго единственный памятникъ президенства графа Блудова въ Академіи.

Изъ воспоминаній, относящихся къ 1861 году, позволяю себѣ привести слѣдующее. Въ началѣ марта этого года, я получилъ отъ академика А. Я. Купфера слѣдующую записку:

Monsieur et cher confrère

Le comte Stroganoff m'a demandé, si je ne savai pas un statisticien qui pourrait donner des leçons dans cette science au Grand-duc Héritier; je lui ai promis de vous consulter pour cette affaire. Il voudrait un savant qui se borne aux faits sans en faire le canevas des idées politiques d'un parti, enfin qui ne soit ni rouge ni blanc. Refléchissez et repondez moi aussitôt que vous serez satisfait de votre choix [1]). Tout à Vous.

3-e mars 1861. Kupffer.

---

[1]) Архитекторъ кол. ас. Алексѣй Семеновичъ Кириловъ былъ ученикомъ императорской Академіи художествъ, въ которую поступилъ въ 1809 г. и въ которой онъ былъ современникомъ К. П. Брюлова, Андр. Тона, Ник. Ефимова, и получилъ въ 1821 году аттестатъ первой степени.

[2]) Переводъ. „Графъ Строгановъ спрашивалъ меня, не знаю ли я статистика, который могъ бы давать уроки этой науки великому князю наслѣднику. Я обѣщалъ ему посовѣтоваться съ вами. Онъ желаетъ такого уче-

Такой вопросъ, еслибы я былъ честолюбивъ и искалъ бы сдѣлать карьеру, представлялъ мнѣ случай и поводъ предложить свои услуги для чтенія лекцій статистики наслѣднику. Но, по зрѣломъ обсужденіи, я на это не рѣшился. Уже одно указаніе, что лекціи должны состоять изъ однихъ фактовъ, т. е. безъ объясненія ихъ значенія и смысла, представляло для меня мало соблазнительнаго. Излагать съ глубокимъ видомъ ученаго однѣ цифры, которыя каждый безъ всякой науки можетъ и самъ находить въ любомъ статистическомъ ежегодникѣ, — это дѣло столь же скучное для лектора, какъ и для слушателя. Конечно, можно одною уже групировкою простыхъ фактовъ сказать многое, дающее имъ смыслъ, не разсказывая его и не подчеркивая ихъ значенія какими-либо комментаріями. Но для этого, кромѣ особаго таланта, необходимо было близкое знакомство съ тою обстановкою, въ которой должны были происходить лекціи цесаревичу, съ понятіями и требованіями тѣхъ лицъ, подъ надзоромъ и контролемъ которыхъ они поставлены, и прежде всего самого гр. Строганова, какъ воспитателя великаго князя. Излагать науку такъ, какъ самъ ее понимаешь, безо всякой утайки и поддѣлки—есть задача на столько пріятная, что ею можно увлечься; но читать ее in usum delfini—на это я не чувствовалъ въ себѣ достаточно способностей. Sim ut sum, aut non sim. Кромѣ того чтеніе лекцій, о которыхъ мнѣ писалъ Купферъ, во всякомъ случаѣ потребовало бы много времени для приготовленій къ нимъ, а исполненіе обязанностей по званію непремѣннаго секретаря, въ которое я былъ облеченъ не задолго передъ тѣмъ конференціею Академіи (1858, ноября 1-го), поглощало все мое время и всѣ мои помыслы. Поэтому, отвѣчая Купферу на его вопросъ, я, ничего не говоря о себѣ, назвалъ ему имена профессоровъ, читавшихъ статистику въ разныхъ университетахъ, какъ на кандидатовъ, изъ которыхъ можетъ быть сдѣланъ выборъ самимъ Строгановымъ.

Вскорѣ затѣмъ я получилъ отъ Ивана Ивановича Давыдова, директора Педагогическаго института, уже прямой вопросъ отъ имени графа Строгонова, не желаю ли я принять на себя чтеніе лекцій статистики наслѣднику цесаревичу. Ему я отвѣчалъ, что какъ ни лестно было бы для меня такое порученіе, но, не занимавшись никогда преподаваніемъ и не имѣя поэтому случая пріобрѣсти навыка въ немъ, я опасаюсь, что не буду въ состояніи оправдать высокаго довѣрія, которое было бы мнѣ въ этомъ случаѣ оказано. Тѣмъ и окончились эти переговоры.

наго, который ограничился бы одними фактами, не дѣлая ихъ канвою для политическихъ идей какой-нибудь партіи, однимъ словомъ, чтобъ онъ не былъ ни краснымъ, ни бѣлымъ. Подумайте объ этомъ и дайте мнѣ отвѣтъ, какъ скоро вы будете довольны выборомъ".

Слѣдствіемъ этого было то, что къ чтенію означенныхъ лекцій былъ приглашенъ профессоръ Кіевскаго университета Н. Хр. Бунге, которому эти лекціи открыли дорогу къ министерскому портфелю.

За два года до смерти графа Блудова, послѣ ефемернаго министерства графа Путятина (1861), на постъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ 25-го декабря 1861 г. А. В. Головнинъ, имѣвшій большое вліяніе на Академію. Вмѣсто того, чтобы оставлять всецѣло за президентомъ работу о ближайшемъ направленіи дѣлъ, касающихся внутренней жизни ученаго учрежденія, онъ часто принималъ такую заботу непосредственно на себя, пользуясь при этомъ правами добраго лицейскаго товарищества со мною. Минуя громоздкія формы оффиціальныхъ бумагъ за номеромъ, онъ, и будучи уже министромъ, сохранилъ для сношеній между нами существовавшую и прежде форму маленькихъ интимныхъ записокъ даже и тогда, когда онѣ касались дѣлъ Академіи. Пока живъ былъ Блудовъ, вліяніе Головнина на Академію было еще не очень чувствительно, но при преемникѣ Блудова,—при графѣ Литке, оно было таково, что въ сущности Академіей управлялъ не столько президентъ, сколько непосредственно самъ министръ.

Однимъ изъ первыхъ дебютовъ Головнина въ роли министра народнаго просвѣщенія была забота объ упорядоченіи всего, что касается дѣлъ періодической печати и въ особенности цензуры, бывшей въ то время еще въ вѣдомствѣ того министерства. Въ этихъ видахъ, онъ, вскорѣ послѣ своего назначенія, пригласилъ къ себѣ редакторовъ нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ на совѣщаніе объ этомъ предметѣ, а вслѣдъ затѣмъ, въ февралѣ 1862 г., и я былъ приглашенъ къ Головнину, который сообщилъ мнѣ о своемъ предположеніи дать дѣлу цензуры иную организацію, а для доставленія по этому предмету проекта новаго устава назначить особую коммиссію, придавъ ей, въ отношеніи ея состава, не столько чиновничій, сколько ученый характеръ; вслѣдствіе чего онъ назначаетъ меня предсѣдателемъ такой коммиссіи. Какъ я ни отнѣкивался отъ такой чести, приводя разные резоны, онъ, однако, принимая, кажется, мой отказъ за отказъ пьяницы отъ чарки вина, настоялъ на своемъ и заставилъ меня согласиться, сказавъ съ удареніемъ, что я долженъ принять предсѣдательство въ коммиссіи, на которую будетъ возложено дѣло такой государственной важности, и что онъ мнѣ предоставляетъ сдѣлать выборъ лицъ для назначенія въ члены этой коммиссіи. На это я замѣтилъ, что для сохраненія за коммиссіею, согласно его желанію, характера ученаго, естественнѣе всего было бы составить ее изъ профессоровъ университета какъ юристовъ, такъ и тѣхъ, которые и сами бывали цензорами и слѣдовательно знакомы съ цензурною практикою, при чемъ, въ видѣ примѣра, назвалъ А. В. Ни-

китенко; впрочемъ, я просилъ дать мнѣ подумать объ остальныхъ, и мы условились, что дня черезъ два или три я представлю ему списокъ предполагаемыхъ мною кандидатовъ въ члены коммиссіи. На этомъ мы и разстались, но еще не истекъ этотъ срокъ, какъ я получилъ уже теперь отъ министра оффиціальную бумагу, которою мнѣ давалось знать, что коммиссія для пересмотра, измѣненія и дополненія постановленій по дѣламъ книгопечатанія, назначена имъ подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Д. А. Оболенскаго, и что я назначенъ въ эту коммиссію членомъ. Эта сухая оффиціальная бумага послѣ выше описанной полу-начальнической, полу-товарищеской бесѣды, безъ всякихъ объясненій о причинѣ перемѣны, не могла не возмутить меня, и я въ первую минуту хотѣлъ было написать Головнину письмо, съ просьбою уволить меня изъ числа членовъ коммиссіи; но въ это самое время пріѣзжаетъ ко мнѣ князь Оболенскій и сообщаетъ, что Головнину очень совѣстно, что онъ такъ поступилъ со мною, при чемъ Оболенскій усердно просилъ меня не отказываться отъ членства въ коммиссіи. Нечего было дѣлать; чтобы не выказывать мелочную обидчивость, когда дѣло идетъ о дѣлѣ дѣйствительно государственной важности, я, по слабости характера, уступилъ и впослѣдствіи жалѣлъ.

Эта коммиссія состояла, кромѣ меня, изъ предсѣдателя Петербургскаго цензурнаго комитета, В. А. Цеэ, профессора полицейскаго права Петербургскаго университета Андріевскаго и директора департамента народнаго просвѣщенія Воронова. Засѣданія коммиссіи начались тотчасъ по ея учрежденіи и происходили въ квартирѣ Оболенскаго, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ графа Протасова, тестя Оболенскаго. Въ первыхъ засѣданіяхъ предстоявшая работа была раздѣлена между членами: на меня было возложено—приготовить главу о періодическихъ изданіяхъ; Вороновъ взялъ на себя главу о порядкѣ надзора за типографіями, литографіями и другими заведеніями, связанными съ печатнымъ дѣломъ; Андріевскій долженъ былъ проектировать статьи о карательныхъ мѣрахъ за проступки и преступленія, совершенные посредствомъ печатнаго слова, а князь Оболенскій оставилъ за собою проектированіе общихъ постановленій. По распредѣленіи такимъ образомъ работы, мы разстались до осени, обязавшись изготовить къ тому времени каждымъ принятую имъ на себя часть общаго труда. Я тотчасъ же принялся за спеціальное изученіе законодательства о періодической печати главнѣйшихъ государствъ: Франціи, Бельгіи, Австріи, Пруссіи и другихъ государствъ Германіи; обложившись полною, или по крайней мѣрѣ лучшею литературою предмета, трактатами и комментаріями, я при помощи такихъ пособій составилъ проектъ постановленій, который по долгомъ обдумываніи представлялся мнѣ наиболѣе отвѣчающимъ съ

одной стороны видамъ правительства, а съ другой—интересамъ литературы..

Еще не возобновлялись засѣданія коммиссіи и проектъ мой еще не былъ сообщенъ ни предсѣдателю, ни членамъ ея, какъ Головнинъ раза два призывалъ меня къ себѣ, чтобы освѣдомиться о положеніи работъ коммиссіи, и, узнавъ, что лежавшая на мнѣ часть ихъ уже готова, потребовалъ, чтобы я написалъ о главныхъ выводахъ, къ которымъ я пришелъ, «статью для газетъ». Это было совершенно въ его духѣ. Объ этихъ выводахъ онъ весьма мало меня разспрашивалъ, а главнымъ дѣломъ для него было завязать газетную полемику. Въ первый разъ, что онъ говорилъ мнѣ объ этомъ, я еще могъ отдѣлаться кое-какими уклончивыми фразами, но когда онъ во второй разъ повторилъ свое требованіе о газетной статьѣ, я вынужденъ былъ сказать ему, что приготовленная мною работа есть изложеніе пока лишь моего личнаго взгляда, до котораго публикѣ нѣтъ никакого дѣла; что работа моя исполнена по порученію коммиссіи, но ей еще не была сообщена, и что поэтому отдать ее на судъ печати, прежде чѣмъ она подвергнется обсужденію членовъ коммиссіи, я счелъ бы поступкомъ неприличнымъ по отношенію своихъ товарищей по коммиссіи. Такое возраженіе не понравилось министру, да и не могло ему понравиться. Головнинъ при всей своей учтивости—даже утонченной учтивости—не терпѣлъ, какъ министръ, возраженій, и тотчасъ же впадалъ въ начальническій тонъ, съ оттѣнкомъ досады. Какъ бы то ни было, я не поступился своими убѣжденіями и статьи для газетъ не написалъ.

Такая неподатливость моя получила потомъ должное возмездіе. Когда коммиссія, окончивъ порученное ей дѣло, была 14-го января 1863 года закрыта, то Головнинъ объявилъ князю Оболенскому, за его усердіе, благодарность его императорскаго величества, предоставивъ ему объявить такую же и лицамъ, участвовавшимъ въ трудахъ коммиссіи. Эта градація въ способѣ объявленія высочайшей благодарности была тонкимъ чиновничьимъ уколомъ, который я понялъ, но къ которому остался совершенно равнодушенъ. Работая не для наградъ, я счелъ для себя самою лучшею наградою то, что проектированныя мною статьи закона о печати, относящіяся до періодическихъ изданій, по обсужденіи ихъ какъ въ означенной коммиссіи, такъ и въ бывшей потомъ по тому же предмету второй коммиссіи, и наконецъ въ Государственномъ Совѣтѣ, были одобрены почти безъ всякихъ существенныхъ измѣненій и вошли въ дѣйствующій законъ почти цѣликомъ въ той редакціи, какая была мною предложена.

Во все время президентства графа Блудова расходъ на удовлетвореніе такихъ потребностей Академіи, для которыхъ по штату не отпускалось особыхъ суммъ изъ Государственнаго казначейства, произ-

водился изъ бывшей тогда въ ея распоряженіи такъ называемой экономической суммы, составлявшейся изъ доходовъ, какіе ей предоставлялось самой извлекать изъ назначенныхъ ей для этого оброчныхъ статей, а именно изъ доходовъ отъ изданія «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», отъ продажи календарей, отъ частныхъ работъ, производимыхъ въ типографіи Академіи, отъ продажи академическихъ изданій и пр. Поэтому увеличеніе доходности этихъ источниковъ составляло постоянную заботу ея администраціи. Обстоятельства времени, о которомъ я говорю, заставили обратить особое вниманіе на необходимость мѣръ къ увеличенію доходности «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Эта газета, старѣйшая представительница русской періодической печати, была долгое время въ рукахъ Очкина, который былъ сперва только редакторомъ на жалованьи, когда газета издавалась самою Академіею, а потомъ получилъ ее въ арендное содержаніе, соединяя въ себѣ званіе и редактора и издателя. Послѣдній контрактъ его съ Академіей былъ заключенъ 28-го декабря 1856 года, срокомъ на шесть лѣтъ, т. е. по 28-е декабря 1862 года, такъ что дальнѣйшія мѣры относительно этой газеты приходились на время президентства Блудова. Очкинъ велъ редакторское дѣло «аккуратно [1]) и благонамѣренно», не ссорился съ своимъ цензоромъ [2]), такъ какъ онъ и самъ былъ прежде цензоромъ; понимая свое время и будучи по природѣ человѣкомъ смирнымъ и даже смиреннымъ, онъ былъ самъ для своей газеты строже всякаго цензора. При этомъ онъ, конечно, не могъ придать «Вѣдомостямъ» особой жизни и значенія и если свою аренду, впрочемъ очень умѣренную [3]), онъ долгое время уплачивалъ исправно, т. е. другими словами—велъ дѣло не безъ выгоды для себя, то единственно благодаря тому, что «С.-Петербургскія Вѣдомости» были долгое время вполнѣ защищены отъ всякой конкурренціи [4]). Но эта блаженная для редакціи пора постепенно, незамѣтно смѣнялась иными днями: съ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ литература стала оживляться, печатному слову

---

[1]) Объ этихъ мѣрахъ я имѣлъ случай помѣстить особую статью въ „Русскомъ Архивѣ“ П. И. Бартенева, 1893 г., № 7; но для полноты разсказа о дѣлахъ, характеризующихъ президентство Блудова, я позволилъ себѣ привести здѣсь небольшое извлеченіе изъ той статьи.

[2]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ до 1848 г. издавались безъ цензуры, но въ этомъ году въ числѣ другихъ мѣръ усиленія надзора за періодическою печатью, и имъ данъ съ 9-го апрѣля того года цензоръ.

[3]) Онъ платилъ Академіи за право изданія по 13.000 руб. въ годъ, и сверхъ того по 1 рублю за каждый годовой экземпляръ газеты свыше 5.000 экземпляровъ.

[4]) Въ то время еще не утратилъ силы циркуляръ графа Уварова по цензурному вѣдомству отъ 1-го октября 1836 г., запрещавшій входить съ представленіями о разрѣшеніи новыхъ періодическихъ изданій.

понемногу давалось болѣе простора, начали появляться новыя періодическія изданія, и къ ежедневнымъ газетамъ ходъ времени предъявлялъ новыя требованія, тогда какъ самъ Очкинъ старѣлъ, былъ одолѣваемъ старческими недугами, и послѣ случившагося съ нимъ параличнаго припадка, былъ вынужденъ ежегодно въ лѣтніе мѣсяцы ѣздить для лѣченія за границу на минеральныя воды. Въ этихъ обстоятельствахъ онъ взялъ себѣ въ помощники А. А. Краевскаго, съ которымъ и заключилъ частный контрактъ; этотъ контрактъ, какъ частная между ними сдѣлка, былъ заключенъ помимо Академіи, которой содержаніе его оставалось неизвѣстнымъ. Кажется, по заключеніи такого контракта, Очкинъ былъ только по имени редакторомъ газеты, а въ дѣйствительности редактировалъ, а, можетъ быть, и издавалъ ее Краевскій; но до этого Академіи не было никакого дѣла, такъ какъ всѣ обязательства контрагента по отношенію къ ней въ точности исполнялись. Краевскій, я думаю, видя въ Очкинѣ человѣка отжившаго, разбитаго параличемъ, не упустилъ бы, если бы могъ, перевести на свое имя весь контрактъ его съ Академіею; но дѣло въ томъ, что едва-ли онъ въ то время могъ бы получить на такую передачу разрѣшеніе со стороны цензурнаго вѣдомства, у котораго онъ состоялъ еще съ 1849 года на худомъ счету [1]), такъ что когда въ 1855 г. Очкинъ уѣзжалъ на три мѣсяца за границу лѣчиться, министръ народнаго просвѣщенія, разрѣшивъ поручить Краевскому на это время всѣ обязанности редактора и издателя «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», предложилъ Академіи имѣть за редакціею ихъ самое строгое наблюденіе.

Въ этихъ обстоятельствахъ, въ виду предстоявшаго истеченія срока контракта съ Очкинымъ, Академія должна была заблаговременно позаботиться о томъ, чтобы передать газету въ болѣе солидныя руки; чтобы въ то время, какъ подготовлялись великія реформы государственныя, открывались новые горизонты для общественной дѣятельности и зарождалась у насъ публицистика, имѣть во главѣ редакціи человѣка, который сдѣлалъ бы изъ старѣйшей русской газеты органъ, отвѣчающій требованіямъ времени [2]). Въ охотникахъ сѣсть послѣ Очкина на редакторское кресло недостатка не было, осо-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1892 г., іюль, Воспоминанія С. Д. Полторацкаго, стр. 46.

[2]) Что такимъ человѣкомъ не могъ быть и физически и умственно отжившій Очкинъ, въ томъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Это доказалъ всего лучше самъ же Очкинъ, когда, по прекращеніи контракта съ Академіей, онъ затѣялъ издавать новую ежедневную газету „Очерки“, жалко просуществовавшую всего съ небольшимъ три мѣсяца (съ 1-го января по 8-е апрѣля 1863 г.), а черезъ два года и самъ Очкинъ скончался, 12-го марта 1865 года.

бенно между чиновниками и такого сорта претендентами, которые готовы были, за неимѣніемъ литературныхъ заслугъ, проложить себѣ дорожку путемъ протекціонизма. При этомъ случаѣ нельзя не вспомнить съ глубокою признательностью о графѣ Д. Н. Блудовѣ. Высоко цѣня Академію, онъ никогда не оказывалъ на нее какого-либо давленія, въ угоду какихъ бы то ни было вліяній на него со стороны; по отличавшему его возвышенному чувству справедливости, онъ, во всѣхъ дѣлахъ, связанныхъ съ честью Академіи, оказывалъ ей полное довѣріе и предоставлялъ ей самой свободно рѣшать всѣ тѣ самые существенные и часто деликатные вопросы, по которымъ она одна несла отвѣтственность. Когда я въ первый разъ докладывалъ ему дѣло о газетѣ и спросилъ, не имѣетъ ли онъ въ виду кого-либо, кому онъ счелъ бы желательнымъ поручить редакцію, то Блудовъ сказалъ, что онъ предоставляетъ Академіи поискать достойнѣйшаго, полагаясь вполнѣ на ея выборъ, но не желаетъ стѣснять ее какимъ-либо съ своей стороны указаніемъ, лишь бы только не былъ ею предложенъ въ редакторы Краевскій. Это произнесъ онъ съ особымъ удареніемъ, которое давало знать, что то была не мимолетная фраза. Тогда я обратилъ вниманіе Блудова на то, что лучшею большою политическою газетою были тогда «Московскія Вѣдомости», обязанныя своимъ превосходствомъ, конечно, таланту М. Н. Каткова, бывшаго ихъ редакторомъ до 1855 г. и который, можетъ быть, согласится переселиться въ Петербургъ и взять въ аренду академическую газету. Эта мысль очень понравилось графу и по его порученію я тотчасъ же написалъ объ этомъ Каткову въ Москву. Но прошло много времени, а отвѣта на мое письмо не было. Такое молчаніе нельзя было понять иначе, какъ за отказъ, а между тѣмъ время летѣло, и долѣе медлить рѣшеніемъ дѣла о газетѣ не было возможно. Тогда явилась мысль о Валентинѣ Ѳедоровичѣ Коршѣ. Лично его въ Академіи не знали, но на него, какъ на желаннаго кандидата, указывало то обстоятельство, что онъ былъ послѣ Каткова, т. е. съ 1856 г., редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей» и съ того времени содѣйствовалъ доставленію этой газетѣ выдающагося положенія въ русской тогдашней прессѣ [1]). Въ этихъ соображеніяхъ было, по порученію Блудова, писано Коршу, который, вмѣсто того, чтобы перекидываться письмами, тотчасъ пріѣхалъ изъ Москвы и подалъ Блудову, 23-го января 1862 г., записку объ условіяхъ, на которыхъ онъ соглашался принять на себя изданіе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Вслѣдъ затѣмъ, 16-го апрѣля того же года

---

[1]) Помощникомъ Корша по редакціи означенныхъ „Вѣдомостей“ былъ съ 1856 года по октябрь 1857 года К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, а послѣ него— М. П. Щепкинъ.

было получено въ Академіи отъ Головнина увѣдомленіе, что, по его всеподданнѣйшему докладу о порядкѣ отдачи въ аренду «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», государь императоръ повелѣть соизволилъ: предоставить графу Блудову отдавать эти «Вѣдомости» собственною его властью лицамъ по его избранію и на условіяхъ, какія онъ признаетъ правильными [1]). При этомъ Головнинъ просилъ увѣдомить его, только для свѣдѣній, кому и на какихъ условіяхъ будетъ предоставлено изданіе «Вѣдомостей». На этомъ основаніи проектъ контракта съ Коршемъ былъ утвержденъ графомъ Блудовымъ 28-го апрѣля 1862 г. срокомъ на шесть лѣтъ, съ 1-го января 1863 г. по 31-е декабря 1868 г. Прибавлю съ сожалѣніемъ, что Коршъ не совладѣлъ со всѣми трудностями, какія ему представились при изданіи газеты, и далъ поводъ къ тому, что «С.-Петербургскія Вѣдомости» были графомъ Д. А. Толстымъ перенесены изъ Академіи наукъ въ непосредственное завѣдываніе министерства народнаго просвѣщенія. Но это относится уже къ позднѣйшему времени, которое лежитъ за предѣлами того періода лѣтъ, которыми ограничиваются настоящія воспоминанія.

Нѣсколько дней спустя по рѣшеніи дѣла съ Коршемъ, но еще до подписанія контракта съ нимъ, Блудовъ потребовалъ меня къ себѣ и сказалъ: «Вотъ Катковъ пріѣхалъ изъ Москвы и былъ у Антонины (дочери графа, жившей вмѣстѣ съ нимъ), которая проситъ отдать ему «С.-Петербургскія Вѣдомости»; но я сдѣлать этого не могу, такъ какъ я далъ слово Коршу. Я готовъ доставить Каткову вознагражденіе въ иномъ видѣ. Повидайтесь съ нимъ и предложите ему, не хочетъ ли онъ взять и издавать отъ имени Академіи ученый журналъ, въ родѣ Парижскаго Journal des Savants, при чемъ мы могли бы предоставить ему нужныя средства. А между тѣмъ онъ незнакомъ съ министромъ народнаго просвѣщенія и желаетъ быть ему представленнымъ. Вы хорошо знакомы съ Головнинымъ, такъ съѣздите къ нему съ Катковымъ и представьте его министру».

Такъ и было сдѣлано. Я заѣхалъ за Катковымъ въ гостиницу, въ которой онъ остановился, и привезъ его къ Головнину, который жилъ тогда на Гагаринской пристани, въ домѣ Яковлева. Представленіе было не длинное и ограничилось обычнымъ въ этихъ случаяхъ обмѣномъ фразъ. Головнинъ, который съ близкими ему людьми и въ интимномъ кругу былъ привѣтливъ и изысканно любезенъ, почему-то, когда говорилъ какъ министръ, съ людьми мало ему знакомыми, старался принимать на себя видъ какой-то напускной важности—gravitas romana—

[1]) Этимъ отмѣнялся существовавшій дотолѣ порядокъ, по которому объ отдачѣ „Вѣдомостей“ въ аренду Академія входила съ представленіемъ къ министру народнаго просвѣщенія, а имъ дѣло вносилось въ Комитетъ министровъ.

которая такъ мало шла къ его внѣшности. Этимъ ли или чѣмъ другимъ, только произвелъ онъ на Каткова невыгодное впечатлѣніе, и когда мы вышли отъ министра и спускались съ лѣстницы, Катковъ тутъ же коротко сказалъ мнѣ: «а не нравится мнѣ вашъ Головнинъ».

Сдача съ 1863 г. «Петербургскихъ Вѣдомостей» въ аренду Коршу повлекла за собою два эпилога. Для Каткова она послужила поводомъ просить и получить въ арендное содержаніе «Московскія Вѣдомости», которыя онъ прежде издавалъ только какъ редакторъ на жалованьи за счетъ университета, и создать одною силою своего таланта органъ печати небывалаго до того времени значенія. Въ немъ онъ явился систематическимъ и сильнымъ противникомъ Головнина и своими яростными на него нападками много содѣйствовалъ его паденію. А. Краевскій нашелъ себѣ дорогу къ сердцу министра народнаго просвѣщенія и при его поддержкѣ основалъ свою ежедневную политическую газету «Голосъ», съ характеромъ министерскаго оффиціоза, который однако не смогъ защитить Головнина отъ нападокъ московской газеты, но за то съ самаго своего основанія радушно открылъ свои столбцы, вѣроятно въ интересахъ народнаго просвѣщенія, безпрестаннымъ и всяческимъ нападкамъ на Академію наукъ.

Когда Шницлеръ задумалъ свое извѣстное сочиненіе «L'Empire des Tzars», то, будучи знакомъ съ А. В. Головнинымъ, обратился къ нему съ просьбою содѣйствовать ему въ исполненіи этого предпріятія сообщеніемъ свѣдѣній о министерствѣ народнаго просвѣщенія и подвѣдомыхъ ему учрежденіяхъ. Такъ какъ это соотвѣтствовало всегдашнимъ заботамъ нашего правительства способствовать распространенію за границей правильныхъ свѣдѣній о Россіи, то Головнинъ принялъ просьбу Шницлера очень горячо и поручилъ составленіе записки съ означенными свѣдѣніями одному изъ чиновниковъ его министерства, который исполнялъ приказанія начальства, какія бы они ни были, безъ отговорокъ и скоро. Записка была составлена и приготовлена къ печати; но когда она была представлена Головнину въ корректурѣ, то онъ, прежде чѣмъ одобрить ее, прислалъ ее мнѣ при слѣдующей цидулкѣ: отъ 27-го октября 1863 г. «Прилагаемая при семъ въ корректурѣ записка составлена для Шницлера, который помѣститъ ее въ третьемъ томѣ «L'Empired es Tzars», и можетъ быть и мы напечатаемъ ее въ «Журналѣ министерства просвѣщенія», но прежде отсылки Шницлеру прошу васъ потрудиться исправить свѣдѣнія, касающіяся Академіи наукъ, и возвратить мнѣ».

Прочитавъ записку, я увидѣлъ, что составитель ея, очевидно, совсѣмъ незнакомый съ исторіею Академіи наукъ, не придумалъ ничего лучшаго, какъ взять всѣ свѣдѣнія о ней изъ одной весьма тенденціозной о ней статьи Русскаго Энциклопедическаго Словаря. Поэтому, возвращая Головнину доставленную имъ корректуру, я отвѣчалъ ему, что въ приго-

товленной для Шницлера запискѣ «статья объ Академіи наукъ составлена весьма неудовлетворительно; при всей своей краткости, она содержитъ въ себѣ много невѣрнаго относительно Академіи, и при томъ, такъ какъ эта невѣрность относятся не столько къ существу фактовъ, сколько къ ихъ оцѣнкѣ и къ духу изложенія, то исправить эту статью измѣненіемъ нѣкоторыхъ выраженій и невѣрныхъ указаній на факты невозможно, а было бы необходимо, вмѣсто нея, составить совершенно новую статью, которая полнѣе и правильнѣе изображала бы исторію Академіи и болѣе соотвѣтствовала бы требованію тѣхъ читателей, для которыхъ она назначается. Самъ г. Шницлеръ, человѣкъ весьма начитанный и хорошо знакомый съ трудами нашей Академіи, былъ бы, конечно, весьма удивленъ этой статьѣ, если бы получилъ ее въ настоящей ея редакціи и при томъ отъ самого министерства народнаго просвѣщенія. Еще менѣе удобно было бы помѣщеніе этой статьи въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія». Въ поясненіи моей мысли долгомъ считаю присовокупить, что составитель упомянутой статьи, видимо, въ своемъ изложеніи слишкомъ близко держался статьи, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ была напечатана противъ Академіи, и въ которой авторъ, увлекаясь пристрастными взглядами той школы, къ которой онъ принадлежитъ, очевидно, нисколько не дорожа историческою истиною, искаженіе фактовъ недостаточно извѣстной ему исторіи Академіи употребилъ какъ средство для проведенія своихъ односторонних политическихъ убѣжденій, не имѣющихъ, впрочемъ, никакого отношенія къ исторіи наукъ. Такъ какъ по изложеннымъ выше причинамъ исправить доставленную вами статью невозможно, то долгомъ считаю обратить ваше вниманіе на то, что для приложенія къ составляемому нынѣ проекту устава изготовляется историческая записка о трудахъ и дѣятельности Академіи за все время ея существованія, и что этою запискою могла бы быть замѣнена статья объ Академіи въ запискѣ, назначенной для г. Шницлера».

На это Головнинъ отвѣчалъ записочкой отъ 4-го ноября: «я вамъ чрезвычайно благодаренъ за прекрасную мысль замѣнить въ запискѣ для Шницлера то, что говорится объ Академіи, статьею, которая изготовляется у васъ, и буду ожидать эту статью съ нетерпѣніемъ».

Нѣсколько дней послѣ того, именно 12-го ноября того же 1863 г., я получилъ отъ Головнина слѣдующую писульку: «Вотъ, почтеннѣйшій Константинъ Степановичъ, статья «Современника», которою я прошу васъ серіозно заняться и на которую написать сильное опроверженіе, чтобы разъ навсегда покончить съ толками о безполезности Академіи; пожалуйста покажите мнѣ вашу статью прежде напечатанія».

При этой запискѣ была приложена октябрьская книжка «Современ-

ника» 1863 г., въ которой въ отдѣлѣ «Внутреннее Обозрѣніе» стр. 403—409, былъ напечатанъ написанный въ ироническомъ тонѣ обзоръ нѣкоторыхъ послѣднихъ трудовъ Академіи, преимущественно по отдѣленію русскаго языка и словесности, и помѣщены насмѣшки надъ Я. К. Гротомъ и надъ его изданіемъ Державина.

Такое подталкиваніе меня Головнинымъ на полемику съ газетами изъ-за Академіи—было не первое; напротивъ, подобныя требованія возобновлялись имъ нерѣдко, и я рѣшился разъ навсегда покончить не съ газетными выходками противъ Академіи—ихъ нельзя прекратить никакими опроверженіями—а съ наталкиваніями меня на газетную войну. Въ этихъ видахъ я написалъ Головнину совершенно частное, интимное письмо, въ которомъ очень откровенно высказалъ мои взгляды на вопросъ, поднятый его пріятельскою записочкой. Если такое учрежденіе, какъ Академія наукъ, можетъ черезъ газеты опровергать лишь невѣрное изложеніе фактовъ, до нея относящихся, но не имѣетъ никакихъ средствъ на то, чтобы прекратить въ газетахъ сужденія и толки о ней хотя бы даже и о безполезности ея, особенно еще менѣе можетъ она выступать съ опроверженіями противъ насмѣшекъ надъ нею, когда вся цѣль журнальныхъ балагуровъ—показать свое остроуміе и позабавить читателей подобно анонимному остряку фельетоннаго отдѣла «Современника». Наконецъ, если Головнинъ желаетъ прекращенія газетныхъ нападокъ на Академію, то у него для этого есть всѣ средства. Главнымъ образомъ эти нападки пускаются въ свѣтъ газетою, составляющею оффиціозный органъ его министерства «Голосомъ», а оттуда, какъ эхо, вторятся другими изданіями, и ему стоитъ сказать слово Краевскому, и нападки прекратятся. Моею откровенностью Головнинъ оскорбился и отвѣчалъ мнѣ не маленькой писулькой, съ которой завязалась эта переписка, а длиннымъ письмомъ въ начальническомъ тонѣ. Въ немъ совершенно соглашаясь съ тѣмъ, что Академіи не слѣдуетъ вступать въ споры съ журналами, отличающимися недобросовѣстностью къ ней, онъ утверждаетъ, будто ученая дѣятельность Академіи подвергается въ теченіе многихъ лѣтъ порицаніямъ (совершенно произвольное и ни на чемъ не основанное утвержденіе) и такъ какъ они остаются безъ опроверженія (какъ будто можно опровергать порицанія; противъ нихъ можно только оправдываться, но оправданія путемъ газетъ были бы несогласны съ достоинствомъ Академіи, да они были бы и безполезны; единственнымъ достойнымъ ея оправданіемъ служатъ ея собственныя изданія, весьма распространенныя и уважаемыя во всемъ ученомъ мірѣ); далѣе онъ заявляетъ, будто этими газетными порицаніями обусловливаются между прочимъ трудности, съ которыми сопряжено усиленіе средствъ Академіи (тогда какъ Головнинъ, будучи

министромъ, не сдѣлалъ ни одной попытки къ какому бы то ни было усиленію средствъ Академіи), и сводитъ все это къ тому, что обвиняетъ во всемъ этомъ непремѣннаго секретаря, упрекая меня въ томъ, что я не пишу въ газетахъ популярныхъ статей о трудахъ Академіи, т. е. другими словами—что я не рекламирую академическихъ изданій, какъ будто писаніе такихъ статей входитъ въ кругъ обязанностей непремѣннаго секретаря, а не частныхъ періодическихъ изданій, которыя понимаютъ свой долгъ передъ отечественнымъ просвѣщеніемъ.

Эта переписка имѣла послѣдствіемъ, что понуканія меня на газетную полемику съ той поры прекратились, но за то между нами произошло охлажденіе, продолжавшееся все время, что Головнинъ былъ министромъ.

Въ дѣлѣ пополненія рядовъ членовъ Академіи графъ Блудовъ дѣлалъ строгое различіе между избраніемъ дѣйствительныхъ ея членовъ и членовъ почетныхъ; относительно первыхъ, онъ предоставлялъ конференціи полную свободу, не желая стѣснять ее какими-либо съ своей стороны внушеніями, зато относительно назначеніи почетныхъ членовъ онъ широко пользовался правами, присвоенными президенту уставомъ. За его время на открывавшіяся вакатныя мѣста были приняты академики: по физико-математическому отдѣленію: математикъ О. И. Сомовъ, астрономъ А. Н. Савичъ, зоологъ Л. И. Шренкъ и физіологъ—Ф. В. Овсянниковъ; по отдѣленію русскаго языка и словесности: П. П. Павскій, Ѳ. И. Буслаевъ, П. С. Билярскій, П. П. Пекарскій; и по историко-филологическому отдѣленію: по языкамъ и этнографіи финскихъ племенъ Ф. И. Видеманъ, по греческой и римской словесности А. К. Наукъ, и оріенталистъ В. В. Вельяминовъ Зерновъ.

Такъ какъ число почетныхъ членовъ не ограничено ни уставомъ, ни какимъ-либо постановленіемъ конференціи, то президентъ имѣлъ полный просторъ предлагать къ избранію такое число, какое считалъ нужнымъ. Такимъ образомъ по его предложенію было избрано почетныхъ членовъ: въ 1855 году—8, 1856—11, 1857—11, 1858—8, 1859—4, 1861—2, 1862—1, 1863—4, всего—49 членовъ.

Правда, что академики считали такое переполненіе списка почетныхъ членовъ по разнымъ причинамъ неудобнымъ и нежелательнымъ; но изъ уваженія къ Блудову давали, хотя и не охотно, бѣлые шары предлагавшимся имъ кандидатамъ.

Какъ непремѣнный секретарь, будучи поставленъ въ частыя непосредственныя отношенія къ графу Блудову, я получилъ возможность близко узнать эту почтенную личность, и болѣе и болѣе проникался глубокимъ къ нему уваженіемъ. Первый сановникъ въ Имперіи, принимавшій въ теченіе болѣе полустолѣтія участіе въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, осыпанный милостями двухъ монарховъ, Блудовъ и на высотѣ своего

общественнаго положенія сохранялъ свою необыкновенную простоту, какъ въ обращеніи съ людьми, такъ и въ своей жизни. Не дѣлая различія между сходившимися съ нимъ, ни по чинамъ, ни по богатству или знатности, онъ цѣнилъ въ людяхъ только умъ и душевныя достоинства, былъ ко всѣмъ привѣтливъ и доброжелателемъ. Въ его обращеніи не было замѣтно и тѣни какого-либо высокомѣрія или чувства своего превосходства, какія въ его высокомъ положеніи могли бы быть столь естественны и извинительны. Такъ съ нами, съ академиками, онъ былъ какъ равный съ равными. Когда онъ былъ назначенъ президентомъ, онъ жилъ во второмъ этажѣ небольшаго дома Бодиско, по Офицерской улицѣ, возлѣ Пассажа; кто бы зашелъ въ его квартиру, не зная, кѣмъ она занята, никакъ бы не угадалъ, что тутъ живетъ важный государственный сановникъ, такъ проста была вся обстановка небольшаго числа занимаемыхъ имъ комнатъ, съ ихъ незатѣйливою мебелью, съ отсутствіемъ въ нихъ какихъ бы ни было предметовъ роскоши, и единственною декораціею которыхъ служили развѣшенные по стѣнамъ фамильные портреты въ старинныхъ, потускнѣвшихъ рамахъ.

Другою характерною чертою Блудова была необыкновенная душевная доброта, не та, которая выражается пріятными улыбками и ласковыми словами, а доброта, вытекающая прямо изъ сердечной потребности. Блудовъ былъ счастливъ, когда могъ оказать кому-нибудь услугу, или сдѣлать человѣку что-нибудь пріятное. Ни въ одномъ вѣдомствѣ служащіе не получали столько наградъ, какъ во Второмъ отдѣленіи Собственной Е. И. В. канцеляріи за время завѣдыванія имъ Блудова. Точно также въ Академіи никогда ни прежде, ни послѣ не было столько награждаемыхъ, какъ при немъ, и я могу по всей справедливости сказать, что когда дѣлаемыя имъ представленія о наградахъ удостоивались высочайшаго утвержденія, онъ радовался больше, чѣмъ сами награжденные.

Искренно гуманный, графъ Н. Д. Блудовъ былъ глубоко преданъ дѣлу просвѣщенія и блага отечества. Очень хорошо сказалъ о немъ одинъ изъ близкихъ друзей его, М. Н. Лонгиновъ: «Никакія вліянія, никакія колебанія въ историческомъ ходѣ судебъ нашего отечества не могли заставить его измѣнить дѣлу просвѣщенія, когда обстоятельства неблагопріятствовали этому дѣлу. Посреди такихъ обстоятельствъ онъ иногда удалялся и молчалъ, но не принималъ солидарности съ ними, и ему никогда не предложили бы дѣйствовать въ подобныхъ обстоятельствахъ; а это уже было много. Роль графа Блудова въ этомъ отношеніи была не только блистательна, но и благотворна» [1]).

Въ связи съ содержаніемъ этой замѣтки позволю себѣ привести здѣсь

---

[1]) Современная лѣтопись „Московскихъ Вѣдомостей" 1864, № 8-й.

слышанное мною въ то время отъ одного лица, близко знакомаго съ дѣловыми сферами Петербурга. Императоръ Николай Павловичъ очень цѣнилъ и уважалъ Блудова, но замѣчалъ, что его чрезвычайная доброта и неподдѣльная скромность лишаютъ его тѣхъ свойствъ, которыя въ то время признавались необходимыми для высшихъ административныхъ должностей [1]; въ этомъ-то именно смыслѣ государь говорилъ о Блудовѣ: «cet homme n'a jamai eu le courage d'être quelque chose» [2].

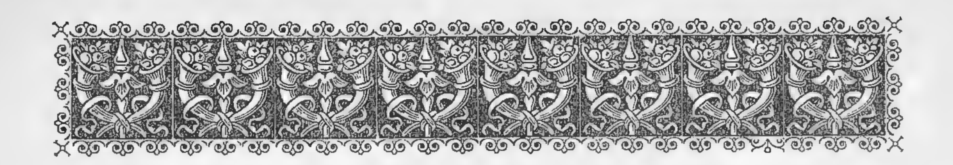
Когда болѣзнь, при его преклонномъ возрастѣ, заставляла ожидать близкой кончины Блудова, Головнинъ призвалъ меня къ себѣ и спросилъ, кого бы Академія могла желать себѣ президентомъ. Не будучи приготовленъ къ такому вопросу, я отвѣчалъ, что между академиками я не слышалъ объ этомъ разговоровъ. Тогда онъ перебралъ нѣсколько именъ, не останавливаясь, впрочемъ, ни на одномъ предпочтительно, какъ бы выражая, что самъ онъ еще не имѣетъ подходящаго кандидата. Это дало мнѣ поводъ замѣтить, что возможна еще другая комбинація, соединеніе званія президента съ должностью министра просвѣщенія. «О нѣтъ, это теперь было бы неудобно», возразилъ онъ. На этомъ кончилась наша бесѣда, въ теченіе которой ни разу не было упомянуто имя того, кто пять, шесть дней послѣ былъ посаженъ на президентское кресло.

Блудовъ скончался 19-го февраля 1864 года и былъ погребенъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры; при отпѣваніи въ церкви присутствовали государь императоръ, члены императорской фамиліи, высшіе чины служебнаго міра, представители Академіи наукъ и высшаго общества столицы и тутъ же въ церкви кто-то сообщилъ свѣжую новость—о назначеніи президентомъ Академіи адмирала Ѳ. П. Литке (онъ тогда еще не былъ графомъ). При этомъ извѣстіи у меня такъ и іокнуло сердце. Я зналъ Литке давно, по совмѣстной нашей дѣятельности въ географическомъ обществѣ, истинно уважалъ его, но ясно видѣлъ, чего ему недоставало для того, чтобы быть во главѣ высшаго ученаго учрежденія; переходъ отъ тонко образованнаго, ко всѣмъ привѣтливаго, проникнутаго благодушіемъ Блудова къ сухому, угловатому, полуглухому, полуслѣпому адмиралу былъ слишкомъ рѣзокъ. Предчувствіе мое меня не обмануло. Исторія, если она будетъ когда-нибудь написана, не назоветъ президентство Литке счастливымъ для Академіи временемъ.

К. Веселовскій.

---

[1] Блудовъ перебывалъ прежде министромъ внутреннихъ дѣлъ и министромъ юстиціи.

Три „Молитвы“.

Неоднократно указывалось, какое вліяніе имѣла на Лермонтова могучая поэзія Пушкина. Критики обращали вниманіе на встрѣчающіеся у Лермонтова перепѣвы изъ Пушкина, какъ это сдѣлали, напримѣръ, г. Кончакъ въ «Новомъ Времени» (1899 г., августъ), г. Ѳедоровскій въ брошюрѣ: «Забытый литературный вопросъ» (Тифлисъ, 1891 года), проф. Н. Ѳ. Сумцовъ въ своей статьѣ, о которой будетъ говориться ниже. Болѣе чѣмъ естественно, что Пушкинъ оказалъ сильное вліяніе на своего хотя и геніальнаго современника, но все-же младшаго «брата по музѣ». Но не одинъ Пушкинъ оказалъ свое воздѣйствіе на Лермонтова. Молодой поэтъ, который лишь незадолго до своей безвременной кончины сталъ освобождаться отъ различныхъ вліяній и вступилъ на дорогу истинно-народнаго творчества, не могъ, конечно, «на зарѣ туманной юности» отрѣшиться отъ вліянія современной ему литературы. Она иногда давала поэту не только идеи и темы, но и образы, и, позаимствовавъ ихъ, юноша-поэтъ претворялъ ихъ въ горнилѣ своего вдохновенія, и они выходили и чище, и краше, и благоуханнѣе своихъ первоначальныхъ прообразовъ. На одинъ примѣръ такого заимствованія—при томъ несомнѣннаго—я и хочу здѣсь указать.

Кто не знаетъ знаменитой лермонтовской Молитвы («Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою»)? Стихотвореніе это—одинъ изъ прелестнѣйшихъ цвѣтковъ, вплетенныхъ музою въ поэтическій вѣнокъ Лермонтова, одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній великаго поэта, полное самаго христіанскаго чувства, за душу хватающей любви и нѣжности. Стихи эти—вдохновенное изліяніе поэтической души; они показываютъ, какая небесная красота, какія сокровища духа таились подъ непривѣтливой подчасъ наружностью поэта, въ которомъ не каждый могъ разгадать избранника Божія, и который бывалъ не разъ «межъ дѣтей ничтожныхъ

міра, быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй». Хотя читатель навѣрное знаетъ это стихотвореніе наизусть, я, тѣмъ не менѣе, приведу его цѣликомъ, для того чтобы мой выводъ предсталъ яснѣе.

«Молитва» (въ одной рукописи: «Молитва странника») написана въ 1836 г. Поэтъ обращается къ Божіей Матери:

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью иль покаяніемъ.
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника, въ свѣтѣ безроднаго,
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой заступницѣ міра холоднаго.
Окружи счастіемъ счастья достойную,
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному міръ упованія.
Срокъ ли приблизится часу прощальному,
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела—душу прекрасную.

Въ Альманахѣ бар. А. А. Дельвига: «Сѣверные Цвѣты» на 1826 г. (отдѣлъ «Поэзіи», стр. 92) напечатано недурное стихотвореніе Ѳеод. Ант. Туманскаго, подъ тѣмъ же заглавіемъ, что впослѣдствіи у Лермонтова: Молитва. Приведу и его цѣликомъ:

Благослови, всесильный Боже,
Ея полунощный покой!
Алтарь невинности святой
Есть непорочной дѣвы ложе.
Къ нему до утра призови
Съ толпой счастливыхъ сновидѣній
Мечту небесныя любви,
Восторги чистыхъ наслажденій!
Да безмятежно въ сладкомъ снѣ
Играетъ въ ней веселость та же,
И у возглавья въ тишинѣ
Поставь къ ней ангела на стражѣ.

Въ произведеніяхъ Н. М. Языкова мы находимъ подобное же стихотвореніе, тоже подъ заглавіемъ: Молитва. Оно написано въ 1835 году. Поэтъ проситъ, чтобы ночь продлилась и дала ему, при свѣтѣ молитвенной лампады,

Молиться Богу за нее,
Его прелестное созданье,
Мое любимое мечтанье
И украшеніе мое.

Да жизни мирной и надежной
Онъ дастъ ей счастье на землѣ:
И въ сердцѣ пламень безмятежный,
И ясность мысли на челѣ!
И дастъ ей вѣрнаго супруга,
Младого, чистаго душой,
И съ нимъ семейственный покой,
И въ немъ привѣтливаго друга;
И дастъ почтительныхъ дѣтей,
Здоровыхъ, умныхъ и красивыхъ,
И дочерей благочестивыхъ,
И веледушныхъ сыновей...
. . . .
О! Будь вся жизнь ея свѣтла,
Какъ этотъ сводъ лазури ясной,
Высокій, тихій и прекрасный,
Живая Господу хвала!

Всѣ эти три «Молитвы» имѣютъ между собою много общаго. Начать съ того, что основная мысль въ нихъ одна и та же: въ каждой поэтъ молится о любимой дѣвушкѣ, о дарованіи ей счастья и радости. Затѣмъ и въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ три стихотворенія весьма сходны. Напримѣръ, стихи 9—12 Лермонтовской «Молитвы» соотвѣтствуютъ указаннымъ стихамъ 5—20 стихотворенія Языкова. Какъ Ѳ. Туманскій, такъ и Лермонтовъ—оба просятъ о ниспосланіи къ дѣвѣ ангела: одинъ—къ спящей, а другой къ умирающей. (Сходство не трудно прослѣдить и еще въ нѣкоторыхъ подробностяхъ). На каждомъ изъ этихъ трехъ стихотвореній, столь схожихъ по содержанію и кое-гдѣ по внѣшнему выраженію, однако, отразился духъ его творца. Такъ, «Молитва» Ѳ. Туманскаго отличается какимъ-то спокойствіемъ, ровностью; стихи Языкова дышутъ его всегдашнею бурной страстностью, кипучестью; обычная разочарованность и грусть Лермонтова выразились въ тѣхъ мѣстахъ его «Молитвы», гдѣ онъ говоритъ о себѣ, «страннкѣ въ свѣтѣ безродномъ», о своей «пустынной душѣ».

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ въ своихъ «Изслѣдованіяхъ о Пушкинѣ», говоря «О вліяніи Пушкина на Лермонтова» («Харьковскій университетскій сборникъ въ память А. С. Пушкина», Харьковъ, 1900, стр. 321—322), находитъ, что Лермонтовская «Молитва» создалась подъ вліяніемъ стихотворенія Пушкина: «Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу волненіямъ любви безумно предаваться». Съ Н. Ѳ. Сумцовымъ въ этомъ случаѣ согласиться трудно. Стихи Пушкина, правда, написанные гораздо раньше стихотворенія Лермонтова (они относятся къ 1832 году), впервые были напечатаны В. А. Владиславлевымъ въ «Альманахѣ на 1838 годъ» и во время изданія Лермонтовымъ его «Молитвы» не могли еще быть извѣстны ему. Къ тому же, это прекрасное пушкинское

*

стихотвореніе, хотя по мысли, по чувствамъ и родственно съ «Молитвой» Лермонтова, но все-таки стоитъ не такъ близко къ ней, какъ два указанныя стихотворенія Языкова и Ѳ. Туманскаго.

Сродство трехъ «Молитвъ», такимъ образомъ, несомнѣнно, и смѣло можно считать, что Лермонтову были извѣстны оба приведенныя стихотворенія Языкова и Ѳ. Туманскаго. Стихи ихъ задѣли соотвѣтствующія струны души Лермонтова, коснулись его «чуткаго слуха» своимъ голосомъ прямо изъ души идущаго чувства, и изъ-подъ пера юнаго поэта вылилась трогательная, вызывающая слезы «Молитва», одно изъ самыхъ величественныхъ произведеній музы Лермонтова и самыхъ дивныхъ украшеній нашей поэзіи.

Николай Лернеръ.

Воспоминанія протоіерея I. I. Базарова.

XIII [1]).

Ватиканскій соборъ 1870 г.—Графъ Е. В. Путятинъ.—Проповѣдникъ Пальмеръ.—Война Германіи съ Франціею.—Представленіе Страстей Господнихъ въ Оберъ-Аммергау.—Раненые и плѣнные.—Два письма Местраля I. Базарову.—Мнѣніе о нихъ графа Д. А. Толстаго.—Церковно-политическія дѣла во Франціи.—Старо-католическое движеніе въ Германіи.—Поѣздка Базарова въ Петербургъ, а затѣмъ въ Константинополь.

Въ началѣ 1870 года еще раздавались отголоски изъ Рима о совершавшемся тамъ въ это время великомъ событіи въ католическомъ мірѣ—ватиканскомъ соборѣ. Такъ въ началѣ января писалъ мнѣ объ этомъ мой старый знакомый графъ Е. В. Путятинъ. Но прежде, чѣмъ приводить здѣсь его слова, я долженъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о личности этого тоже государственнаго мужа. Извѣстна его миссія въ Японію для заключенія трактата съ этимъ тогда еще закрытымъ для всѣхъ иностранцевъ государствомъ. У него тамъ разбило его судно у береговъ Японіи, и онъ собственными средствами построилъ новое, а японцамъ объявилъ, что не уйдетъ отъ нихъ, пока не исполнитъ возложеннаго на него порученія, и трактатъ былъ заключенъ. Изъ благоговѣйнаго уваженія къ авторитету онъ сильно преклонялся передъ папскою властью и съ своимъ другомъ Пальмеромъ, извѣстнымъ англійскимъ профессоромъ, искавшимъ соединенія съ православною церковью и кончившимъ переходомъ въ римскій католицизмъ, слѣдилъ съ интересомъ за ватиканскимъ со-

[1]) См. „Русскую Старину“, ноябрь 1901 г.

боромъ. А между тѣмъ, въ душѣ онъ былъ крѣпкій исповѣдникъ православной вѣры. Поэтому тѣмъ интереснѣе его впечатлѣнія, полученныя имъ въ Римѣ отъ ватиканскаго собора. Вотъ что онъ писалъ мнѣ объ этомъ.

«Римъ. 16-го (28-го) января 1870 г. Писать въ теперешнее время изъ Рима и не упомянуть ничего о соборѣ кажется неестественнымъ. Главныя черты его заключаются въ томъ различіи отъ прежнихъ соборовъ, что въ немъ собралась іерархія съ частей свѣта, едва вѣдомыхъ въ прежнія времена, и что дѣйствія его отличаются полною независимостью какъ отъ свѣтской власти, такъ и того, что слыветъ общественнымъ мнѣніемъ. Новѣйшія законодательства конституціонныхъ правительствъ, направленныя къ отстраненію церкви отъ вліянія на семейство и къ уничтоженію учрежденій, почитаемыхъ ею неприкосновенными, вѣроятно, были поводомъ къ такимъ дѣйствіямъ римскаго двора, и одно время можетъ показать, какія изъ этого произойдутъ слѣдствія. Въ проповѣдяхъ, произносимыхъ здѣсь наиболѣе замѣчательными лицами, только и слышится необходимость усиленія папской власти для противодѣйствія съ одной стороны правительственнымъ мѣрамъ, несогласнымъ съ церковными постановленіями, съ другой—новымъ направленіямъ наукъ и распространяющемуся въ обществѣ мнѣнію о безполезности религіи или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ началъ, на которыхъ основывается ученіе церкви. Признавая опасность положенія, духовные витіи утверждаютъ однакожъ, что церковь стоитъ если не тверже, то никакъ не менѣе непоколебимо, какъ и прежде, и въ борьбѣ своей всегда одерживаетъ верхъ. Въ этомъ заключается преобладающее мнѣніе въ здѣшнемъ соборѣ, несмотря на оппозицію духовныхъ лицъ, большею частью принадлежащихъ Германіи».

Упомянувъ о Пальмерѣ, я долженъ сказать, что я познакомился съ нимъ въ семействѣ Путятиныхъ, у которыхъ онъ подолгу гостилъ во время ихъ пребыванія въ Канштатѣ. Разъ онъ разсказывалъ, какъ пріѣхалъ въ Россію съ цѣлью присоединиться къ православію, долго искалъ предержащей власти русской церкви и не нашелъ ея. Къ кому онъ ни обращался изъ членовъ Синода, всѣ они отвѣчали ему, что они, каждый по себѣ, не начальники церкви, а только члены верховнаго Синода. Даже самъ, всесильный тогда, оберъ-прокуроръ графъ Пратасовъ, отказался принять отъ него вѣрительную грамоту отъ его кентерберійскаго архіепископа, посовѣтовавъ ему обратиться къ константинопольскому патріарху. Поѣхалъ онъ и въ Константинополь, но тамъ потребовали отъ него перекрещенія какъ отъ обливанца. Тогда онъ обратился къ римской церкви принять его въ общеніе на условіяхъ непризнанія нѣкоторыхъ ученій этой церкви, несогласимыхъ съ его совѣстью. Католики на все согласились, только бы онъ призналъ гла-

венство папы, какъ высшаго авторитета церкви. На это Пальмеръ легко согласился и нашелъ въ этомъ сочувствіе друга своего Путятина, который не могъ говорить безъ раздраженія о недостаткѣ такого авторитета въ нашей православной церкви.

Въ эту зиму мнѣ пришлось бороться на два фронта между фанатизмомъ остзейскаго партикуляризма и столь же фанатическаго панславизма. Представителемъ перваго былъ проживавшій въ Стутгартѣ баронъ Вольфъ, проповѣдникомъ втораго—графъ Комаровскій. Желая примирить эти двѣ крайности, я нерѣдко бесѣдовалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ въ смыслѣ примиренія крайностей, но почти всегда безуспѣшно, тѣмъ болѣе, что возгорѣвшаяся тогда борьба національностей въ нашихъ остзейскихъ провинціяхъ была въ полномъ разгарѣ. Помню, какъ я разъ выставлялъ барону Вольфу въ примѣръ наше русское дворянство, поспѣшившее навстрѣчу желаніямъ государя въ своихъ вѣрноподданническихъ адресахъ. На это мой антагонистъ отвѣчалъ мнѣ:

— У васъ есть русская пословица: что русскому здорово, то нѣмцу смерть. Можетъ быть, вашимъ дворянамъ это освобожденіе крестьянъ и будетъ здорово, но намъ, нѣмцамъ, это будетъ смерть!

По счастью, мой другой антагонистъ, славянофилъ графъ Комаровскій, не находился въ это время въ Стутгартѣ, иначе ихъ борьба съ барономъ Вольфомъ могла бы дойти до личностей и пожалуй кровавой расправы. За то графъ Комаровскій тѣмъ усерднѣе распространялся въ письмахъ ко мнѣ на счетъ остзейскаго и славянскаго вопросовъ. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ мнѣ въ апрѣлѣ этого года изъ Дрездена слѣдующее:

«Посылаю вамъ при семъ три номера «Биржевыхъ вѣдомостей», въ коихъ статьи г. Фадѣева. Позволяю себѣ выбрать и копіи съ двухъ писемъ моихъ: къ княжнѣ Шаликовой, въ Прагу, и къ преосвященному Веніамину, въ Ригу [1]). Изъ нихъ вы усмотрите, многоуважаемый ба-

---

[1]) Копія съ письма графа Комаровскаго княжнѣ Н. П. Шаликовой въ Прагу отъ 16-го (28-го) марта 1870 года.

„Съ глубокой грустью прочелъ я вчера, многоуважаемая княжна, въ 71-мъ номерѣ „Голоса“ отъ 12-го (24-го) числа сего мѣсяца, о полемикѣ, болѣе недѣли продолжавшейся въ чешскихъ газетахъ, между младо и старочехами. Это чувство печали раздѣляютъ и раздѣлятъ со мной, безъ сомнѣнія, всѣ тѣ, сердце которыхъ живо бьется для великаго славянскаго дѣла. И, наоборотъ, можно представить себѣ злорадство нашихъ враговъ и тайное ихъ чаяніе будущаго... Не скрою отъ васъ, наконецъ, княжна, и той грусти, которую я испытывалъ при чтеніи объ этомъ особенно въ русской газетѣ, потому что вамъ не безъизвѣстно, какъ много у насъ, на Руси, людей не вѣрящихъ въ величіе будущихъ судебъ славянства, а потому возстающихъ и противъ излишняго сближенія Россіи съ прочими славянскими народами. И внѣшнимъ, и внутреннимъ недругамъ нашимъ это прискорбное событіе чрез-

тюшка, и взглядъ мой на славянскій и балтійскій вопросы, и тотъ образъ дѣйствій, коему я неуклонно въ нихъ слѣдую... Между многими письмами, полученными въ мое краткое отсутствіе, есть и отвѣтъ рижскаго преосвященнаго. Къ сожалѣнію, и оттуда самыя безотрадныя вѣсти,—вотъ, между прочимъ, что̀ онъ пишетъ. «Генералъ-губернаторъ Альбединскій во вторникъ, на страстной недѣлѣ, отправился въ Петербургъ и едва ли возвратится къ намъ; по крайней мѣрѣ, при прощаніи со мной, говорилъ, что убѣдительнѣйше будетъ просить государя, чтобы уволилъ его отъ службы въ настоящемъ мѣстѣ. Крѣпко намъ жаль его, не только намъ, духовнымъ, но рѣшительно и всѣмъ русскимъ людямъ. Съ другой стороны, какъ послушаешь, что̀ творится у насъ, право, скажешь, что едва ли достанетъ у кого-либо терпѣнія служить здѣсь, сколько успѣлъ выказать г. Альбединскій. Вы изволите знать исторію ревельскую, возбужденную губернаторомъ Галкинымъ на счетъ присутствованія служащихъ лицъ на царскихъ молебнахъ. Г. Галкина поддержалъ генералъ Альбединскій, и все ни къ чему не послужило. Мало того, 4-го апрѣля, какъ вашему сіятельству извѣстно, служится молебенъ по случаю спасенія государя. Въ прошедшее 4-е апрѣля былъ мо-

---

вычайно на руку... Вы, многоуважаемая княжна, находитесь на мѣстѣ, а потому всего лучше можете судить, на сколько истины въ разсказѣ „Голоса“ о полемикѣ между чешскими газетами и партіями. Умоляю васъ неустанно проповѣдывать знакомымъ и близкимъ намъ чехамъ о мирѣ и согласіи и столь же неустанно напоминать имъ, что, кромѣ обязанностей къ ихъ собственной родинѣ и соотечественникамъ, у нихъ есть обязанности еще болѣе возвышенныя и еще болѣе священныя—это обязанности ихъ какъ передовыхъ дѣятелей и передовой стражи всеславянства: сто милліоновъ соплеменниковъ напряженно слѣдятъ за всѣми ихъ дѣйствіями, внимая почти каждому ихъ слову, сорадуясь всѣмъ ихъ успѣхамъ, порываясь даже, можетъ быть, вступить въ ихъ слѣдъ... Напротивъ, какъ они смущаются и глубоко скорбятъ при каждомъ ихъ колебаніи, ошибкѣ или неудачѣ... Да свѣтитъ же всегда чехамъ эта высокая миссія путеводною звѣздою“...

Копія съ письма графа Комаровскаго преосвященному рижскому отъ 4-го (16-го) апрѣля.

„Наконецъ-то могу поздравить ваше преосвященство епископомъ рижскимъ и митавскимъ. Отъ души радуюсь вашему утвержденію за васъ и за дѣло русское и православіе въ Балтійскомъ краѣ, которому вы можете принести теперь много болѣе пользы, чѣмъ прежде. Благодаря событіямъ послѣдняго времени, вопросъ: „либо мы, либо нѣмцы“ формулируется отнынѣ во всей его ясности и простотѣ. Въ рѣшеніи этого важнаго государственнаго вопроса, въ русскомъ и православномъ направленіи, вашему преосвященству и подначальному вамъ православному духовенству выпала святая и завидная доля: быть передовыми дѣятелями и стражами православія и русской народности. На васъ и ваше духовенство съ пытливымъ ожиданіемъ обращены теперь взоры всей Россіи... По моему внутреннему глубокому убѣжденію, важная задача, предстоящая вамъ, можетъ быть выполнена лишь при

лебенъ и у насъ, на оный пожаловалъ и одинъ изъ лифляндскихъ ландратовъ. И что же? На другой день дворянство лифляндское объявляетъ торжественно своему ландрату, что оно, дворянство, оскорблено его вчерашнимъ поступкомъ, а потому онъ не можетъ быть ландратомъ, и его уволили. Ранѣе этого слышалъ я, былъ въ Феллинѣ съѣздъ г.г. пасторовъ, и одинъ изъ нихъ, профессоръ Дерптскаго университета, сказалъ публичную проповѣдь на тему, что страна лифляндская обязана быть вѣрною женой своего повелителя только, доколѣ онъ самъ вѣренъ. Нашъ повелитель началъ измѣнять странѣ, и она вольна отплатить ему тою же монетой. Заговорилъ было г. Альбединскій о реформахъ въ Балтійскомъ краѣ, въ духѣ русскомъ, о русскомъ языкѣ и о присяжныхъ изъ крестьянъ, его въ Питерѣ и слушать не хотѣли. Выпросилъ онъ 600 тысячъ рублей на постройку православныхъ церквей,—надъ нимъ за это чуть не въ глаза смѣются... Поэтому мы не на шутку унываемъ: съ отбытіемъ г. Альбединскаго не рухнулъ бы и проектъ о построеніи церквей. Тогда послѣдняя бѣда будетъ горше первой». Вотъ въ главныхъ чертахъ своихъ, почтеннѣйшій батюшка, письмо весьма скромнаго и сдержаннаго преосвященнаго Веніамина. Вы видите, что и здѣсь, къ несчастію, какъ и вездѣ на Руси, сомнѣніе, уныніе, почти

слѣдующихъ условіяхъ: 1) при тщательномъ выборѣ нашего духовенства и строгомъ, совершенно безпристрастномъ контролѣ всѣхъ его дѣйствій. Между духовенствомъ, какъ русскимъ, такъ и латышскимъ и эстонскимъ, должно быть полное равенство, согласіе и любовь, при благородномъ соревнованіи лишь единственно къ пользѣ общаго дѣла. 2) Всему духовенству, особенно же русскому, должно быть неустанно внушаемо безкорыстное, вполнѣ гуманное и согласное съ евангеліемъ братское обращеніе нашихъ причтовъ съ ихъ прихожанами, чѣмъ мы, русскіе, должны, въ особенности, стараться отличаться отъ нѣмецкихъ бароновъ, чиновниковъ и пасторовъ. Наконецъ, въ 3-хъ, позвольте мнѣ, преосвященный владыка, убѣдительнѣйше просить васъ не чуждаться болѣе такъ старообрядцевъ, составляющихъ по сіе время большинство русскаго населенія въ Ригѣ; вспомните отношенія покойнаго митрополита Филарета и теперешняго Иннокентія къ московскимъ старообрядцамъ и всю пользу, принесенную православію такими просвѣщенными, по-истинѣ пастырскими отношеніями, и вы согласитесь со мной, что во взглядѣ на русскихъ старообрядцевъ не столько какъ на отщепенцевъ церкви, сколько на русскихъ людей, могущихъ принести огромную пользу общему для всѣхъ насъ дѣлу, будетъ болѣе христіанскаго чувства и политическаго смысла... Наконецъ, это есть и единственное средство сблизить ихъ съ нашею церковью, всегда готовою, какъ нѣжная мать, открыть объятія для всѣхъ заблудшихъ своихъ сыновъ...

Надѣюсь, что ваше преосвященство не погнѣваетесь за мою прямую и откровенную рѣчь: въ радости моей отъ радостнаго событія вашего утвержденія, я почелъ моимъ долгомъ высказать предъ вами мои глубокія убѣжденія, какъ отъ собственнаго моего лица, такъ и отъ лица Москвы, которой имѣю честь быть представителемъ“...

отчаяніе... Что это: измѣна ли, или не менѣе того пагубный индифферентизмъ преступнаго противъ Россіи и царя ея космополитизма? Что бы ни было, послѣдствія, къ несчастію, одни и тѣ же... Вотъ единственная причина поѣздки моей въ Стутгартъ, вотъ почему—именемъ самого Бога мы умоляемъ ея величество, какъ дщерь Россіи и славной памяти императора Николая, предостеречь ея царственнаго брата отъ внутреннихъ враговъ его и отечества. Dixi et animam levavi! Сердце царево въ руцѣ Божіей... Да будетъ Его пресвятая воля»...

Дѣйствительно, сообщаемыя въ этомъ письмѣ подробности, почерпнутыя изъ отвѣта преосвященнаго рижскаго графу Комаровскому, были возмутительны, и я сообщилъ ихъ барону Вольфу. Тотъ, конечно, сталъ на свою точку зрѣнія, въ то время казавшуюся такою законною даже въ глазахъ нашего правительства, и разразился въ жалобахъ на несправедливость и притѣсненія со стороны русскихъ. Все это я сообщилъ графу Комаровскому и въ отвѣтъ получилъ отъ него цѣлое историческое изложеніе событій послѣдняго времени въ нашемъ Прибалтійскомъ краѣ. Всѣ эти подробности такъ интересны и для настоящаго времени, что я прилагаю здѣсь какъ это письмо графа Комаровскаго, такъ и приложеніе къ нему.

«Зальцбруннъ. 13-го (25-го) мая 1870 г. Возраженіе г. Вольфа на переданныя вами ему слова преосвященнаго Веніамина для меня не новость—я уже много разъ это слышалъ. Возраженіе это несправедливо. Отчего, прежде, не было того, что мы теперь видимъ въ Балтійскомъ краѣ? Оттого, что до рѣчи рижскаго епископа Вальтера, произнесенной имъ въ 1864-мъ или 1865-мъ г. (навѣрно не помню), при открытіи лифляндскаго ландтага, никто въ Россіи, ни правительство, ни общество, не обращалъ вниманія на Балтійскій край и не зналъ, что тамъ дѣлается. Но когда высшее лицо изъ лифляндскаго духовенства, съ высоты духовной каѳедры, въ сильныхъ выраженіяхъ, стало укорять лифляндскихъ нѣмцевъ въ равнодушіи къ національнымъ интересамъ и напомнило имъ о святой ихъ обязанности: обращать въ нѣмцевъ всѣхъ живущихъ на нѣмецкой землѣ,—тогда взрывъ негодованія раздался по всей Руси, и не пресса наша первая заговорила тогда о балтійскихъ порядкахъ, а заговорили всѣ тѣ письма, которыя, со всѣхъ сторонъ, ежедневно сыпались тогда въ редакціи всѣхъ нашихъ газетъ; пресса наша лишь повиновалась настойчивымъ требованіямъ общественнаго мнѣнія, наученнаго недавнимъ опытомъ 1863-го года. Съ рѣчи епископа Вальтера началась та борьба, которая по нынѣ продолжается. Вальтеръ былъ, однако, несовсѣмъ правъ въ своихъ обвиненіяхъ: духовенство лютеранское и среднее сословіе, особенно же такъ называемые литтераты, давно уже усиленно трудились и употребляли всевозможныя

мѣры къ онѣмеченію Балтійскаго края,—но дворянство, превосходно устроивъ свои дѣла, при освобожденіи крестьянъ, оставалось, по разнымъ причинамъ, безучастно; поэтому на него-то, въ особенности, обращены были громы обличителя. Крестьянская и другія реформы, составляющія славу нынѣшняго царствованія, отозвались сильно и въ Балтійскомъ краѣ: для угнетенныхъ латышей и эстовъ блеснулъ лучъ надежды, между тѣмъ, какъ тамошніе землевладѣльцы стали опасаться за свою собственность и за свои привилегіи, и эти-то опасенія, гораздо дѣйствительнѣе Вальтеровскихъ обличеній, сблизили дворянство съ духовенствомъ и среднимъ сословіемъ... Когда наша пресса обратила наконецъ вниманіе на Балтійскій край, тогда поѣхали туда и русскіе туристы, и заговорили объ утѣсненномъ положеніи своемъ живущіе тамъ русскіе люди и тамошнее православное духовенство робко осмѣливалось поднять и свой голосъ о недостаткахъ всякаго рода православныхъ храмовъ и школъ, и о приниженномъ своемъ тамъ положеніи... Лѣтомъ 1866 г., къ всеобщему изумленію, совершилась дивная 7-ми дневная кампанія, приведшая прусаковъ къ вратамъ Вѣны: ихъ быстрое торжество и побѣдные крики электрической искрой пробѣжали по всему Балтійскому краю и, разумѣется, оставили въ немъ глубокіе слѣды. Когда, черезъ годъ послѣ того, лѣтомъ 1867 г., государь нашъ, въ бытность свою въ Ригѣ, съ свойственнымъ ему благоразуміемъ, возвѣстилъ балтійцамъ о необходимости нѣкоторыхъ реформъ, возвѣщеніе это принято было привилегированными лояльными нашими соотечественниками, повидимому, съ покорностію,—но, на самомъ дѣлѣ, съ сильнымъ негодованіемъ и съ полной рѣшимостью всевозможной оппозиціи... (Говорю это, какъ и все прочее, не по наслышкѣ и не изъ нашихъ газетъ только,—а de visu и de auditu, въ продолженіе 8-ми лѣтъ посѣщая тамошній край). Съ этого времени начинаетъ складываться у балтійскихъ нѣмцевъ и нелѣпо-гнусное понятіе: земля наша относится къ нашему государю (Landesherr), какъ жена къ своему мужу: пока онъ ей вѣренъ и она обязана ему вѣрностью, какъ скоро онъ ей измѣняетъ, и она можетъ послѣдовать его примѣру!?!.. понятіе, высказываемое теперь уже на всѣ тоны и лады фонъ-Боками, Ширрелами, Сиверсами, Эккортами, Катнерами и многими другими, выступающими за границей на помощь ревельскихъ, дерптскихъ и рижскихъ газетъ для ослѣпленія и обмана заграничной и туземной публики и устрашенія русскаго правительства.

«Вы спрашиваете, многоуважаемый батюшка, почему мы заставляемъ поляковъ и нѣмцевъ молиться по-русски? Сколько мнѣ извѣстно, мы до сего времени, не только никогда не заставляли никого молиться на нашемъ языкѣ, государственномъ въ Россіи, но постоянно, всегда, воспрещали это дѣлать въ Литвѣ и на Волыни, и только недавно пра-

вительствомъ дано разрѣшеніе населеніямъ, въ случаѣ ихъ желанія, заявлять объ этомъ... Что же касается нѣмцевъ, то куда тамъ вводить въ ихъ церкви нашъ языкъ, когда они не допускаютъ его въ суды и школы... Единственный, извѣстный мнѣ, случай, подходящій будто подъ это обвиненіе,—это предложеніе эстляндскаго губернатора Галкина служащимъ въ его губерніи лицамъ присутствовать въ царскіе дни на молебнахъ въ православныхъ храмахъ; но развѣ это религіозное принужденіе? много—много, что служебное... А какой крикъ подняли изъ за этого нѣмцы! и какъ отвѣтили на это? принужденіемъ лифляндскаго губернскаго предводителя фонъ-Нолькена, подписавшаго недавно адресъ лифляндскаго ландтага, выйти въ отставку... А какъ отблагодарили лояльные подданные своего государя за освобожденіе ихъ отъ обязанности крестить въ православную вѣру дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ? не упомянувъ объ этой мѣрѣ, въ Россіи никому не понравившейся и въ Балтійскомъ краѣ производящей столько семейнаго раздора, —нигдѣ, ни единымъ словомъ,—а, напротивъ, усугубленіемъ своей брани противъ Россіи и русскихъ, и усиліемъ своей оппозиціи правительству!...

«Почему мы вдругъ такъ раздражились противъ нашихъ нѣмцевъ?

«Потому, что издавна пользуясь въ Россіи привилегированнымъ положеніемъ, занимая въ войскахъ, администраціи, судахъ и школахъ всегда лучшія мѣста, наши балтійскіе нѣмцы, наши дорогіе культуртрегеры, по врожденному имъ самообольщенію, никакъ не хотятъ признать ни славныхъ реформъ нынѣшняго царствованія, ни благодѣтельныхъ ихъ послѣдствій для всего русскаго народа, они все видятъ въ насъ тѣхъ же малыхъ и глупыхъ дѣтей, которыми они такъ издавна привыкли помыкать и водить на помочахъ... Diese dummen Russen pfui!.. И не замѣчаютъ они, бѣдные слѣпцы, тѣхъ огромныхъ успѣховъ, которые, по милости Божіей, и предводимые своимъ царственнымъ реформаторомъ, сдѣлали эти dummen Russen съ 1861 и 1863 годовъ... что если мы отъ нихъ еще въ чемъ нуждаемся—такъ это, можетъ быть, въ преподавателяхъ древнихъ языковъ—и то замѣнимъ ихъ чехами... Наконецъ, мы раздражены еще на нашихъ нѣмцевъ за ихъ неблагодарность, за ихъ лживую лояльность, — за то, что они хороши лишь, пока ихъ не трогаютъ и не заглядываютъ въ ихъ замкнутый мірокъ; коль скоро же дерзнули обратить вниманіе и на то, что у нихъ дѣлается, и стали прислушиваться и къ стонамъ замуравленныхъ ими латышей и эстовъ—тогда Changement à vue complet—тѣ же благодушные и лояльные нѣмцы подняли крикъ и вопль на весь Божій міръ, стали скликать на Русь крестовый походъ всего германскаго гезамтфатерланда, и дерзко и открыто стали высказывать свои понятія и теоріи—одна нелѣпѣе другой... Пора же положить конецъ

такому безобразію.—Я увѣренъ, что при первомъ появленіи—не говорю строгости—хотя бы послѣдовальной твердости со стороны нашего правительства противъ взбалмошныхъ и избалованныхъ имъ дѣтей, въ Транснаровіи (незабвенное открытіе русскаго академика Бера) все разомъ стихнетъ и смолкнетъ, и наши нѣмчики забѣгаютъ въ запуски другъ передъ другомъ, умоляя предать прошлое забвенію и гнѣвъ положить на милость. Повѣрьте, многоуважаемый батюшка, такъ есть—такъ и будетъ.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Г. А. Комаровскій.

«Мои всѣ вамъ и Софьѣ Александровнѣ кланяются.

«Сейчасъ прочелъ въ газетахъ о переводѣ барона фонъ-Бруннова въ Парижъ и князя Орлова въ Лондонъ».

Зальцбрунъ 18-го (30-го) мая 1870 г.

«Многоуважаемый батюшка. Послѣднее писаніе, которымъ я отвѣчалъ на почтенное письмо ваше и на возраженіе г. Вольфа, историческимъ изложеніемъ событій въ Балтійскомъ краѣ, извѣстныхъ мнѣ какъ очевидцу,—дотого удлиннилось, что мнѣ стало даже совѣстно такъ долго утомлять ваше вниманіе. Мнѣ желалось бы, однако, очистить себя въ вашихъ глазахъ отъ мнѣнія, которое, можетъ быть, вамъ дало обо мнѣ послѣднее мое письмо. Я слишкомъ уважаю заслуги нѣмцевъ въ наукѣ и искусствѣ, и признаю пользу, принесенную Россіи нашими прибалтійскими соотечественниками, чтобы быть ein Deutschfresser, или врагомъ нѣмцевъ даже транснаровскихъ,— но я дотого ненавижу интригу, неблагодарность и лесть, къ сожалѣнію, въ столь широкихъ размѣрахъ прилагаемыя теперь въ Балтійскомъ краѣ, что, признаюсь, не могу совершенно хладнокровно говорить о томъ, что намъ непремѣнно хотятъ показать бѣлымъ и чистымъ, въ то время, какъ до глубины души моей, я убѣжденъ, что оно грязно и черно...

«Не знаю, помните ли вы бесѣду нашу въ Стутгартѣ и высказанное мною убѣжденіе, что никогда балтійскіе нѣмцы не осмѣлились бы такъ дерзко выступать противъ нашего правительства, если ихъ не поддерживали и не подстрекали бы со стороны. Вчера навѣстилъ меня нашъ докторъ, бывшій любимый ассистентъ Лангенбека, а теперь штабъ-докторъ и Sanitätsrath, дѣлавшій съ прусскими войсками оба послѣдніе похода, горячій патріотъ, но при этомъ, по нѣмецкому выраженію, и ein biederer und rechtschoffener Mann. Въ разговорѣ я выразилъ удовольствіе за блистательный пріемъ государя нашего въ Берлинѣ и высказалъ мнѣніе, какъ легко германскій и славянскій вопросы могли бы разрѣшиться при родственныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ нашего императорскаго дома съ прусскимъ королевскимъ семействомъ и

при соглашеніи прусской политики съ нашей. Меня удивляло только отсутствіе Варцинскаго отшельника... Слушая мои pia desideria, докторъ качалъ головой и когда я спросилъ его о причинѣ его сомнѣнія, онъ отвѣчалъ: «да, если Бисмаркъ былъ бы другой человѣкъ и руководился бы другими правилами,—но припомните возбужденіе венгерцевъ противъ австрійскаго правительства во время войны 1866 г.,—посмотрите на происходящее теперь въ Балтійскомъ краѣ и будьте увѣрены, что и во Франціи и въ Парижѣ не обходятся безъ Бисмарковыхъ интригъ»... Такое подтвержденіе нашихъ подозрѣній со стороны пруссака-патріота, имѣющаго большія связи и знакомства, меня поразило, и я почелъ нужнымъ вамъ о томъ сообщить.

«Съ совершеннымъ уваженіемъ и преданностью остаюсь, дражайшій батюшка, вашимъ покорнѣйшимъ слугой Г. А. Комаровскій».

Между тѣмъ, наступало лѣто 1870 года, столь чреватое важными событіями, о которыхъ никто почти наканунѣ ихъ не имѣлъ ни малѣйшаго предчувствія. Напротивъ, все шло своимъ мирнымъ чередомъ, все какъ будто обѣщало спокойное теченіе лѣтняго сезона. Нашъ государь успѣлъ безмятежно окончить свое лѣченіе въ Эмсѣ и воротился, побывавъ по дорогѣ въ Фридрихсгавенѣ у королевы. Сама королева отправилась въ Швейцарію на лѣтнее пребываніе. Мой старый пріятель В. П. Титовъ, зная, что я сталъ свободенъ отъ службы, писалъ мнѣ изъ Россіи, приглашая меня съѣхаться съ нимъ въ Оберъ-Аммергау на представленіи Страстей Господнихъ по обѣщанію, взаимно данному 10 лѣтъ тому назадъ снова побывать на этомъ рѣдко виданномъ зрѣлищѣ, которое дается черезъ 10 лѣтъ въ десятичные годы столѣтія. Но мнѣ невозможно было принять это приглашеніе въ назначенный Титовымъ срокъ, такъ какъ мнѣ предстояло семейное торжество, именно свадьба моего старшаго сына 1-го (13) іюля въ Висбаденѣ. Этотъ городъ былъ избранъ для совершенія его бракосочетанія какъ потому, что родственники его жены находились въ это время на водахъ въ окрестностяхъ Висбадена, такъ еще болѣе потому, что въ этомъ городѣ родился мой сынъ и тамъ же была могила его матери. И вотъ всѣ мы собрались на нашъ праздникъ. Но когда послѣ торжественнаго и веселаго обѣда наши молодые, собираясь въ свое свадебное путешествіе, зашли къ банкиру размѣнять русскія ассигнаціи на нѣмецкія деньги, имъ сказали, что теперь не принимаютъ никакихъ бумагъ, по случаю объявленія войны Франціею Германіи. «Какъ? когда? почему?»—всѣ спрашивали другъ друга. Оказалось, что въ то самое время, какъ мы праздновали нашу свадьбу, въ Эмсѣ, гдѣ въ то время пребывалъ прусскій король, произошла извѣстная сцена между нимъ и французскимъ посломъ, окончившаяся объявленіемъ войны со стороны Франціи. Нужно было видѣть, какое произошло вслѣдствіе этого смятеніе между всѣми

иностранцами, находившимися въ ту минуту на водахъ. Всѣ, кто только могъ, спѣшили воротиться по домамъ. Мои молодые, вмѣсто предполагавшагося путешествія, отправились въ Гейдельбергъ, чтобы черезъ Баденъ-Баденъ возвратиться въ Стутгартъ. Я тоже отправился домой, ожидая прибытія ихъ къ себѣ на другой или на третій день. Но вмѣсто того, мнѣ пришлось прождать ихъ нѣсколько дней, такъ какъ въ это время началось сильное передвиженіе войскъ, и всѣ поѣзда желѣзныхъ дорогъ были заняты исключительно перевозкою на западную границу войска. Мои молодые какъ разъ попали въ это лихорадочно-военное движеніе, выѣхавъ изъ Бадена на какомъ-то товарномъ поѣздѣ и вмѣсто обычныхъ 3 часовъ ѣзды отъ Бадена до Стутгарта, пробывъ чуть не двое сутокъ въ дорогѣ. На каждой станціи ихъ высаживали, и поѣздъ ихъ брали подъ военный багажъ, оставляя ихъ на станціи ждать другаго удобнаго случая для слѣдованія дальше. А когда такой случай представлялся, то на слѣдующей станціи повторялась та же исторія—пассажировъ высаживали, а поѣздъ брали подъ войска. Мнѣ самому пришлось въ это время испытать такое неудобство. Позвали меня въ Гейдельбергъ къ умиравшему тамъ русскому. Изъ Стутгарта я могъ еще выѣхать съ обыкновеннымъ поѣздомъ, но, пріѣхавъ въ Бруксаль, я нашелъ тамъ всю станцію запруженную войсками всѣхъ оружій, и конечно нашъ поѣздъ былъ тотчасъ взятъ подъ войска, и мнѣ пришлось бы просидѣть на станціи, можетъ быть, цѣлыя сутки, если бы я не заявилъ о своемъ званіи и цѣли моей поѣздки въ Гейдельбергъ. Тогда только мнѣ дали мѣстечко въ поѣздѣ и довезли меня до мѣста моего назначенія.

Между тѣмъ, по первому извѣстію о войнѣ король и королева воротились въ Стутгартъ, гдѣ уже образовалось санитарное общество Краснаго Креста, во главѣ котораго стала королева и въ работахъ котораго, заготовленіи корпіи, бинтовъ для раненыхъ и т. п. приняли участіе и русскія дамы, находившіяся тогда въ Стутгартѣ. Мнѣ, конечно, нельзя было болѣе удаляться изъ дому, и В. П. Титовъ долженъ былъ безъ меня сдѣлать условленный было совмѣстный пелеринажъ на представленіе Страстей Господнихъ. Интересно его письмо ко мнѣ по возвращеніи его съ этого зрѣлища. Вотъ что̀ онъ писалъ мнѣ изъ Рагаца, куда онъ пріѣхалъ для лѣченія.

«Рагацъ. 22-го іюля (3-го августа) 1870 года. Крайне жалѣю, что судьба, сильнѣйшая воли человѣческой, не допустила меня вполнѣ и буквально привести въ исполненіе десятилѣтній обѣтъ—встрѣтиться съ вами на духовномъ представленіи лѣтомъ 1870 года въ Оберъ-Аммергау. Кто бы подумалъ? Мы, пріѣзжіе съ далекаго сѣвера, благополучно туда попали; а вамъ—осѣдлому, постоянно близкому сосѣду—проказница нечаянность въ послѣднюю рѣшительную минуту помѣшала. Впрочемъ

и для насъ удача висѣла на волоскѣ. Въ Мюнхенѣ всѣ сначала увѣряли, что игра 5-го (17-го) іюля была послѣднею, что мы явились «viel zu spät» и дѣйствительно, Iesus Christ, служа канониромъ и унтеръ-офицеромъ въ резервѣ 2-го баварско-артиллерійскаго полка, былъ уже вызванъ къ своей пушкѣ. Потомъ стали разсказывать, что игра еще будетъ, но плохая, съ помощью кое-какихъ подставныхъ актеровъ. Только въ пятницу 10-го (22-го) мы были ободрены достовѣрнымъ свѣдѣніемъ, что юный король Людвигъ, внемля убѣдительной и слезной докукѣ сельскаго общества, разрѣшилъ, не въ примѣръ другимъ, отпустить канонира на одну недѣлю, такъ чтобы представленіе 12-го (24-го) не только совершилось, но совершилось во всей первобытной полнотѣ и порядкѣ, ни въ чемъ не измѣняя прежняго состава труппы. И подлинно, представленіе вышло славное. Весь ландшафтъ и погода были еще лучше 1860 года. Въ отсутствіи вашемъ, представителемъ православнаго духовенства, въ числѣ зрителей былъ I. Л. Янышевъ. Моя жена и строгіе знатоки, г-жа Муханова (Калержи) и присоединившійся къ ея свитѣ аббатъ Листъ находили весьма слабыми хоры и всю вообще музыкальную часть. Сценическаго совершенства никто не могъ и чаять. Но всѣ единогласно хвалили въ игрѣ сельскихъ артистовъ то же, что меня съ вами такъ пріятно поразило десять тому лѣтъ: неподдѣльную простоту, задушевность и безукоризненное, строго сдержанное достоинство пантомимы, походки, произношенія и голоса. Женщины, какъ актрисы, замѣтно были ниже мужчинъ. Богоматерь, годомъ старѣе бывшей знакомой нашей 1860 года, игрою столь же посредственна, а лицомъ менѣе миловидна. Напротивъ, роль Спасителя, по всеобщему сознанію, исполнена въ совершенствѣ, между прочимъ благодаря именно тому обстоятельству, что исполнитель былъ не записной актеръ, не городской артистъ, а простодушный сынъ зелено-величавой альпійской долины, гдѣ быстрыми струями бѣжитъ и журчитъ прозрачная, чистая, какъ слеза, знакомая намъ рѣчка Аммеръ. Въ концѣ всего послѣдовало со сцены громогласное объявленіе, что подъ гнетомъ военной тревоги представленія теперь закрываются, но съ такою надеждою, что Богъ дастъ возобновить ихъ во второй половинѣ будущаго лѣта. Тогда вамъ книги въ руки, почтеннѣйшій батюшка. Усердно желаю, чтобы удалось и вамъ, и великой княжнѣ Вѣрѣ съ ея свитою насладиться въ 1871 году тѣмъ же зрѣлищемъ. А мнѣ уже, какъ Богу угодно. Правду сказать, боюсь глубокой, умственно и тѣлесно инвалидной старости. Но если Господня воля такова, чтобы мнѣ еще 10 лѣтъ кружиться подъ луною, то я не прочь и въ 1880 году воротиться дряхлымъ дѣдушкою, взглянуть на тотъ же Passion-Spiel, на крестъ, осѣняющій долину и деревню съ верхушки востраго зубца исполинской скалы, на свѣжую зелень ароматныхъ луговъ и лѣсистыхъ крутогоровъ. Мы всѣ скрѣпя

сердце уѣхали въ тотъ же вечеръ назадъ въ Мюнхенъ. Но до отъѣзда я водилъ о. Янышева посмотрѣть нашъ съ вами ночлегъ 1860 года и возобновить знакомство съ тогдашними хозяевами. Нашли на томъ же мѣстѣ софу, на которой я ночевалъ съ 30 душами швабовъ, и верхнюю свѣтелку, гдѣ вы квартировали съ докторомъ Сашей...

«Вотъ вамъ, батюшка, полный доскональный отчетъ. Спѣшу сплавить письмо, дабы не упустить почты. Сію минуту получаю милостивую отвѣтную депешу ея величества. Вашъ В. Т.»

Уже въ началѣ августа послѣ перваго кровопролитнаго сраженія при Вёртѣ, начали прибывать раненые, которыхъ встрѣчали на станціи желѣзной дороги санитары, затѣмъ скоро стали прибывать и плѣнные, не въ одиночку, но цѣлыми тысячами, которыхъ чрезъ Стутгардъ направляли въ крѣпость Ульмъ. И этихъ несчастныхъ сострадательныя дамы угощали на станціи виномъ, пивомъ и сосисками. Много было между плѣнными и туркосовъ, которыхъ дамы тоже старались угощать, но къ ихъ немалому изумленію были такъ неучтиво отталкиваемы этими свирѣпыми воинами, что у нихъ летѣли изъ рукъ подносы съ ихъ винами и сосисками. Бѣдныя доброволки-сестры милосердія забывали, что туркосы—мусульмане, и что для нихъ и вино, и свинина были оскорбленіемъ ихъ религіозныхъ чувствъ.

Такъ проходило лѣто среди тревогъ военнаго времени, какъ вдругъ въ первыхъ числахъ сентября наши величества рѣшились оставить Стутгартъ, чтобы воротиться въ ихъ лѣтнюю резиденцію — Фридрихсгавенъ. Я поспѣшилъ на желѣзную дорогу, чтобы проститься съ королевою, которая встрѣтила меня словами:

— Ну, слава Богу, все кончено! Мы разбили окончательно французовъ при Седанѣ и самого Наполеона взяли въ плѣнъ. Теперь можно вздохнуть свободно.

Но если бы королева могла знать въ эту минуту, какъ еще далеко не все было кончено и сколько еще тяжелыхъ потерь пришлось понести ея вѣрнымъ виртембергцамъ въ продолженіе этой войны, затянувшейся еще на цѣлые полгода! Началась осада Парижа, и при одной вылазкѣ французовъ около Шампиньи 2-го декабря однихъ виртембергцевъ пало 384 убитыми и около 1.500 человѣкъ ранеными. Въ этой стычкѣ погибли между прочими два единственныхъ сына камергера королевы графа Таубе, прекрасные юноши, изъ которыхъ одинъ былъ на службѣ, а другой пошелъ добровольцемъ на войну. Оба они находились въ стрѣлковомъ батальонѣ и впереди всѣхъ были высланы противъ непріятеля. Пуля поразила старшаго брата; младшій, находившійся рядомъ съ нимъ, нагнулся, чтобы пособить брату и тутъ же палъ пораженный такою же пулею. Когда ихъ тѣла привезены были въ Стутгартъ для погребенія, весь городъ собрался на похороны,

и только слышны были со всѣхъ сторонъ рыданія при видѣ престарѣлыхъ и всѣми уважаемыхъ родителей, лишившихся вдругъ всѣхъ радостей жизни въ лицѣ своихъ юныхъ, подававшихъ столько надеждъ сыновей. И сколько было подобныхъ душу раздиравшихъ сценъ при погребеніи павшихъ въ эту войну молодыхъ людей!

Но отдохнемъ отъ этихъ плачевныхъ сценъ и возвратимся къ мирнымъ занятіямъ. Осенью этого года мой знакомый профессоръ Тиршъ, извѣстный ирвингіанецъ, переслалъ мнѣ отъ имени своего пріятеля Местраля изъ Лозанны изданную имъ книгу: «Tableau de l'eglise chretienne» съ замѣчаніемъ, что авторъ въ своей книгѣ отдаетъ полную справедливость восточной церкви. По этому поводу у меня завязалась переписка съ г. Местралемъ, которая впрочемъ скоро приняла оттѣнокъ политическій, что легко объяснить совершавшимися тогда событіями. Я прилагаю здѣсь два письма этого господина для тѣхъ, кто захотѣлъ бы поинтересоваться тогдашнимъ настроеніемъ умовъ по вопросу объ общей политикѣ и въ особенности о пробуждавшейся уже тогда мысли сближенія Франціи съ Россіею.

Вотъ эти два письма: [1])

Лозанна, 22-го сентября 1870 г.

«Милостивый государь, въ то время когда мы обмѣнялись послѣдними письмами, мы были далеки отъ того, чтобы предвидѣть страшный кризисъ, который вскорѣ разразился. Правда, въ духовной области ожидали провозглашенія догмата о непогрѣшимости папы, и это никого не удивило. Въ сущности, это есть только дальнѣйшее развитіе всемірной власти Рима (du romanisme), которая давно уже овладѣла западной католической церковью, и новый догматъ не измѣнитъ, по всей вѣроятности, сколько-нибудь существеннымъ образомъ положеніе этой церкви по отношенію прочихъ церквей христіанскаго міра. Она уже обособлена отъ нихъ на первенствующую роль своимъ притязаніемъ, которое снова подтверждено соборомъ, и при томъ съ согласія епископовъ, возстающихъ противъ догмата о непогрѣшимости. Но особенно благотворныя и неизмѣримыя послѣдствія можетъ имѣть совершившееся нынѣ, гораздо скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, паденіе свѣтской власти папы. Весьма вѣроятно, что папа, принужденный ограничиться одною духовною властью (ни болѣе, ни менѣе, какъ патріархъ константинопольскій и архіепископъ кэнтерберійскій), будетъ держать себя нѣсколько менѣе надменно и высокомѣрно по отношенію къ прочему христіанскому міру. Вниманіе умовъ, интересующихся дѣлами религіи, весьма естественно будетъ, въ скоромъ времени, обращено на великія событія, совершившіяся въ Римѣ 18-го іюля и 20-го сентября. Въ настоящую ми-

[1]) Въ переводѣ съ французскаго.

нуту всѣ взоры и, можно сказать, всѣ мысли обращены исключительно на Парижъ, на Францію, столь подавленную и униженную. Какого бы взгляда ни держаться на причины этой войны и падающую за нее отвѣтственность, невольно придетъ на умъ, что въ настоящее время Пруссія далеко преступила свои неоспоримыя права и что она нарушаетъ великіе законы человѣколюбія и христіанскаго милосердія, упорствуя въ своемъ походѣ на Парижъ послѣ побѣды при Седанѣ и плѣненія императора. Умѣренность была бы, со стороны побѣдителя, болѣе разумною политикою, въ особенности въ виду будущаго. Даже въ интересахъ европейскаго равновѣсія весьма желательно, чтобы Франція могла выйти изъ этого кризиса не слишкомъ ослабленною. Надобно, въ особенности, желать, чтобы французскій народъ, выйдя изъ этого страшнаго испытанія умудреннымъ, болѣе смиреннымъ и болѣе проникнутымъ христіанскими идеями, вступилъ, если возможно, на путь своихъ прежнихъ монархическихъ традицій, отъ которыхъ онъ слишкомъ легко отказался въ 1830 г., когда была изгнана старшая и законная линія Бурбоновъ и когда этотъ народъ пустился производить всевозможные опыты, которые оказались прискорбными для него и для его сосѣдей, и привели къ разыгравшейся въ настоящее время катастрофѣ. Если будетъ возстановлена монархія, то я желалъ бы, чтобы вспомнили царственнаго изгнанника 1830 года, графа Шамбора, представителя законной власти, который, не имѣя дѣтей, могъ бы усыновить кого-нибудь изъ принцевъ Орлеанскихъ и назначить его своимъ преемникомъ.

«Подобная комбинація имѣетъ то преимущество, что она повела бы къ слiянiю обоихъ фракцій монархической партіи, существующей во Франціи, и—что еще важнѣе—она возстановила бы въ умахъ идеи права и уваженія къ порядку вещей, ниспосылаемому Провидѣніемъ, и къ законной власти. Не менѣе важно было бы для Франціи распознать своихъ истинныхъ друзей и обезпечить себѣ союзъ съ ними. Такъ, союзъ съ Англіей, коего домогался Людовикъ Филиппъ и послѣ него Наполеонъ III и мысль о которомъ лелѣетъ до сихъ поръ Гизо, былъ по моему мнѣнію большой ошибкою, въ особенности въ томъ отношеніи, что онъ вовлекъ Францію въ систематическую вражду съ Россіей и въ гнусную Крымскую войну. Вотъ въ чемъ мнѣ очень хотѣлось бы убѣдить тѣхъ людей, которые держатъ и будутъ держать въ своихъ рукахъ бразды правленія во Франціи, и я полагаю, что въ случаѣ если бы они стали искренно искать союза съ Россіей и дали бы на это какія-либо гарантіи (прежде всего пожертвовавъ для этого союзомъ съ Англіей), то они встрѣтили бы и со стороны Россіи соотвѣтствующее благопріятное настроеніе. Правда, родственныя узы, связующія императора съ нѣкоторыми изъ германскихъ владѣтельныхъ

домовъ, создали бы, быть можетъ, въ настоящее время нѣкоторыя затрудненія, но подобнаго рода соображенія не могутъ вліять на общую политику Россіи. Я не имѣю претензіи быть великимъ политикомъ, но во мнѣ давно уже возникло убѣжденіе (основанное на исторіи) что союзъ между Франціей и Россіей былъ бы естественнымъ и благодѣтельнымъ для Европы и для христіанскаго Запада. Я пораженъ тѣмъ, что эта мысль начинаетъ высказываться въ настоящее время въ нѣкоторыхъ французскихъ журналахъ. Они подмѣтили, что союзъ съ Англіей сулитъ поддержку, которую она не оказываетъ въ минуту нужды. Къ сожалѣнію, католическое духовенство во Франціи не поддерживаетъ этихъ мыслей, такъ какъ оно относится весьма враждебно къ православной церкви и вслѣдствіе этого къ самой Россіи. Въ этомъ состоитъ главное препятствіе, которое надобно преодолѣть, но паденіе свѣтской власти папы облегчитъ, по всей вѣроятности, сближеніе, весьма желательное также и съ точки зрѣнія религіозной.

«Если вы полагаете, милостивый государь, что вышеизложенныя мысли могли бы заинтересовать королеву Ольгу, которая можетъ имѣть весьма благотворное вліяніе, то я ничего не имѣю противъ того, чтобы онѣ были сообщены ей.

«Примите, м. г., увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и любви во Христѣ. А. де-Местраль, министръ».

Лозанна, 2-го ноября 1870 г.

«Милостивый государь, въ письмѣ, посланномъ мною 6 недѣль тому назадъ, я позволилъ себѣ изложить вамъ мои мысли относительно политическаго положенія Европы и тѣхъ отношеній, какія могли бы установиться между Франціей и Россіей. Съ тѣхъ поръ эти мысли еще болѣе упрочились въ моемъ умѣ.

«Для несчастной Франціи горизонтъ еще болѣе омрачился и, вмѣстѣ съ тѣмъ, я вижу, что нѣкоторая по крайней мѣрѣ часть прессы начинаетъ все болѣе высказывать желаніе сближенія съ Россіей. Эта мысль высказывается, правда, главнымъ образомъ въ органахъ легитимистской партіи, которые стараются дать понять (и вполнѣ справедливо), что вступленіе на престолъ графа Шамбора представило бы наибольшія гарантіи для благополучія Франціи и для поддержанія мира въ Европѣ. Эти же самые журналы отмѣчаютъ тотъ фактъ, что старшая линія Бурбоновъ искала сближенія съ Россіей, какъ наиболѣе надежнаго союза, и что, къ сожалѣнію, эта политика была совершенно оставлена за послѣднія 40 лѣтъ, такъ какъ Людовикъ Филиппъ и Наполеонъ III искали и добились союза съ Англіей. Я отлично знаю, м. г., что нѣкоторые вліятельные государственные люди, какъ напримѣръ г. Гизо и, быть можетъ, г. Тьеръ, раздѣляютъ до нынѣ это пристрастіе къ союзу

съ Англіей; я полагаю также, что если бы принцы Орлеанскіе стали снова у власти, то и они искали бы вначалѣ поддержки съ этой стороны. Тѣмъ не менѣе, я считаю возможнымъ, что общественное мнѣніе и ясное пониманіе истинныхъ интересовъ Франціи заставятъ умы склониться въ сторону Россіи, если бы эта держава чѣмъ-либо поддержала это настроеніе, если бы, напримѣръ, она оказала Франціи нѣкоторую существенную поддержку при происходящихъ въ настоящее время переговорахъ или на конгрессѣ, который состоится послѣ заключенія мира; весьма возможно, что будущіе правители Франціи оцѣнили бы услуги, оказанныя Россіей, и оказали бы со своей стороны содѣйствіе ея политическимъ интересамъ.

«Я упомянулъ о союзѣ съ Англіей. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, м. г., что онъ былъ пагубнымъ для Европы, а равно и для Франціи, и это убѣжденіе постоянно возрастаетъ. Я желалъ бы, чтобы Англія была совершенно одинока и чтобы ея вліяніе на европейскій континентъ было совершенно ослаблено. Въ самомъ дѣлѣ, не нужно быть особенно дальновиднымъ, чтобы замѣтить, что за послѣднія 50 лѣтъ ея вліяніе всегда и вездѣ употреблялось для поощренія революціи какъ во Франціи, такъ равно и въ Италіи и Польшѣ. Что касается моего возлюбленнаго отечества, нашей маленькой Швейцаріи, то это вліяніе чрезвычайно давало себя чувствовать въ этомъ отношеніи, во время войны Зондербунда [1]), 23 года тому назадъ. Англійскій посланникъ, Р. Пиль, (Peel), дѣйствуя по внушенію Пальмерстона, игралъ во время ея по истинѣ дьявольскую роль. Поэтому мнѣ представляется весьма желательнымъ, чтобы отнынѣ великія континентальныя державы, съ Россіей и Франціей во главѣ, стали по отношенію къ Англіи въ положеніе, если не болѣе враждебное то, по крайней мѣрѣ, держали бы себя относительно ея болѣе осторожно и недовѣрчиво. Эта нація, со всѣми своими сектами и своимъ сектантскимъ и эгоистическимъ духомъ, приноситъ также много зла и въ области религіи.

«Я уже коснулся въ своемъ послѣднемъ письмѣ одного препятствія, которое мѣшаетъ повидимому сближенію Франціи съ Россіей, а именно антагонизма, существующаго между обѣими церквами. Я знаю, что во Франціи католическая пресса относится, къ сожалѣнію, къ православной церкви весьма несправедливо и страстно. Я счелъ долгомъ обратить на это вниманіе нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ католическаго духовенства, съ которыми я нахожусь въ сношеніи, а равно и г. Дюпанлу (Dupanloup), епископа орлеанскаго. Я питаю нѣкоторую надежду

---

[1]) Политическій союзъ клерикальныхъ кантоновъ Швейцаріи, основанъ въ 1843 г. въ видахъ противодѣйствія радикальной политикѣ Швейцарскаго союза и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ кантоновъ.

на то, что римская церковь и ея руководители вступятъ вскорѣ на болѣе правильный путь. Совершающіяся нынѣ событія (побѣда протестантской Пруссіи и утрата папою свѣтской власти), которыя будутъ имѣть послѣдствіемъ ослабленіе католицизма въ отношеніи его матеріальнаго и политическаго вліянія, сообщатъ ему въ будущемъ характеръ религіи не столь господствующей и исключительной и облегчатъ такимъ образомъ весьма желательное сближеніе между христіанскими церквами, которыя будутъ тогда въ состояніи сплотить свои силы противъ общаго врага, невѣрія, который, повидимому, угрожаетъ намъ все болѣе и болѣе.

«Предоставляю, м. г., вамъ самимъ рѣшить, насколько умѣстно будетъ представить настоящее письмо для прочтенія ея величеству королевѣ, вліяніе которой можетъ быть столь благодѣтельно во всѣхъ отношеніяхъ. Г. Деляновъ, директоръ С.-Петербургской публичной библіотеки, сообщилъ мнѣ недавно, что его императорское величество видимо заинтересовался моею Картиною церкви, коего одинъ экземпляръ попалъ въ его руки. Быть можетъ, его величество удѣлитъ также нѣсколько минутъ вниманія и политическимъ pia desideria автора».

«Примите, м. г., увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи. А. де Мestраль, министръ.

«P. S. Сію минуту получилъ отъ г. Лаурентu, редактора легитимистскаго журнала Union (издаваемаго нынѣ въ Турѣ) письмо, написанное, какъ мнѣ кажется, совершенно подъ вліяніемъ тѣхъ же мыслей и пожеланій, какія изложены мною выше».

Замѣчательно мнѣніе по этому предмету графа Д. А. Толстаго, которому я сообщилъ эти письма Местраля. Въ предвидѣніи государственнаго ума онъ справедливо замѣтилъ, что «союзъ Россіи возможенъ только съ Франціею униженною, которая—разумѣется—въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оправится». Впрочемъ, все это письмо графа Толстаго такъ интересно, что я прилагаю его здѣсь въ подлинникѣ.

«Милостивый государь Іоаннъ Іоанновичъ. Возвращая съ благодарностію письмо г. Местраля, долженъ сказать вамъ, что я во многомъ ему сочувствую: совершенно согласенъ съ его взглядомъ на коварный Альбіонъ и на возможность сближенія Россіи съ Франціею. Но въ этомъ послѣднемъ отношеніи мои убѣжденія имѣютъ значительные оттѣнки. Местраль, какъ французъ, по крайней мѣрѣ, по симпатіямъ, желалъ бы немедленнаго союза между двумя странами, дабы лишить Германію плодовъ ея побѣдъ,—что очевидно невозможно. Я же, какъ русскій, желаю этого въ будущемъ и думаю, что это сбудется, если Бисмаркъ сдѣлаетъ ошибку присоединеніемъ къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи. Для нея это будетъ тѣмъ, что для насъ Польша. Поэтому я вовсе не сокрушаюсь объ уничтоженіи Франціи, напро-

тивъ того, увѣренъ, что союзъ Россіи возможенъ только съ Франціею униженною, которая, разумѣется, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оправится. Вспомните прошлое: несмотря на всю естественность союза между двумя странами, которымъ дѣлить нечего, его не было ни при Бурбонахъ, ни при Орлеанахъ, ни, разумѣется, при Наполеонахъ. Франція сильная не нуждается въ Россіи; Франція ослабленная, униженная, не можетъ встать на ноги иначе, какъ съ помощію Россіи. Не Италія и не Австрія могутъ ей помочь. Провидѣніе устраиваетъ по-своему судьбы народовъ, и какъ знать—не выберетъ ли оно этотъ длинный путь для сближенія двухъ націй, что̀, по человѣческому взгляду, могло бы сдѣлаться и скорѣе, и проще.

«Потрудитесь напомнить обо мнѣ ея величеству королевѣ,—къ которой я всегда сохраняю и сохраню самую благоговѣйную память».

15 ноября 1870 г.

Въ заключеніе описанія событій этого замѣчательнаго историческаго 1870 года не могу не сдѣлать выписки изъ письма ко мнѣ изъ Москвы графа Комаровскаго, характеризующей тогдашнее настроеніе общественнаго мнѣнія въ Россіи, и преимущественно въ Москвѣ, по поводу франко-германской войны.

«Странныя событія,—писалъ онъ мнѣ 31-го октября, происходящія нынѣ на западѣ, въ высшей степени интересуютъ все наше общество. Никогда не видано еще въ Россіи, въ самую даже эпоху крымской войны, чтобы люди всѣхъ сословій во всѣхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества слѣдили бы за политическими событіями съ такимъ любопытствомъ. Номера газетъ съ телеграммами раскупаются на расхватъ и вездѣ и во всѣхъ кружкахъ составляютъ предметъ оживленныхъ, даже страстныхъ бесѣдъ и споровъ. Если въ Петроградѣ, особенно въ началѣ войны, было не мало приверженцевъ Германіи, то здѣсь, въ Москвѣ, да и во всей остальной Россіи, симпатіи всего общества были на сторонѣ французовъ. Съ седанской катастрофы, ясно обнаружившей настоящія цѣли и стремленія короля Вильгельма и его сподвижниковъ, симпатіи всѣхъ русскихъ людей перешли рѣшительно на сторону французовъ. Мы всѣ съ сильнѣйшею грустью видимъ, что правительство наше, упуская случай и благопріятнѣйшее время занять опять въ Европѣ то первенствующее мѣсто, которое съ такою честью и славою занимали императоры Александръ I-й и Николай, и которое такъ приличествуетъ правительству великаго и преданнаго народа—увы!—упорствуетъ въ своемъ нейтралитетѣ, благосклонномъ къ Германіи и враждебномъ къ естественной союзницѣ нашей Франціи... Дай Богъ, чтобы намъ не пришлось въ этомъ поздно раскаиваться».

Интересно также, какое впечатлѣніе производили событія 1870—

1871 г. и въ глубинѣ нашего отечества. Объ этомъ мнѣ писалъ изъ Костромы отъ 3-го февраля 1871 г. тамошній вице-губернаторъ А. Д. Свербѣевъ слѣдующее:

«Событія въ Франціи и насъ здѣсь сильно донимаютъ. Но что будетъ и на долго ли Европа станетъ казармою? гдѣ конецъ бойни и гдѣ будетъ новое ея начало? Удовольствуются ли нѣмцы своимъ единствомъ или примутся еще за восточный вопросъ? Какъ должно быть странно вамъ въ этой единой Германіи поневолѣ вспоминать 66-й годъ и борьбу противъ желаннаго тогда и достигнутаго Пруссіей единенія. А теперь недалеко и до цѣли, никто уже не подымается противъ kaiser'a и долго ли просуществуютъ отдѣльныя царства. Это узнаетъ близкое потомство».

Въ 1871 году въ іюлѣ праздновалась серебряная свадьба короля и королевы въ присутствіи покойнаго государя Александра Николаевича. По этому случаю мнѣ была пожалована первая звѣзда Анны І-й степени, а отъ короля, кромѣ ордена Фридриха, выбитая по этому случаю серебряная медаль.

Послѣ празднествъ въ Фридрихсгавенѣ, я воротился на свой Ротенбергъ къ мирнымъ занятіямъ, гдѣ нашелъ отъ моего рьянаго корреспондента по текущимъ церковно-политическимъ дѣламъ письмо изъ Лозанны г. Местраля, который подписывался на своихъ письмахъ: A de Mestrale ministre, разумѣя, конечно, подъ послѣднимъ словомъ свое званіе протестантскаго пастора. По поводу только-что окончившейся войны между Франціей и Германіей этотъ, хотя и швейцарецъ, но горячій французскій патріотъ, былъ очень озабоченъ судьбою французской націи и тогда еще провидѣлъ спасеніе ея въ тѣсномъ союзѣ ея съ Россіею, и не въ одномъ только политическомъ, но и церковномъ отношеніи. «Для нравственнаго возстановленія Франціи, писалъ онъ мнѣ въ этомъ письмѣ, особенно желательно, чтобы тамъ возымѣла свое вліяніе религія; Но какая религія? Есть много людей, которые громко говорятъ, что католичество составляетъ главное препятствіе къ возрожденію Франціи, что она не найдетъ себѣ другаго спасенія, какъ въ протестантствѣ. Но, хотя я самъ протестантъ, я думаю, что это большое заблужденіе. Прежде всего трудно ожидать, чтобы нація такъ легко могла порвать со всѣмъ своимъ прошедшимъ, со всею своею исторіею. Протестантство, какъ оно теперь находится во Франціи, мало прибавило бы этой націи нравственной силы и счастія. Оно само находится въ глубокомъ распаденіи и—что еще хуже—проникнуто принципами раціонализма, субъективизма и пуританства. Это нѣкоторымъ образомъ религія безъ авторитета, безъ правилъ, безъ церемоній, безъ таинствъ. Но и самый католицизмъ во Франціи совсѣмъ не то, чѣмъ бы онъ долженъ былъ быть для этой націи умной, но въ то же время насмѣшливой и скептической.

Этому народу нужно не это католичество, римское, ультра-монтанское, папистское, какъ оно развито и опредѣлено на этомъ несчастномъ Ватиканскомъ соборѣ. Чтобы воздѣйствовать на французовъ, чтобы удовлетворить ихъ разсудокъ, воздѣйствовать на ихъ совѣсть и возродить ихъ нравственность, нужно католичество болѣе духовное, болѣе согласное съ исторіею и св. писаніемъ, однимъ словомъ, католичество дѣйствительно католическое. Къ сожалѣнію, французскій клиръ, кажется, не понимаетъ этого. Напротивъ, онъ воображаетъ себѣ, что для утвержденія вѣрующихъ надобно привязать ихъ сколько возможно крѣпче къ Риму. Даже тѣ епископы, которые на соборѣ больше всѣхъ говорили и писали противъ новаго догмата непогрѣшимости папы, начинаютъ одинъ за другимъ подчиняться соборному опредѣленію, не исключая Дюпанлу и архіепископа парижскаго. Это печально! Правда, съ католической точки зрѣнія, какъ скоро вселенскій (?) соборъ что-либо опредѣлилъ, всѣ обязаны подчиняться этому. Но это еще вопросъ, дѣйствительно ли Ватиканскій соборъ имѣетъ характеръ вселенскаго. Вотъ съ этой стороны оппозиція должна бы продолжать начатую борьбу. Кажется, во Франціи о. Гіацинтъ намѣревается стать на эту почву, а въ Германіи Деллингеръ и нѣкоторые другіе католическіе богословы. Будемъ надѣяться, что они найдутъ себѣ отголоски въ массѣ. Теперь, когда замолкли пушки, вниманіе снова обратится на религіозные вопросы. Вотъ почему я позволяю себѣ настаивать на мысли, которую я сообщалъ вамъ не разъ въ предыдущихъ письмахъ. Я бы желалъ, чтобы православная восточная церковь сдѣлала бы теперь какую-нибудь манифестацію, подвинулась бы на нѣсколько шаговъ впередъ и заявила бы о себѣ на западѣ хотя бы устройствомъ небольшихъ церквей, въ которыхъ совершалось бы ея богослуженіе на языкахъ страны, по-французски, по-нѣмецки, по-англійски. Эта пропаганда, совершенно мирная и ни для кого не оскорбительная, удовлетворила бы, по моему мнѣнію, дѣйствительной потребности. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашей западной Европѣ встрѣчается все болѣе и болѣе католиковъ, которые не хотятъ быть римскими, но желаютъ однако удержать литургію и главныя вѣрованія своей религіи, а также не мало и протестантовъ, которые недовольны протестантизмомъ въ томъ видѣ, какъ онъ устроенъ былъ реформаторами XVI вѣка, но не могутъ рѣшиться перейти въ римскую католическую церковь, особенно въ такую, какою она сдѣлалась послѣ Ватиканскаго собора. И тѣмъ, и другимъ православная церковь представила бы via media, но нужно, чтобы ее лучше знали, и чтобы доступъ къ ней былъ удобнѣе. Можно было бы также, чтобы лучше познакомиться съ нею, воспользоваться періодическою прессою, напримѣръ, журналомъ «le Nord», издаваемымъ въ Брюсселѣ, какъ гово-

рятъ, подъ русскимъ вліяніемъ. Я имѣю случай читать этотъ журналъ постоянно вотъ уже нѣсколько лѣтъ, и я удивляюсь, какъ онъ вообще свѣдущъ во всемъ и дѣйствительно уменъ, консервативенъ и христіански настроенъ. Я читаю его съ удовольствіемъ, такъ какъ онъ представляется мнѣ воодушевленнымъ любовію къ правдѣ и общему благу. Его цитируютъ многіе изъ журналовъ, особенно легитимистскій журналъ, въ которомъ я самъ принимаю участіе, «l'Union», издаваемый mr. Laurentie, однимъ изъ ветерановъ монархической и католической прессы во Франціи. Это одинъ изъ журналовъ, проводящихъ мысль о союзѣ Франціи съ Россіей, только направленіе его слишкомъ римско-католическое. И вездѣ-то этотъ Римъ, который служитъ главнымъ препятствіемъ къ единенію, какъ политическому, такъ и церковному».

Желанія и мечты Местраля скоро должны были осуществиться. Старо-католическое движеніе стало распространяться по всей Германіи, особенно въ университетскихъ городахъ, гдѣ оно нашло большое сочувствіе между профессорами католическихъ факультетовъ и отголосокъ у насъ въ Россіи.

Мнѣ предстояла поѣздка съ королевою въ Петербургъ, а оттуда черезъ Ялту въ Константинополь, гдѣ мнѣ пришлось заняться вопросомъ, гораздо болѣе близкимъ намъ—возникшею въ это время распрею болгаръ съ греками.

Поѣздка наша въ Петербургъ состоялась въ февралѣ. Послѣ краткаго пребыванія въ Берлинѣ, гдѣ я не могъ избѣжать взятаго съ меня слова императрицею Августою представляться ей, въ какомъ бы городѣ я ни встрѣтился съ нею, я принужденъ былъ представиться ея величеству, что̀ въ путешествіи составляетъ большое неудобство, такъ какъ нужно облекаться во фракъ и надѣвать на себя всѣ регаліи. Къ счастію, мы оставались въ Берлинѣ недолго, иначе пришлось бы участвовать и въ приглашенныхъ обѣдахъ во дворцѣ и представляться разнымъ лицамъ, начиная съ Бисмарка. Королева, а съ нею и мы, ея свита, отправились до русской границы въ своемъ собственномъ поѣздѣ, снаряженномъ для нея еще въ Стутгартѣ. Но на границѣ насъ встрѣтилъ царскій поѣздъ, роскошный, снабженный всевозможными удобствами для путешествія. Мы размѣстились въ немъ просторно и покойно, и какъ дѣло было къ вечеру, всѣ предались спокойному сну. Но вдругъ, среди ночи толчекъ, и поѣздъ сталъ. Что̀ такое? «Ничего-съ. Не извольте безпокоиться, въ одномъ вагонѣ ось сломалась. Мы его отцѣпимъ и сейчасъ поѣдемъ дальше». Но это подмѣченное Бисмаркомъ русское «ничего» такъ было характерно для насъ, давно не бывавшихъ въ Россіи, при самомъ вступленіи на русскую почву, что мы невольно почесали себѣ въ затылкѣ, тѣмъ болѣе, что и второе русское слово

«сейчасъ» заставило насъ простоять на одномъ мѣстѣ около часу, пока опростали пострадавшій вагонъ, пока разсадили находившуюся въ немъ прислугу по другимъ вагонамъ и пока самый вагонъ выдвинули изъ поѣзда, для чего нужно было раздвинуть весь поѣздъ, такъ какъ несчастный вагонъ находился въ серединѣ, и снова составить поѣздъ. Но, наконецъ, мы тронулись и, перекрестившись съ благодарностью Богу, что не случилось бо̀льшей бѣды, мы снова заснули на удобныхъ нашихъ ложахъ. По утру мы всѣ собрались въ столовую къ завтраку, и тутъ начали резонировать всѣ, особенно иностранцы изъ свиты королевы, какъ это можно, чтобы царскій поѣздъ, нарочно высланный на встрѣчу королевы, могъ имѣть такіе недостатки, что у одного вагона сломалась ось? и какое бы могло случиться отъ этого несчастіе. Сопровождавшее насъ желѣзнодорожное начальство успокоивало и увѣряло, что этому причиною сильный морозъ, и что этотъ вагонъ, назначенный для прислуги, не былъ особенно тщательно осмотрѣнъ, но что теперь мы можемъ быть совершенно спокойны, доѣдемъ благополучно до Петербурга. Но не прошло и пяти минутъ послѣ этого успокоенія и увѣренія, какъ нашъ столовый вагонъ, въ которомъ мы еще сидѣли за завтракомъ, началъ скакать по рельсамъ, и поѣздъ опять остановился. Оказалось, что и въ этомъ вагонѣ одно колесо было въ неисправности, и все тотъ же морозъ былъ виноватъ. Пришлось опять пересаживаться и потѣсниться. Но уже было недалеко до Петербурга, куда мы прибыли съ опозданіемъ на два часа. Государь выѣхалъ на встрѣчу королевѣ въ Гатчину и стоялъ на платформѣ, видимо уже раздраженный всѣми этими неисправностями, о которыхъ ему, конечно, доносили съ дороги по телеграфу. Какъ нарочно, и здѣсь поѣздъ не съумѣлъ остановиться такъ, чтобы вагонъ съ королевою пришелся противъ государя, и прокатился гораздо дальше и долженъ былъ дать заднiй ходъ, чтобы остановиться какъ слѣдуетъ. При этомъ государь не могъ сдержать своего гнѣва и почти крикнулъ: «дураки, даже не умѣютъ остановиться какъ слѣдуетъ!»

Всѣхъ насъ, прибывшихъ въ свитѣ королевы, должны были помѣстить во дворцѣ, но меня уже напередъ пригласилъ остановиться у себя графъ Е. В. Путятинъ.

Но вотъ насталъ великій постъ, и королева рѣшилась говѣть на первой недѣлѣ, желая исповѣдываться у своего стараго духовника Бажанова. Но тутъ случилось непріятное недоразумѣніе. Опасаясь, какъ будто обидѣть ея духовника, прибывшаго съ нею, Бажановъ сталъ отговариваться и недосугомъ, и старческою слабостію. Королева хотя и согласилась съ нимъ, но была очень огорчена неисполненіемъ своего желанія. Бажановъ это зналъ, но было уже поздно. И вотъ въ пятницу, за преждеосвященною обѣднею стоимъ мы съ нимъ рядомъ на колѣняхъ

въ придворной церкви, и онъ съ умиленіемъ повторяетъ, обращаясь ко мнѣ, слова молитвы: «положи, Господи, храненіе устамъ моимъ», прибавивъ: «а когда это нужно, тутъ-то и забудешь поставить дверь огражденія о устнѣхъ своихъ!» Дѣйствительно, онъ поздно понялъ, какого утѣшенія онъ лишилъ своимъ отказомъ королеву, которая такъ радовалась еще разъ исповѣдываться у духовника, который съ малолѣтства былъ ея духовнымъ отцомъ.

Между тѣмъ, здоровье императрицы продолжало ухудшаться, и уже на третьей недѣлѣ поста рѣшили перевезти ее больную прямо съ постели въ Крымъ въ Ливадію. Королева вмѣстѣ съ великою княжною послѣдовала за нею, я же долженъ былъ остаться еще въ Петербургѣ, гдѣ меня задержалъ князь Горчаковъ, рѣшившійся дать мнѣ порученіе по болгарскому вопросу въ Константинополь.

— Мы теперь,—говорилъ онъ,—съ тѣхъ поръ, что умеръ Филаретъ московскій, остались безъ рукъ и головы во всѣхъ церковныхъ вопросахъ.

И дѣйствительно, съ кѣмъ бы я ни заговорилъ изъ членовъ Синода о болгарскихъ дѣлахъ, всѣ относились къ этому такъ безучастно, какъ будто дѣло шло о какомъ-то пустомъ столкновеніи болгарскаго экзарха съ константинопольскимъ патріархомъ. Но князь Горчаковъ взглянулъ на это дѣло серьезнѣе, провидѣвъ уже тогда въ немъ и политическую подкладку. Поэтому онъ приказалъ открыть мнѣ весь архивъ дипломатической переписки по болгарскому вопросу, и я работалъ надъ этимъ въ министерствѣ нѣсколько дней, дѣлая выписки и замѣтки изъ предоставленныхъ въ мое распоряженіе бумагъ.

Но мнѣ надлежало спѣшить, чтобы поспѣть въ Ливадію къ Пасхѣ, послѣ которой королева собиралась отправиться въ свое путешествіе. Заѣхавъ по дорогѣ въ Кіевъ, гдѣ мой старшій сынъ служилъ доцентомъ при Кіевскомъ университетѣ, я прибылъ въ Ливадію на страстной недѣлѣ и нашелъ императрицу настолько поправившеюся, что она могла присутствовать въ великую пятницу вечеромъ при выносѣ плащаницы при прекрасной весенней погодѣ. Здѣсь я нашелъ письмо моего интимнаго друга В. П. Титова, который писалъ мнѣ слѣдующее:

«С.-Петербургъ. Великая среда 1872 г. Вчера я писалъ королевѣ, а сегодня въ Петропавловскомъ соборѣ усердно молился за императрицу. Ровно семь лѣтъ кончинѣ покойнаго цесаревича. Да вознаградитъ Богъ страданія державной матери цѣлымъ рядомъ надеждъ и отрадъ въ ея семействѣ. Но главное, вѣра въ Божественный Промыслъ и безъ того всегда была тверда въ ея сердцѣ. Здоровье же, судя по всѣмъ доходящимъ сюда извѣстіямъ, видимо поправляется подъ благодатнымъ вліяніемъ солнца, воздуха, зелени и цвѣтовъ южнаго берега.

«Жена и мы всѣ васъ поздравляемъ съ наступающею Пасхой и кромѣ

наслажденія вдоволь красотами крымской природы желаемъ полнаго успѣха путешествію вашему на Босфоръ. Только для королевы рѣшительно мало провести тамъ трое сутокъ. Надо недѣлю. Такое убѣжденіе дозволилъ я себѣ громко высказать во вчерашнемъ письмѣ. Однажды будучи въ Царьградѣ, какъ не взглянуть, напримѣръ, на монастырь Панагія, на Принцевыхъ островахъ? не говоря уже о монастырѣ св. Георгія, нѣсколько менѣе доступномъ, но откуда виды на Анатолію, Мраморное море и Европу еще очаровательнѣе? Я вѣкъ буду сокрушаться, если ея величество уѣдетъ, не видавъ Панагіи. При семидневномъ пребываніи такія дальнія прогулки весьма сбыточны, безъ чрезмѣрнаго напряженія силъ. При трехсуточномъ даже немыслимы. А можетъ ли сравниться съ ними, сказать примѣромъ, утомительное посѣщеніе какого-нибудь нелѣпаго гарема? просто изъ удовольствія разсказать, что видѣли такую диковинку, какъ турецкій гаремъ. Истинными красотами Царьграда надо наслаждаться не для другихъ, а для своей души.

«Между болгаръ и грековъ вы, батюшка, попадете въ самый благопріятный моментъ. Патріархъ не хочетъ принимать экзарха, и ссора, какъ видно, такъ разгорѣлась, что злѣй уже и быть не можетъ. Слѣдовательно, за самый мало-мальскій признакъ или надежду сближенія будутъ признательны миротворцу. Въ академіи видѣлъ вашъ портретъ. Хвала г-жѣ Кочетовой. Сходство отмѣнное. Исполать вамъ. В. Т.».

Вскорѣ послѣ Пасхи въ самыхъ первыхъ числахъ мая мы сѣли въ Ялтѣ на пароходъ «Великая княгиня Ольга», предоставленный въ распоряженіе королевы на все время ея плаванія черезъ Константинополь и Аѳины до Бриндизи въ Италіи, откуда она должна была вернуться въ Стутгартъ сухимъ путемъ. Плаваніе наше на этомъ пароходѣ, собственно яхтѣ царской фамиліи, было такъ удобно, а главное, такъ благополучно, что въ теченіе двухъ недѣль, проведенныхъ на морѣ, не только не было никакой качки, но вода стояла какъ зеркало вокругъ насъ. Напрасно капитанъ нашего парохода предупреждалъ насъ, что у мыса Монтепана насъ немножко покачаетъ, но мы обогнули и этотъ мысъ безъ малѣйшей качки, такъ что самъ капитанъ изумился, говоря, что ему еще никогда не приходилось проходить это мѣсто при такомъ совершенномъ штилѣ. Переѣздъ черезъ Черное море былъ устроенъ такъ, чтобы попасть въ Константинополь утромъ. Но пароходъ нашъ былъ такой ходкій, что мы подъѣхали къ Босфору только что съ разсвѣтомъ и здѣсь остановились, дожидаясь, когда королева проснется и встанетъ съ постели. Между тѣмъ, къ намъ прибылъ на своемъ пароходѣ изъ Буюкдере нашъ посолъ Н. П. Игнатьевъ, который распорядился везти королеву черезъ Босфоръ къ Принцевымъ островамъ, обогнувъ которые, мы вернулись назадъ и остановились у Золотаго

Рога. Королева заранѣе рѣшила не сходить съ парохода и пробыла на немъ всѣ восемь дней пребыванія своего въ Константинополѣ, съѣзжая на берегъ только для визитовъ и пріемовъ и для осмотра достопримѣчательностей. Поэтому, какъ только мы стали на якорь, какъ на нашъ пароходъ явился паша въ сопровожденіи молодаго эффенди, носившаго титулъ Introducteur des ambassadeurs, чтобы привѣтствовать королеву отъ имени султана и съ назначеніемъ состоять при ея величествѣ во все время пребыванія ея въ Константинополѣ. Намъ было очень интересно познакомиться съ этими турками, но мы скоро убѣдились, что это были типы новаго поколѣнія. Одинъ изъ нихъ, паша, былъ женатъ на нѣмкѣ-христіанкѣ и велъ семейную европейскую жизнь безъ гаремовъ, оставаясь впрочемъ мусульманиномъ. Другой же, Хамди-Бей, представлялъ собою gamin de Paris, гдѣ онъ воспитывался, и на каждомъ шагу копировалъ вертляваго француза. Онъ, впрочемъ, хвастался и своимъ литературнымъ образованіемъ, увѣряя насъ, что онъ написалъ нѣсколько пьесъ, которыя были поставлены на турецкомъ театрѣ. Но надо было видѣть этого франта при исполненіи имъ его придворной должности, какъ онъ изгибался передъ своимъ падишахомъ! Этому мы были свидѣтелями, когда королева принимала султана въ домѣ русскаго посольства. Мы смотрѣли съ верхней площадки лѣстницы, какъ поднимался по ступенькамъ султанъ, сопровождаемый блестящею свитою, а передъ нимъ скорчившись, бокомъ шелъ или, лучше, ползъ нашъ Хамби-Бей. Послѣ короткой аудіенціи у королевы, мы всѣ, свита королевы, были введены въ залъ и представлены его величеству. При представленіи меня, паша назвалъ меня имамомъ королевы, за что я былъ награжденъ отъ султана привѣтливою улыбкою.

На другой день королева отправила меня привѣтствовать отъ ея имени патріарха. Такъ какъ этотъ визитъ былъ оффиціальный, о чемъ была предупреждена и патріархія, то я отправился туда въ экипажѣ посольства, въ сопровожденіи драгомана, и былъ встрѣченъ тамъ торжественнымъ образомъ. Въ послѣдующіе мои визиты патріарху, неоффиціальные, я бралъ въ Константинополѣ каикъ и водою отправлялся въ Фанарь, но въ этотъ разъ пришлось пробираться по маленькимъ улицамъ въ этотъ отдаленный кварталъ и вытерпѣть по турецкой мостовой качку и бросанье изъ стороны въ сторону въ экипажѣ хуже всякой морской качки. Но, слава Богу, мы доѣхали до патріархіи, не сломавъ ни экипажа, ни себѣ головы. Тамъ, какъ сказано, насъ уже ожидали, и по всей лѣстницѣ, деревянной наружной, какія у насъ бываютъ пристроены на постоялыхъ дворахъ, были разставлены патріаршіе кавасы, а на верхней площадкѣ стояли и члены синода, которые ввели меня въ пріемную патріарха. Мнѣ было немного неловко предстать въ своихъ орденахъ и звѣздахъ предъ старцемъ-патріархомъ, скромно одѣтымъ въ

черную рясу безъ всякихъ знаковъ отличія. При послѣдующихъ моихъ посѣщеніяхъ я являлся уже просто въ черной рясѣ, не надѣвая даже наперснаго креста. Въ этотъ же разъ, исполняя должность посланника королевы, я обязанъ былъ показать величіе нашей церкви и величество особы, при которой я служилъ. Визитъ этотъ, какъ оффиціальный, ограничился взаимными привѣтствіями при неизбѣжномъ восточномъ угощеніи чашкою кофе и сластями. О жгучемъ болгарскомъ вопросѣ при этомъ не было упомянуто ни однимъ словомъ. При прощаніи драгоманъ заявилъ патріарху, что королева желаетъ принять его святѣйшество на другой день въ русскомъ посольствѣ, что онъ и исполнилъ, явившись туда со всѣмъ соборомъ, сопровождаемый по дорогѣ своими кавасами, эскортировавшими его карету верхомъ на коняхъ.

Но прежде чѣмъ приступить къ возложенному на меня порученію, намъ предстояло осмотрѣть достопримѣчательности Константинополя, въ числѣ которыхъ, по словамъ нашего посла Н. П. Игнатьева, на первомъ мѣстѣ стоитъ выѣздъ султана по пятницамъ въ мечеть для молитвы, и какъ мы были наканунѣ одной изъ пятницъ, то рѣшено было на другой день отправиться на это зрѣлище. Для этого королевѣ былъ предоставленъ на другомъ берегу Босфора султанскій кіоскъ, мимо котораго султанъ долженъ былъ проѣхать верхомъ на конѣ. Хотя мы собрались въ этотъ кіоскъ заранѣе, но мы не знали, что его мусульманское величество заставляетъ себя ждать часъ и болѣе того, какъ это было даже при посѣщеніи имъ королевы въ русскомъ посольствѣ, И вотъ мы на досугѣ стали присматриваться къ обстановкѣ этого торжественнаго шествія. По всему пути были разставлены по обѣ стороны шпалерами войска, а у троттуаровъ стояли кареты-купе съ гаремными красавицами. Хотя онѣ и охранялись евнухами, но это намъ не мѣшало заглянуть мимоходомъ во внутрь купе и видѣть, какъ эти красавицы охотно отбрасывали свои прозрачныя вуали при взглядѣ на нихъ проходящихъ. Другая характерная подробность, обратившая на себя наше вниманіе, состояла въ томъ, что среди улицы, по которой долженъ былъ проѣхать султанъ, въ пробоинѣ мостовой лежала свернувшись одна изъ собакъ, извѣстныхъ Константинополю. Насъ удивляло не только то, что эту собаку не смущало многолюдство всей обстановки этой улицы, но еще болѣе то, что никто и не думалъ прогнать ее отсюда. Намъ хотѣлось видѣть, побезпокоится ли она при приближеніи султанскаго кортежа, и что же? вотъ появился и султанъ на своемъ конѣ и за нимъ многочисленная свита тоже на коняхъ, и вся эта масса лошадиныхъ копытъ перешагнула черезъ эту собаку, не задѣвъ ея, и та преспокойно продолжала спать въ своемъ логовищѣ.

Обратнаго шествія изъ мечети мы не стали дожидаться и отправились въ св. Софію осмотрѣть эту дорогую для каждаго православнаго

сердца святыню. Насъ ввели на верхнюю галлерею, откуда легче было обозрѣть всѣ подробности этого храма. Здѣсь, стоя прямо противъ ясно просвѣчивавшаго сквозь легкую штукатурку лика Господа Саваоѳа, мы невольно погрузились въ молитвенное настроеніе, и королева, несмотря на то, что ее окружали приставленные къ ней для почета турки, обратилась ко мнѣ со словами: «помолимся здѣсь съ вами», и мы сотворили тайную молитву, которая не осталась незамѣченною и нашими турками.

Императоръ Павелъ.

Очеркъ развитія его личности.

VI [1]).

Переходъ къ Павлу Петровичу неограниченной власти отразился на немъ главнымъ образомъ въ двухъ отношеніяхъ: представленіе о собственной личности возросло до недосягаемой высоты, а подозрительность и мнительность развились до проявленій чисто болѣзненныхъ.

Мы уже видѣли, что воспитатель Павла Петровича Панинъ вселялъ въ него убѣжденіе, что государи—намѣстники во плоти Бога. И хотя Павелъ Петровичъ неоднократно высказывалъ, что государи тоже люди, что и онъ самъ человѣкъ и потому можетъ заблуждаться и т. д., но въ общемъ сѣмена, брошенныя Панинымъ, упали на достаточно благодарную почву. Дашкова въ своей характеристикѣ новаго императора прямо называетъ его убѣжденнымъ въ сверхъестественномъ характерѣ его положенія. И надо сказать, что нѣкоторыя событія въ жизни Павла Петровича легко могли вселить въ него подобное убѣжденіе, породить въ немъ вѣру, что Промыслъ не оставляетъ его своимъ ближайшимъ вмѣшательствомъ въ его личныя обстоятельства. Такъ, въ 1772—1773 году онъ видитъ призракъ Петра Великаго, поучающій его, какъ ему слѣдуетъ жить. Когда передъ отправленіемъ въ Крымское путешествіе Екатерина наносила ему одинъ изъ самыхъ чувствительныхъ для него ударовъ, рѣшивъ взять съ собою

---

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1901 г.

обоихъ его сыновей, даже не предупредивъ его объ этомъ предварительно, и когда всѣ мольбы Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны оставить дѣтей съ ними или же и ихъ самихъ взять съ собою оказывались безуспѣшными, какъ бы сама судьба вмѣшивается въ это дѣло: почти передъ самымъ отъѣздомъ Константинъ Павловичъ заболѣваетъ сыпью, и императрица была вынуждена начать путешествіе безъ внуковъ. Осенью 1796 года можно было быть вполнѣ увѣреннымъ, что Павлу Петровичу не суждено достигнуть престола, какъ вдругъ императрица внезапно заболѣваетъ и лишается языка.... Наконецъ, въ ночь подъ 5-е ноября и Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна видятъ одновременно сонъ, что какая-то невидимая и сверхъестественная сила возноситъ его къ небу. Поэтому онъ былъ совершенно искрененъ, когда 5-го того же ноября, по дорогѣ изъ Гатчины въ Петербургъ, выйдя изъ кареты и устремивъ наполненные слезами глаза на луну въ полномъ сіяніи, воскликнулъ: «Я прожилъ сорокъ два года. Господь Богъ поддержалъ меня..... Будемъ надѣяться на его милость». Вообще, по замѣчанію Н. К. Шильдера, таинственное и чудесное играли роль въ жизни Павла Петровича, и онъ любилъ останавливаться на этомъ.

Вѣрующій въ сверхъестественность своего положенія, проникнутый искреннимъ и горячимъ желаніемъ дѣлать добро, онъ сталъ считать себя началомъ и концомъ всего, сталъ думать, что онъ можетъ дѣлать все самъ. Въ противность высказанной когда-то мысли, что «указы почитать просто учрежденіями, а не законами», онъ сталъ отождествлять съ закономъ свои желанія. «Здѣсь вашъ законъ», крикнулъ однажды Павелъ Петровичъ, ударивъ себя въ грудь, когда кто-то осмѣлился возражать ему по поводу принятаго имъ рѣшенія и упомянулъ о законѣ. «Въ этихъ немногихъ словахъ,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,— выразился весь смыслъ правительственной системы, усвоенной себѣ преемникомъ Екатерины II» [1]. «Одно понятіе—самодержавіе, одно желаніе—самодержавіе неограниченное—были двигателями всѣхъ дѣйствій Павла. Въ его царствованіе Россія обратилась почти въ Турцію», высказалъ баронъ М. А. Корфъ въ неизданной главѣ біографіи Сперанскаго [2]. «Личное самовластіе въ непремѣнномъ исполненіи самымъ скорымъ образомъ его воли, хотя бы какія дурныя слѣдствія отъ того ни произошли, было главный его порокъ», пишетъ одинъ изъ современниковъ, князь Ѳ. Н. Голицынъ.

До какой степени искренно Павелъ Петровичъ былъ убѣжденъ въ томъ, что онъ въ состояніи дѣлать все самъ, что онъ—«все», наглядно подтверждается слѣдующими случаями.

---

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе", т. I, стр. 146.

[2]) Ib., стр. 244.

Во время задуманнаго Павломъ Петровичемъ пресловутаго морскаго путешествія въ Ревель съ цѣлымъ флотомъ, онъ вышелъ однажды на палубу и, увидѣвъ, что состоявшій эскадръ-маіоромъ Шишковъ держитъ въ рукахъ какую-то тетрадь, спросилъ у него о ней. Тотъ отвѣчалъ, что это чертежи для походныхъ строевъ. Онъ сталъ разсматривать ихъ, а затѣмъ спросилъ Шишкова:

— А если я захочу, чтобъ корабли иначе построились, нежели здѣсь изображено?

«Нечаянный вопросъ сей,—пишетъ Шишковъ въ своихъ запискахъ,—привелъ меня въ затрудненіе, ибо я принужденъ былъ отвѣчать, что этого сдѣлать невозможно.

— Для чего невозможно?—подхватилъ онъ съ нѣкоторою досадою.

«Не зная, подлинно ли не имѣетъ онъ достаточнаго о семъ свѣдѣнія, или испытываетъ меня, сталъ я ему объяснять.... Онъ выслушалъ меня терпѣливо; но, повидимому, не вразумясь хорошенько, сердитымъ голосомъ сказалъ:

— Что мнѣ нужды до вашихъ чертежей! Я хочу, чтобъ дѣлали то, что я велю!

«Не смѣя больше прекословить ему и не вѣдая, какъ отъ сего отдѣлаться, я приведенъ былъ въ крайнее недоумѣніе и очень обрадовался, увидя вышедшаго въ сіе время на верхъ графа Кушелева. Я, тотчасъ указавъ на него, сказалъ:

— Вотъ графъ Кушелевъ: не угодно ли вашему величеству у него о томъ спросить.

«Графъ, по извѣщеніи его, о чемъ идетъ дѣло, сталъ то жъ самое, что и я, говорить. Государь замолчалъ и пошелъ въ свою каюту. Чрезъ нѣсколько минутъ выходитъ оттуда одинъ изъ приближенныхъ къ нему и говоритъ намъ:

— Что такое вы сдѣлали? Государь очень вами недоволенъ: онъ, сойдя на низъ, сказалъ: «тамъ два умника спорятъ со мною; я не пойду больше наверхъ и посмотрю, какъ они безъ меня управлять станутъ».

Въ другомъ случаѣ, сообщая Аракчееву о дошедшихъ до него слухахъ о недовольствѣ среди офицеровъ Преображенскаго полка, Павелъ Петровичъ писалъ:

«Свѣдалъ я, что офицеры ваши разглашаютъ вездѣ, что они не могутъ ни въ чемъ угодить, забывая, что если бы они дѣлали, что другихъ полковъ дѣлаютъ, то бы они равно имъ угождали; то и извольте имъ сказать, что легкой способъ сіе кончить—отступиться мнѣ отъ нихъ и ихъ кинуть, предоставя имъ всегда таковыми оставаться, каковы мерзки они прежде были, что я и исполню, а буду заниматься и безъ нихъ обороною государственною».

*

«У меня всѣ Безбородки!» съ досадою воскликнулъ Павелъ Петровичъ, когда ему было доложено о кончинѣ канцлера, при чемъ было употреблено выраженіе: «Россія лишилась Безбородки».

Конечно, развитію въ Павлѣ Петровичѣ самомнѣнія способствовали также низкопоклонство и лесть, въ которыхъ, повидимому, не было недостатка. Поражаетъ только та грубая форма, въ которой выражалась эта лесть. Такъ, во время однихъ маневровъ генералъ баронъ Дибичъ, отецъ извѣстнаго впослѣдствіи фельдмаршала, бывшій адъютантъ Фридриха Великаго, ловко маскировалъ передъ государемъ часто неизбѣжные со стороны войскъ промахи, а самъ между тѣмъ восклицалъ безпрестанно: «О, великій Фридрихъ! Если бы ты могъ видѣть армію Павла. Она выше твоей». «Этимъ кстати проявленнымъ чувствомъ восторга,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—сердце Павла было совершенно покорено, а на участниковъ маневровъ посыпалась награда». Коцебу въ своемъ описаніи Михайловскаго замка разсказываетъ, какъ нѣкоторые пользовались для мести извѣстнымъ пристрастіемъ Павла Петровича къ своему творенію. «Императоръ,—пишелъ онъ,—былъ дотого прельщенъ своимъ созданіемъ, что самое осторожное порицаніе раздражало его на столько же, на сколько ему льстила самая грубая похвала. Однажды онъ встрѣтилъ на лѣстницѣ пожилую даму. «Мнѣ говорили, будто лѣстницы дворца неудобны,—сказала она,—но я нахожу ихъ превосходными». Императоръ пришелъ отъ этой похвалы въ такой восторгъ, что поцѣловалъ даму. Царедворцы умѣли прекрасно пользоваться этою слабостью. Они были неистощимы въ похвалахъ, и мнѣ извѣстно, что, высказавши все, что̀ можно было придумать, они повергались на колѣни передъ бронзами и поклонялись имъ въ нѣмомъ восторгѣ».

Вполнѣ естественно, что при томъ представленіи, которое составилось у него на власть и на значеніе своей личности, онъ долженъ былъ стараться окружить ее подобающимъ ореоломъ. Такъ, въ одномъ случаѣ онъ командуетъ войсками на парадѣ въ далматикѣ и коронѣ. На выходѣ 1-го января 1798 г. онъ появляется въ коронѣ, суперверсѣ и императорской мантіи. «L'Empereur,—пишетъ графиня В. Н. Головина,—mettait dans la représentation souveraine toute l'exagération de son caractère». «Государь,—въ свою очередь замѣчаетъ Н. К. Шильдеръ,—съ какою-то, присущею ему, особою страстностью и мелочностью придумывалъ все новыя усовершенствованія для придворнаго этикета; по этой причинѣ празднества и даже балы дѣлались не менѣе утомительными и скучными, чѣмъ торжественныя поздравленія». При встрѣчахъ съ государемъ на улицахъ даже дамы, несмотря на грязь или дождь, должны были выходить изъ экипажей и дѣлать глубокій реверансъ, а статскіе—сбрасывать шинели и отдавать честь по-военному. Престижъ своей власти Павелъ Петровичъ старался поддерживать даже такими мѣрами, какъ

запрещеніе произносить на улицахъ столицы слово «Курносый» и называть козу и кошку «Машкой».... [1])

Будучи высокаго мнѣнія о своемъ положеніи, Павелъ Петровичъ предъявлялъ къ нему и строгія требованія. По его словамъ «долгъ тѣхъ, которымъ Богъ вручилъ власть править народами,—думать и заботиться объ ихъ благосостояніи». И онъ всѣми силами старался выполнить этотъ долгъ, какъ онъ понималъ его. Онъ проявлялъ громадную дѣятельность. Мысль о народномъ благосостояніи была его постоянною мыслью. Онъ во всемъ хотѣлъ служить примѣромъ для всѣхъ.

«Царь самъ за работою съ ранней зари, съ шести часовъ утра,— пишетъ одинъ изъ современниковъ, — генералъ-прокуроръ, въ домѣ котораго жилъ князь (Н. В. Репнинъ) и я при немъ, каждый день отправлялся съ докладами во дворецъ въ $5^1/_2$ часовъ утра. Приходя съ порученіемъ отъ князя къ графу Н. И. Салтыкову, въ исходѣ шестаго часа утра, не одинъ разъ я находилъ уже его не въ томъ, а въ другомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ цесаревича-наслѣдника. Міръ живетъ примѣромъ государя. Въ канцеляріяхъ, въ департаментахъ, въ коллегіяхъ, вездѣ въ столицѣ свѣчи горѣли съ пяти часовъ утра; съ той же поры въ вице-канцлерскомъ домѣ, что былъ противъ Зимняго дворца, всѣ люстры и всѣ камины пылали. Сенаторы съ восьми часовъ утра сидѣли за краснымъ столомъ. Возрожденіе по военной части было еще явственнѣе—съ головы началось. Сѣдые съ георгіевскими звѣздами военачальники учились маршировать, равняться, салютовать эспонтономъ».

Если же, несмотря на всѣ благія намѣренія Павла Петровича, оказалось возможнымъ, что цесаревичъ Александръ Павловичъ писалъ уже въ 1797 году, характеризуя его правленіе, что «несчастное отечество находится въ положеніи, не поддающемся описанію», что «хлѣбопашецъ обиженъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены», что «благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами» и что «существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ навыворотъ», — то это, такъ сказать, крушеніе добрыхъ желаній Павла Петровича объясняется поспѣшностью, съ которою онъ хотѣлъ пересоздать все сразу, его взглядомъ на свою власть, его врожденными нетерпѣливостью и порывистостью и, наконецъ, главное, выработавшеюся въ немъ въ Гатчинѣ мелочностью и увлеченіемъ экзерцирмейстерствомъ, парадоманіей съ ея плутонгами, пуанъ-де-вю, пуанъ-д'аннюи и «прочими мистеріями воинскаго устава». По признанію самого Александра Павловича, онъ, наслѣдникъ

---

[1]) „Русская Старина" 1897 г. ноябрь. „Императоръ Павелъ въ его дѣяніяхъ и приказахъ".

престола, терялъ все свое время на выполненіе обязанностей унтеръ-офицера...

Къ сожалѣнію, какъ уже упомянуто выше, вступленіе Павла Петровича на престолъ отразилось на немъ не только чрезмѣрнымъ, почти болѣзненнымъ развитіемъ представленія о своемъ собственномъ «я». «Онъ сталъ относиться къ своей власти такъ, какъ будто кто-то все не хочетъ признать ея и готовъ оспаривать его права на нее. Отсюда происходитъ какое-то нервное безпокойство, обнаруживаемое имъ при пользованіи своею властью, и этимъ же, намъ кажется, слѣдуетъ объяснить всѣ его невоздержанности, всѣ его черезчуръ крутыя мѣры: онъ какъ будто хочетъ испытать силу своей власти и убѣдиться, видя исполненіе всѣхъ проявленій своей воли, что его слушаются, что его признаютъ... Потребность новыхъ и еще болѣе наглядныхъ доказательствъ увлекала его по этому пути все далѣе и далѣе... Онъ дѣйствуетъ и держитъ себя не какъ государь, по праву первородства вступившій на прародительскій престолъ и проникнутый спокойнымъ сознаніемъ своей власти, а какъ человѣкъ, вдругъ, по волѣ случая, неожиданно для себя и для другихъ, очутившійся на престолѣ, обезпокоенный мыслью о томъ, какъ смотрятъ на это другіе, и желающій убѣдить всѣхъ въ томъ, что они должны повиноваться ему».

Хотя цѣль всѣхъ страстныхъ, затаенныхъ желаній—власть—и была достигнута, но глубоко вкоренившаяся многолѣтняя привычка къ подозрительности и мнительности уже не могла исчезнуть. Вся разница только въ томъ, что опасеніе не достигнуть престола смѣнилось опасеніемъ преждевременно утратить его.

Подъ вліяніемъ этого опасенія, подозрительность и мнительность находили себѣ обильную пищу, болѣзненно настроенное воображеніе работало неустанно при этомъ, вполнѣ естественнымъ образомъ, подъ вѣчнымъ напоромъ воспоминаній о судьбѣ Петра Ѳеодоровича; Павелъ Петровичъ не дѣлалъ исключеній даже для самыхъ близкихъ ему людей. Въ отношеніи къ нимъ проявленіе подозрительности и мнительности принимало уже несомнѣнно болѣзненный характеръ.

Такъ, въ одномъ разговорѣ съ Комаровскимъ Павелъ Петровичъ сталъ разсказывать ему, что всѣ противъ него, т. е. императрица и наслѣдникъ, что онъ окруженъ шпіонами и т. д. Какъ разъ въ это время проходилъ парикмахерскій ученикъ, и императоръ, указывая на него Комаровскому, сказалъ:

— Ты видишь этого мальчишку; я не увѣренъ, чтобы и ему не велѣно тоже за мной присматривать.

Съ графомъ же Віельгорскимъ былъ слѣдующій случай.

По званію гофмаршала ему часто приходилось бесѣдовать съ императрицею о предметахъ, касающихся его должности. Когда, на одномъ

изъ придворныхъ собраній, онъ заговорилъ съ нею о чемъ-то подобномъ, государь нахмурился и замѣтилъ великому князю Александру:

— Вотъ онъ опять толкуетъ ей о пустякахъ.

Великій князь бросилъ на графа взглядъ, желая дать ему понять, чтобы онъ удалился. Віельгорскій отошелъ и приблизился къ игрокамъ въ бостонъ, сидѣвшимъ за карточнымъ столомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ государя.

— Вотъ, посмотрите,—сказалъ Павелъ,—теперь онъ старается приблизиться къ намъ, чтобы подслушать, о чемъ мы говоримъ.

Великій князь далъ Віельгорскому знакъ отойти; но тотъ, находясь подлѣ четырехъ игроковъ, даже не воображалъ, что въ немъ подозрѣваютъ столь тонкій слухъ, а тѣмъ болѣе,—намѣреніе подслушивать своего государя, и остался на своемъ мѣстѣ, спокойно продолжая разговаривать съ игроками. На другой день графъ Віельгорскій былъ смѣненъ и нѣсколько позже долженъ былъ выѣхать въ Вильно.

Подозрительность Павла Петровича коснулась и цесаревича. Старанія Александра Павловича не давать отцу поводовъ подозрѣвать его въ чемъ бы то ни было не привели ни къ чему: въ умѣ Павла созрѣлъ планъ отстранить Александра Павловича отъ престолонаслѣдія и усыновить выписаннаго имъ въ Россію тринадцатилѣтняго племянника Маріи Ѳеодоровны, принца Евгенія Виртембергскаго. По словамъ графини Д. Х. Ливенъ, рѣшительное вліяніе на отношеніе отца къ сыну оказало слѣдующее ничтожное обстоятельство.

Войдя однажды неожиданно въ комнату наслѣдника, императоръ Павелъ нашелъ на его столѣ трагедію «Брутъ» Вольтера; она оканчивается, какъ извѣстно, словами Брута:

Rome est libre: il suffit.
....Rendons grâces aux dieux!

Государь призвалъ сына къ себѣ наверхъ и, показывая на указъ Петра Великаго о несчастномъ Алексѣѣ Петровичѣ, спросилъ его: знаетъ ли онъ исторію этого царевича?

По справедливому замѣчанію Сегюра, онъ мучилъ всѣхъ тѣхъ, которые были къ нему близки, потому что безпрестанно онъ мучилъ самого себя. Престолъ постоянно казался ему окруженнымъ пропастями. Страхъ смутилъ его разумъ: путемъ боязни воображаемыхъ опасностей онъ создалъ дѣйствительныя опасности, потому что монархъ рано или поздно возбуждаетъ недовѣріе, выказываемое имъ самимъ, и страхъ, который онъ самъ оспариваетъ.

Параллельно съ подозрительностью и мнительностью росла раздражительность, доводившая до полной потери самообладанія, когда становилось возможнымъ проявленіе наклонности щипать. По словамъ князя

Павла Петровича Лопухина, брата извѣстной княгини Гагариной, раздражительность, порывы необузданнаго гнѣва Павла Петровича являлись ничѣмъ инымъ, какъ болѣзненными припадками, сопровождавшимися слѣдующими явленіями: императоръ блѣднѣлъ, черты его лица до того измѣнялись, что трудно было узнать его, ему давило грудь, онъ выпрямлялся, закидывалъ голову назадъ, задыхался и пыхтѣлъ. Продолжительность этихъ припадковъ не всегда бывала одинакова. Когда же онъ приходилъ въ себя и вспоминалъ, что говорилъ и дѣлалъ въ эти минуты, или когда какое-нибудь «благонамѣренное лицо изъ его приближенныхъ напоминало ему объ этомъ, то, по удостовѣренію князя П. П. Лопухина, не было примѣра, чтобъ онъ не отмѣнялъ своего приказанія и не старался всячески загладить послѣдствія своего гнѣва.

Послѣ этого станетъ особенно наглядною вся благодѣтельность вліянія, которое оказывала на Павла Петровича въ первую половину его царствованія Е. И. Нелидова, увѣщавшая его: «будьте добры, будьте сами собою, ибо истинное ваше расположеніе—доброта».

И какъ правъ былъ Шишковъ, восклицающій въ своихъ запискахъ:

«О, еслибы при царяхъ, а особливо строптивыхъ и пылкихъ, всѣ были Катерины Ивановны».

Къ числу воображаемыхъ опасностей, постоянно грезившихся Павлу Петровичу и особенно волновавшихъ и раздражавшихъ его, относятся «потемкинскій», и главное «якобинскій» духъ.

— Я изъ васъ потемкинскій духъ вышибу,—вскричалъ въ одномъ случаѣ Павелъ Петровичъ съ глазами, блиставшими, по выраженію современника, какъ зажженныя свѣчи.

И, дѣйствительно, въ продолженіе всего своего царствованія Павелъ Петровичъ неутомимо старался искоренить этотъ «духъ», усматривая его проявленіе въ малѣйшемъ упущеніи по части экзерцирмейстерства и военной субординаціи, такъ какъ, по его убѣжденію, при князьяхъ Потемкинѣ и Зубовѣ, «вмѣсто службы обращались въ передней и въ пляскѣ». А такъ какъ извѣстно, съ какими неутомимостью и стремительностью занимался Павелъ Петровичъ перереформированіемъ русскихъ войскъ на свой образецъ, какъ онъ входилъ во всѣ мелочи военнаго дѣла, проявляя при этомъ строгую требовательность, то легко понять, что ему очень часто приходилось наталкиваться на проявленіе «потемкинскаго духа». Въ этомъ обстоятельствѣ онъ усматривалъ упорное нежеланіе подчиниться его волѣ, непризнаніе его власти, и это особенно сильно раздражало и ожесточало его. Конечно, не въ спокойномъ состояніи духа онъ могъ отдать предписаніе (въ 1798 году), чтобы тѣло Потемкина, сохранявшееся непреданнымъ землѣ, подъ церковью, въ Херсонской крѣпости, безъ дальнѣйшей огласки, въ самомъ же томъ погребу погребено было въ особо вырытую яму, а погребъ засыпанъ землею и изглаженъ такъ, какъ бы

его никогда не бывало. Исполненіе этого повелѣнія породило даже легенду, будто тѣло князя Потемкина было вынуто изъ гроба и выброшено. Но Павелъ Петровичъ не ограничился приведеннымъ распоряженіемъ: онъ повелѣлъ также уничтожить памятникъ Потемкину, сооруженный императрицей Екатериной въ Херсонѣ.

Что касается «якобинскаго духа», порождавшаго развратныя правила и буйственное воспаленіе разсудка, поправшія Законъ Божій и повиновеніе установленнымъ властямъ, то малѣйшее проявленіе его выводило Павла Петровича изъ себя, а проявленіе этого «духа» онъ былъ склоненъ видѣть во всемъ рѣшительно, вплоть до ношенія круглыхъ шляпъ, фраковъ и т. д.

Постоянно мучимый подозрѣніями, легко раздражающійся, и подъ вліяніемъ болѣзненныхъ припадковъ гнѣва, подававшійся первому душевному побужденію, Павелъ Петровичъ, конечно, не могъ быть послѣдовательнымъ въ своихъ поступкахъ. По выраженію біографа Суворова А. Петрушевскаго, каждое движеніе больной души Павла Петровича тотчасъ же переходило въ дѣло, и у него завтра не было логическимъ послѣдствіемъ сегодняшняго дня. «Мой отецъ,—высказалъ великій князь Константинъ Павловичъ,—объявилъ войну здравому смыслу, съ твердымъ намѣреніемъ никогда не заключать мира». Да, повидимому, онъ даже чувствовалъ инстинктивное отвращеніе ко всякой послѣдовательности. По крайней мѣрѣ, въ одномъ случаѣ, характеризуя графа Н. П. Панина, онъ прямо высказалъ, что быть педантичнымъ, систематичнымъ и методичнымъ—недостатки.

Хотя современники и находили, что слѣпой случай, прихоть государя дѣлаютъ невозможнымъ что-либо разсчитать, что-либо предвидѣть и подвергаютъ (ихъ) самымъ непріятнымъ случайностямъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ дѣлать вывода, чтобы нельзя было руководить Павломъ Петровичемъ, сознательно направлять его къ заранѣе намѣченной цѣли. Невозможность управлять подобными характерами—только кажущаяся. Стоитъ лишь изучить всѣ страсти такого человѣка, и затѣмъ уже можно играть на нихъ, какъ на струнахъ. Все несчастіе только въ томъ, что обыкновенно этому искусству научаются люди, надѣленные злою волею.

Такъ было и съ Павломъ Петровичемъ. Когда интрига удалила отъ него Нелидову, а вліяніе Маріи Θеодоровны стало недѣйствительнымъ, вокругъ Павла Петровича не оказалось никого, кто бы искренно былъ преданъ ему, желалъ вліять на него въ благодѣтельномъ смыслѣ. О великихъ князьяхъ Александрѣ и Константинѣ Павловичахъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ оба они дотого боялись отца, что блѣднѣли и дрожали, «какъ осиновый листъ», какъ только Павелъ Петровичъ сердито взглядывалъ на нихъ.

Предоставленный самому себѣ, искусно разжигаемый въ своихъ страстяхъ, Павелъ Петровичъ быстро мѣнялся, все болѣе и болѣе удаляясь отъ облика суворовскаго «prince adorable».

«Вы, которые близко знали Павла въ первые два года его царствованія,—патетически восклицаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ баронъ Гейкингъ,—скажите, развѣ не имѣлъ онъ чувствительнаго сердца, не обладалъ доброжелательнымъ характеромъ, просвѣщеннымъ умомъ? И если ему случалось дѣлать несправедливость — не проистекало ли это отъ преизбытка его любви къ справедливости, и развѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ убѣждался въ своей ошибкѣ, не имѣлъ онъ мужества сознаться въ ней и стараться ее исправить? Но низкіе льстецы, но люди, желавшіе удержаться на своемъ мѣстѣ въ ущербъ правдѣ, испортили эти хорошія свойства и мало-по-малу задушили драгоцѣнные зародыши его добродѣтелей, способствуя развитію противоположныхъ качествъ».

Въ особенности хорошо изучилъ характеръ Павла Петровича графъ Паленъ. Въ своемъ умѣніи играть на струнахъ его души онъ дошелъ до совершенства, до виртуозности. Но какъ-то непріятно становится при мысли, что при этомъ пользовались также самыми лучшими, самыми возвышенными нотами, таившимися въ душѣ Павла. Вотъ, что разсказывалъ самъ Паленъ о томъ, какъ ему удалось добиться появленія въ Петербургѣ трехъ братьевъ Зубовыхъ, удаленныхъ въ деревню, а также Беннигсена, уволеннаго отъ службы.

«Я рѣшилъ воспользоваться одной изъ свѣтлыхъ минутъ императора,—передавалъ впослѣдствіи графъ Паленъ въ откровенномъ разговорѣ графу Ланжерону,—когда ему можно было говорить, что угодно, чтобы разжалобить его на счетъ участи разжалованныхъ офицеровъ. Я описалъ ему жестокое положеніе этихъ несчастныхъ, выгнанныхъ изъ ихъ полковъ и высланныхъ изъ столицы, и которые, видя карьеру свою погубленною, а жизнь испорченною, умираютъ съ горя и нужды за поступки легкіе и простительные. Я зналъ порывистость Павла во всѣхъ дѣлахъ, я надѣялся заставить его сдѣлать тотчасъ же то, что я представилъ ему подъ видомъ великодушія; я бросился къ его ногамъ. Онъ былъ романическаго характера, онъ имѣлъ претензію на великодушіе. Во всемъ онъ любилъ крайности: два часа спустя, послѣ нашего разговора, двадцать курьеровъ уже скакали во всѣ части Имперіи, чтобы вернуть назадъ въ Петербургъ всѣхъ сосланныхъ и исключенныхъ со службы. Указъ, дарующій имъ помилованіе, былъ продиктованъ мнѣ самимъ императоромъ.

«Тогда я обезпечилъ себѣ два важныхъ пункта: 1) заполучить Беннигсена и Зубовыхъ, необходимыхъ мнѣ, и 2) еще усилить общее ожесточеніе противъ императора: я изучилъ его нетерпѣливый нравъ, бы-

стрые переходы его отъ одного чувства къ другому, отъ одного намѣренія къ другому, совершенно противоположному. Я былъ увѣренъ, что первые изъ вернувшихся офицеровъ будутъ приняты хорошо, но что скоро они надоѣдятъ ему, а также и слѣдующіе за ними. Случилось то, что я предвидѣлъ: ежедневно сыпались въ Петербургъ сотни этихъ несчастныхъ, каждое утро подавали императору донесенія съ заставъ. Вскорѣ ему опротивѣла эта толпа прибывающихъ; онъ перестал принимать ихъ, затѣмъ сталъ просто гнать ихъ и нажилъ себѣ такимъ образомъ непримиримыхъ враговъ въ лицѣ этихъ несчастныхъ, снова лишенныхъ всякой надежды и осужденныхъ умирать съ голоду у воротъ Петербурга»...

Что же удивительнаго послѣ этого, что, какъ пишетъ Н. К. Шильдеръ,—съ каждымъ днемъ настроеніе Павла Петровича дѣлалось все болѣе мрачнымъ, подозрительность усиливалась...—Я не знаю почему, дорогая Нелидова,—писала императрица Марія Θеодоровна въ концѣ 1800 года—но мнѣ кажется, что все выглядитъ какъ-то грустно; быть можетъ, этому содѣйствуетъ недостатокъ солнца...

И погода какая-то темная, чудная,—писалъ другой современникъ,—по недѣлямъ солнца не видно: не хочется изъ дому выйти, да и не безопасно... Кажется, и Богъ отъ насъ отступился. Столица приняла небывалый, своеобразный видъ; въ 9 часовъ вечера, послѣ пробитія зари, по большимъ улицамъ перекладывались рогатки и пропускались только врачи и повивальныя бабки. «Для благоразумнаго человѣка остается одинъ исходъ—умереть»—высказалъ будущій графъ, фельдмаршалъ и князь, баронъ Фабіанъ Вильгельмовичъ Остенъ-Сакенъ.

Въ рѣдкія «свѣтлыя минуты» Павелъ Петровичъ не могъ не замѣтить дѣйствительнаго положенія вещей, не могъ не чувствовать, чисто инстинктивно, того разлада, который создался между нимъ и обществомъ. Надѣленный отъ природы добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ отличавшійся несомнѣнными возвышенностью и благородствомъ понятій, проникнутый наилучшими намѣреніями, онъ не могъ не тяготиться этимъ сознаніемъ... Въ эти «свѣтлыя минуты» оно должно было дѣйствовать на него самымъ удручающимъ образомъ.—«Въ своей душѣ онъ носитъ затаенную грусть, которая подтачиваетъ его,—писала о немъ Марія Θеодоровна въ ноябрѣ 1800 года,—улыбка рѣдко появляется на его губахъ».

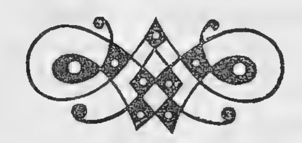
Тою же несомнѣнною грустью звучатъ слова, сказанныя Павломъ Петровичемъ въ послѣдній вечеръ своей жизни 11-го марта 1801 г., передъ тѣмъ какъ удалиться въ свою спальню:

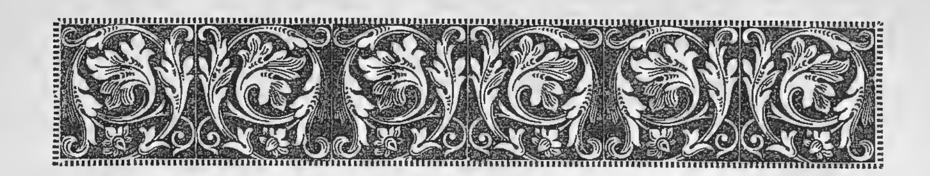
— Чему быть, тому не миновать!

Въ этихъ словахъ слышится также тихая покорность велѣніямъ рока. Въ жизни Павла Петровича чудесное играло большую роль, и, быть

можетъ, эти слова явились отголоскомъ необычайнаго сна, который Павелъ Петровичъ видѣлъ въ ночь подъ 11-е марта: ему снилось, что ему натягиваютъ узкій парчевой кафтанъ съ такимъ усиліемъ, что онъ проснулся отъ боли...

П.

Алексѣевскій равелинъ въ 1862—65 г.г.

(Изъ моихъ воспоминаній).

Въ разсказахъ современниковъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ нашимъ внутреннимъ смутамъ политическаго характера въ истекшемъ столѣтіи, нерѣдко упоминается этотъ равелинъ Петербургской крѣпости, какъ одно изъ самыхъ секретныхъ мѣстъ одиночнаго заключенія государственныхъ преступниковъ, а потому, полагаю, мои личныя воспоминанія о немъ не будутъ лишены нѣкотораго интереса, въ особенности о томъ времени его, когда въ немъ содержались въ 60 годахъ Шелгуновъ, Серно-Соловьевичъ, Чернышевскій, Мартьяновъ, Писаревъ и другіе.... Впрочемъ, Писаревъ вскорѣ былъ переведенъ въ одинъ изъ казематовъ самой крѣпости.

Совсѣмъ юношей я попалъ на службу въ этотъ равелинъ въ тѣ годы нашего блужданія общественной мысли, которые закончились потомъ, чрезъ 20 лѣтъ, такимъ ужаснымъ злодѣяніемъ, какъ 1-ое марта 1881 года.

Не знаю, каковъ былъ Алексѣевскій равелинъ въ былые годы, но 40 лѣтъ назадъ онъ ни по наружному, ни по внутреннему виду не напоминалъ собою той грозной и таинственной легенды, какая сложилась о немъ въ народномъ представленіи.

По преданію, цесаревичъ Алексѣй, по имени котораго и названъ Петромъ Великимъ этотъ равелинъ, содержался въ одномъ изъ казематовъ его. Этотъ казематъ въ 1862 году былъ отведенъ мнѣ подъ квартиру.

Алексѣевскій равелинъ, вообще, какъ одинъ изъ отдѣловъ крѣпости, многіе могли видѣть, но въ то же время не имѣть понятія о немъ, какъ о мѣстѣ строгаго одиночнаго заключенія политическихъ преступ-

никовъ. А видѣть его могли, съ птичьяго полета, впрочемъ, всѣ тѣ, кто принималъ участіе въ торжественномъ крестномъ ходу по стѣнамъ крѣпостныхъ бастіоновъ въ день Преполовенія. Съ этой высоты взглядъ крестноходцевъ невольно останавливался съ любопытствомъ и недоумѣніемъ на внутреннемъ пространствѣ этого бастіона, тихомъ и безлюдномъ, по срединѣ котораго стоялъ каменный, бѣлый, одноэтажный, трехугольный домъ, съ окнами по всѣмъ тремъ сторонамъ, стекла которыхъ на двѣ-трети снизу закрашены были густо мѣломъ, и съ одной входною дверью и караульною будкою около нея. Но вотъ изъ-за угла показался солдатъ-часовой съ обнаженною у плеча саблею, и любопытный взглядъ крестноходца изъ простаго недоумѣнія переходитъ уже въ выраженіе страха и тайной боязни чего-то....

Въ публикѣ, я слышалъ не разъ, распространены далеко не вѣрныя свѣдѣнія о мѣстахъ заключенія такъ называемыхъ политическихъ преступниковъ; свѣдѣнія эти, кромѣ того, носятъ характеръ окраски темныхъ цвѣтовъ не въ пользу власти. А потому, мнѣ думается, правдивое и достовѣрное описаніе внутренняго быта заключенныхъ будетъ не безполезно во всѣхъ отношеніяхъ.

Единственный доступъ въ равелинъ шелъ [1]) черезъ огромныя въ западной стѣнѣ крѣпости ворота, постоянно запертыя большимъ внутреннимъ замкомъ. Равелинъ отдѣлялся отъ крѣпости, кромѣ стѣны, еще небольшимъ каналомъ изъ Большой Невы въ Кронверкскій проливъ, съ деревяннымъ черезъ него мостомъ. Само собою разумѣется, что въ равелинъ можно было войти только съ доклада смотрителю его.

Одна, какъ разъ противу воротъ и моста, дверь дома вела въ пріемную, отъ которой направо и налѣво шли по всѣмъ тремъ фасамъ внутренніе корридоры, прерываясь лишь въ одномъ изъ угловъ квартирою смотрителя и кухнею для арестованныхъ и самого смотрителя. Съ внѣшней стороны въ эти корридоры выходили двери одиночныхъ камеръ, или номеровъ, а съ внутренней—они замыкались стѣной съ небольшими, противъ каждой камеры, окнами, размѣщенными выше головы самаго рослаго человѣка. Послѣднее для того, чтобы проходящіе по корридору не могли, безъ помощи какой-либо подставки, заглянуть въ эти окна, выходившія во внутренній трехъугольный садикъ-цвѣтникъ. Въ садикъ вела дверь изъ пріемной. Караульная комната была въ одномъ изъ номеровъ, рядомъ съ пріемной.

Всѣхъ камеръ въ мое время было 21, которыя именовались номерами съ № 1 до № 21 включительно. Часть номеровъ была занята: квартирою смотрителя, цейхгаузомъ и библіотекою.

---

[1]) Я говорю въ формѣ прошедшаго времени, такъ какъ не знаю, существуетъ ли этотъ домъ и нынѣ и въ какомъ видѣ.

Всѣхъ арестованныхъ въ 1862—65 г.г. было заключено въ равелинѣ отъ 10 до 17 человѣкъ.

Въ каждой двери, выходившей, какъ выше упомянуто, во внутренній корридоръ, было небольшое, въ одно звено, окошко, прикрытое со стороны корридора зеленою шерстяною занавѣскою. Приподнявъ уголъ занавѣски, часовой могъ наблюдать за заключеннымъ.

Два часовыхъ съ обнаженными саблями ходили по всѣмъ тремъ сторонамъ корридора; толстый, мягкій половикъ совершенно скрадывалъ ихъ шаги.

Камеры отапливались небольшими голландками изъ корридора; тепловыя же отдушины ихъ были въ камерахъ. Обстановка номеровъ состояла: изъ деревянной зеленой кровати съ двумя тюфяками изъ оленьей шерсти и двумя перовыми подушками, съ двумя простынями и байковымъ одѣяломъ; изъ деревяннаго столика съ выдвижнымъ ящикомъ и стула.

Заключенные были одѣваемы во все казенное: въ холщевое тонкое бѣлье, носки, туфли и байковый халатъ; послѣдній безъ обычныхъ шнуровъ, которые замѣнялись короткими, спереди, завязками изъ той же байки. Вообще, всѣ крючки и пуговицы въ бѣльѣ и одеждѣ были изъяты; вмѣсто нихъ были короткія завязки изъ той же матеріи. Головнымъ уборомъ была мягкая русская фуражка. Собственная фуражка или шляпа дозволялись, если то не былъ цилиндръ.

Собственная одежда, бѣлье и все прочее имущество и деньги тотчасъ же, по прибытіи въ равелинъ, отбирались, тщательно осматривались и хранились въ цейхгаузѣ. Описи на все это составлялись тутъ же, въ камерѣ, и подписывались заключеннымъ и смотрителемъ равелина. Собственныя одежда и бѣлье выдавались только на время выхода арестованныхъ на свиданье съ родственниками въ домѣ крѣпостнаго коменданта и слѣдованія для допросовъ въ судѣ.

Вся обѣденная и чайная посуда состояла изъ литаго олова; ножей и вилокъ не подавалось, въ виду чего хлѣбъ и мясо предварительно разрѣзывались и разрубались на кухнѣ поваромъ, при чемъ всѣ кости бывали тщательно изъяты.

Обѣдъ и чай, послѣдній утромъ и вечеромъ, подавались на деревянныхъ некрашенныхъ подносахъ солдатами равелинной команды, подъ наблюденіемъ караульнаго начальника изъ унтеръ-офицеровъ. Эти же солдаты, входившіе въ камеры всегда безъ всякаго оружія, убирали камеры и подавали заключеннымъ умываться.

Въ случаѣ надобности, арестованный стучалъ въ дверное окно, ближайшій изъ двухъ часовыхъ подходилъ къ нему и спрашивалъ о надобности стучавшаго. Собственныхъ часовъ также не полагалось имѣть заключеннымъ; стѣнные же часы находились въ общемъ корридорѣ, и

бой ихъ, при той безусловной тишинѣ, какая царила въ домѣ, былъ слышенъ во всѣхъ камерахъ.

Собственно на пищу и чай отпускалось по 50 коп. въ день на каждаго человѣка, обѣдъ состоялъ изъ щей или супа съ мясомъ или рыбой и жаркого; въ праздники и всѣ воскресные дни третье блюдо, какое-нибудь сладкое, въ царскіе же дни еще и по стакану виноградная вина. Чай, утромъ и вечеромъ, съ французской булкою.

Постельное и носильное бѣлье мѣнялось каждую субботу, а русская баня, устроенная въ одномъ изъ казематовъ равелина, топилась для арестантовъ, а равно и для караульной команды, два раза въ мѣсяцъ.

Изъ библіотеки, по желанію, выдавались заключеннымъ книги, всѣ состоявшія изъ историческихъ и религіозныхъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Въ камерахъ имѣлись оловянныя чернильницы и гусиныя перья, уже очиненныя заранѣе. Арестанты могли просить бумагу писчую и почтовую. Имъ дозволялось писать сочиненія и письма, но все это, прежде отправленія по адресу, прочитывалось и цензуровалось въ III отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи. Точно также заключенные могли получать и письма, предварительно просмотрѣнныя въ томъ же III отдѣленіи.

Изъ стѣнъ этого равелина вышелъ въ свѣтъ романъ Чернышевскаго: «Что дѣлать?». Я читалъ его въ рукописи и могу удостовѣрить, что цензура III отдѣленія въ очень немногомъ исправила его. Точно также читалъ я въ рукописи и всѣ критическія статьи Писарева, проходившія черезъ канцелярію крѣпостнаго коменданта.

Кстати, о почеркѣ руки Чернышевскаго и Писарева: у перваго онъ былъ чрезвычайно сжатъ и въ то же время крупенъ, а у втораго—мелокъ, четокъ и красивъ. Въ рукописяхъ того и другаго почти не было помарокъ, и онѣ писались сразу, безъ передѣлки, какъ видно подъ сильнымъ вліяніемъ горячей мысли и высокаго вдохновенія.

Скажу мимоходомъ, статьи Писарева на меня, юнаго тогда, страшно повліяли въ томъ отношеніи, что я сжегъ все, чему прежде поклонялся.

На службѣ въ равелинѣ, мнѣ нерѣдко приходилось встрѣчаться съ заключенными. Въ особенности я хорошо помню Чернышевскаго, Шелгунова и Писарева и еще одного арестанта подъ № 17.... Послѣдній—высокій, красивый мужчина лѣтъ подъ 30, съ огромною темною бородою, такъ и остался загадкою какъ для меня, такъ и для самого смотрителя равелина: въ спискахъ онъ значился просто подъ № 17 и только. Его не водили и къ допросамъ и въ суды, и онъ оставался въ равелинѣ даже и тогда, какъ всѣ другіе арестанты по разнымъ причинамъ выбыли изъ равелина....

Писарева, тогда еще совсѣмъ молодаго человѣка, съ едва проби-

вавшимися свѣтло-рыжеватыми усами и бородкой, видѣлъ я во время привода его въ комендантскій домъ для свиданія съ матерью. Вообще, политическихъ преступниковъ сопровождалъ въ судъ, коммисію или на свиданье одинъ изъ комендантскихъ адъютантовъ или самъ смотритель равелина, но не солдаты.

Внѣшній скромный, въ общемъ добродушный видъ Писарева вовсе не напоминалъ того горячаго, безпощаднаго отрицателя, какимъ являлся онъ въ своихъ публицистическихъ статьяхъ.

Шелгуновъ, полковникъ корпуса лѣсничихъ, доставленный въ равелинъ прямо изъ Сибири, въ то время былъ еще вполнѣ бодрый человѣкъ. Спустя много лѣтъ мнѣ пришлось еще разъ видѣть его въ Пятигорскѣ, но уже совсѣмъ сѣдымъ, худымъ и больнымъ, извѣстнымъ авторомъ «Очерковъ провинціальной жизни».

Чернышевскій былъ тогда еще сильнымъ и здоровымъ человѣкомъ.

И вотъ, этотъ-то сильный по натурѣ человѣкъ порѣшилъ было уморить себя голодомъ. Это было съ нимъ еще до написанія имъ романа «Что дѣлать?».

Дѣло было такъ: нижніе чины караула, да и самъ смотритель замѣтили, что арестантъ подъ № 9 [1]), т. е. Чернышевскій, замѣтно блѣднѣетъ и худѣетъ. На вопросъ о здоровьи, онъ отвѣчалъ, что совершенно здоровъ. Пища, приносимая ему, повидимому, вся съѣдалась. Между тѣмъ, дня черезъ 4 караульные доложили смотрителю, что въ камерѣ № 9 началъ ощущаться какой-то тухлый запахъ. Тогда, во время прогулки Чернышевскаго въ садикѣ, осмотрѣли всю камеру, и оказалось, что твердая пища имъ пряталась, а щи и супъ выливались.... Стало очевидно, что Чернышевскій рѣшилъ умереть голодною смертью.... Ни увѣщанія добряка смотрителя, ни воздѣйствія со стороны III отдѣленія долго не вліяли на него. Приказано было, однако, приносить ему въ камеру, по-прежнему, всю пищу ежедневно, но онъ еще 3—4 дня не дотрогивался до нея и пилъ только по 2 стакана въ день воды. Соблазнительный ли запахъ пищи, страхъ ли мучительной голодной смерти, или другія побужденія, но на 10-й день Чернышевскій сталъ ѣсть, и недѣли черезъ двѣ онъ совершенно оправился, и тогда изъ-подъ пера его вышелъ романъ: «Что дѣлать?».

Нѣкоторый намекъ на этотъ эпизодъ его личной жизни, только въ другомъ видѣ, имѣется въ жизни главнаго героя этого романа.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Н. Г. Чернышевскаго сидящимъ на печальной телѣгѣ утромъ рано въ Петербургѣ, когда его везли на пло-

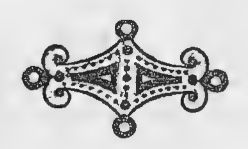
---

[1]) Караульные знали заключенныхъ только подъ номерами, а въ обращеніи къ нимъ называли ихъ „господинъ".

щадь для исполненія надъ нимъ приговора суда. Оттуда онъ уже не былъ возвращенъ въ равелинъ, а прямо изъ пересыльной тюрьмы былъ отправленъ въ Сибирь....

Припоминаю еще случай изъ жизни заключенныхъ въ равелинѣ. Нѣкоторымъ захотѣлось узнать товарищей по мѣсту заключенія, и ими придумано было два способа: начертаніе камешкомъ, найденнымъ въ садикѣ, на днѣ оловянной посуды своихъ фамилій и предупрежденій, что въ слѣдующій разъ товарищъ найдетъ тутъ же надлежащее сообщеніе въ цифровомъ шифрѣ; второй способъ въ выстукиваніи пальцемъ по сосѣдней стѣнѣ камеры по телеграфной системѣ. Конечно, то и другое вскорѣ было замѣчено и прекращено подъ угрозою перевода заключенныхъ въ другое помѣщеніе и при болѣе худшей обстановкѣ. Да и сами арестованные поняли, что разъ ихъ способы переговоровъ открыты, то они сдѣлались для нихъ не только безполезны, но и вредны имъ самимъ.

Ив. Борисовъ.

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXV[1]).

Италіанская опера прежнихъ лѣтъ: Рубини и отношенія къ нему императора Николая.—Г-жа Віардо.—Прощальное представленіе Рубини и Віардо.—Теноры: Сильва.—Маріо.—Тамберликъ.—Кольцолари.—Баритоны: Дебосини.—Граціани.—Пѣвицы: Гризи.—Бозіо.—Фіоретти.—Нильсонъ и Патти.

Во главѣ италіанской оперы въ Петербургѣ долженъ встать незабвенный и неизгладимый въ памяти сезонъ 1843—1844 годовъ, не только по первенству времени, но и по силѣ впечатлѣнія, произведеннаго имъ на петербургскую публику.

За долго до этого сезона, италіанская опера въ Петербургѣ была закрыта. Не безъинтересно разсказать поводъ къ ея возобновленію, о которомъ я лично слышалъ отъ графа А. В. Адлерберга, какъ свидѣтеля одного обстоятельства, касающагося даннаго вопроса. Во время великаго поста 1843 года, пріѣхалъ въ первый разъ знаменитѣйшій изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ теноровъ, Рубини, «король теноровъ», какъ его называли, уже въ очень зрѣлыхъ лѣтахъ. Онъ далъ нѣсколько концертовъ въ залѣ Дворянскаго собранія, и, конечно, громкое имя Рубини привлекало массу публики, естественно приходившей въ великій восторгъ. Несмотря на просьбы и настоянія графини Адлербергъ, императоръ Николай Павловичъ не пожелалъ ѣхать слушать Рубини.

— Я не люблю слушать мужчинъ съ женскими голосами,—отвѣчалъ государь.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1901 г.

Таковъ былъ его взглядъ на теноровъ. Однако, государь, по просьбѣ разныхъ лицъ, разрѣшилъ Рубини дать въ театрѣ, послѣ великаго поста, одно или два представленія съ русскими пѣвцами. Послѣ перваго представленія «Лючіи», которое было на Пасхѣ, публика поразилась могучестью голоса и восхитительнымъ пѣніемъ Рубини. Тогда государя убѣдили поѣхать послушать великаго тенора въ театръ. Войдя въ ложу, государь сѣлъ спиною къ сценѣ; но, по мѣрѣ того, какъ Рубини сталъ потрясать театръ своими могучими нотами, государь поворачивался и, вдругъ, къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ въ ложѣ, захлопалъ.

Возвратившись изъ театра, императоръ прошелъ прямо на вечерній чай къ императрицѣ и, обращаясь къ графинѣ Адлербергъ, сказалъ:

— Ну, наконецъ-то, я слышалъ вашего идола Рубини, чтобъ его чортъ взялъ,—заставилъ меня плакать... Хорошо, хорошо, нечего сказать, я не ожидалъ ничего подобнаго.

Вслѣдъ за симъ, государь приказалъ дать неотлагательно нѣсколько представленій, разумѣется съ одними русскими пѣвцами, такъ какъ Рубини находился въ Петербургѣ одинъ. Въ теченіе одного съ небольшимъ мѣсяца, Рубини успѣлъ дать 15 представленій, поставивъ три оперы, а именно: «Лючію», «Пирата» и «Севильскаго цирульника». Роль Лючіи, какъ извѣстно, была конькомъ Рубини. Въ этой роли онъ производилъ необычайно потрясающее впечатлѣніе, и государь, оцѣнившій геніальнаго пѣвца, приказалъ пригласить его на весь предстоящій сезонъ 1843—1844 годовъ съ тѣмъ, чтобы онъ указалъ нѣсколькихъ другихъ артистовъ. Рубини указалъ незабвеннаго баритона Тамбурини и незабвенную m-me Viardot-Garcia, сестру знаменитой Малибранъ. За хлопоты, по подготовкѣ хоровъ и оркестра къ означеннымъ 15-ти представленіямъ, государь приказалъ вручить Рубини дирижерскую палочку съ огромнымъ рубиномъ, осыпанную брилліантами. Впослѣдствіи, желая вознаградить пѣвца за то эстетическое удовольствіе, которое онъ доставлялъ, императоръ Николай далъ ему мундиръ VIII класса. Тогда же было учреждено званіе солиста его величества, которое давало право носить мундиръ придворнаго вѣдомства, и Рубини была пожалована золотая медаль на Андреевской лентѣ, украшенная брилліантами стоимостью въ 10 тысячъ франковъ.

Такимъ образомъ, положено было начало возобновленію италіанской оперы въ Петербургѣ. Изъ италіанскихъ артистовъ были только: Рубини, Тамбурини и Віардо; лишь подъ конецъ сезона прибыла еще артистка Асандро, сопрано.

Въ продолженіе всего сезона давали только 5 оперъ: «Сомнамбулу», «Лючію», «Пуритане», «Севильскаго цирульника» и «Ромео и Юлію», Беллини. Поэтому, нѣкоторыя оперы даны были болѣе чѣмъ по 10 разъ.

Понятно, что, при одномъ абонементѣ въ 60 представленій, публика абонировалась въ складчину. Мы съ братомъ имѣли, напримѣръ, 20 представленій, и имѣли кресло въ 10-мъ ряду у самаго прохода за два рубля. Замѣчу, что тогда разстояніе между рядами креселъ было гораздо шире, чѣмъ теперь. Никто не мыслилъ претендовать, что многимъ пришлось слышать одну и ту же оперу по 5 разъ и болѣе. Напротивъ слышались сожалѣнія отъ тѣхъ, кому не пришлось слышать излюбленную имъ оперу бо̀льшее число разъ. Я посѣтилъ оперу въ этотъ сезонъ болѣе 15 разъ потому, что имѣлъ возможность, кромѣ абонемента, бывать въ ложѣ у родныхъ и не упускалъ бенефисовъ, дававшихся сверхъ абонемента.

Въ «Лючіи» Рубини, какъ я уже сказалъ выше, производилъ такое особенно сильное впечатлѣніе, котораго нельзя забыть во вѣкъ. Никто изъ всѣхъ послѣдующихъ знаменитѣйшихъ теноровъ, которыхъ я всѣхъ перевидалъ въ своей жизни, не могъ и близко исполнить сцену послѣ подписанія Лючіей свадебнаго контракта.

Поверхностные люди осуждали Рубини вообще за то, что онъ былъ будто бы плохимъ актеромъ, хотя и восхитительнымъ пѣвцомъ. Я положительно отвергаю этотъ ошибочный взглядъ. Вѣрно то, что Рубини пренебрегалъ шаблонно-традиціонной манерой игры италіанскихъ актеровъ, съ ихъ ходульною походкой и неестественной жестикуляціей; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ плохой актеръ. Я приведу сцену изъ «Лючіи». Вѣроятно, есть еще не мало людей, которые видали Рубини въ этой роли. Это та сцена, когда появляется Равенсвудъ въ моментъ подписанія Лючіей свадебнаго контракта. Рубини былъ такъ величественно страшенъ въ этотъ моментъ, что у всякаго зрителя, ожидающаго его появленія, пробѣгалъ, какъ говорится, морозъ по кожѣ. Показывается Рубини на заднемъ планѣ сцены, останавливается, сбрасываетъ съ себя лихорадочно плащъ, нѣсколько мгновеній не двигается, бросивъ взоръ на Лючію, и затѣмъ быстро подходитъ къ ней. До этой минуты не вылетало еще изъ него никакого звука; но его взглядъ, его движенія приводили зрителя въ содроганіе. Рубини былъ такъ благородно хорошъ въ этотъ моментъ, что нельзя забыть впечатлѣній отъ однихъ лишь его движеній. Если бы Рубини не носилъ въ себѣ высоко-артистическаго элемента, если бы въ немъ не было истинной искры художественности и неподдѣльнаго огня, то онъ не могъ бы производить такого сильнаго впечатлѣнія, которое по сейчасъ осталось у видѣвшихъ Рубини. Но что̀ сказать о томъ, когда вырывалось у Рубини слово: «risponde a me» и затѣмъ взрывъ проклятія? Тогда Рубини сразу оглашалъ театръ такою могучею нотою, потрясающею отчаяніемъ душу слушателя, что ничего подобнаго мнѣ не случалось уже въ жизни болѣе слышать.

У Рубини былъ чистѣйшій теноровый тембръ, что, по большей части, встрѣчается не часто. Онъ не рѣдко переходилъ въ горловыя ноты, но такъ искусно, что этотъ переходъ не замѣчался. Но когда нужно было потрясти слушателя драматическимъ звукомъ, то онъ бралъ ту же ноту грудью, съ необыкновенной силой.

Послѣ Рубини я переслушалъ всѣхъ знаменитѣйшихъ теноровъ, но никто не могъ дать и тѣни того впечатлѣнія, какое производилъ Рубини въ означенной сценѣ: у всѣхъ онѣ проходили вяло, безцвѣтно, даже у Маріо и Кольцолари. Конечно, въ послѣднемъ дѣйствіи, они были почти такъ же хороши, какъ и Рубини, но полной красоты оперы далеко передать не могли. Не мудрено, что послѣ Рубини эту оперу публика перестала любить и называла ее скучной.

Другимъ конькомъ Рубини, въ этотъ сезонъ, была «Сомнамбула». Я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о взглядѣ моемъ на эту оперу, взглядѣ, который, вообще, раздѣляли многіе любители италіанской музыки.

Мнѣ всегда казалось, что если человѣкъ, съ музыкальнымъ ухомъ, пришелъ бы слушать эту оперу, не зная ни ея содержанія, ни языка, закрылъ бы глаза прежде представленія, то онъ скоро почувствовалъ бы, что передъ нимъ поютъ не герои, ни графы или князья, не люди въ плащахъ, мечахъ, латахъ и проч., а непремѣнно люди простые. Таковъ колоритъ музыки, а между тѣмъ она достигаетъ потрясающаго драматизма. Прослѣдя всю оперу, нельзя, по совѣсти, не признать, что невозможно создать музыки болѣе соотвѣтствующей всюду положенію людей, въ которыхъ они находятся. Вслушайтесь въ тихую грусть Алины, готовящейся удалиться изъ-подъ роднаго крова и отъ нѣжныхъ заботъ любящей матери, и, въ то же время, вы слышите ожиданіе еще новаго, неизвѣданнаго счастья,—эта арія перлъ граціи. Затѣмъ, дуэтъ съ женихомъ, гдѣ выливается пламень любви: невозможно лучше выразить музыкой нѣжную страсть, охватывающую оба существа. А хоръ простолюдиновъ?—не рисуетъ ли здѣсь музыка необыкновенно подходящее къ данному моменту настроеніе толпы. Слѣдующій затѣмъ дуэтъ Эльвина и Алины, гдѣ выражаются страшные упреки съ рыданіями жениха и отчаяніе невинной невѣсты, я отнесу къ апоѳеозу истинно-музыкальнаго генія автора, который, писавши этотъ дуэтъ, видимо страдалъ вмѣстѣ съ лицами, имъ музыкой изображаемыми. Въ слѣдующемъ дѣйствіи мы слышимъ нестерпимую боль души и раздирающую грусть жениха. Въ послѣднемъ дѣйствіи какова молитва, выраженная пѣніемъ еще не очнувшейся Алины, и въ то же время неудержимые звуки, вполголоса, жениха, входящаго въ дуетъ? Наконецъ, неистовый восторгъ Алины, увидавшей жениха и обручальное кольцо

на своей рукѣ; этотъ восторгъ подобенъ стремительному клокотанію каскада, и все это выражено музыкой.

Однажды, я встрѣтилъ въ Ниццѣ, въ одномъ обществѣ, серьезнаго музыканта, хотя музыка не составляла его профессіи. До этой встрѣчи, я не былъ съ нимъ знакомъ. Завязался въ обществѣ разговоръ послѣ видѣнной нами въ тотъ вечеръ «Сомнамбулы» въ театрѣ, и у меня врѣзался въ памяти отзывъ этого музыканта объ означенной оперѣ.

— «Сомнамбула»,—сказалъ онъ,—представляетъ такой неисчерпаемый источникъ разнообразныхъ мотивовъ, подходящихъ къ движеніямъ человѣческой души, что современный композиторъ могъ бы начерпать изъ этого источника матеріала на 20 оперъ.

Я не помышляю навязывать никому ни моего мнѣнія, ни мнѣнія тѣхъ, которыя совпадаютъ съ моимъ; но такъ какъ всякому дана способность чувствовать музыку, если только у него правильное ухо, то я, не будучи музыкантомъ, позволю себѣ однако высказать, что я смотрю на музыку «Сомнанбулы», какъ на предѣлъ творческаго музыкальнаго вдохновенія. Можно, по моимъ понятіямъ, указать еще на двѣ оперы, гдѣ тоже является полное соотвѣтствіе музыки изображаемымъ ею положеніямъ и характерамъ. Я назвалъ бы «Аиду» — Верди и «Фауста»—Гуно. Въ «Аидѣ» композиторъ нашелъ такое сочетаніе звуковъ, что ухо слышитъ музыку не европейскую, а какъ бы въ самомъ дѣлѣ музыку древнихъ народовъ. Въ «Фаустѣ» композиторъ нашелъ, для Мефистофеля, рѣшительно музыку дьявольскую, а не человѣческую; въ третьемъ дѣйствіи лиризмъ музыки доходитъ до своего предѣла; въ четвертомъ дѣйствіи ухо положительно слышитъ душевныя угрызенія совѣсти Маргариты, и, наконецъ, въ послѣднемъ дѣйствіи невозможно выразить лучше восторженную молитву уже помѣшанной или душевно-страдающей дѣвушки. Очевидно, композиторъ вложилъ въ свое произведеніе весь свой умъ и всю свою душу. Онъ создалъ музыкальную поэму совершенно равносильную, если еще не болѣе выразительную, чѣмъ сама поэма Гёте.

Двухъ такихъ произведеній композиторъ создать не можетъ. Если я остановился на «Фаустѣ», то потому, что я позволилъ себѣ характеризовать музыку «Сомнамбулы» — предѣломъ творческаго вдохновенія. Въ «Фаустѣ» я вижу и вдохновеніе, и могучій музыкальный умъ. Здѣсь обращу только вниманіе на слѣдующій вопросъ: почему Рубини, этотъ геній пѣнія, любилъ, по преимуществу, пѣть въ операхъ Беллини? Несомнѣнно, что если бы въ то время была уже создана опера «Фаустъ», то никто не могъ бы сравниться съ нимъ въ третьемъ дѣйствіи.

И такъ, Рубини, будучи неподражаемъ въ «Лючіи», былъ тоже восхитителенъ и въ «Сомнамбулѣ», въ особенности, въ дуэтѣ перваго дѣйствія; затѣмъ въ третьемъ дѣйствіи, выражая свою великую грусть,

а равно и въ послѣднемъ дѣйствіи, гдѣ слышались его нѣжные звуки, какъ будто летящіе съ небесъ; но въ дуэтѣ упрековъ и рыданій Рубини достигалъ потрясающаго драматизма.

«Сомнамбула» была также исключительнымъ конькомъ для m-me Viardot. Ея сцена съ матерью, дуэтъ съ женихомъ въ первомъ дѣйствіи, отчаяніе въ дуэтѣ втораго дѣйствія, грусть и ея молитва — все это услаждало или разрывало душу слушателя. Но когда Алина увидала кольцо на своемъ пальцѣ и увидала жениха, m-me Viardot достигала тутъ такого поглощающаго восторга, что вырывающіеся у нея въ этой аріи звуки не могутъ быть забыты во-вѣки. Ни одна изъ послѣдующихъ знаменитостей и великихъ пѣвицъ не могли дать и подобія того восторга, который охватывалъ въ эти минуты m-me Viardot.

Правда, слышавшіе нѣкогда Малибранъ, сестру m-me Viardot, говорили, что Малибранъ была въ означенной аріи еще лучше Віардо. Позволительно однако въ томъ усомниться, потому что трудно представить себѣ что-либо лучше, тѣмъ болѣе, что надо, въ такомъ случаѣ, допустить, что Малибранъ, будучи очень высокимъ сопрано, имѣла грудныя контральтовыя ноты еще болѣе звучныя и болѣе чистыя, чѣмъ у Віардо.

Віардо обладала неслыханнымъ діапазономъ: она пѣла и въ роляхъ для сопрано и въ роляхъ для контръ-альто. Въ послѣдней аріи восторга, въ «Сомнамбулѣ», она съ высокой ноты сопрано внезапно переходила въ весьма низкую ноту контръ-альто, ноту, которая являлась у ней и могуча, и необыкновенно звучна. Кто слыхалъ эту арію, исполнявшуюся Віардо, тому казалось, что подобное исполненіе выше человѣческихъ средствъ. M-me Viardot, будучи могучей драматической артисткой до глубины души и до послѣдняго волоска, имѣла въ высшей степени обработанный голосъ. Въ оныя времена, артистки не подготовлялись, исключительно, или для драматическаго, или для колоратурнаго пѣнія. Оперы требовали и того и другаго условія. M-me Viardot исполняла съ равнымъ успѣхомъ партіи драматическія и фіоритурныя. Напримѣръ, она восхитительно пѣла Розину въ «Севильскомъ цирульникѣ». Въ этой оперѣ она пустила въ ходъ романсъ—«Соловей», который, черезъ 25 лѣтъ, пѣла Патти. Трудно сказать, которая изъ этихъ исполнительницъ придавала болѣе фіоритурнаго блеска этому романсу.

M-me Viardot оставалась у насъ въ Петербургѣ до 1848 года и все это время приводила публику въ восторгъ. Въ особенности, она была также хороша въ «Пророкѣ». Мнѣ придется еще возвратиться къ m-me Viardot, а именно къ тому времени, когда я спеціально поѣхалъ, года на полтора, въ Парижъ, для того, чтобы дать моей дочери возможность докончить свое музыкальное образованіе въ рукахъ великой артистки.

Теперь обращусь къ Тамбурини. По искусству, по тембру голоса, его выработкѣ, звучности и бархатности, я не встрѣчалъ уже послѣ равносильнаго Тамбурини баритона. Всѣ, между прочимъ, признавали за нимъ титулъ всеевропейскаго, неподражаемаго Фигаро. Въ упомянутый сезонъ, у Тамбурини былъ еще конекъ: «Пуритане», гдѣ онъ, положительно, сосредоточивалъ на себѣ вниманіе во второмъ дѣйствіи. Въ этотъ сезонъ, роль баса исполнялъ Петровъ, мѣняясь съ Артемовскимъ, и они самостоятельно пожинали лавры въ извѣстномъ дуэтѣ съ Тамбурини. Петровъ пѣлъ тоже съ большимъ успѣхомъ въ роли Донъ-Базиліо въ «Севильскомъ цирульникѣ». Мнѣ всегда казалось страннымъ, что всѣ послѣдующіе знаменитые баритоны не могли придать того блестящаго колорита, который придавалъ во 2-мъ дѣйствіи Тамбурини своему пѣнію, и оно проходило безцвѣтно, тогда какъ, при Тамбурини, театръ стоналъ въ этомъ дѣйствіи отъ восторга. Тамбурини оставался въ Петербургѣ многіе годы, и всегда, и вездѣ былъ превосходенъ; въ особенности онъ былъ хорошъ въ «Донъ-Жуанѣ». Впослѣдствіи, въ этой роли появился Дебосини, славившійся ею, но все же былъ не то, что былъ въ этой роли Тамбурини, въ началѣ своего пребыванія въ Петербургѣ. Послѣдніе годы, Тамбурини былъ уже неузнаваемъ, допѣвъ до совершенной потери голоса.

Итакъ, несмотря на то, что въ сезонъ 1843 — 1844 годовъ было всего три артиста, этотъ сезонъ я называю незабвеннымъ потому, что въ ней участвовалъ геній пѣнія — Рубини, съ величайшей артисткой Віардо и великимъ артистомъ, Тамбурини.

Въ моей памяти осталось живо послѣднее представленіе означеннаго сезона, какъ будто бы я еще вчера былъ его свидѣтелемъ. Это послѣднее представленіе было заключительнымъ представленіемъ артистической карьеры Рубини, оставившимъ послѣ того сцену еще въ полномъ ореолѣ своей славы.

Означенное представленіе было утромъ, въ прощальный день масляницы. Для того, чтобы удовлетворить публику и дать каждому артисту блеснуть на прощанье во всю свою силу, назначенъ былъ спектакль сборный изъ выдающихся сценъ трехъ драматическихъ оперъ: изъ «Лючіи»—сцена подписанія контракта; изъ «Сомнамбулы»—дуэтъ финала 2-го дѣйствія и молитва съ окончательной аріей; изъ «Пуританъ»—упомянутая сцена 2-го дѣйствія.

Надо сказать, что въ тѣ времена, по установленнымъ правиламъ формы, военные, въ воскресный день, должны были быть весь день въ мундирахъ и даже въ шарфахъ, до окончанія развода. Это обстоятельство придало упомянутому спектаклю особую торжественность. Нечего и говорить, что публика, отъ совокупности быстро смѣнявшихся сильныхъ впечатлѣній, стонала отъ восторга. Но когда Рубини и Віардо

пропѣли въ «Сомнамбулѣ» дуэтъ и, по желанію публики, повторили его, театръ потребовалъ спѣть дуэтъ въ третій разъ. Конечно, всѣ чувствовали, что это, можно сказать, требованіе безчеловѣчное, но, въ то же время, всякому хотѣлось еще разъ воспріять неописуемое наслажденіе. Послѣ нѣкотораго колебанія и двухъ-трехъ словъ переговора съ m-me Viardot, Рубини далъ знакъ оркестру снова начинать. Въ эту минуту, театръ моментально стихъ, и всѣ, сидѣвшіе въ первомъ ряду креселъ, поднялись на ноги. Надо замѣтить, что въ этотъ сезонъ, первый рядъ былъ исключительно абонированъ генералитетомъ и высшими сановниками, и тамъ не появлялись ни оберъ, ни штабъ-офицеры и часто преобладали генералъ-адъютантскіе эксельбанты. Вслѣдъ за первымъ рядомъ поднялся весь партеръ; затѣмъ и бель-этажъ, наполненный дамами, а за нимъ и вся публика въ ложахъ. Этотъ необычайный порывъ публики былъ порывомъ «spontané» и тѣмъ произвелъ глубочайшее впечатлѣніе на артистовъ. Все свершилось не болѣе, какъ въ одну минуту; въ театрѣ установилась тишина. Рубини и Віардо запѣли, но ни единый человѣкъ не шевельнулся, чтобы сѣсть, и, такимъ образомъ, вся публика прослушала весь длинный дуэтъ — стоя. Когда же онъ кончился, то понятно уже — что̀ сдѣлалось въ театрѣ. Свершился какой-то всеобщій праздникъ какъ въ публикѣ, такъ и между артистами. Въ публикѣ многіе плакали отъ наслажденія и восторга; на сценѣ артисты плакали тоже отъ умиленія, оцѣнки ихъ генія и таланта и необычайной чести, имъ отданной. Главное то, что такое торжество совершилось безъ всякихъ предварительныхъ уговоровъ, по единодушному, индивидуальному побужденію. — Вотъ истинное торжество геніевъ!

Вызовамъ не было конца; публика не расходилась; потушили лампы; но партеръ былъ, все-таки, почти полонъ. Наконецъ вбѣжалъ какой-то офицеръ и крикнулъ: «господа, къ подъѣзду!» Всѣ бросились туда. День былъ ясный, стоялъ морозъ градусовъ въ 20. На площадкѣ, около подъѣзда, собралось не менѣе тысячи человѣкъ, и больше половины офицеровъ, носившихъ тогда треугольныя шляпы съ перьями. Несмотря на морозъ, публика ожидала выхода артистовъ. У подъѣзда стоялъ низенькій возокъ на полозьяхъ для m-me Viardot. Рубини удалось ускользнуть черезъ другой подъѣздъ, а m-me Viardot приходилось выйдти черезъ подъѣздъ, гдѣ стоялъ ея экипажъ. Нѣсколько разъ выходили разныя лица, прося публику разойтись, потому, что m-me Viardot очень устала и желала бы ѣхать скорѣе, безъ задержки, домой, но все было тщетно. О вмѣшательствѣ полиціи не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что большинство публики были офицеры. Прошло болѣе получаса прежде, нежели показалась m-me Viardot. Усаживая ее въ возокъ, кто-то успѣлъ спустить стекла дверецъ, и m-me Viarbot стала

раздавать цвѣты. Мнѣ досталась фіалка, которую я хранилъ у себя болѣе 20 лѣтъ. Наконецъ, возокъ тронулся; на запяткахъ оказались два студента въ треуголкахъ, а третій вскочилъ на козлы. Затѣмъ кто-то крикнулъ: «господа, ѣдемъ на квартиру», и масса публики поѣхала туда и успѣла подъѣхать минутъ за 10 до пріѣзда возка. Мы расположились по лѣстницѣ, съ обѣихъ сторонъ, на ступеняхъ, вплоть до 3-го этажа. Публика состояла преимущественно изъ офицеровъ. Когда пріѣхала m-me Viardot, то ей пришлось подниматься сквозь строй офицеровъ, растянувъ обѣ руки на-право и налѣво, которыя и цѣловали, послѣдовательно, стоящіе по лѣстницѣ. Лѣтъ 30 спустя, когда я сталъ посѣщать m-me Viardot въ Парижѣ, я напомнилъ ей объ означенномъ днѣ, и она вспомнила, тоже не безъ волненія, объ исключительномъ торжествѣ своемъ и Рубини.

Очертивъ сезонъ 1843—1844 г., я, кстати, помяну вкратцѣ нѣкоторыхъ выдающихся пѣвцовъ и пѣвицъ послѣдующихъ сезоновъ.

Послѣ Рубини появился теноръ Сильва. Лучшей оцѣнкой этого артиста будетъ то, что онъ выступилъ въ тѣхъ же роляхъ, въ которыхъ пѣлъ Рубини, и имѣлъ положительный и заслуженный успѣхъ въ продолженіе трехъ сезоновъ. Послѣ Сильвы пѣлъ Гуаско, пѣвецъ очень искусный, но не имѣвшій сильнаго голоса.

Маріо появился уже въ 1851 году. Его имя гремѣло по всей Европѣ, и Петербургъ приходилъ въ неистовый восторгъ отъ этого соловья, но, кажется, болѣе отъ его красоты. Такъ какъ я не жилъ постоянно въ Петербургѣ, а пріѣзжалъ туда зимой мѣсяца на два, то, по моемъ пріѣздѣ, всюду только и было слышно о Маріо, какъ о какомъ-то чудѣ. Когда же я прослушалъ его въ трехъ, четырехъ операхъ, то не только не испыталъ наслажденія, или хоть бы удовлетворенія, но, наоборотъ, испыталъ нѣсколько разъ досадное раздраженіе нервовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что это былъ сладко-пѣвучій соловей, но въ его голосѣ не было и признака драматизма. Былъ ли у него драматизмъ въ голосѣ въ прежнее время,—я не знаю; я говорю о Маріо, явившемся въ Петербургъ въ 1851 г. Онъ раздражалъ мои нервы именно тогда, когда ухо требуетъ сильнаго драматическаго звука, и вдругъ, вмѣсто того, оно услышитъ высокую, тончайшую фистулу. Самые переходы въ эти горловыя ноты были у Маріо непріятно рѣзки, тогда какъ Рубини переходилъ въ эти ноты совершенно незамѣтно. Зная, что Петербургъ плѣняется его красотой, Маріо очень любилъ рисоваться на сценѣ. И вотъ онъ ставитъ въ свой бенефисъ какую-то несчастную оперу — «Сарданапалъ», въ которой изображаетъ нѣгу въ очень нескромномъ костюмѣ. Послѣ этой оперы, мнѣ казалось, что это было какъ бы нѣкоторое оскорбленіе великому драматическому искусству, и я рѣшительно пересталъ ходить слушать Маріо.

Черезъ 17 лѣтъ, Маріо вновь появился въ Петербургъ, воображая, что онъ найдетъ еще себѣ поклонниковъ или поклонницъ, но жестоко ошибся. Его послѣднее появленіе въ Петербургѣ было его позоромъ; у него не только не было уже голоса, но были слышны лишь нескончаемыя детонація или фальшь. Тѣмъ, которые помнятъ Маріо въ первый его пріѣздъ, мой взглядъ на него, расходящійся съ общимъ мнѣніемъ, покажется рѣзкимъ; но, говоря о немъ, я не могъ не выразить того впечатлѣнія, какое онъ производилъ на меня. Повторю—это былъ сладко-звучный соловей, но не драматическій пѣвецъ, хотя и очень хорошій актеръ.

Въ томъ же году, когда Петербургъ наслаждался Маріо, мнѣ случилось пойти на какой-то бенефисъ въ Александринскій театръ. На афишѣ значилось, что въ одномъ антрактѣ будетъ пѣть какой-то италіанскій пѣвецъ, по имени, Тамберликъ. Хотя оказалось, что Тамберликъ и состоялъ въ италіанской труппѣ Большаго театра, но я не слыхалъ еще ни единаго слова о немъ отъ посѣщавшихъ въ этомъ году оперу. Появляется какой-то незнакомый мнѣ пѣвецъ и поетъ изъ «Отелло». Я пришелъ въ великій восторгъ, и послѣ этого, повсюду, гдѣ я бывалъ, сталъ упрекать посѣщавшихъ оперу—какимъ образомъ они могутъ восхищаться пѣніемъ Маріо, когда въ италіанской Петербургской труппѣ находится такой великій артистъ, какъ Тамберликъ. Меня, положительно, вездѣ подымали на смѣхъ; но на повѣрку оправдалась французская пословица: «rira celui, qui rira le dernier». Съ слѣдующаго сезона, Тамберликъ поглотилъ вниманіе Петербургской публики и поглощалъ его болѣе 15-ти лѣтъ. Въ какой бы роли Тамберликъ ни появлялся, онъ постоянно увлекалъ публику; но въ особенности въ «Отелло», «Вильгельмѣ-Телѣ», «Трубадурѣ», «Риголето», словомъ вездѣ и всегда.

Въ Петербургѣ есть еще тысячи людей, которые помнятъ Тамберлика и помнятъ, конечно,—что̀ это былъ за артистъ... Даже въ послѣдній свой пріѣздъ, въ 1884 году, когда ему было уже около 70 лѣтъ, этотъ артистъ могъ еще вполнѣ потрясать слушателей. Кто слышалъ Тамберлика, тотъ знаетъ, что у него былъ могучій, абсолютный, грудной теноръ, и хотя въ его голосѣ не было слышно настоящаго тенороваго тембра, подобнаго Рубини, но за то задушевность издаваемыхъ имъ звуковъ лилась рѣкой въ душу людей, какъ будто эти звуки вылетали не изъ одной только теплой груди, а изъ всего существа человѣка. Конечно, единымъ соперникомъ Тамберлику могъ быть только Рубини, и по своей добросовѣстности Тамберликъ признавалъ извѣстное преимущество Рубини передъ собой. Въ послѣдніе годы, во время моего пребыванія въ Парижѣ, я довольно близко сошелся съ Тамберликомъ. Это былъ истинный артистъ до мозга костей, артистъ особенно умный и исключительно симпатичный человѣкъ.

Одновременно съ Тамберликомъ, постепенно возникалъ другой великій артистъ—Кольцолари, съ чистѣйшимъ теноровымъ тембромъ. Это былъ пѣвецъ феноменальный, уже по тому одному, что голосъ его усиливался, развивался и совершенствовался съ каждымъ годомъ. Подъ конецъ, онъ достигъ такого совершенства и искусства въ пѣніи, что трудно найти въ этомъ отношеніи сравненіе. Слухи носились, что будто бы сама Патти завидовала колоратурности голоса Кольцолари. Онъ берегъ свой голосъ и пѣлъ, по преимуществу, въ Петербургѣ и, лишь иногда, на короткое время, появлялся въ другихъ столицахъ Европы. Онъ оставилъ сцену въ полномъ блескѣ своего голоса и таланта. Я былъ знакомъ съ Кольцолари. Будучи въ 1886 г. въ Миланѣ, я узналъ, что онъ боленъ и, отправившись къ нему на его виллу, верстахъ въ 20 отъ Милана, увидалъ необыкновенно грустную картину. Будучи по виду совершенно здоровымъ, Кольцолари сидѣлъ въ креслахъ съ полнымъ параличемъ ногъ и языка. Когда онъ увидалъ меня, свидѣтеля его славнаго музыкальнаго поприща въ Петербургѣ, онъ буквально зарыдалъ и сталъ мычать. Не было возможности воздержаться и мнѣ отъ слезъ при видѣ такой картины.

О послѣдующихъ тенорахъ я не буду говорить: всѣ они не могли идти въ какое-либо сравненіе съ Тамберликомъ и Кольцолари, хоть бы и Мазини. Былъ, правда, еще пѣвецъ Марини, съ высочайшимъ настоящимъ теноровымъ тембромъ, но это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, пѣвецъ безсмысленный. Затѣмъ былъ Николини, котораго публика любила. Это былъ очень хорошій артистъ и превосходный актеръ съ огненнымъ жаромъ; но въ голосѣ его не было надлежащаго звука, который онъ вырывалъ изъ себя съ страшнымъ усиліемъ.

Послѣ Тамбурини явился превосходный баритонъ—Дебосини, но вскорѣ уступилъ мѣсто Граціани. Граціани долго справедливо плѣнялъ Петербургскую публику и своимъ искусствомъ, и мягкимъ тембромъ своего голоса. Но все же ни Дебосини, ни Граціани не могли сравняться съ Тамбурини, въ его прежнее время.

Не помню, въ которомъ году, былъ въ Петербургѣ и знаменитѣйшій изъ бывшихъ когда-либо басовъ, Лаблашъ. Онъ былъ уже совершенный старикъ, громадной величины и толщины. Несмотря на это, онъ сохранялъ еще необычайный свой голосъ и искусство, доведенное до неслыханнаго совершенства. Онъ работалъ своимъ голосомъ на подобіе колоратурной пѣвицы. Въ Петербургѣ, онъ преимущественно участвовалъ только въ роляхъ баса-буфъ, да къ тому же онъ обладалъ неподдѣльнымъ комизмомъ.

Вспомню теперь о нѣкоторыхъ пѣвицахъ. Знаменитая Гризи появилась въ Петербургѣ одновременно съ Маріо. Она была уже не очень молода, но еще очень хороша собою. Эта артистка, какъ извѣстно,

была пѣвица могучая; такой Нормы и такой Валентины въ «Гугенотахъ» мы никогда уже болѣе не слыхали.

Послѣ Гризи гремѣла Бозіо. Безспорно, эта пѣвица была изящная, искусная и съ мягкимъ голосомъ. Петербургъ былъ отъ нея безъ ума; другихъ отзывовъ о ней не было, какъ прелестная и несравненная Бозіо. Въ ней было много и лирическаго, и драматическаго таланта; но мнѣ, лично, казалось, что въ ней не было достаточно жара. Вѣроятно, на меня она произвела подобное впечатлѣніе отъ того, что я все еще не могъ забыть впечатлѣнія отъ пѣнія m-me Viardot. Бозіо, къ общему всѣхъ сожалѣнію, безвременно скончалась и похоронена здѣсь, въ Петербургѣ.

Послѣ Бозіо появилась Фіоретти. Ея голосъ былъ мягкій, сильный и баснословно обработанный. Но она была дурна собой и въ ней не было изящества, а потому большинство публики, у которой была свѣжа память о Бозіо, относилось къ Фіоретти довольно равнодушно. Затѣмъ выступила Барбо, признаваемая за красавицу. Голосъ ея былъ сильный и рѣзкій; но она частенько детонировала и фальшивила. Публика всегда встрѣчала ее хорошо, но я, съ моей точки зрѣнія, не признаю такихъ пѣвицъ, которыя могутъ детонировать.

Не бывъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, я услыхалъ Нильсонъ только въ 1873 году. Она пріѣхала въ Петербургъ уже съ громкимъ именемъ. Какова она была ранѣе, я не знаю, но въ Петербургѣ Нильсонъ не произвела на меня сколько-нибудь сильнаго впечатлѣнія. Я услыхалъ Нильсонъ послѣ того, какъ я слыхалъ уже Патти. Петербургская публика дѣлилась на двѣ партіи—на нильсонистовъ и на паттистовъ. Вообще Нильсонъ возводили въ степень великой драматической пѣвицы, а Патти называли чудной шарманкой. Когда я услыхалъ Нильсонъ, то мнѣ показалось страннымъ, что можно было увлекаться пѣніемъ Нильсонъ, когда на другой день можно услышать Патти. Впрочемъ, это дѣло вкуса; но то, что должно быть дѣломъ не вкуса, а уха, это то, что у Нильсонъ нерѣдко прорывалась детонація, такъ что я не помню ни одного представленія, гдѣ бы она не согрѣшила въ этомъ отношеніи разъ или два. Я уже замѣтилъ выше, что, по моимъ взглядамъ, подобнымъ пѣвицамъ я не даю никакого значенія. Не разъ случалось мнѣ говорить объ этомъ вопросѣ не только съ обыкновенными смертными, но и съ профессіональными музыкантами, и слышать такіе отзывы: «правда, артистъ иногда детонируетъ, но это ничего не значитъ, все-таки онъ замѣчательный артистъ». По-моему, Богъ съ ними, съ этими замѣчательными артистами: я не желаю слушать ихъ и вкушать «медъ изъ бочки, въ которую влита ложка дегтю». Репертуаръ Нильсонъ былъ весьма ограниченъ,—вѣчно: «Фаустъ», «Миньонъ», «Гамлетъ»; а между тѣмъ, по своей дебелости и отсутствіи граціи, Нильсонъ

не подходила къ ролямъ Маргариты, Офеліи и Миньонъ. Быть можетъ, я отнесся черезчуръ не симпатично къ Нильсонъ, но это потому, что меня раздражала несправедливая оцѣнка двухъ пѣвицъ, одновременно пребывавшихъ въ Петербургѣ—Патти и Нильсонъ, между которыми, по моимъ понятіямъ, лежала большая пропасть.

Патти я услыхалъ нѣсколько ранѣе Нильсонъ, а именно, въ концѣ 1872 года. Здѣсь я попрошу у читателя извиненія за нѣкоторое необходимое, по-моему, отступленіе.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ я заболѣлъ и уѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ болѣе 4-хъ лѣтъ, и потому и Петербургской италіанской оперы въ это время не слыхалъ. Я, конечно, умолчалъ бы о фактѣ моей болѣзни, кажущемся совсѣмъ не у мѣста, но, какъ читатель увидитъ далѣе, о немъ нужно упомянуть именно теперь, прежде дальнѣйшаго изложенія того, о чемъ я считаю не лишнимъ сообщить.

Моя болѣзнь была слѣдствіемъ чрезмѣрнаго умственнаго и физическаго утомленія, отъ непрерывнаго труда въ теченіе 28 лѣтъ, труда, слишкомъ напряженнаго, ни разу не прерывавшагося и чрезвычайно отвѣтственнаго. Симптомы болѣзни обнаружились полнѣйшимъ равнодушіемъ ко всему окружающему. Я не испытывалъ ни въ чемъ ни малѣйшаго удовольствія или какой-либо радости. Я потерялъ аппетитъ, ѣлъ по привычкѣ и совершенно безразлично, что бы мнѣ ни подавали. Настоящій сонъ тоже пропалъ, и вмѣсто него являлось лишь на нѣкоторое время забытье. Самымъ тяжелымъ моментомъ было утро, въ виду мысли тянуть опять день безъ всякаго интереса. Я ничего не могъ читать: беллетристическія произведенія представлялись мнѣ пустыми, ни сколько не интересными сказками, а что-либо серьезное необходимо вызывало потребность хотя бы незначительнаго умственнаго напряженія, что и отталкивало меня отъ подобнаго чтенія. Коротко говоря, я считалъ себя лишнимъ человѣкъ для жизни: мнѣ хотѣлось умереть, во-время забыться, а между тѣмъ, очнувшись, я досадовалъ, что я живъ для того, чтобы продолжать свое невыносимое существованіе.

Продолжительное путешествіе за границей, по разнымъ мѣстамъ Европы, почти не улучшило моего здоровья; только морское купанье въ Корфу въ концѣ ноября и декабря мѣсяцевъ поправило нѣсколько аппетитъ и сонъ, но равнодушіе къ жизни продолжалось по-прежнему.

Въ такомъ положеніи, я вернулся въ Петербургъ. Дѣти мои неоднократно тянули меня въ театръ послушать Патти. Я наотрѣзъ отказывался, такъ какъ мнѣ казалось чѣмъ-то дикимъ искать развлеченіе въ театрѣ. Но однажды я уступилъ просьбамъ дѣтей и поѣхалъ съ ними въ оперу. Услыхавъ небывалый, необыкновенно ласкающій тембръ голоса Патти, я невольно заинтересовался и сталъ внимательно ее слушать. Возвратившись домой, я почувствовалъ потребность говорить много о

впечатлѣніи, произведенномъ на меня Патти. Въ эту ночь, я впервые, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, заснулъ настоящимъ крѣпкимъ сномъ и, проснувшись, почувствовалъ, что во мнѣ не угасла еще потребность удовольствія, и не было досады—зачѣмъ я проснулся для тоски предстоящаго дня, а, напротивъ, я возымѣлъ непреодолимое желаніе слышать вновь Патти и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать слѣдующаго спектакля.

Услыхавъ Патти во второй разъ, мнѣ захотѣлось слушать ее какъ можно чаще. Хотя семейство мое имѣло абонированную ложу на одинъ абониментъ, но я, неотлогательно перекупилъ еще ложу на другой абониментъ и, кромѣ того, не упускалъ случая доставать кресла въ другіе дни. Такимъ-то образомъ, я почувствовалъ въ себѣ извѣстное возрожденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возстановленіе въ себѣ интереса ко всѣмъ сторонамъ жизни.

Таково было вліяніе на мой организмъ музыки, текущей изъ живаго человѣческаго голоса. Я не вхожу въ анализъ причины и ея объясненія; не вывожу тоже изъ этого никакого слѣдствія, а сообщилъ лишь фактъ, который, быть можетъ, не будетъ лишнимъ для психологовъ. Понятно послѣ того, что Патти оставила во мнѣ особенно отрадное впечатлѣніе.

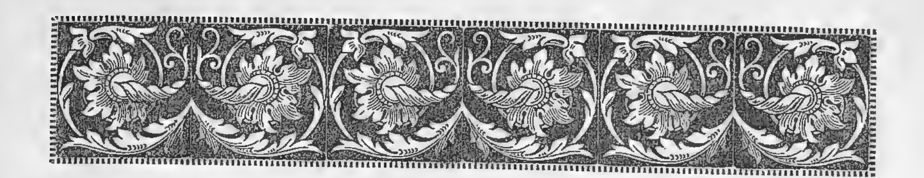
Публика, вообще, относилась къ Патти восторженно, но, по большей части, какъ я замѣтилъ уже выше, ее называли чудной, небывалой шарманкой, и болѣе ничего. Мнѣ было дико слушать подобные отзывы и, вѣроятно, вслѣдствіе доходившихъ до нея подобныхъ слуховъ, она долгое время не рѣшалась выступить въ драматической роли. Вотъ, однажды, я увидалъ Патти въ роли Травіаты, и она явилась въ этой роли неузнаваемой.

Всѣ тѣ, у которыхъ живо въ душѣ чувство къ истинному драматизму, увидали передъ собой великую драматическую артистку. Впечатлѣніе было потрясающее.

Я былъ знакомъ съ Патти и не рѣдко посѣщалъ ее. Какъ человѣкъ, она была восхитительна и обворожала, въ особенности, простотой и искренностью своею обращенія. Въ ней не было и признака кичливости своимъ великимъ, необычайнымъ талантомъ и слишкомъ громкимъ артистическимъ своимъ положеніемъ.

Какъ ни благотворно отразилось на мнѣ вліяніе пѣнія Патти, по случайному обстоятельству, мною предъ симъ высказанному, но я долженъ поставить m-me Viardot, какъ драматическую пѣвицу, выше Патти. Изъ всѣхъ переслышанныхъ мною пѣвицъ мнѣ, собственно, только Viardot и Патти доставляли истинное наслажденіе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ исторіи изданій „Горе отъ ума".

Весною нынѣшняго года, директору французскихъ училищъ при церкви св. Людовика въ Москвѣ, г. Е. Ф. Фонде-де-Монтюсенъ удалось случайно найдти въ архивѣ помянутой церкви нѣсколько документовъ, имѣющихъ отношеніе къ первымъ печатнымъ изданіямъ безсмертной комедіи «Горе отъ ума». Узнавъ объ этой счастливой находкѣ, управленіе императорскаго россійскаго историческаго музея имени Императора Александра III обратилось къ г. Фонде-де-Монтюсенъ съ просьбою, взять на себя трудъ ходатайства передъ совѣтомъ церкви св. Людовика о передачѣ этихъ документовъ въ музей, во вновь образующійся при библіотекѣ его, отдѣлъ имени А. С. Грибоѣдова. Г. Фонде любезно на это согласился, и, вскорѣ, совѣтъ упомянутой церкви препроводилъ въ музей три, приводимые ниже, документа. Какимъ образомъ они очутились въ архивѣ французской церкви—неизвѣстно; надо думать, что они попали туда вмѣстѣ съ другими бумагами Жоли, къ которому перешло право на изданіе «Горе отъ ума». Вотъ эти документы:

1.

1838 года маія 19-го дня я нижеподписавшейся Московской третій гильдіи купецъ Николай Николаевичъ сынъ Глазуновъ, заключилъ сіе условіе съ Московскимъ второй гильдіи купцомъ Ксенофонтомъ Алексѣевичемъ Полевымъ, втомъ: что я Глазуновъ купленную мною начально обще съ кондидатомъ коммерціи Николаемъ Евграфовымъ Бушуевымъ, у наследниковъ умершаго статскаго совѣтника Александра Сергѣевича Грибоедова, жены его Нилы (sic!) Александровны Грибоедовой, и сестры порудчицы Марьи Сергѣевны Дурновой, по условію заключенному 1833 года сентября 5-го дня засвидѣтельствованному въ Москвѣ у но-

таріуса Алексѣя Иванова, за № 63 и нынѣ, по покупкѣ мною у него Бушуева, следующей ему части по условію заключенному 1834 года ноября 19-го, и записанному въ Москвѣ у того же нотаріуса Иванова за № 62, принадлежащую мнѣ одному комѣдію, подъ названіемъ Горе отъ ума, сочиненную реченнымъ господиномъ Грибоедовымъ, продалъ ему господину Полевому, цѣною за дѣсять тысячь рублей государственными Ассигнаціями, которые и получить мнѣ отъ него съ заключенія сего условія по временамъ, втѣченіи года, съ роспискою въ каждомъ полученіи на семъ условіи; и воленъ онъ Полевой ту комѣдію, какъ уже свою собственность единственному ему принадлежащую, печатать сколько пожелаетъ, продавать по какимъ ценамъ похочетъ, продать оную, или временно передать кому заблагоразсудитъ—до которой комѣдіи въ предь, какъ мнѣ Глазунову, такъ и наслѣдникамъ моимъ дѣла никакого не имѣть, не почему не вступаться, и права на оную другимъ никому не передавать,—что всѣ и сохранить, какъ мнѣ Глазунову, такъ и наслѣдникамъ моимъ свято и ненарушимо, для чего и записать сіе условіе гдѣ слѣдуетъ, подлинное имѣть ему г. Полевому, а мнѣ Глазунову получить за подписаніемъ его точную съ него копію.

Къ сему условію Московской третей гильдіи купецъ Николай Николаевъ сынъ Глазуновъ руку приложилъ.

№ 39-ый 19-го числа.

М. П.

1838 года маія девятнадцатаго дня, сіе условіе къ опредѣленному въ Москвѣ публичному нотаріусу, явлено, въ книгу подъ номеромъ тридцать девятымъ записано и слѣдующія въ городскія доходы по полупроценту съ рубля, деньги пятдѣсятъ рублей взяты—въ чемъ съ приложеніемъ казенной печати и свидѣтельствую.

Нотаріусъ Алексѣй Ивановъ.

Къ сему условію Московскій 2-ой гильдіи купецъ Ксенофонтъ Алексѣевъ Полевой, къ явленному, руку приложилъ.

По сему условію деньги десять тысячь рублей, получилъ сполна Московской купецъ Николай Николаевъ Глазуновъ.

1844 года января 17-го дня, я нижеподписавшійся продалъ принадлежащее мнѣ по сему условію право на изданіе означенной въ ономъ книги: «Горе отъ ума», до истеченія законнаго срока по смерти автора оной г-ну Карлу Карловичу Жоли, Московскаго 1-го кадетскаго корпуса зубному лекарю 1-го отдѣленія, и условленную за сіе сумму ты-

сячу восемь сотъ рублей серебромъ, отъ него получилъ сполна. Московскій 2-ой гильдіи купецъ Ксенофонтъ Алексѣевъ Полевой [1]).

2.

Милостивый государь.
Карлъ Карловичъ.

По общему соглашенію нашему, продалъ я вамъ принадлежащее мнѣ право на изданіе книги: Горе отъ ума, комедія сочиненія А. Грибоѣдова, пріобрѣтенное мною отъ Московскаго купца Николая Николаева Глазунова (что нынѣ Улитинъ) и по праву сему напечатанную мною вторымъ изданіемъ, въ 1839 году; послѣ же того книга сія не издавалась, и право на нее никому отъ меня передано не было. А какъ условленную сумму тысячу восемь сотъ рублей серебромъ за оное я сполна отъ васъ получилъ, то отъ нижеписаннаго числа, впредь до истеченія законнаго срока по смерти автора, дѣлаетесь вы единственнымъ владѣльцемъ права на изданіе сей книги и вступаете во всѣ принадлежавшія мнѣ права.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою Ксенофонтъ Алексѣевъ Полевой, купецъ Московскій.

Января 17-го 1844 г.
Москва.

Г-ну Карлу Карловичу Жоли, Московскаго 1-го кадетскаго корпуса зубному лекарю 1-го отдѣленія [2]).

3.

Manuscrit de «Горе отъ ума».

J'ai achetté dans le mois de Janvier 1844 à monsieur Polevoi tous les droits qu'il avait sur le manuscrit de «Горе отъ ума» comedie de Грибоѣдова pour la somme de R. Argt. 1800 ainsi qu'il est stipulé dans le present papier. J'ai donc acquis par cet achat le droit de faire imprimer cet ouvrage encore pendant dix années, époque à laquelle, d'après les lois finit le privilège concédé après la mort de l'auteur [3]).

---

[1]) Писано на гербовой бумагѣ «для письма крѣпостей отъ 7.001 до 10.000 рублей. Цѣна двадцать рублей». Правописаніе и пунктуація—сохранены вполнѣ. Текстъ условія писанъ писцемъ, подписи и росписка Полеваго—собственноручныя.

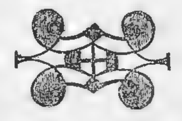
[2]) Писанъ весь рукою Полеваго, на гербовой бумагѣ въ 15 копѣекъ серебромъ.

[3]) Писано все однимъ почеркомъ на большомъ листѣ синеватой, почтовой бумаги. Подписи—нѣтъ. Если это писалъ самъ Жоли, то крайне стран-

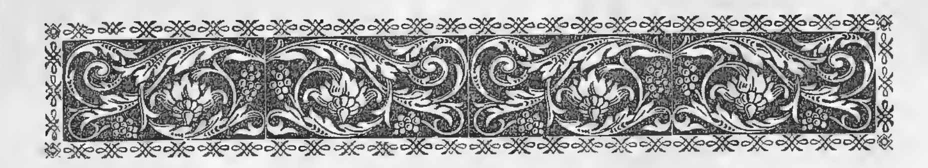
[Переводъ] Рукопись «Горе отъ ума».

Я купилъ въ январѣ мѣсяцѣ 1844 г. у г. Полеваго всѣ права, которыя онъ имѣлъ на рукопись «Горе отъ ума», комедія Грибоѣдова, за 1.800 руб. сер., какъ это обозначено въ настоящей бумагѣ. Я пріобрѣлъ такимъ образомъ, благодаря сей куплѣ, право на печатаніе сего труда еще въ теченіе десяти лѣтъ, срока, когда, по законамъ, кончается преимущественное право, назначенное по смерти автора.

Сообщилъ **А. И. Станкевичъ.**

ными являются грубыя ошибки («dans» вмѣсто «au» и др.) противъ французскаго языка. Не есть ли это черновой проектъ, составленный кѣмъ-либо не вполнѣ владѣющимъ французскимъ языкомъ? Во всякомъ случаѣ, по почерку, это писано не К. Полевымъ.

Россія и папскій престолъ.[1]

ГЛАВА II.

Немного критики.

Историческая загадка.—Таинственное дитя у Бориса Годунова.—Появленіе Димитрія.—Раздвоеніе общественнаго мнѣнія.—Протестантскіе писатели.—Защитники Димитрія.—Его собственный разсказъ Вишневецкому.—Важность этого документа.—Ошибка Костомарова.—Подлинность разсказа.—Доказательства.—Главные пункты.—Слабое мѣсто.—Всегдашняя сдержанность Димитрія.—Молчаніе Мнишека.—Испытанія и за и противъ.—Заключеніе.—Предположенія на счетъ Димитрія.—Его національность по письму къ Клименту VIII.—Филологическій выводъ, подтвержденный исторіей.—Связи съ духовнымъ міромъ и мысль патріарха.—Слѣдствіе, произведенное патріархомъ Іовомъ.—Отождествленіе Димитрія съ Гришкою Отрепьевымъ.—Кратковременная уловка Бориса Годунова.—Единодушный отзывъ русскихъ источниковъ.—Извѣтъ Варлаама.—Двойной фактъ, подтвержденный эпиграфомъ.—Три этапа.—Значеніе Извѣта.—Свидѣтельство князя Катырева-Ростовскаго.—Совпаденіе Извѣта съ донесеніемъ Вишневецкаго.—Черты изъ жизни Димитрія.—Семейство Отрепьева въ 1671 г.—Царь Алексѣй принимаетъ во вниманіе его просьбу.—Три записки Льва Сапѣги.—Его мнѣніе о Димитріѣ.—Оно сходится съ мнѣніемъ русскихъ.—Рывоцкій и Ростовскій.—Возраженіе.—Показанія полковыхъ священниковъ и Маржерета.—Возможное рѣшеніе вопроса.—Подкладка самозванства.—Признаніе Димитрія.—Его московскій характеръ.—Даръ объединенія и покладливости.—Отсутствіе оригинальности.—Инициатива по отношенію Рима.—Снисходительность папъ.—Отвѣтственность Сигизмунда III.—Дѣло Димитрія внезапно прервано.—Роковыя послѣдствія его неудавшихся плановъ.

Въ злополучную эпоху, которую принято называть смутнымъ временемъ и которая обнимаетъ собою начало семнадцатаго вѣка, видную роль играла таинственная личность, извѣстная подъ именемъ Димитрія, коего богатая событіями жизнь разсказана на предъидущихъ страницахъ. Кто же былъ Димитрій? Былъ ли онъ прирожденнымъ сыномъ Іоанна IV или только геніальнымъ искателемъ приключеній? Былъ ли это Гришка Отрепьевъ или кто-либо иной? Этотъ вопросъ обсуждается уже триста лѣтъ, но его до сихъ поръ не удалось рѣшить окончательно. Поэтому само собою приходится вновь браться за рѣшеніе этой исторической загадки, какъ бы

---

[1]) См. „Русскую Старину" ноябрь 1901 г.

ни былъ ничтоженъ результатъ этого изслѣдованія и какъ бы ни пришлось при этомъ повторяться. Фактъ важенъ самъ по себѣ, и онъ, разумѣется, не могъ не повліять на текущія событія.

Димитрію Углицкому повидимому было суждено вводить въ заблужденіе историковъ. Въ 1598 г., нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его исчезновенія, когда московскій престолъ, вслѣдствіе кончины Ѳеодора, былъ снова не занятъ, одинъ польскій шпіонъ доносилъ Литовскому канцлеру Львѣ Сапѣгѣ, что Борисъ Годуновъ скрываетъ у себя въ домѣ ребенка, который поразительно похожъ на Димитрія и долженъ играть его роль. По этому поводу одного несчастнаго человѣка даже пытали, и бояре, заботившіеся о будущемъ, исторгли у него признаніе, что онъ убилъ Димитрія по повелѣнію Годунова [1]). Слѣдовательно, царевича считали умершимъ, и всѣ эти странные слухи были давно позабыты, когда въ Польшѣ появилась загадочная личность, выдававшая себя за царевича Димитрія. Общественное мнѣніе тотчасъ раздвоилось. Одни привѣтствовали претендента какъ потомка Іоанна Грознаго; другіе называли его самозванцемъ и похитителемъ престола. Былъ моментъ, когда вся Россія преклонялась передъ нимъ, а Европа имъ восхищалась. Реакція, наступившая послѣ его смерти, была особенно сильна потому, что этотъ спорный вопросъ обострился духомъ партійности. Кратковременный царь былъ въ сношеніяхъ съ папою, съ краковскимъ нунціемъ и съ іезуитами. Ихъ переписка была перехвачена и обнародована къ великому соблазну москвитянъ. Нѣкоторые протестантскіе, нѣмецкіе, англійскіе и голландскіе авторы подъ впечатлѣніемъ этихъ писемъ изобразили Димитрія какимъ-то чудовищемъ, созданнымъ ксендзами и имѣвшимъ миссію ввести въ Россію римско-католическую вѣру. Эту тему можно было разнообразить до безконечности, ею не преминули воспользоваться, и слава Димитрія была омрачена. Его новѣйшіе защитники утверждаютъ, что они еще не сказали своего послѣдняго слова; если имъ удастся привести въ подтвержденіе своего взгляда какія-либо вѣскія доказательства, то мы готовы сложить передъ ними оружіе. Но пока, изученіе всѣхъ извѣстныхъ намъ источниковъ приводитъ къ тому заключенію, что Димитрій не былъ сыномъ Іоанна IV.

Попытаемся разобраться въ этой тайнѣ. Всѣ доказательства, говорящія въ пользу тождества того человѣка, котораго мы продолжаемъ называть Димитріемъ, съ Димитріемъ Углицкимъ, ограничиваются разсказомъ самого Димитрія князю Адаму Вишневецкому, который этотъ послѣдній передалъ въ своемъ донесеніи королю. Этому первостепенной важности документу никогда еще не было отведено подобающаго мѣста, и онъ не былъ оцѣненъ по достоинству. Костомарову онъ былъ

---

[1]) Arckiwum domu Sapiehow, т. I, стр. 177 № 214.

извѣстенъ въ невѣрной передачѣ Товіанскаго, но онъ не потрудился сличить текстъ этого документа съ Ватиканскимъ текстомъ, изданнымъ Новаковскимъ, впрочемъ также съ нѣкоторыми пропусками и съ невѣрной датой (1606 г.); историческое значеніе этого разсказа казалось Костомарову ничтожнымъ; это не вѣрно. Выяснимъ сперва, въ чемъ состоитъ спорный вопросъ. Дѣло идетъ не о правдивости разсказа, который очевидно вымышленъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Дѣло идетъ не о полемикѣ относительно того, кто былъ его авторомъ; разумѣется, никто иной кромѣ Димитрія не могъ выдумать его. Вопросъ состоитъ въ томъ, дѣйствительно ли разсказъ, приписываемый Димитрію, былъ доложенъ Сигизмунду и сообщенъ сенаторамъ и послужилъ основаніемъ всѣхъ послѣдующихъ споровъ? Если это такъ, то мы имѣемъ въ рукахъ, такъ сказать, паспортъ Димитрія, свидѣтельство объ его происхожденіи, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ онъ самъ объ этомъ повѣствовалъ.

Рангони говоритъ объ этомъ вполнѣ опредѣлено. 8-го ноября 1603 г., получивъ донесеніе Вишневецкаго, въ точномъ переводѣ съ польскаго на латинскій языкъ, онъ тотчасъ послалъ его въ Римъ и воспроизвелъ въ депешѣ отъ 2-го іюля 1605 г. на италіанскомъ языкѣ съ сокращеніемъ и варіантами, присовокупивъ однако, что текстъ его депеши согласуется «слово въ слово» съ разсказомъ Димитрія, переданнымъ Сигизмунду княземъ Вишневецкимъ[1]).

Читали ли Сигизмундъ и Рангони одинъ и тотъ же документъ? Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Достаточно сличить циркулярное письмо короля къ сенаторамъ отъ 15-го февраля 1604 г., въ которомъ онъ излагалъ вкратцѣ исторію Димитрія, и отвѣты сенаторовъ, въ особенности отвѣтъ Барановскаго, епископа плоцкаго[2]), съ разсказомъ, который Рангони приписываетъ Димитрію, чтобы убѣдится, что дѣло идетъ объ одномъ и томъ же документѣ, такъ какъ они сходны въ мельчайшихъ подробностяхъ. Итакъ, во-первыхъ, надобно признать рассуществованіе разсказа о похожденіяхъ Димитрія, который былъ распространенъ въ оффиціальныхъ польскихъ кружкахъ и сообщенъ Рангони въ Ватиканъ 8-го ноября 1603 г. Эта дата объясняетъ весьма многое. Въ хронологическомъ порядкѣ первенство надъ всѣми прочими разсказами въ этомъ родѣ, включая разсказъ Товіанскаго, принадлежитъ первоначальному тексту Ватикана. Уже это одно значительно облегчаетъ трудъ изслѣдователя. Оно переноситъ насъ на вершину горы, откуда взоръ обнимаетъ долину. На нашихъ глазахъ брызжетъ изъ земли источникъ, несущій свои воды вдаль. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ

---

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе. III. 90 a.

[2]) Московскій Архивъ мин. юстиціи. лит. метр., нов. кн., т. 55, № 87.

послѣдующіе разсказы, въ которыхъ Димитрій Самборскій отождествляется съ Димитріемъ Угличскимъ, суть не что иное, какъ воспроизведеніе донесенія Вишневецкаго. Это можно сразу узнать по существующему между ними сходству; всѣ эти разсказы имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ и слѣпо подражаютъ своему оригиналу: они многорѣчивы или сдержанны, смотря по тому, какъ въ немъ говорится о томъ или другомъ случаѣ. Поэтому достаточно разсмотрѣть разсказъ Димитрія, чтобы произнести въ то же время сужденіе о всѣхъ тѣхъ, которые повторили этотъ разсказъ въ цѣломъ или сокращенномъ, распространенномъ или нѣсколько измѣненномъ видѣ. Какое же значеніе имѣетъ этотъ документъ? Принимая во вниманіе только его происхожденіе, можно сказать, что онъ не имѣетъ ровно никакого значенія; Димитрій говоритъ тутъ самъ за себя. Едва-ли можно допустить, что онъ былъ безпристрастенъ, и его показаніе имѣетъ весьма сомнительное значеніе; необходимо разсмотрѣть его подробно.

Во-первыхъ, припомнимъ обстоятельства, при которыхъ возникъ этотъ разсказъ. Онъ былъ написанъ по требованію короля, который хотѣлъ имѣть обстоятельныя свѣдѣнія о Димитріѣ въ тотъ моментъ, когда только объявилъ себя царевичемъ и болѣе всего нуждался въ королевской помощи. Ничто не мѣшало Димитрію сказать все правду, хотя бы по секрету, тѣмъ лицамъ, которыя интересовались его судьбою; казалось бы, что все заставляло его говорить безъ утайки и представить убѣдительныя доказательства своего царственнаго происхожденія. Отъ этого зависѣла его будущность. Можно было ожидать, что онъ разскажетъ обстоятельно свое прошлое и приведетъ въ доказательство своихъ словъ самыя убѣдительныя доказательства; вмѣсто этого его разсказъ полонъ таинственности, недомолвокъ, ораторскихъ пріемовъ и умышленныхъ пробѣловъ.

Первое, что производитъ весьма странное впечатлѣніе, это отсутствіе не только сыновней любви, но даже простой деликатности. Предполагаемый сынъ Іоанна IV является строгимъ судьей своего отца. Тиранство и сластолюбіе—вотъ пороки, въ которыхъ онъ не стѣсняется обвинять Іоанна Грознаго, который убилъ собственноручно старшаго сына, осквернилъ брачное ложе, населилъ монастыри своими женами, попиралъ добродѣтель. Всѣ эти обвиненія правдивы, но Димитрій совершенно свободно могъ объ этомъ умолчать.

Съ точки зрѣнія исторической, въ письмѣ бросается въ глаза одна несообразность: это сплетеніе грубыхъ ошибокъ съ самыми точными подробностями, которыя были мало извѣстны въ Россіи и ужъ, разумѣется, были совершенно неизвѣстны въ Польшѣ. Къ числу ихъ относится прискорбное событіе, опечалившее Іоанна IV въ 1553 г.; его первенецъ, Димитрій, утонулъ вслѣдствіе несчастнаго случая въ Бѣломъ

озерѣ[1]). Объ этомъ упоминаетъ дьякъ Тимоѳеевъ и разсказываетъ Масса, но прочіе рѣдко упоминаютъ объ этомъ фактѣ. Авторъ разсказа называетъ также поименно женъ Іоанна: Анастасію Романову, Марію Черкасскую, Марѳу Собакину, Анну Котловскую, Марію Нагую; ему извѣстно, что царь предполагалъ заключить въ Англіи какой-то фантастическій бракъ, и также отлично извѣстны тѣ три города, которые были даны въ удѣлъ Димитрію. Съ изумленіемъ читаемъ на слѣдующей страницѣ о томъ, будто Ѳеодоръ отрекся отъ престола, удалился въ Кирилово-Бѣлозерскій монастырь и что его «наставники» были умерщвлены Борисомъ Годуновымъ!

Если это ошибки умышленныя, то онѣ могутъ быть объяснены только ненавистью къ Годунову, ибо обвиненіе направлено противъ него; авторъ разсказа хотѣлъ очевидно очернить именно его.

Годуновъ изображенъ тѣми же красками, какъ въ послѣдующихъ хроникахъ и въ услужливыхъ сочиненіяхъ временъ Василія Шуйскаго. Ему приписываются тѣ же намѣренія, та же злоба противъ нѣкоторыхъ лицъ, тѣ же преступленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отдается должное его талантамъ, его уму и хитрости. Возвысившись благодаря вліянію своей сестры Ирины, всемогущей въ царствованіе Ѳеодора, честолюбивый до безумія, страстно желавшій возложить на свою голову корону, Борисъ видѣлъ между собою и престоломъ, который вскорѣ долженъ былъ освободиться, только одно препятствіе, а именно законнаго наслѣдника престола, Димитрія Угличскаго. Онъ рѣшилъ отдѣлаться отъ него.

Дойдя до этого пункта, разсказъ мѣняетъ тонъ, въ немъ все яснѣе становятся замѣтны ораторскіе пріемы. Имена собственныя, которыя приводились только-что весьма охотно, теперь тщательно пропускаются, и сквозь строки проглядываетъ опасеніе, что разсказъ не вызоветъ довѣрія. Обвиненіе, взведенное впослѣдствіи на Годунова лѣтописцами, высказано тутъ откровенно: прежде чѣмъ подкупить убійцъ, говоритъ Димитрій, онъ попробовалъ прибѣгнуть къ отравѣ, но это средство не удалось. Что касается сцены убійства, то она передана подробно: убійство произошло ночью, безъимянный наставникъ Димитрія былъ предупрежденъ объ опасности, «двоюродный братъ» царевича былъ положенъ на кровать, убійцы покончили съ нимъ, Димитрій былъ спасенъ. Мы не встрѣчаемъ въ разсказѣ ни одного предательскаго слова о знаменитомъ слѣдствіи, о коемъ разскащику однако было извѣстно, такъ какъ онъ говоритъ, что Борисъ Годуновъ хотѣлъ обмануть Ѳеодора и убѣждалъ его въ томъ, что Димитрій лишилъ себя жизни въ припадкѣ падучей, а это и было главное обстоятельство, обнаруженное слѣдствіемъ, которымъ руководилъ Василій Шуйскій. Но имя Шуйскаго повиди-

[1]) Платоновъ, Древн. сказ., стр. 138, прим. 3.

мому обречено разскащикомъ на забвеніе, онъ умалчиваетъ о немъ точно такъ же, какъ о произведенномъ имъ слѣдствіи, хотя о Клешнинѣ и митрополитѣ Геласіи въ разсказѣ упоминается, но не какъ о лицахъ, производившихъ слѣдствіе, а какъ объ уполномоченныхъ Годуновымъ присутствовать на похоронахъ Димитрія. Неизвѣстный воспитатель заботился о ребенкѣ, коего Борисъ считалъ погребеннымъ. Чувствуя приближеніе смерти, воспитатель поручилъ его надежному человѣку, имя котораго также неизвѣстно. Надежный человѣкъ въ свою очередь умеръ, посовѣтовавъ своему воспитаннику, достигшему уже юношескаго возраста, надѣть монашескую рясу и искать убѣжища въ монастырѣ. Димитрій послѣдовалъ этому совѣту и сдѣлалъ это такъ искусно, что его слѣды совершенно исчезаютъ до тѣхъ поръ, пока онъ появился въ Польшѣ подобно Deus ex machina древнихъ трагедій. Послѣдними этапами его пути были: Острогъ, Гоща, Брагимъ; это заслуживаетъ вниманія.

Но авторъ разсказа понималъ его слабое мѣсто. Онъ предвидѣлъ возраженія, какія могли быть сдѣланы ему; предупреждая ихъ, онъ тѣмъ самымъ старался умалить ихъ значеніе, не достигая впрочемъ цѣли, такъ какъ несообразности его слишкомъ очевидны. Такъ, напр., какимъ образомъ мать, сжимая въ своихъ объятіяхъ трупъ ребенка, не замѣтила, что это было тѣло чужаго мальчика? Трупъ былъ синеватый, говоритъ разскащикъ, а мать обезумѣла отъ горя. Если Димитрій былъ подмѣненъ другимъ ребенкомъ, то тотъ, кѣмъ былъ подмѣненъ Димитрій, долженъ былъ исчезнуть. Какъ же могли не замѣтить его исчезновенія? До тридцати дѣтей было убито въ свалкѣ, говорится далѣе въ разсказѣ; полагаютъ, что въ томъ числѣ былъ и ребенокъ, коимъ замѣнили Димитрія. Весьма странной причиной объясняется также появленіе Димитрія въ Польшѣ: онъ былъ признанъ по царственной осанкѣ царскимъ сыномъ; это подозрѣніе мелькнуло въ умѣ одного монаха; съ этой минуты его присутствіе въ Россіи стало опасно; онъ долженъ былъ бѣжать.

Какъ ни извращенъ этотъ разсказъ, но его историческое значеніе неоспоримо. Димитрій призналъ, что донесеніе Вишневецкаго написано съ его словъ; онъ имъ воспользовался и, повторяя всѣмъ этотъ разсказъ, онъ открылъ свои карты. Мы имѣемъ полное основаніе заключить изъ этого, что Димитрій не могъ привести въ пользу своего царственнаго происхожденія иныхъ доказательствъ, кромѣ упомянутыхъ кн. Адамомъ въ его донесеніи, и что онъ скорѣе желалъ замести свои слѣды въ Россіи, нежели обнаружить ихъ. Послѣ этого понятна загадочная фраза, произнесенная Львомъ Сапѣгою на сеймѣ 1605 г.: «настоящій царевичъ, сказалъ онъ, нашелъ бы иное средство заявить о себѣ».

Димитрій не только ничѣмъ не нарушилъ своего упорнаго молчанія, но онъ остался вѣренъ ему всю жизнь. Его излюбленная тема можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ: чудесное спасеніе отъ козней Годунова и удивительное покровительство Провидѣнія; обо всемъ остальномъ онъ упорно умалчивалъ. Сколько разъ ему представлялся великолѣпный случай громогласно разсказать свое прошлое, но онъ всегда предпочиталъ говорить о событіяхъ своей предъидущей жизни одними намеками. Когда ему пришлось познакомить со своей личностью папу, то онъ предоставилъ нунцію Рангони изложить ему всѣ подробности, самъ же ограничился въ своемъ письмѣ отъ 24 апрѣля 1604 г. одними туманными увѣреніями. Пока на престолѣ возсѣдалъ Борисъ Годуновъ, это умолчаніе можно было еще объяснить боязнію преслѣдованія съ его стороны, но послѣ смерти своего соперника, наканунѣ торжества, въ моментъ коронованія, почему было не разъяснить истину во всемъ ея блескѣ? Между тѣмъ Димитрій въ своихъ грамотахъ къ москвитянамъ[1]) и въ своихъ рѣчахъ былъ такъ же сдержанъ и скупъ на подробности, какъ прежде; онъ не сдѣлалъ ни разу ни малѣйшаго намека на тѣхъ лицъ, которыя заслужили признательность угличскаго ребенка, и не упомянулъ ни слова о монастыряхъ, въ которыхъ онъ жилъ.

Воевода Мнишекъ былъ такъ же точно сдержанъ, какъ и его зять Выступая смѣло на защиту прирожденнаго сына Іоанна IV, онъ дѣйствовалъ повидимому больше подъ вліяніемъ слѣпой вѣры, нежели повинуясь зрѣлому разсужденію. По крайней мѣрѣ, всякій разъ какъ ему приходилось давать объясненія, онъ говорилъ о царственномъ происхожденіи Димитрія въ утвердительномъ смыслѣ, но бездоказательно и уклончиво. Мнишекъ дважды подвергался допросу и долженъ былъ отстаивать Димитрія, такъ какъ его обвиняли и допрашивали по очереди русскіе и поляки. На другой день, послѣ трагическаго происшествія 29-го мая 1606 г. бояре потребовали отъ плѣннаго воеводы, чтобы онъ признался имъ во всемъ.

Какимъ торжествомъ было бы для него пристыдить своихъ слушателей, оправдать блистательнымъ образомъ свое поведеніе, защитить права Марины! Для этого ему стоило только привести несомнѣнное доказательство царскаго происхожденія Димитрія, но онъ этого не сдѣлалъ: онъ сослался на самихъ москвитянъ. Ему говорили: «Докажите, что Димитрій прирожденный сынъ Іоанна IV»; а онъ возражалъ: «Вы сами признали его таковымъ», и слова замирали у него на устахъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, Мнишекъ былъ снова подвергнутъ допросу на этотъ разъ поляками, которые обошлись со своимъ соотe-

---

[1]) Акты Археогр. эксп., т. II, стр. 76, № 26, стр. 89, № 34, стр. 92 № 37 и т. д.

чественникомъ гораздо болѣе безцеремонно, нежели русскіе съ иностранцемъ. Это было въ 1611 г., во время достопамятнаго сейма, на которомъ обсуждался вопросъ о войнѣ съ Москвою.

На одномъ изъ засѣданій, походъ на Москву, совершенный Мнишекомъ, подвергся жестокой критикѣ. Адамъ Стадницкій, каштелянъ калишскій, первый осыпалъ Мнишека язвительными насмѣшками. Вице-канцлеръ Крыскій пришелъ ему на помощь. Они обвиняли сендомірскаго воеводу въ эгоизмѣ, алчности, чуть не въ измѣнѣ отечеству, за то, что онъ покровительствовалъ обманщику и подвергалъ страну опасности. На этомъ собраніи присутствовалъ король и цвѣтъ дворянства. Мнишека осыпали такими оскорбленіями, что онъ не могъ долѣе молчать и вступилъ со Стадницкимъ въ жаркій споръ. Но, когда ему пришлось самому защищаться, то онъ ничего не могъ сказать въ свое оправданіе, а только поставилъ своихъ варшавскихъ собесѣдниковъ въ такое же затруднительное положеніе, какъ и московскихъ бояръ. Совершенное въ Краковѣ бракосочетаніе Марины и посольства, отправленныя поляками въ Кремль, свидѣтельствовали, по его словамъ, объ ихъ симпатіи къ Димитрію. Мнишекъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, какъ орудіемъ противъ своихъ противниковъ, но хотя онъ и поставилъ ихъ въ затруднительное положеніе, однако, ничего не могъ возразить по существу на главное предъявленное ими обвиненіе.

Нынѣ на это событіе пролитъ нѣкоторый свѣтъ. Мы имѣемъ показанія первыхъ свидѣтелей, которые лучше всего были освѣдомлены и наиболѣе заинтересованы въ успѣхѣ предпріятія. Изъ этихъ показаній слѣдуетъ съ полнѣйшей очевидностью, что ни самъ Димитрій, ни воевода Мнишекъ, ни князь Вишневецкій, не привели сколько-нибудь вѣскихъ доказательствъ въ подтвержденіе того факта, что тотъ, кто выдавалъ себя царемъ въ 1605 г., былъ прирожденный сынъ Іоанна IV. Если они не доказали этого, значитъ, они не могли этого доказать; если у нихъ не было на это доказательствъ, значитъ, они не могли ихъ добыть. Принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, приходится сказать, что при настоящемъ положеніи исторической науки, царское происхожденіе Димитрія недостаточно доказано. Напротивъ, все даетъ право думать, что Димитрій Самборскій не былъ тождественъ съ Димитріемъ Угличскимъ.

Но, разумѣется, для того, чтобы на это нельзя было ничего возразить, надобно было бы назвать истиннымъ именемъ того, кто выдавалъ себя за царевича Димитрія. Тутъ-то и встрѣчается затрудненіе. Сколько было потрачено на это чернилъ! Сколько высказано предположеній! Перечислять ихъ было бы скучно и безполезно. Димитрія называли

[1]) Краковъ, Библіотека Ягеллоновъ, № 102, л. 457.

даже незаконнымъ сыномъ короля Стефана Баторія! И въ доказательство этого приводили, какъ родственную черту, его страсть къ охотѣ. Если отнестись къ этому доводу серьезно, то, по правдѣ сказать, было бы не легко доискаться имени его отца, ибо въ то время многіе монархи отличались страстью къ охотѣ. Къ счастью, кромѣ этихъ ни на чемъ не основанныхъ догадокъ существуютъ иныя болѣе убѣдительныя данныя.

Во-первыхъ, является вопросъ, какой національности былъ Димитрій? Былъ ли онъ русскій или полякъ? Даже и въ этомъ отношеніи свидѣтельскія показанія расходятся. Письмо Димитрія къ Клименту VIII отъ 24-го апрѣля 1604 г., хранящееся въ Ватиканскомъ архивѣ, въ Римѣ, изданное въ недавнее время, представляетъ собою, повидимому, единственный документъ, на основаніи котораго этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ окончательно. Писанное, съ начала до конца Димитріемъ собственноручно, на польскомъ языкѣ, и препровожденное къ папѣ нунціемъ Рангони, оно помѣчено 24-мъ апрѣля, но писано 18-го апрѣля, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, на другой день послѣ отреченія Димитрія. Чтобы не выдать своей тайны, Димитрій не хотѣлъ присутствовать на обѣднѣ и посвятилъ свой досугъ составленію письма къ папѣ, которое онъ передалъ нунцію 24-го апрѣля, скромно извиняясь въ томъ, что каллиграфія и слогъ письма не вполнѣ удовлетворительны. Рангони присовокупляетъ, со своей стороны, что переводъ польскаго текста на латинскій языкъ сдѣланъ отцомъ Савицкимъ, который занялся этимъ дѣломъ, по приказанію нунція [1]. Эти слова показываютъ, что въ дѣлѣ принималъ участіе полякъ, а это объясняетъ, въ свою очередь, нѣкоторыя несообразности въ письмѣ Димитрія. Оно было изучено фраза за фразой, буква за буквой, и сличено съ русскими и польскими граматами той эпохи; это изслѣдованіе, въ связи съ самыми точными филологическими изысканіями, привело къ слѣдующему заключенію: письмо писано не однимъ человѣкомъ; составитель письма и переписчикъ были двѣ разныя личности; изъ нихъ первый былъ полякъ, а второй—русскій.

Въ самомъ дѣлѣ, составитель письма владѣлъ въ совершенствѣ польскимъ языкомъ и былъ знакомъ со всѣми его тонкостями. Слова такъ и лились изъ-подъ пера, выражая его мысль; онъ понималъ самые тонкіе ихъ оттѣнки, не сказалъ ни слова необдуманно, всѣ тонкости языка соблюдены имъ въ совершенствѣ, безупречность его рѣчи не оставляетъ желать ничего лучшаго. Слогъ письма цвѣтистый, преувеличенное желаніе быть какъ-нельзя болѣе точнымъ выразилось въ оби-

---

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 91, в., л. 107.—Rome et Démétrius, стр. 186, № 12.

ліи синонимовъ и эпитетовъ, хотя между прочимъ замѣтно желаніе построить фразы нѣсколько искусственно и стремленіе округлить періоды, хотя бы въ ущербъ ясности. Что касается синтаксиса, то въ письмѣ не встрѣчается ни одного неправильнаго или неупотребительнаго оборота рѣчи; нѣкоторые своебразные обороты, свойственные польскому языку, свидѣтельствуютъ о глубокомъ, теоретическомъ и практическомъ знакомствѣ съ построеніемъ рѣчи. Можно сказать, что составитель письма былъ такой тонкій знатокъ грамматики, и такъ умѣлъ разнообразить выраженія, дотого заботится о правильной орѳографіи, что онъ вполнѣ проникнулъ духъ польскаго языка. Вообще, съ точки зрѣнія лингвистики, письмо Димитрія есть безспорно произведеніе человѣка ученаго и болѣе того—ученаго поляка.

Если же мы обратимъ вниманіе на внѣшнюю сторону письма, то получится совершенно иное впечатлѣніе. Тотъ, кто, вооружившись перомъ, старался тщательно выводить буквы и при всемъ томъ писалъ нетвердымъ почеркомъ, исправлялъ и подводилъ написанное, не могъ быть человѣкомъ привыкшимъ писать по-польски. Несмотря на то, что онъ, видимо, старался изо всѣхъ силъ, ему не удалось справиться со всѣми трудностями правописанія, и онъ невольно дѣлалъ самыя элементарныя ошибки, которыя выдаютъ его иноземное происхожденіе. Его рука выводила иныя привычныя ей буквы, она инстинктивно повиновалась слуху, привыкшему къ иному произношенію. И оказывается, что привычныя для переписчика буквы были русскія буквы, его фонетика—московская фонетика. Эта особенность то и дѣло встрѣчается въ письмѣ, повторяясь съ систематической точностью. Поневолѣ приходится сказать, что это не могло быть дѣломъ случая, а только слѣдствіемъ укоренившейся привычки. Переписчикъ невольно изобличаетъ свою національность.

Филологическій выводъ подтверждается исторической справкой. Отецъ Савицкій, слѣдившій, по словамъ Рангони, за работой Димитрія, прекрасно зналъ польскій языкъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ слава краснорѣчиваго проповѣдника, какою онъ пользовался въ Краковѣ, и написанныя имъ духовныя сочиненія. Очевидно, онъ взялъ на себя трудъ редактировать письмо Димитрія. Что касается графическаго его изображенія, то оно было сдѣлано Димитріемъ, ибо, по свидѣтельству того же Рангони, письмо написано и подписано имъ самимъ, а такъ какъ оно, очевидно, начертано русскимъ, то изъ этого можно заключить, что авторъ письма былъ русскій.

Въ жизни Димитрія несомнѣнно еще одно обстоятельство: это его связь съ монастырскимъ міромъ и ясное представленіе, которое онъ имѣлъ о могуществѣ патріаршей власти. 24-го апрѣля 1604 года онъ признался добровольно Клименту VIII, что онъ жилъ долгое время

въ монастыряхъ. Все, что онъ говорилъ въ Путивлѣ о монахахъ, объ ихъ образѣ жизни, о необходимости преобразовать ихъ бытъ, изобличаетъ бывшаго обитателя монастыря; чтобы знать такъ хорошо монашескую среду, нужно было самому пожить въ ней. Строгій судья и критикъ монастырской жизни, Димитрій всегда былъ защитникомъ патріаршей власти. Странно, что никто не говорилъ съ нимъ о необходимости уничтожить патріаршій санъ, такъ какъ единеніе церквей этого не требовало, и что онъ самъ завелъ съ краковскимъ нунціемъ рѣчь о своемъ желаніи сохранить патріаршій престолъ. При этомъ невольно напрашиваются нѣкоторыя сопоставленія: при Борисѣ Годуновѣ игралъ большую роль Іовъ. Димитрій поспѣшилъ обзавестись преданнымъ ему Игнатіемъ и воспользоваться его угодливостью и уступчивостью. Всѣ эти факты тѣсно связаны одинъ съ другимъ; Димитрій заблаговременно настаивалъ на необходимости сохранить патріаршій престолъ, вѣроятно, потому, что онъ зналъ, какія услуги можетъ оказать царю патріархъ.

Приведенныя соображенія дадутъ намъ, быть можетъ, возможность напасть на слѣдъ того человѣка, имя котораго представляетъ для насъ загадку. Въ январѣ мѣсяцѣ 1605 г., подъ вліяніемъ страха, возбужденнаго претендентомъ, патріарху Іову было поручено произвести оффиціальное слѣдствіе, и видимо онъ убѣдился въ томъ, что мнимый царевичъ былъ никто иной, какъ Гришка Отрепьевъ[1]). Явились и свидѣтели, разсказавшіе всю исторію этой таинственной личности. Исторія эта весьма поучительна. Бывшій слуга Романовыхъ, онъ постригся въ монахи, чтобы избѣгнуть смертной казни, и, бродя изъ монастыря въ монастырь, поселился, наконецъ, въ Чудовомъ монастырѣ въ Москвѣ, былъ посвященъ въ діаконы и исполнялъ при патріархѣ должность переписчика. Сдѣлавшись вторично жертвою своихъ дурныхъ наклонностей, обвиненный въ самыхъ ужасныхъ злодѣяніяхъ, за которыя онъ могъ подвергнуться наказанію, онъ бѣжалъ въ Польшу вмѣстѣ съ Варлаамомъ Ятскимъ и Мисаиломъ Повадинымъ, двумя монахами того же Чудова монастыря. Бѣглецовъ видѣли въ Кіевѣ; они посѣтили князя Острожскаго; наконецъ, въ Брагинѣ Гришка Отрепьевъ объявилъ себя царевичемъ Димитріемъ.

Свѣдѣнія, добытыя слѣдствіемъ, были доложены Борису Годунову, и онъ принялъ соотвѣтственно этому извѣстныя мѣры. Онъ дѣйствовалъ либо на удачу, либо руководствовался твердымъ убѣжденіемъ. По мнѣнію Костомарова, имя Гришки Отрепьева было брошено народу совершенно случайно. Для того, чтобы уличить мнимаго царевича въ обманѣ, лучше всего было отождествить его съ какою-либо другою

---

[1]) Акты Археогр. Коммиссіи, т. II, стр. 78, № 28.—Генеалогія Гришки Отрепьева была издана неоднократно съ значительными варіантами.

личностью: обезумѣвшій Кремль истерзалъ бы любаго монаха-бродягу. Въ доказательство того, что Годуновъ не зналъ на что рѣшиться, приводится посольство Смирного-Отрепьева. Борисъ,—говоритъ Костомаровъ,—не посмѣлъ выдать своего посланнаго за дядю Гришки, коимъ онъ былъ въ дѣйствительности; Смирному было поручено только изслѣдовать почву.

Доводы г. Костомарова далеко не убѣдительны, такъ какъ и русскія лѣтописи и депеши Рангони свидѣтельствуютъ единогласно, что Смирной громко заявлялъ о своемъ родствѣ съ Гришкой. Дядя не только не боялся очной ставки съ племянникомъ, напротивъ, онъ требовалъ ея во что бы то ни стало; она не состоялась только вслѣдствіе рѣшительнаго отказа, со стороны поляковъ, дать эту очную ставку. За то поступки претендента въ этомъ случаѣ, какъ мы видѣли, были гораздо подозрительнѣе, нежели дѣйствія Бориса Годунова. Онъ зналъ, что его выдавали за Гришку Отрепьева, зналъ, что Смирной подкарауливалъ его въ Краковѣ; ему было необходимо опровергнуть показаніе посла, что онъ и сдѣлалъ, но въ весьма сомнительныхъ выраженіяхъ, ограничившись заявленіемъ, что Смирной не былъ дядею «царевича». Впрочемъ, и Борисъ Годуновъ выказывалъ подчасъ нѣкоторое колебаніе. Хотя онъ никогда не пытался назвать претендента какимъ-либо другимъ именемъ, кромѣ Гришки,—что особенно достойно вниманія,—но на него находили минуты сомнѣнія и колебанія, и онъ задавалъ себѣ вопросъ: «Да умеръ ли, въ самомъ дѣлѣ, настоящій Димитрій»? Онъ доказывалъ также императору Рудольфу, что по каноническому уставу претендентъ не имѣлъ бы никакого права на престолъ, хотя бы онъ и былъ дѣйствительно сыномъ Іоанна IV; между тѣмъ Смирной обѣщалъ изъявить претенденту покорность и оказать ему всевозможную поддержку, если будетъ доказано, что онъ царскій сынъ. Слѣдовательно, всѣ сомнѣнія Годунова касались только вопроса: кто былъ таинственный претендентъ, Гришка или Димитрій? При томъ онъ высказывалъ свои сомнѣнія лишь изрѣдка иностранцамъ, когда приходилось замолвить слово въ свою защиту, и никогда не формулировалъ ихъ опредѣленно, а высказывалъ только, какъ самое странное и невѣроятное предположеніе.

Не останавливаясь на этихъ догадкахъ, можно сказать, что всѣ русскіе источники утверждаютъ, единогласно, что Димитрій былъ никто иной, какъ разстрига Гришка Отрепьевъ[1]). Это предположеніе, высказанное впервые при Борисѣ Годуновѣ, повторяется и въ наше время людьми

---

[1]) Большинство древнихъ русскихъ источниковъ изданы Платоновымъ; они составляютъ XIII т. Русск. Ист. Библ. — Тотъ же авторъ даетъ превосходный комментарій къ нимъ въ Древн. Сказ.

самыхъ противуположныхъ взглядовъ. Въ числѣ источниковъ, высказывающихъ это предположеніе, заслуживаетъ особаго вниманія, такъ называемый, Извѣтъ Варлаама, относящійся къ эпохѣ Шуйскаго. Костомаровъ дважды подвергалъ его критическому разбору, исправивъ второй разъ нѣкоторыя ошибки, сдѣланныя имъ при первоначальномъ изученіи этого источника, но у него не было почвы для сравненія.

Во-первыхъ, кто такой былъ Варлаамъ? Варлаамъ былъ монахъ, какого именно монастыря неизвѣстно, большой любитель странствованій. Онъ сопровождалъ Гришку Отрепьева вмѣстѣ съ Мисаиломъ Повадинымъ, когда тотъ отправлялся въ Польшу. По словамъ патріарха Іова, которыя подтверждаются и Варлаамомъ они выѣхали втроемъ, и послѣ Кіева ихъ первая остановка была въ Острогѣ у князя Константина. Совмѣстное путешествіе Гришки, Варлаама и Мисаила и ихъ пребываніе въ Острогѣ—факты, не подлежащіе сомнѣнію.

Въ Загоровскомъ монастырѣ на Волыни сохранилось доказательство этого, пощаженное временемъ. Въ этомъ монастырѣ хранится славянскій переводъ твореній святаго Василія, архіепископа Кесарійскаго, напечатанный въ Острогѣ въ 1594 г., украшенный гербомъ князя Константина и снабженный слѣдующей предательской надписью: «Въ лѣто отъ сотворенія міра 7110 г. 31-го дня мѣсяца августа, сія книга Василія Великаго подарена намъ, Григорію (царевичу московскому) съ братьями Варлаамомъ и Мисаиломъ, Константиномъ Константиновичемъ, во святомъ крещеніи названномъ Василіемъ, милостію Божіей, святлѣйшимъ княземъ Острожскимъ, воеводою Кіевскимъ». Слова «царевичъ московскій» прибавлены позднѣе и написаны другою рукою; несмотря на это, надпись, сдѣланная на книгѣ, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что Варлаамъ дѣйствительно путешествовалъ съ Гришкой и Мисаиломъ и что въ августѣ мѣсяцѣ 1602 г. они были у князя Острожскаго.

Сравненіе «Извѣта» Варлаама съ донесеніемъ Вишневецкаго приводитъ къ еще болѣе любопытнымъ выводамъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что царь Димитрій и человѣкъ, который объявилъ себя царевичемъ въ Брагимѣ, а ранѣе того жилъ въ Гощѣ и Острогѣ, были однимъ и тѣмъ же лицомъ. Вишневецкій, ссылаясь на показаніе самого Димитрія, называетъ именно эти три пункта, въ которыхъ онъ останавливался. Но также повидимому несомнѣнно, что человѣкъ, бывшій въ Брагимѣ, Гощѣ и Острогѣ, былъ никто иной, какъ Гришка Отрепьевъ. Извѣтъ говоритъ объ этомъ самымъ положительнымъ образомъ. Эти три пункта, въ которыхъ, по указанію Варлаама, путники останавливались, что признаетъ и Димитрій, имѣютъ, по нашему мнѣнію, огромное значеніе. Они устанавливаютъ связь между исторіей Димитрія и исторіей Гришки Отрепьева, заполняя пробѣлъ, который чувствуется въ этой таинственной Одиссеѣ, и даютъ намъ возможность отождествить царя съ разстри-

гою монахомъ. Это—нить, связующая оба разсказа, такъ какъ въ этомъ они вполнѣ совпадаютъ. На это обстоятельство до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія потому, что до сихъ поръ не удавалось въ точности установить дату, когда именно было написано, донесеніе Вишневецкаго. Чтобы вполнѣ оцѣнить, насколько важно это совпаденіе, надобно припомнить, что эти два показанія исходятъ изъ двухъ совершенно противуположныхъ источниковъ: Варлаамъ считаетъ Димитрія Гришкою, Димитрій выдаетъ себя за истиннаго царевича, и оба они, сами того не зная, отождествляютъ загадочную личность претендента съ путешественникомъ, побывавшимъ въ извѣстное время въ указанныхъ трехъ пунктахъ. Очевидно, въ то время какъ Варлаамъ писалъ свой Извѣтъ, т. е. въ 1606 г., онъ не думалъ, что его показаніе подтвердится разсказомъ, изложеннымъ самимъ Димитріемъ въ 1603 г., о которомъ, какъ по всему видно, Варлааму не было извѣстно. Вся сущность нашего доказательства заключается въ этомъ совпаденіи двухъ показаній.

Значеніе Извѣта увеличивается однимъ обстоятельствомъ, которое придаетъ ему значеніе самостоятельнаго свидѣтельства; Костомаровъ упустилъ это обстоятельство изъ вида.

Варлаамъ говоритъ, что онъ предупреждалъ короля о дѣйствіяхъ мнимаго царевича и что онъ былъ посланъ въ Самборъ съ нѣкіимъ Яковомъ Пыхачевымъ. Димитрій выдалъ ихъ за убійцъ, подкупленныхъ Борисомъ, и Яковъ былъ убитъ; что касается самого Варлаама, то онъ былъ, по его словамъ, закованъ въ кандалы и освобожденъ Мариною уже послѣ отъѣзда Димитрія. Какъ ни теменъ и сбивчивъ этотъ разсказъ, но главный фактъ, упоминаемый имъ, подтверждается самимъ Мнишекомъ. 18-го сентября 1604 г. онъ писалъ Рангони изъ Скалаты въ Подоліи, что Борисъ послалъ по стопамъ Димитрія убійцъ, что одинъ московитянинъ обнаружилъ заговоръ и былъ казненъ въ Самборѣ [1]). Мнишекъ выражается не совсѣмъ точно, такъ какъ не доносчикъ былъ казненъ, но онъ ясно говоритъ, что былъ казненъ одинъ изъ москвитянъ. Слѣдующее обстоятельство заслуживаетъ особаго вниманія: русскимъ лѣтописцамъ не было извѣстно о казни этого человѣка; поляки, за исключеніемъ Мнишека, также не упоминаютъ объ этомъ, и если этотъ фактъ былъ извѣстенъ Варлааму, значитъ, въ его распоряженіи были источники недоступные другимъ лицамъ.

Но можно быть хорошо освѣдомленнымъ и въ то же время быть пристрастнымъ. Искренность Варлаама можетъ быть заподозрѣна вслѣдствіе его заднихъ мыслей, его хитрыхъ поступковъ и его преклоненія передъ предержащей властью. Поэтому мы упомянули только факты, ко-

---

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, в. л. 232.—Rome et Démétrius, стр. 201 № 1.

торые могутъ быть провѣрены и кромѣ свидѣтельства этого сторонника Шуйскихъ приведемъ еще слова представителя другой партіи. Князь Катыревъ-Ростовскій былъ въ родствѣ съ Романовыми и раздѣлялъ ихъ политическіе взгляды. Его положеніе въ Кремлѣ было блестящее. Имъ была подписана грамата объ избраніи на царство Бориса Годунова, онъ присутствовалъ при бракосочетаніи Димитрія съ Мариною въ 1606 г., а два года спустя при бракѣ Василія Шуйскаго съ его родственницею. Эти новыя узы родства не повліяли на его образъ мыслей. Онъ потерялъ свое мѣсто и перенесъ не мало испытаній за стойкость своихъ убѣжденій; какъ зять царя Михаила Ѳеодоровича, онъ возвратился въ Москву только въ 1613 г. Оставленныя имъ записки имѣютъ первостепенную важность. Онѣ отличаются серьезнымъ и трезвымъ взглядомъ, сдержаннымъ тономъ и стремленіемъ ихъ автора стать выше партій. Это слово умнаго, достойнаго уваженія современника, который могъ знать все, что происходило за кулисами, и котораго нѣтъ причины обвинять въ недобросовѣстности или во лжи. Одинъ только разъ онъ изливаетъ свои чувства въ желчной и восторженной рѣчи, проклиная Димитрія. Въ его глазахъ претендентъ былъ никто иной, какъ Гришка Отрепьевъ, монахъ-разстрига изъ Чудова монастыря, и его слова служатъ отголоскомъ возбужденнаго разстригою всеобщаго негодованія [1]).

Замѣчанія, сдѣланныя нами по поводу сказаній русскихъ лѣтописцевъ, показываютъ, что какъ бы ни были различны ихъ политическіе взгляды и симпатіи и изъ какихъ бы источниковъ они ни черпали свои свѣдѣнія, всѣ они говорятъ одно и то же. О личности претендента, дѣйствительно, сторонники Шуйскихъ и Романовыхъ повторяли въ одинъ голосъ, хотя съ разными варіантами, то, что Борисъ Годуновъ первый провозгласилъ устами патріарха Іова. А между тѣмъ у Годуновыхъ, Шуйскихъ и Романовыхъ не было общихъ интересовъ, между ними никогда не существовало единомыслія и если они высказывали единогласно одно и то же мнѣніе, разумѣется, это дѣлалось не по взаимному согласію.

Въ жизни Димитрія встрѣчаются такія черты, которыя служатъ къ иллюстраціи этихъ сказаній. Припомнимъ, что еще до вступленія въ столицу онъ прибѣгнулъ къ мѣрѣ исключительной важности и далеко не соотвѣтствовавшей его обычному образу дѣйствій: онъ отправилъ въ ссылку патріарха Іова. Димитрію было необходимо жить въ согласіи съ духовенствомъ, для него было важно заслужить одобреніе православнаго народа и если онъ рѣшился совершить этотъ поступокъ, который не могъ не вызвать осужденіе народа, то, разумѣется, имѣлъ на это серьезныя и вѣскія причины. Очевидно, онъ хотѣлъ избѣгнуть свиданія съ

[1]) Русск. Ист. Библ., т. XIII, собр. 549 и сл. Платоновъ, Древн. Сказ., стр. 203.—Того же мнѣнія держится Дмитрій Пожарскій, Schreiben, стр. 3.

*

патріархомъ; невольно является вопросъ, не боялся ли онъ быть узнаннымъ имъ. Чудовъ монастырь также испыталъ на себѣ гнѣвъ царя; но тутъ источники расходятся, одни говорятъ, что монахи были разсѣяны, другіе утверждаютъ, будто они подверглись суровымъ наказаніямъ. Архіепископъ Арсеній, человѣкъ весьма добросовѣстный, передаетъ, что два архимандрита были сосланы вмѣстѣ съ патріархомъ Іовомъ и одинъ изъ нихъ былъ изъ Чудова монастыря. Въ настоящее время нѣтъ возможности провѣрить эти подробности и вывести изъ нихъ опредѣленнаго заключенія, но общее впечатлѣніе получается такого рода, что Димитрій опасался этого монастыря и не желалъ видѣть своего бывшаго архимандрита [1]).

До насъ дошли также отзывы нѣкоторыхъ членовъ семейства Отрепьевыхъ; ихъ запоздалое показаніе нисколько не умаляетъ значенія ихъ словъ. Имя Гришки Отрепьева было опозорено, церковь каждый годъ проклинала похитителя престола, народъ считалъ его отступникомъ отъ вѣры, еретикомъ и самымъ заклятымъ врагомъ Московіи. Болѣе полувѣка прошло со времени трагическаго событія 1606 г., а семейство Отрепьевыхъ все еще подвергалось всевозможнымъ оскорбленіямъ: ему ставили въ упрекъ, что оно произвело на свѣтъ чудовище. Эти позорныя воспоминанія были для Отрепьевыхъ тѣмъ болѣе невыносимы, что ихъ родъ гордился своей преданностью законнымъ царямъ и заслужилъ признаніе отечества, сражаясь на полѣ брани. Чтобы избѣгнуть этихъ оскорбленій, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ было измѣнить поименные списки. Отрепьевы припомнили весьма кстати, что у нихъ была прежде еще другая фамилія, и просили царя Алексѣя Михайловича въ 1671 г. позволеніе принять ее. Въ ихъ просьбѣ чувствуется то угнетенное и мрачное настроеніе духа, какое они испытывали подъ вліяніемъ нанесенныхъ имъ оскорбленій, но хотя они старались оградиться отъ нихъ, однако имъ не пришло даже въ голову отречься отъ родства съ Гришкой, превратившимся въ Димитрія. Это былъ фактъ всѣмъ извѣстный, вполнѣ доказанный; они принимали его безъ спора, но не желали имѣть ничего общаго съ претендентомъ и гордились тѣми преслѣдованіями, которыя они терпѣли изъ-за него. Они признаютъ, что Смирной былъ посланъ въ Краковъ для очной ставки со своимъ племянникомъ, что нѣкоторые члены ихъ семьи всенародно изобличили такъ называемаго царя, что они были за это наказаны, что ихъ преслѣдовали и сослали въ Сибирь, откуда они были возвращены только при Василіи Шуйскомъ. Просьба Отрепьевыхъ была уважена: царь

[1]) Поповъ, Изборникъ, стр. 212.—Русск. Ист. Библ., т. XIII, собр. 652.—Дмитріевскій, стр. 100.—Надобно впрочемъ замѣнить, что въ Чудовомъ монастырѣ, повидимому, былъ въ то время другой архимандритъ.

Алексѣй Михайловичъ разрѣшилъ имъ носить впредь прежнюю фамилію Нелидовыхъ. Время и забвеніе довершили остальное [1]).

До сихъ поръ мы приводили отзывы москвитянъ. Послушаемъ теперь, что̀ говорятъ поляки. Король Сигизмундъ заявилъ, какъ припомнимъ, что Димитрій не былъ сыномъ Іоанна IV; Льву Сапѣгѣ должно было быть извѣстно, кѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Литовскій канцлеръ могъ имѣть самыя вѣрныя свѣдѣнія. Тайная полиція была къ его услугамъ, дипломатія не имѣла тайнъ для него, Смирной и Огаревъ говорили ему о возложенномъ на нихъ порученіи. Правда, Сапѣга игралъ двуличную роль: во время сейма, въ 1605 г., онъ былъ въ рядахъ оппозиціи, а во время бракосочетанія Марины осыпалъ Димитрія громкими похвалами.

Позднѣе, послѣ появленія Димитрія II, во время войны съ Москвою, онъ возвратился къ тому же предмету и открылъ истинный смыслъ загадочной рѣчи, произнесенной имъ на сеймѣ. Къ этому предмету относятся три поданныя имъ записки [2]). Особенно замѣчательна одна изъ нихъ; это собственноручная его записка къ королю, въ которой подробно разсказана исторія Димитрія. Быть можетъ, покажется страннымъ, что Сапѣга говоритъ въ этой запискѣ то же, что̀ и москвитяне; все сказанное имъ до такой степени согласно съ ихъ разсказомъ, что можно подумать, будто мы читаемъ только повтореніе чужихъ словъ. Но даже если бы это и было такъ, то надобно допустить, что Сапѣга провѣрилъ то, что̀ онъ сообщалъ; дѣйствительно, это и замѣтно изъ его записки. Такъ напр. отождествляя Димитрія съ Гришкою Отрепьевымъ, сыномъ Богдана, поступившимъ въ монастырь противъ воли, а не по призванію и состоявшимъ два года при патріархѣ Іовѣ въ качествѣ діакона, Сапѣга присовокупляетъ, что онъ былъ сынъ боярскій, а не низкаго происхожденія, какъ многіе хотѣли доказать. Хотя Сапѣга и не упоминаетъ о донесеніи Вишневецкаго, но несомнѣнно онъ характеризуетъ именно это донесеніе, говоря, что исторія, разсказанная Димитріемъ для того, чтобы доказать законность своихъ правъ на престолъ, есть «грубая ложь». Сапѣга говоритъ, что Димитрій былъ обязанъ своимъ вліяніемъ главнымъ образомъ москвитянамъ, которые привѣтствовали въ лицѣ его сына Іоанна IV, движимые въ этомъ случаѣ либо ненавистью къ Борису Годунову, либо слѣпой преданностью къ бывшей династіи. Лживость его показаній доказывается слѣдующими фактами: еще до вступленія мнимаго царя въ столицу, вѣроятно въ Тулѣ, нѣкоторые москвитяне признали въ немъ бывшаго монаха и діакона Гришку Отрепьева, а когда онъ уже возсѣдалъ на престолѣ, то попы и нѣкоторыя свѣтскія лица

[1]) Щепкинъ, кратк. изв., стр. 9.

[2]) Московскій главный архивъ, Метрика в. кн. Лит., 1554—1615, связка I.

громко заявляли о его самозванствѣ. Въ числѣ этихъ доносчиковъ былъ и его собственный дядя. Димитрій мстилъ и защищался, подписывая смертные приговоры и осуждая людей на изгнаніе. Онъ тщетно старался соблазнить своего дядю обѣщаніями; а когда это ему не удалось, то онъ сослалъ его въ дальнія мѣста, чтобы о немъ не осталось и слѣда. Сапѣга считалъ приведенныя доказательства вполнѣ убѣдительными и старался убѣдить ими короля.

Его панегиристъ, іезуитъ Янъ Рывоцкій ставитъ Сапѣгѣ въ заслугу то обстоятельство, что онъ всегда относился къ Димитрію враждебно, препятствовалъ выполненію его замысловъ и совѣтовалъ не помогать ему [1]). Кстати сказать, историкъ іезуитскаго ордена, въ Литвѣ, отецъ Ростовскій также считалъ Димитрія Гришкой Отрепьевымъ [2])

Что можно возразить на столь согласные отзывы поляковъ и москвитянъ? Одно изъ самыхъ серьезныхъ возраженій можетъ быть почерпнуто изъ писемъ двухъ полковыхъ священниковъ, отца Николая и Андрея. 8-го марта 1605 г. они сообщали изъ Путивля своему провинціалу, Децію Стривери, слѣдуюшую новость. «Привезли также Гришку Отрепьева, — писали они,—опаснаго колдуна, извѣстнаго во всей Москвѣ, котораго Годуновъ выдаетъ за принца, прибывшаго изъ Польши вмѣстѣ съ ляхами и старающагося овладѣть московскимъ престоломъ»; москвитяне понимали, что Гришка Отрепьевъ и Дмитрій Ивановичъ были люди совершенно различные.—Священники передаютъ этотъ фактъ съ полною увѣренностью; по ихъ тону видно, что они отнюдь въ этомъ не сомнѣвались: они, вѣроятно, сами видѣли этого Гришку Отрепьева. Маржеретъ также упоминаетъ о какомъ-то Гришкѣ Отрепьевѣ, отличномъ отъ Димитрія, который будто бы былъ сосланъ въ Ярославль и о которомъ впослѣдствіи совсѣмъ позабыли. На первый взглядъ, это возраженіе чрезвычайно важно, но лѣтописцы объясняютъ его вполнѣ естественно: Димитрій выдалъ, повидимому, какого-то человѣка за Гришку Отрепьева. Такимъ образомъ священники и Маржеретъ могли быть введены въ заблужденіе [3]). Впрочемъ, надобно сказать, что это возраженіе недостаточно вѣское, такъ какъ лѣтописцы не согласны между собою относительно личности, оказавшей Димитрію услугу. Тутъ есть какое-то темное, недосказанное обстоятельство, которое нѣтъ пока возможности разъяснить, точно такъ же, какъ и нѣкоторыя другіе мелкіе факты.

---

[1]) С.-Петербургская публичная библ., Лат., О., IV, 16, л. 39.—Рукопись Рывоцкаго была напечатана, но она представляетъ большую рѣдкость.

[2]) Ростовскій, стр. 207.

[3]) Rome et Démétrius, стр. 203, № 3.—Маржеретъ, стр. 156.—Русск. ист. библ., т. XIII, собр. 48, 156.

Допустивъ, что тождественность Димитрія и Гришки Отрепьева будетъ вполнѣ доказана, является вопросъ, какимъ образомъ монахъ, выгнанный патріархомъ, могъ увлечь за собой всю Россію и возложить на свою голову царскій вѣнецъ.

Мы уже указывали въ своемъ мѣстѣ на причины общаго характера, которыми этотъ фактъ можетъ быть объясненъ: самозванство было продуктомъ соціальной анархіи. Гораздо труднѣе прослѣдить, кто именно воспользоваться Димитріемъ какъ орудіемъ, и кто скрывался за нимъ. Появленіе Димитрія было безъ сомнѣнія дѣломъ обширной и умѣло веденной интриги, но главные ея руководители такъ ловко скрывали свои происки, что по этому поводу могутъ быть сдѣланы только одни предположенія.

Собственныя слова претендента могутъ также служить источникомъ свѣдѣній о немъ, который до сихъ поръ не былъ вполнѣ использованъ, хотя это источникъ не особенно обильный, но преимущество его состоитъ въ томъ, что онъ подлинный и достовѣрный. Хотя Димитрій былъ рѣчистъ, но онъ умѣлъ владѣть собою. Онъ ни разу не выдалъ себя и былъ откровененъ до извѣстной степени только съ нунціемъ Рангони. Это происходило въ Краковѣ въ 1604 году. Насталъ часъ дѣйствовать, а между тѣмъ король Сигизмундъ не спѣшилъ взяться за дѣло Димитрія и даже не спѣшилъ заявить, что онъ не препятствуетъ ему дѣйствовать. Послѣдній горѣлъ нетерпѣніемъ и, чтобы убѣдить Рангони въ пагубныхъ послѣдствіяхъ, какія могло имѣть промедленіе, онъ открылъ ему свое критическое положеніе. У него была въ Москвѣ партія, сказалъ онъ, которая настаивала на томъ, чтобы онъ появился въ Россіи; промедливъ, Димитрій подвергался двоякой опасности: его приверженцы могли охладѣть къ его дѣлу и потерять энергію или же заговоръ могъ быть открытъ правительствомъ, что повлекло бы за собою неизбѣжное возмездіе. Было еще одно, довольно странное обстоятельство, тревожившее претендента, это возможное исчезновеніе Бориса Годунова.—«Если онъ умретъ,—говорилъ Димитрій,—въ то время, когда я буду еще въ Польшѣ, то другой можетъ быть посаженъ на мое мѣсто».

Слѣдовательно, ему надобно было спѣшить предупредить быстрыми дѣйствіями непредвидѣнныя событія и появленіе соперниковъ. Ускорить рѣшеніе дѣла значило обезпечить его успѣхъ: Димитрій мечталъ идти прямо на Москву, вступить въ Кремль и принять корону и скипетръ своихъ предковъ. Возсѣсть на престолъ было его мечтою, или навязчивой идеей, не дававшей ему покоя. Онъ говорилъ объ этомъ съ удивительной самоувѣренностью, какъ о чемъ-то условленномъ и обдуманномъ, предусматривая всѣ подробности и принимая соотвѣтственныя мѣры. Единственною его заботою было подать сигналъ, водрузить свое

знамя на границѣ; остальное должно было сдѣлаться само собою. Онъ ожидалъ легкаго и несомнѣннаго торжества.

Рангони передавалъ въ своихъ депешахъ слышанное въ откровенной бесѣдѣ отъ Димитрія, не провѣряя сказаннаго и не имѣя впрочемъ къ тому возможности, но, разумѣется, онъ не рѣшился прибавить ничего отъ себя и вложить въ уста Димитрія слова, которыхъ тотъ не говорилъ; сравнивая же все сказанное Димитріемъ съ послѣдующими событіями, невольно приходится заподозрить существованіе заранѣе обдуманнаго плана, скорѣе московскаго, нежели польскаго происхожденія, въ выполненіи котораго принимали гораздо болѣе дѣятельное участіе русскіе, нежели поляки.

Странная исторія, разсказанная Вишневецкому производитъ съ первыхъ же словъ впечатлѣніе урока, преподаннаго въ Москвѣ, но плохо заученнаго и плохо отвѣченнаго. Отсюда проистекаетъ эта удивительная смѣсь истиннаго и ложнаго, фактовъ общеизвѣстныхъ и грубыхъ ошибокъ. Тотъ, кто внушилъ Димитрію этотъ разсказъ, прекрасно зналъ, что именно онъ хотѣлъ сказать и о чемъ ему надобно было умолчать. Такъ, напр., въ разсказѣ умалчивается о слѣдствіи, произведенномъ въ Угличѣ. О чинахъ слѣдственной коммиссіи говорится, что они были посланы на погребеніе царевича и тогда какъ Геласій и Клешнинъ названы по-именно, о Василіи Шуйскомъ, который игралъ въ этомъ дѣлѣ главную роль, не упоминается вовсе. Случилось ли это нечаянно, или, быть можетъ, разсказчикъ старался скрыть имя того, кто затѣялъ эту интригу?

Мысль навербовать казаковъ и татаръ и идти съ ними на Москву, высказанная Димитріемъ первоначально, была въ высшей степени проста; ея безыскусственность изобличаетъ ея туземное происхожденіе. Онъ не говорилъ вначалѣ ни о полякахъ, ни объ объединеніи церквей: это была идея чисто политическая или, если хотите, династическая. Король Сигизмундъ и канцлеръ Замойскій, не знавши ея подкладки, назвали эту мысль нелѣпой, призрачной. Но поляки, друзья Димитрія, развили его первоначальный планъ: это превращеніе бросается въ глаза; въ новомъ планѣ ясно видна примѣсь западнаго элемента, ибо вначалѣ не было даже намека на обращеніе русскихъ въ католическую вѣру или на крестовый походъ противъ турокъ. Но когда дѣло дошло до осуществленія плановъ Димитрія, то поляки, по странной игрѣ случая, отошли на задній планъ, подсказанныя ими мысли были сочтены утопіей, тогда какъ тѣ планы, которые считались тогда безуміемъ, воплотились, благодаря русскимъ, въ нѣчто реальное, дѣйствительное. Въ добавокъ все произошло именно такъ, какъ предвидѣлъ Димитрій; его туманные намеки сбылись подобно предсказанію оракула. При одномъ извѣстіи о его появленіи, народъ двинулся ему на встрѣчу; исчезла всякая тѣнь сопротивленія;

исчезъ Борисъ Годуновъ, дорога въ Москву была открыта, коронованіе совершилось въ Кремлѣ. Развѣ столь поразительный успѣхъ, предсказанный заранѣе и достигнутый безъ особеннаго труда, не заставляетъ предполагать, что у Димитрія были въ Россіи многочисленные сообщники?

Но если москвитяне внушили Димитрію извѣстныя мысли и дали ему возможность дѣйствовать, то и онъ вложилъ въ это дѣло не мало своего собственнаго; взявшись за это опасное предпріятіе, этотъ искатель приключеній истощилъ на него весь свой геній. Онъ не походилъ на прочихъ молодыхъ людей; умъ его былъ своеобразный; въ его головѣ уживались самыя странныя противорѣчія, которыя онъ не старался даже примирить, это былъ человѣкъ двуличный, но талантливый, богато одаренный отъ природы, съ блестящими, хотя поверхностными способностями; его главное качество, переходившее нерѣдко въ порокъ, заключалось, повидимому, въ умѣньи приспособляться къ обстоятельствамъ, соединенному съ большой хитростью. Въ самомъ дѣлѣ, мы не видѣли, чтобы онъ заронилъ въ народъ какія-либо плодотворныя сѣмена и чтобы у него самого былъ какой-нибудь обширный планъ, какой-нибудь идеалъ, коимъ онъ страстно увлекался. Его мечты объ императорскомъ достоинствѣ, о крестовомъ походѣ противъ турокъ, о военной гегемоніи были вызваны отчасти его слишкомъ возбужденной фантазіей, отчасти были продуктомъ кремлевскихъ традицій и внушеніемъ окружающихъ.

Излюбленный проектъ Димитрія, о которомъ онъ постоянно говорилъ и который онъ пытался осуществить, распространеніе знаній и сооруженіе школъ, не представляетъ собою ничего оригинальнаго и необычайнаго ни по идеѣ, ни по практическому ея примѣненію. Образецъ, которому онъ желалъ подражать, былъ у него на глазахъ, онъ видѣлъ его въ Польшѣ и хотѣлъ поручить іезуитамъ примѣнить его въ Россіи, основать коллегіи и академіи. Разумѣется, Димитрію должно быть поставлено въ заслугу, что онъ понялъ всю важность цивилизаціи, и рѣшилъ ввести ее въ свои владѣнія, но его обширные планы не носятъ отпечатка геніальности, они были навѣяны извнѣ.

Свойственная Димитрію податливость выразилась въ особенности въ пережитой имъ религіозной борьбѣ. Легко сказать, что онъ былъ индифферентенъ къ религіи и лицемѣренъ, что онъ игралъ всю жизнь святотатственную комедію; произнося это поверхностное сужденіе, не принимаютъ обыкновенно во вниманіе тѣхъ перемѣнъ въ нравственномъ міровоззрѣніи, которыя были пережиты претендентомъ.

Вначалѣ, его выгоды требовали, чтобы онъ подладился къ королю польскому и папѣ, согласившись на отреченіе отъ православія,

но онъ подвергалъ себя этимъ серьезной опасности по отношенію къ русскимъ, которые зорко слѣдили за нимъ и ненавидѣли католиковъ.

Слѣдовательно, его расчетъ могъ оказаться невѣрнымъ. На него вліяли тутъ другія, менѣе эгоистичныя побужденія. Окружающая атмосфера, вліяніе примѣра, умныя бесѣды о дѣлахъ вѣры, наконецъ, любовь къ полькѣ—все это вліяло на Димитрія. Онъ былъ, повидимому, самъ доступенъ той слабости, въ которой онъ такъ сильно укоряетъ москвитянъ: суевѣрному пристрастію къ внѣшнимъ обрядамъ; хожденіе на богомолье, подхожденіе подъ благословеніе, частое осѣненіе себя крестнымъ знаменіемъ, мощи, иконы,—были излюбленнымъ проявленіемъ его благочестія. Подъ вліяніемъ этого онъ искалъ, быть можетъ, въ принятіи католической вѣры средство спасенія и залогъ успѣха. Человѣческое сердце полно противорѣчій; рѣшившись на самое безумное предпріятіе, человѣкъ трепещетъ передъ правдой и старается заглушить голосъ совѣсти самообольщеніемъ.

До тѣхъ поръ, пока счастье не улыбнулось Димитрію, онъ былъ вѣренъ тѣмъ чувствамъ, которыя онъ высказалъ Рангони такъ трогательно и чистосердечно, предъ отъѣздомъ изъ Кракова. Во время похода на Москву, въ особенности во время пережитыхъ имъ неудачъ и бѣдствій, даже послѣ отъѣзда Мнишека, когда у него не было никого, кто слѣдилъ бы за нимъ и ободрялъ его, Димитрій часто бесѣдовалъ съ полковыми священниками, просилъ ихъ молиться за него, принималъ отъ нихъ частицы мощей, пріобщался, обѣщалъ соорудить церкви и исповѣдаться наканунѣ коронованія. Покинутый людьми, онъ возлагалъ надежды на Бога; кто скажетъ, какая доля искренности и притворства была въ этихъ душевныхъ порывахъ?

Послѣ одержанной побѣды и торжества, въ душѣ Димитрія произошла реакція. Баловень судьбы сдѣлался вольнодумцемъ, вольнодумецъ сдѣлался скептикомъ и индифферентнымъ къ дѣламъ вѣры. Конечно, задатки этихъ порочныхъ наклонностей давно уже запали въ сердце Димитрія, но онѣ побѣждались вліяніями инаго рода; въ Москвѣ же ихъ ничто болѣе не сдерживало, величіе ослѣпило царя. Его хитрость и изворотливость проявлялись также въ удивительномъ искусствѣ, съ какимъ онъ лавировалъ между католиками и православными. По свидѣтельству Арсенія, русское духовенство, за весьма малыми исключеніями, не могло пожаловаться на своего новаго монарха, который оказывалъ ему всевозможное вниманіе, осыпалъ его почестями и истинно царскими подарками. Съ другой стороны іезуиты видѣли въ этомъ только крайнюю осторожность Димитрія, а кармелиты были въ восторгѣ отъ оказаннаго имъ пріема. Александръ Рангони подавалъ самыя радужныя надежды на будущее. Очевидно, Димитрій умѣлъ такъ ловко

соразмѣрять свою любезность и свои слова, что обѣ стороны заблуждались на его счетъ.

Эта черта характера заслуживаетъ особеннаго вниманія въ виду сношеній Димитрія съ папскимъ престоломъ. Димитрію не только принадлежалъ починъ въ этомъ дѣлѣ, но онъ самъ значительно облегчилъ сношенія съ папою, предложивъ ему свое содѣйствіе къ выполненію его плановъ, усвоивъ его идеи и программу. Фактъ неслыханный. Несмотря на всѣ бывшія до тѣхъ поръ дѣйствительныя или призрачныя попытки къ сближенію, никто изъ царей не усвоивалъ еще принциповъ папской политики во всемъ ея объемѣ; Димитрій первый сдѣлалъ это и снискалъ этимъ расположеніе Рима. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ съ большою ловкостью и искусствомъ. Нунцію Рангони онъ сулилъ въ будущемъ кардинальскую шапку, какъ заслуженную награду за его добрыя услуги, іезуитамъ рисовалъ картину Россіи, усѣянной коллегіями и школами, кармелитамъ разрѣшилъ свободный проѣздъ изъ Персіи, а съ папами былъ неистощимъ въ обсужденіи вопроса о единеніи вѣры и церквей.

Святѣйшій отецъ былъ тронутъ этими неоднократно повторенными увѣреніями. Вначалѣ, Климентъ VIII сравнивалъ Димитрія съ Себастіаномъ Португальскимъ, но это первоначально неблагопріятное впечатлѣніе разсѣялось при неожиданномъ полученіи извѣстія объ отреченіи Димитрія. Два конклава, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ, совершенно отвлекли вниманіе Рима отъ событій, разыгравшихся въ славянскомъ мірѣ. Когда Павелъ V вспомнилъ о Димитріи, онъ уже успѣлъ обратить на себя всеобщее вниманіе своими побѣдами. Видя, какъ легко Димитрію удалось овладѣть престоломъ и съ какимъ восторгомъ его привѣтствовалъ народъ, невольно приходило на умъ, что только законный царь могъ одержать такіе блестящіе успѣхи. Въ Римъ доходили самые лестные для Димитрія слухи. Папа готовъ былъ отнестись къ нимъ серьезно, такъ какъ онъ принималъ отреченіе Димитрія за доказательство его искренности и могъ думать, что человѣкъ, который такъ заботился о спасеніи своей души и далъ такія доказательства своей набожности, не могъ быть злостнымъ обманщикомъ или преступнымъ искателемъ приключеній, иначе онъ былъ бы чудовищемъ. Такимъ образомъ, чувства, высказанныя Димитріемъ, пріемъ, оказанный ему москвитянами, и донесенія, которыя получалъ папа,—все способствовало поддержанію его иллюзій.

Большая доля отвѣтственности падаетъ на Сигизмунда III. Хотя нѣтъ возможности опредѣлить въ точности, въ какой именно моментъ и какимъ образомъ король польскій составилъ себѣ извѣстное мнѣніе о Димитріѣ, во всякомъ случаѣ въ 1606 году, въ то время, когда произошло роковое событіе, его колебанія прекратились: онъ уже имѣлъ

о немъ вполнѣ опредѣленное мнѣніе, и по всему можно думать, что это мнѣніе выработалось довольно давно. Но мы не имѣемъ данныхъ сказать, что онъ выдалъ тайну Димитрія или предостерегъ папу до аудіенціи, данной имъ венеціанскому посланнику. Оказавъ втайнѣ покровительство претенденту и не мѣшая ему дѣйствовать, Сигизмундъ велъ съ нимъ переговоры, какъ равный съ равнымъ, обмѣнивался съ нимъ посольствами и не подавалъ повода къ подозрѣнію. Такая же сдержанность замѣтна и въ его письмахъ къ Павлу V, который хвалилъ ему Димитрія и просилъ его оказать поддержку новому царю. Сигизмундъ отвѣчалъ заявленіями о своей преданности и обѣщалъ оказать ему свое содѣйствіе. Такимъ образомъ вѣковая программа Ватикана готова была осуществиться; надежда добиться единенія церквей могла, разумѣется, затуманить взоръ тѣхъ лицъ, которыя наводили справки о Димитріѣ, и могла заставить папу отнестись снисходительнѣе къ вопросу о его происхожденіи.

Что касается Димитрія, то не только его личность остается не выясненной исторіей, но и дѣло, затѣянное имъ и которое было внезапно прервано и осталось недоконченнымъ, представляется весьма загадочнымъ. Было бы слишкомъ смѣло дѣлать хотя бы какія-либо предположенія о возможномъ исходѣ переговоровъ, начатыхъ съ Римомъ. Почва для этого была, разумѣется, плохо подготовлена, со всѣхъ сторонъ возникали препятствія, и Димитрій, послѣ первыхъ порывовъ рвенія къ вѣрѣ, соблюдалъ только свои личные интересы и руководствовался требованіями своей политики.

Надобно сознаться, что неудавшіеся планы Димитрія, были ли они искренны или лживы, имѣли самыя пагубныя послѣдствія и еще болѣе увеличили пропасть, существовавшую между Кремлемъ и Ватиканомъ. Распространился слухъ, будто царь поклялся обманнымъ образомъ обратить Россію въ латинскую вѣру; его планы единенія были истолкованы въ смыслѣ насильственнаго уничтоженія православной церкви; присутствіе поляковъ усилило подозрѣнія, письма папы и Рангони были признаны неопровержимой уликой. Воспоминаніе объ этой попыткѣ тѣсно связано съ воспоминаніемъ о бѣдствіяхъ, коими столь богато, такъ называемое, «смутное время»; важныя историческія ошибки упрочились подъ вліяніемъ предразсудковъ, и проклятія, коими народъ осыпалъ Димитрія, коснулись его сообщниковъ и его дѣйствительныхъ или мнимыхъ соумышленниковъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Рангони Павлу V-му [1]).

Ваше Святѣйшество!

Поцѣловавъ смиренно ноги вашего святѣйшества, слѣдую приказаніямъ свѣтлѣйшаго кардинала Валенти, даннымъ мнѣ отъ имени вашего святѣйшества, и посылаю точный и подробный отчетъ о личности и характерѣ Димитрія Московскаго. Если въ этомъ отчетѣ, вслѣдствіе моей слабости, не будетъ порядка и послѣдовательности достойныхъ вашего святѣйшества, однако будетъ вѣрная передача всего случившагося до сихъ поръ и дошедшаго до меня, сообразно съ ниже слѣдующими разсказами.

Въ концѣ октября 1603 года было доложено его величеству польскому королю, что какой-то москвитянинъ по имени Димитрій открыто призналъ себя сыномъ великаго князя Ивана московскаго, и что онъ находится въ домѣ князя Адама Вишневецкаго [2]) въ той части Россіи, которая подвластна польскому королевству. Говорили, что къ нему стекается множество знатныхъ московскихъ людей, которые признаютъ его своимъ наслѣднымъ княземъ. Вслѣдствіе этого его величество, желая лично убѣдиться во всемъ, а также для избѣжанія смутъ въ этихъ окраинахъ, приказалъ князю Вишневецкому призвать къ себѣ москвитянина, но раньше сообщить подробныя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ и о приказаніяхъ Димитрія. Эти приказанія, слово въ слово согласно съ разсказомъ Димитрія, слѣдующія.

Иванъ, сынъ великаго князя московскаго Василія, послѣ того какъ короновался царемъ, взялъ въ жены Анастасію изъ дома Романа Захарьина [3]), отъ которой имѣлъ перваго сына Димитрія; этотъ мальчикъ случайно утонулъ еще въ пеленкахъ вмѣстѣ съ мамкой въ Бѣлоозерѣ, (Albo), въ то время какъ его отецъ торжествовалъ надъ казанцами [4]). Родивши еще двухъ сыновей Ивана и Ѳеодора, Анастасія умерла, а царь женился на Маріи Черкасской, съ которой развелся, какъ и съ нѣкоторыми другими, и всѣ эти жены были заключены Иваномъ въ монастырь. Наконецъ великій князь женился на Маріи, дочери Ѳеодора Нагаго [5]), изъ боярскаго рода, отъ которой не имѣлъ нѣсколько лѣтъ дѣтей.

---

[1]) Архивъ Инквизиціи (IV, f 68—81 V.)

[2]) Въ подлинникѣ: Duca Visniewicz.

[3]) Въ подлинникѣ: Della famiglia de Romanovii.

[4]) Въ подлинникѣ: Casamesi.

[5]) Въ подлинникѣ: Feodoro Naggio.

Не надѣясь на милосердіе Божіе и удрученный войной съ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, царь Иванъ сдѣлался тиранномъ и убилъ своего старшаго сына Ивана; послѣ этого преступленія у него родился отъ Маріи Нагой вышеупомянутый Димитрій, который вполнѣ естественно считаетъ себя наслѣдникомъ великаго князя московскаго Ивана.

Вскорѣ послѣ рожденія Димитрія Иванъ серьезно занемогъ и, предвидя близкую кончину, назначилъ опекуновъ обоимъ сыновьямъ Ѳедору и Димитрію. Слабоумный Ѳедоръ былъ уже въ это время женатъ, назначенные къ нему опекуны должны были своими совѣтами и опытомъ помогать ему въ правленіи государствомъ. Опекунамъ Димитрія поручено было вмѣстѣ съ его матерью заботиться объ его воспитаніи до совершеннолѣтія. Великій князь Иванъ назначилъ во владѣніе Димитрію три города: Угличъ, Дмитровъ и Городецъ [1]), предоставивъ ихъ также попеченію опекуновъ.

Послѣ смерти Ивана, сынъ его Ѳедоръ, какъ старшій, вступилъ на престолъ. Уступая просьбамъ жены, онъ записалъ въ ближніе бояре [2]) Бориса, ея брата, настоящаго великаго князя. Засѣдая въ боярской думѣ [3]) и пользуясь благоволеніемъ Ѳедора, проницательному и коварному Борису пришло на умъ самому сдѣлаться великимъ княземъ, и съ той поры онъ началъ обдумывать способъ умертвить Димитрія и отдѣлаться отъ Ѳедора, жену котораго боярская дума рѣшила заточить въ монастырь вслѣдствіе безплодія.

Не трудно было Борису убѣдить Ѳедора, склоннаго по природѣ къ набожности, оставить заботы о княжествѣ и удалиться въ монастырь Св. Кирилла. Это было сдѣлано безъ вѣдома опекуновъ Ѳедора, которыхъ Борисъ умертвилъ, чтобы они не мѣшали его предпріятіямъ.

Послѣ того какъ Ирина [4]), жена Ѳедора, сестра Бориса Годунова, достигла полной власти въ правленіи для своего брата, послѣдній началъ думать о томъ, какъ бы избавиться отъ Димитрія, который со временемъ могъ помѣшать его замысламъ.

Борисъ тайно отравилъ опекуновъ Димитрія, замѣстивъ ихъ отъ имени великаго князя другими, съ помощью которыхъ надѣялся отравить ребенка. Это злодѣяніе безъ сомнѣнія ему бы удалось, но воспитатель Димитрія замѣтилъ козни Бориса и многократно предупреждалъ мальчика объ угрожающей ему опасности и неминуемой смерти, если онъ не будетъ остерегаться, на что умный и развитый мальчикъ обратилъ вниманіе.

---

[1]) Въ подлинникѣ: Visliviense, Dimitrioviense et Herodocense.
[2]) Въ подлинникѣ: ordine senatorio.
[3]) Въ подлинникѣ: senato.
[4]) Въ подлинникѣ: Brina.

Такъ какъ первая попытка убійства не удалась Борису, то онъ подкупилъ нѣсколькихъ злодѣевъ, которымъ приказалъ ворваться ночью въ комнату мальчика и убить его въ постелѣ. Это злодѣяніе безъ сомнѣнія удалось бы, но вышеупомянутый воспитатель, предчувствуя опасность, грозящую его питомцу, положилъ въ постель Димитрія другаго мальчика, его родственника, тѣхъ же лѣтъ, который и былъ убитъ злодѣями вмѣсто Димитрія, а послѣдній спасся. Шумъ разбудилъ домашнихъ, которые, думая, что Димитрій убитъ, начали искать убійцъ и, найдя ихъ, растерзали. Говорятъ, что въ этой смутѣ погибло тридцать дѣтей, и впослѣдствіи предположили, что среди нихъ былъ тотъ ребенокъ, котораго въ дѣйствительности убили вмѣсто Димитрія.

Слухъ объ этомъ злодѣяніи быстро распространился. Мать Димитрія, увѣренная, что погибъ ея сынъ, такъ какъ убитый ребенокъ былъ неузнаваемъ вслѣдствіе нанесенныхъ ему ранъ, послала гонца къ великому князю съ извѣстіемъ объ убійствѣ. Но Борисъ, желая отвратить отъ себя всѣ подозрѣнія, отнялъ у гонца письмо и передалъ великому князю все дѣло въ другомъ свѣтѣ, именно, что Димитрій въ припадкѣ падучей болѣзни убился самъ и такимъ образомъ былъ найденъ окровавленнымъ въ постелѣ. Великій князь былъ очень опечаленъ этимъ происшествіями и приказалъ, чтобы тѣло брата было похоронено въ склепѣ его предковъ, но патріархъ [1]), согласно указаніямъ Бориса, сказалъ, что не слѣдуетъ хоронить самоубійцу въ склепѣ, гдѣ покоются помазанники Божіи. Ѳедоръ хотѣлъ отдать брату послѣдній долгъ, но Борисъ удержалъ его отъ поѣздки въ Угличъ [2]) на похороны Димитрія, такъ какъ всѣми силами старался, чтобы великій князь ничего не узналъ объ этомъ ужасномъ злодѣяніи. Поэтому онъ послалъ Геласія, митрополита Крутицкаго [3]), и Андрея Клешнина [4]) въ Угличъ на погребеніе Димитрія. Послѣ похоронъ они заточили мать Димитрія въ монастырь, нѣкоторыхъ изъ ея слугъ умертвили, а другихъ выслали изъ предѣловъ государства. Кромѣ того они приказали обезглавить двѣсти человѣкъ изъ жителей Углича за то, что они безъ вѣдома великаго князя расправились съ слугами Димитрія.

Между тѣмъ вышеупомянутый воспитатель, который такъ заботливо спасъ Димитрія отъ смерти, не переставалъ пещись о своемъ питомцѣ и бережно скрывалъ его отъ всѣхъ. Заболѣвъ и чувствуя приближеніе смерти, онъ призвалъ къ себѣ вѣрнаго человѣка, боярскаго сына, которому разсказалъ всю исторію Димитрія, и поручилъ ему маль-

---

[1]) Патріархъ Іовъ.
[2]) Въ подлинникѣ: Vethlicia.
[3]) Въ подлинникѣ: metropolita Crusliciense.
[4]) Въ подлинникѣ: Andrea Celestino.

чика. Будучи вѣрнымъ другомъ, этотъ человѣкъ охотно принялъ на себя подобную обязанность и тайно содержалъ у себя мальчика до своей смерти. Передъ своей кончиной онъ убѣдилъ Димитрія, который былъ уже юношей, для избѣжанія опасности, поступить въ монастырь. Послѣдній охотно принялъ этотъ дружескій совѣтъ и, надѣвъ монашескую рясу, пробылъ въ ней довольно долго, скитаясь по разнымъ монастырямъ Московіи. Но его благородный нравъ и осанка выдали его, и онъ однажды былъ узнанъ однимъ монахомъ. Въ виду близкой опасности, Димитрій рѣшилъ немедленно удалиться въ Польшу, гдѣ сначала скрывался у Гавріила Гойскаго, а за симъ перешелъ къ Адаму Вишневецкому, и тамъ открыто объявилъ себя великимъ княземъ московскимъ.

Несмотря на правдоподобность этого разсказа, король, узнавъ, что у литовскаго канцлера Сапѣги находится ливонецъ, который, взятый въ плѣнъ во время войны короля Стефана въ Ливоніи, былъ назначенъ съ другими служить Димитрію, которому было тогда 10 или 12 лѣтъ, и что этотъ ливонецъ хвастается тѣмъ, что узнаетъ Димитрія при свиданіи, король приказалъ послать его къ Вишневецкому. Допущенный въ присутствіе Димитрія, послѣдній призналъ его своимъ прежнимъ слугой, а ливонецъ также узналъ Димитрія благодаря бородавкѣ, которая у него на носу и одной рукѣ, которая короче другой; кромѣ того они узнали другъ друга по разнымъ признакамъ на тѣлѣ того и другаго.

Все это было доложено его величеству, который приказалъ привезти Димитрія въ Краковъ, куда онъ прибылъ въ началѣ марта въ сопровожденіи вышеупомянутаго Вишневецкаго и его тестя, палатина Сендомірскаго [1]). Послѣдній непремѣнно желалъ, чтобы я присутствовалъ на банкетѣ, данномъ ими по пріѣздѣ Димитрія состоящимъ при дворѣ сенаторомъ. Такимъ образомъ мнѣ удалось въ первый разъ видѣть Димитрія, который сидѣлъ почти инкогнито за отдѣльнымъ столомъ, но въ той же комнатѣ съ нѣкоторыми лицами. Нѣсколько дней спустя палатинъ, по желанію короля, привелъ Димитрія ко мнѣ. Онъ былъ чрезвычайно учтивъ и почтителенъ, говорилъ, что уже давно желаетъ представиться мнѣ какъ здѣшнему намѣстнику святаго отца, не только для того, чтобы предложить мнѣ свои услуги, но чтобы подробно передать все касающееся его самого (хотя онъ зналъ, что вся его исторія была мнѣ хорошо извѣстна). Кромѣ того онъ просилъ меня ходатайствовать за него у св. отца [2]), прося не только его молитвъ за справедливое свое дѣло, но и помощи въ борьбѣ за свои владѣнія, такъ какъ обязанность всемірнаго пастыря—защищать и помогать угнетеннымъ.

---

[1]) Георгія Мнишекъ.
[2]) Климента VIII.

Онъ очень подробно и съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ разсказалъ о томъ, какъ тяжко быть лишеннымъ царства слугой своего отца, который достигъ высшей власти, благодаря коварнымъ замысламъ противъ его жизни, отъ которыхъ спасъ его Богъ. Не менѣе тяжело видѣть ему терзаніе, которымъ тиранъ подвергаетъ его родину, вслѣдствіе чего онъ умоляетъ меня ходатайствовать за него у святаго отца и у короля. Послѣдній принялъ Димитрія нѣсколько дней тому назадъ, почти частнымъ образомъ только въ присутствіи епископа Петра Тылицкаго [1]), теперь подканцлера, великаго секретаря епископа Симона Рудницкаго [2]), коронпаго маршала Сигизмунда Мышковскаго и Во̀йна, великаго писаря литовскаго. Во время этого пріема Димитрій сказалъ, что его судьба сходна съ судьбой сына Креза, который былъ нѣмъ и получилъ даръ слова только тогда, когда увидѣлъ, что, вслѣдствіе приказанія Кира, жизни его отца грозитъ опасность. Также и онъ, Димитрій, нѣсколько лѣтъ молчалъ, живя въ униженіи и окруженный опасностями, но теперь, видя страданіе замученной родины, находящейся подъ властью не великаго государя, какимъ былъ Киръ, но человѣка низкаго, презрѣннаго и своего подданнаго, онъ испыталъ страшную скорбь и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, рѣшилъ высказаться и просить сочувствія и помощи его величества для возвращенія своихъ законныхъ владѣній.

Дмитрій говорилъ, что подобные случаи раньше бывали съ великими государями (князьями), и что они были поддержаны другими королями и въ особенности польскими; конечно, и онъ могъ бы прибѣгнуть къ помощи другихъ монарховъ, но довѣряется только его величеству, могущество, доброта и милосердіе котораго ему хорошо извѣстны. Въ надеждѣ на содѣйствіе его величества этому справедливому дѣлу, онъ въ свою очередь обѣщаетъ быть признательнымъ и думаетъ, что Богъ чрезъ его посредство пошлетъ свои благодѣянія его величеству, королевству и всему христіанству. Въ отвѣтъ на эту рѣчь Димитрія подканцлеръ отъ имени короля сказалъ ему нѣсколько любезныхъ словъ. Король не имѣлъ права открыто рѣшить подобный вопросъ, не узнавъ предварительно мнѣнія сенаторовъ, поэтому онъ имъ тотчасъ написалъ объ этомъ дѣлѣ.

Бо̀льшая часть изъ нихъ сначала были противъ притязаній Димитрія, считая ихъ баснословными, однако нѣкоторые даже изъ важныхъ, узнавъ отъ него самого благопріятный отчетъ объ этомъ дѣлѣ и допросивъ ливонца, убѣдились въ правотѣ Димитрія и перешли на его сторону.

Краковскій палатинъ, Николай Зебржидовскій былъ такимъ ярымъ сторонникомъ Димитрія, что безъ вѣдома его величества предложилъ

---

[1]) Въ текстѣ: „Mgr vescovo di Cuiavia“.
[2]) Въ текстѣ: „vescovo di Varmia“.

ему свои услуги и денежную помощь, если окажется, что москвитяне, дѣйствительно, пожелаютъ признать его своимъ великимъ княземъ. Но великій канцлеръ Иванъ Замойскій находилъ, что признаніе Димитрія сыномъ великаго князя Ивана могло бы послужить сюжетомъ для комедій Теренція. Краковскій каштелянъ, Янушъ Острожскій, вмѣстѣ съ другими сенаторами, своими друзьями, были постоянными противниками Димитрія и говорили, что придерживались этого мнѣнія для общаго блага, т. е. въ случаѣ неудачи предпріятія вся тяжесть войны обрушилась бы на Польшу. Они находили, что слѣдуетъ обождать сейма, въ которомъ можно обсудить все это дѣло, и не отпускать отсюда Димитрія, чтобы этимъ заслужить благодарность Бориса. Однако, можно предположить, что они были движимы личными страстями. Великій канцлеръ былъ противникомъ Димитрія, потому что не желалъ, чтобы его славу затмилъ другой полководецъ, котораго пришлось бы дать Димитрію, между тѣмъ, какъ если бы послѣднему была оказана тайная помощь, а не открытая съ согласія сейма, то самъ канцлеръ всталъ бы во главѣ арміи и ему не пришлось бы видѣть на этомъ мѣстѣ своего противника, какимъ былъ палатинъ Сендомірскій.

Каштелянъ былъ противникомъ Димитрія, потому что не хотѣлъ принимать участіе въ дѣлѣ, которому не сочувствовалъ его отецъ, князь Константинъ Острожскій [1]), такъ какъ, при первомъ своемъ обращеніи къ отцу, онъ не могъ убѣдить его въ справедливости притязаній Димитрія и не получилъ той помощи, о которой просилъ.

Его величество, хотя значительно благопріятствовалъ Димитрію, однако колебался въ своемъ рѣшеніи и не переставалъ поддерживать сенаторовъ (хотя не согласился на предложеніе палатина Краковскаго). Димитрій настоятельно просилъ многихъ, въ томъ числѣ и меня, чтобы ему позволили приблизиться къ границѣ, гдѣ легче было воодушевлять москвитянъ и продолжать начатое дѣло, которому его отсутствіе и отдаленность навѣрно принесутъ большой вредъ, такъ какъ многіе приверженцы, не видя его появленія, могутъ быть введены въ заблужденіе, повѣривъ слухамъ, что будто онъ умеръ, или же подвергнутся большой опасности, если Борису удастся ихъ забрать.

Димитрій былъ милостиво отпущенъ королемъ, получивъ въ подарокъ богатыя одежды, золотую цѣпь съ медалькой, на которой было изображеніе его величества, и нѣсколько сотъ злотыхъ наличными деньгами; кромѣ того, ему было назначено нѣсколько тысячъ флориновъ.

Во время своего пребыванія въ Краковѣ, Димитрій былъ всѣми обласканъ. Живя въ этомъ городѣ, онъ присматривался къ политической жизни поляковъ и благоговѣйно относился къ ихъ богослуженію.

---

[1]) Въ подлинникѣ: „Palatino di Riovda“.

Во время великаго поста палатины Сендомірскій и Краковскій водили его во время богослуженія то въ одну, то въ другую церковь, а также въ часовни и молельни. Слѣдуя обычаю, Димитрій ходилъ съ палатиномъ Краковскимъ инкогнито, въ одеждѣ братства милосердія просить милостыни для бѣдныхъ. Они были у короля, у меня и у многихъ другихъ.

Въ этихъ обрядахъ Димитрій находилъ удовлетвореніе и назидательность, и хотя онъ придерживался схизмѣ, выказывая сомнѣнія относительно происхожденія Св. Духа, власти папы и другія, однако, охотно слушалъ разсужденія, касающіяся истины. Замѣтивъ это, я приставилъ къ пану двухъ іезуитовъ, именно, отца Савицкаго, тогда настоятеля Св. Варвары, и проповѣдника отца Гродзицкаго, чтобы они, посѣщая и наставляя Димитрія, вывели его изъ мрака заблужденія и привели къ познанію истинной вѣры.

Благодаря стараніямъ этихъ отцовъ и усердію вышеупомянутыхъ палатиновъ, Димитрій исповѣдался утромъ 24-го апрѣля 1604 года у отца Савицкаго. Послѣ этого онъ пришелъ проститься со мной, въ виду своего отъѣзда, послѣдовавшаго поздно вечеромъ, въ тотъ же день, и пожелалъ прослушать обѣдню, которую я совершалъ, и тайно пріобщиться и конфирмоваться у меня. Все это произошло въ комнатѣ, нарочно приготовленной для этого обряда, при чемъ Димитрій выказалъ искреннюю, благоговѣйную радость, что позналъ свѣтъ св. вѣры и несомнѣннаго всемірнаго пастыря. Послѣ этого въ присутствіи палатина Сендомірскаго и отца Савицкаго, Димитрій въ разговорѣ со мной выказалъ благодарность Господу Богу за такое явное проявленіе Его милости и, преклонивъ предо мной колѣни, сказалъ, что онъ признаетъ власть Св. Отца и желаетъ всегда и во всемъ подчиняться и покоряться его святѣйшеству, зная, что такова обязанность каждаго истиннаго христіанина. Кромѣ того Димитрій обѣщалъ, если ему удастся, какъ онъ надѣялся, возвратить себѣ отцовскій престолъ, уничтожить схизму своего народа греческаго вѣроисповѣданія и присоединить его къ католичеству, а также крестить магометанъ и язычниковъ, прибавляя, что, какъ видитъ Богъ, онъ говоритъ искренно, а не изъ личныхъ разсчетовъ. Не имѣя возможности поцѣловать ноги его святѣйшества, Димитрій изъявилъ желаніе поцѣловать ихъ у меня, какъ у его намѣстника. Дѣйствительно, онъ хотѣлъ это исполнить, но я изъ любезности отклонилъ его желаніе. Кромѣ того, Димитрій далъ мнѣ собственноручное письмо на польскомъ языкѣ къ его святѣйшеству, приложивъ латинскій переводъ, сдѣланный отцомъ Савицкимъ.

Убѣдившись въ твердости религіозныхъ убѣжденій Димитрія, я не переставалъ относиться къ нему ласково, оказывая должное почтеніе и содѣйствіе, которое считалъ возможнымъ.

*

Такъ какъ онъ выразилъ желаніе имѣть при себѣ священника, и я нашелъ эту мѣру небезполезной для поддержанія его вѣры, то написалъ отцу Децію Стриверію, настоятелю іезуитскаго монастыря[1]), прося его назначить къ Димитрію двухъ священниковъ[2]), которые и до сихъ поръ находятся при немъ въ милости[3]).

Димитрій пользовался ими не только для исповѣди, но бралъ у нихъ также уроки реторики и діалектики; однако, эти уроки продолжались только три дня, такъ какъ москвитяне, состоящіе при немъ, видя его постоянно въ обществѣ этихъ монаховъ и замѣчая ихъ близкія отношенія, выразили неудовольствіе явному расположенію Димитрія къ католичеству и начали колебаться. Вслѣдствіе этого Димитрій объявилъ себя православнымъ и пріобщился съ ними, хотя потомъ тайно исповѣдался монахамъ, которые соблюдаютъ всѣ предосторожности, слѣдуя полученному при отъѣздѣ приказанію и зная, что это необходимо въ данномъ случаѣ.

Съ этой же цѣлью я его освободилъ отъ принятія постной пищи, такъ какъ онъ по совѣсти утверждалъ, что она вредна его здоровью. Только касательно одного вопроса я отказался говорить съ нимъ и принять какое-либо рѣшеніе, именно, можетъ ли онъ во время коронаціи, если Богу угодно будетъ возвратить ему наслѣдственный престолъ, пріобщиться отъ схизматиковъ въ Москвѣ, согласно обычаю. Я предоставилъ этотъ вопросъ рѣшенію его святѣйшества, который 15-го мая 1604 г. приказалъ отвѣтить черезъ кардинала Санъ-Джіорджіо, что подобныя сомнѣнія показываютъ чистосердечіе Димитрія, вслѣдствіе чего онъ не отказывается дать ему разрѣшеніе, которое онъ проситъ, послѣ того какъ этотъ вопросъ будетъ доложенъ и обсужденъ въ собраніи св. инквизиціи.

Во время пребыванія своего здѣсь, Димитрій обѣщалъ и объявилъ, что если ему удастся возвратить себѣ отцовскій престолъ, то онъ дастъ средства королю, чтобы снова завоевать Шведское королевство и самъ приметъ участіе въ походѣ; нѣкоторые прибавляютъ, что кромѣ вѣчнаго мира и дружбы, онъ обѣщалъ также возвратить Польшѣ Сѣверскую землю (княжество), которая прежде была подвластна великому княжеству Литовскому.

Говорятъ, что Димитрій обѣщалъ Сендомірскому палатину кромѣ соединенія церквей, которому онъ такъ усердно благопріятствовалъ, что заслуживаетъ большой похвалы, значительную сумму денегъ, не только

---

[1]) Въ подлинникѣ: „Padre provinciale de Gesuiti".

[2]) Николай Czyrzowski (Чижовскій) и Андрей Лавицкій.

[3]) Эти строки подчеркнуты въ подлинникѣ, также и слѣдующія.

для покрытія расходовъ въ пользу его дѣла, но въ видѣ награды за расположеніе къ нему и за тѣ услуги, которыя онъ и его дѣти оказали Димитрію въ самомъ началѣ войны, сражаясь въ большой опасности. Кромѣ всего этого онъ обѣщалъ жениться на одной изъ дочерей палатина, къ которой привязался во время своего пребыванія въ его домѣ [1]).

Такимъ образомъ, вслѣдствіе какъ частныхъ, такъ и общихъ интересовъ, всѣ надѣются на успѣхъ предпріятія, и что Господу Богу угодно будетъ проявить свою милость и спасти народъ отъ тиранства и варварства. Однако часто бываетъ, что обѣщанное не проводится въ исполненіе, и весьма возможно, что подобное случится съ Димитріемъ относительно обѣщанія возвратить Сѣверскую землю, т. е. москвитяне навѣрно возстанутъ противъ этого рѣшенія, но все-таки слѣдуетъ ожидать значительныхъ выгодъ не только относительно Швеціи, но и схизмы, имѣющей въ Московіи свое главное гнѣздо и даже, можно сказать, господство и силу. Конечно, сначала Димитрію придется поступать осторожно, но онъ настолько отваженъ и рѣшителенъ, что нѣтъ причины въ немъ сомнѣваться. Онъ часто говорилъ, что греки—невѣжды, и сравнивалъ москвитянъ съ конемъ, который подчиняется опытному сѣдоку.

Димитрію хотѣлось въ присутствіи знатныхъ московскихъ людей созвать своихъ митрополитовъ и католическихъ на диспутъ и за симъ самому разсудить, что послѣдніе лучше понимаютъ истину (какъ оно въ дѣйствительности есть), и такимъ образомъ ловко заставить первыхъ присоединиться къ его мнѣнію, какъ къ лучшему.

Димитрію казалось весьма важнымъ для благоденствія Московіи, чтобы пребывающій въ ней патріархъ, со времени Бориса, назначенный другимъ греческимъ патріархомъ, котораго называютъ константинопольскимъ, былъ бы навсегда утвержденъ или, по крайней мѣрѣ, пока Константинополь находится въ рукахъ турокъ, противъ которыхъ Димитрій охотно поднялъ бы оружіе. Подобная война была бы немаловажнымъ событіемъ, такъ какъ Московія настолько могущественна, что ее даже боятся турки, которые, какъ говорятъ, очень уважаютъ короля Стефана за то, что онъ не только одержалъ вверхъ надъ ней въ возвращеніи Ливоніи и Полоцка, но имѣлъ храбрость проникнуть въ самое сердце Московіи, противъ столь могущественнаго великаго князя, силы котораго страшатся даже сами турки, и котораго во время междуцарствій старались отстранить, въ особенности отъ польской короны.

Турецкій посолъ, присланный недавно отъ Порты, находясь здѣсь, когда пришли послѣднія хорошія извѣстія о Димитріи и узнавъ, что

---

[1]) Марина Мнишекъ.

послѣдній пользуется помощью и симпатіей поляковъ, выказалъ огорченіе и большой гнѣвъ, говоря, что ему придется передать своему государю недобрыя вѣсти.

Уѣхавъ изъ Кракова, Дмитрій направился въ Львовъ[1]) съ Сендомірскимъ палатиномъ и остановился на нѣкоторое время въ владѣніяхъ послѣдняго, гдѣ съ помощью палатина и князя Вишневецкаго собралъ нѣсколько тысячъ солдатъ. Съ этимъ войскомъ онъ сначала усмирилъ Краковскаго каштеляна, который возсталъ противъ него подъ предлогомъ, что войска Димитрія, проходя чрезъ его земли, нанесли имъ большой вредъ; за симъ Димитрій направился къ границѣ. Здѣсь начали стекаться къ нему не мало знатныхъ московскихъ людей, которые сдали ему нѣсколько селъ и городовъ, но все это не обошлось безъ сопротивленія и даже безъ кровопролитія. Такимъ образомъ Димитрій положилъ счастливое начало своему походу, продолженіе котораго было не менѣе блестящее. Ему очень помѣшала измѣна 800 отборныхъ польскихъ наѣздниковъ, которые во время первой битвы, хотя и удачной, но кровопролитной для войска Димитрія, возвратились въ королевство. Димитрій съ большой грустью сообщилъ объ этомъ королю и мнѣ чрезъ довѣренныхъ ему лицъ, которыя привезли мнѣ собственноручныя его письма. Общее мнѣніе—что вышеупомянутые поляки были подкуплены великимъ канцлеромъ и краковскимъ каштеляномъ. Говорятъ, что они же, для возбужденія москвитянъ, распространили въ Московіи слухъ о принятіи Димитріемъ католической вѣры и о томъ, что какъ только онъ вступитъ на престолъ, то заставитъ ихъ перемѣнить вѣру. Все это дѣлалось съ цѣлью повредить хорошему исходу предпріятія, къ которому великій канцлеръ относился съ ироніей, говоря, что оно настолько трудно, что если удастся, слѣдуетъ сжечь все, что раньше было написано касательно исторіи народовъ и читать только исторію этого похода, въ которомъ принимаетъ участіе палатинъ Сендомірскій.

Между тѣмъ Борисъ, услыхавъ, что въ здѣшнемъ королевствѣ находится Димитрій и что онъ добивается его царства, но, не зная, что послѣдній уже въ предѣлахъ Московіи, прислалъ королю посла[2]), которому была дана въ варшавскомъ сенатѣ публичная аудіенція. Во время этой аудіенціи посолъ сказалъ, что посланъ своимъ государемъ, чтобы узнать, совершаются ли приготовленія Димитрія (котораго назвалъ воромъ, аріаниномъ, обманщикомъ, вѣроотступникомъ и сыномъ сапожника) къ разоренію Московіи съ согласія короля и сената? Этотъ посолъ также не зналъ, что Димитрій уже находится въ предѣлахъ

[1]) Въ подлинникѣ Leopoli.

[2]) Постникъ-Огаревъ. Рангони не упоминаетъ здѣсь о Смирномъ Отрепьевѣ, но онъ говоритъ о немъ въ своихъ депешахъ.

Московіи, т. е. покинулъ Польшу нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и здѣсь отъ него скрыли этотъ фактъ. Онъ настаивалъ, чтобы Димитрію помѣшали выступить въ походъ, и чтобы его приверженцы и сообщники были наказаны, въ знакъ того, что король и сенатъ имъ не сочувствуютъ. Въ противномъ случаѣ онъ угрожалъ тѣмъ, что его государь сообщитъ объ этомъ римскому папѣ, императору и всѣмъ христіанскимъ государствамъ[1]), увѣряя, что вина пролитой крови падетъ главнымъ образомъ на его величество, которому передалъ отъ великаго князя грозныя посланія. На эту рѣчь ему отвѣчали, что король не давалъ войска Димитрію, но во время пребыванія послѣдняго въ королевствѣ, его величество желалъ ознакомиться съ его притязаніями, дабы сообщить о нихъ великому князю и узнать отъ него, дѣйствительно ли Димитрій—царской крови, но что послѣдній, узнавъ это, бѣжалъ къ запорожцамъ. Кромѣ того послу сообщили, что король приказалъ казнить тѣхъ, кто оказывалъ помощь Димитрію, и что если послѣдняго найдутъ въ королевствѣ, то онъ будетъ задержанъ, и о томъ будетъ сообщено великому князю, который настолько могущественъ, что можетъ взять его и всѣхъ его приверженцевъ въ Московію; и что если москвитяне согласны не нарушать перемирія, то поляки поступятъ также.

Въ то же время былъ присланъ другой посолъ, также знатный москвитянинъ, отъ Димитрія, но не нашли возможнымъ допустить его, вслѣдствіе чего задержали въ королевствѣ до окончанія сейма. Однако когда узнали объ успѣхахъ Димитрія, то онъ былъ допущенъ къ его величеству, который прочелъ послѣднія письма отъ 25-го мая палатину Сендомірскому, въ которыхъ говорилось о внезапной кончинѣ Бориса и о томъ, какъ войско признало Димитрія своимъ государемъ и присягнуло ему; объ увѣщеваніяхъ скорѣе короноваться, вслѣдствіе которыхъ Димитрій собирался въ тотъ же день уѣхать въ Москву. Все это болѣе подробно описано въ бумагахъ, посланныхъ оттуда за эти дни и прибавленныхъ съ предшествующимъ. Вслѣдствіе этого его величество вернулъ посла вчера вечеромъ, приказавъ вышеупомянутому палатину встрѣтить и привезти его съ почестями. О томъ, какимъ образомъ допустить посла къ королевской аудіенціи, его величество будетъ совѣтоваться съ сенаторами. Мнѣніе одного изъ самыхъ высокопоставленныхъ и серьезныхъ изъ нихъ состоитъ въ томъ, что его величеству слѣдуетъ написать полководцамъ, живущимъ на границѣ Московіи, чтобы они были наготовѣ, если надо помогать Димитрію. Это мнѣніе—явный знакъ разсудительности (здраваго смысла) его величества и всѣхъ сенаторовъ.

---

[1]) Борисъ Годуновъ послалъ въ ноябрѣ 1604 года письмо Клименту VIII и императору Рудольфу II-му.

Три дня тому назадъ распространились разные слухи, между прочимъ, будто жена Бориса [1]), съ помощью своихъ родственниковъ и преданныхъ мужу бояръ, настаивала на провозглашеніи царемъ сына своего 14 лѣтъ, но что послѣдній, испуганный приближеніемъ Димитрія, его успѣхомъ и силой, будто бы отказался отъ великаго княжества, несмотря на угрозы и насиліе матери, которая умерла отъ горя, вслѣдствіе упрямства сына. Прибавляютъ, что этотъ мальчикъ послалъ къ Димитрію своихъ пословъ, чтобы присягнуть ему. Димитрій долженъ былъ короноваться 5-го или 6-го іюля.

Другіе слухи, идущіе изъ Данцига, сообщаютъ, будто сынъ Бориса одержалъ верхъ, а Димитрій палъ, но врядъ-ли они правдоподобны, такъ какъ исходятъ отъ жителей Данцига, которые еретики и противники всего, что можетъ принести пользу св. церкви, и кромѣ того распространяются какимъ-то армяниномъ (?) (Armeno), который всегда былъ противникомъ Димитрія. Однако слуга его свѣтлости подканцлера [2]) писалъ своему господину, что до него дошло извѣстіе черезъ людей, что дѣла Димитрія идутъ успѣшно; вслѣдствіе этого преобладаетъ и живетъ больше, чѣмъ когда-либо, надежда на успѣхъ. Съ часу на часъ ожидаютъ писемъ, которыя подтвердили бы эту надежду, исполненія которой желаютъ всѣ добрые люди.

Димитрію около двадцати четырехъ лѣтъ; онъ—бритый, красивый, смуглолицый, съ бородавкой на носу наравнѣ съ правымъ глазомъ; у него длинныя, бѣлыя руки, которыя служатъ доказательствомъ благороднаго происхожденія; у него живой умъ, и онъ обладаетъ краснорѣчіемъ, въ его походкѣ и разговорѣ много благородства. Въ немъ всегда замѣчалась склонность изучать словесность и много скромности и умѣніе скрывать свои слабыя стороны.

Димитрій настолько жаждетъ славы, что слушалъ охотно и съ видимымъ удовольствіемъ, когда ему говорили, что, совершая соединеніе церквей и признавая главенство папы, онъ не только спасъ бы свою душу предъ Богомъ и души столькихъ своихъ подданныхъ, но кромѣ того онъ былъ бы уважаемъ всѣми государствами міра, и что о немъ писали бы въ исторіи, и его изображеніе и дѣла были бы росписаны въ папскомъ дворцѣ, гдѣ представлены славныя дѣла другихъ великихъ императоровъ и королей.

Онъ смѣлъ и храбръ, вслѣдствіе чего говорятъ, что во время войны онъ настолько увлекался сраженіемъ, что углублялся одинъ въ непріятельское войско. Однажды, послѣ сраженія Димитрія безуспѣшно искали въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, наконецъ онъ вернулся усталый, съ

---

[1]) Марья Григорьевна, дочь Малюты Скуратова.

[2]) Матвѣй Петроконскій.

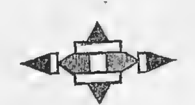
обнаженнымъ и окровавленнымъ мечемъ въ рукѣ. Говорятъ, что передъ каждой битвой Димитрій преклоняетъ колѣна и обращается къ Богу съ слѣдующими словами: «Господи, Ты, Который все знаешь, если правда на моей сторонѣ, то помоги и защити меня, если же нѣтъ, то пусть на меня снизойдетъ Твой гнѣвъ». Когда же его просятъ остерегаться измѣны и покушеній, то онъ обыкновенно отвѣчаетъ: «Богъ, Который спасъ меня отъ ножа, защититъ меня и теперь». Дѣйствительно, видно, что Богъ его хранитъ, такъ какъ онъ остается цѣлъ и невредимъ не только во время битвы, но кромѣ того не удались попытки злодѣевъ, подкупленныхъ Борисомъ, которые дважды хотѣли убить его.

Пока Димитрій былъ здѣсь, онъ каждый праздникъ, послѣ службы въ королевской капеллѣ, которую посѣщалъ инкогнито, бесѣдовалъ со мной и просилъ моего ходатайства за него у короля и сенаторовъ.

Я всегда охотно ему помогалъ, такъ что Димитрій обращался ко мнѣ даже послѣ своего отъѣзда, показывая этимъ особенное ко мнѣ довѣріе и надежду на успѣхъ моего заступничества, отъ котораго я никогда не отказывался, хотя соблюдалъ при этомъ осторожность относительно Бориса, чтобы, въ случаѣ его побѣды, онъ не имѣлъ предлога прервать сношеніе съ Римскимъ папой. Послѣдній охотно предписывалъ мнѣ писать ему, когда слѣдовало; эти письма не были мною подписаны и безъ моей печати, имѣя въ виду тѣхъ сенаторовъ королевства, которые были противъ Бориса, чтобы они не обидѣлись на меня за мое вмѣшательство въ эти дѣла. Можно судить, насколько сохранились наши добрыя отношенія съ Димитріемъ, изъ его писемъ ко мнѣ, копіи съ которыхъ прилагаю, также съ письма отъ 13-го мая, которое получилъ только пять или шесть дней тому назадъ.

Димитрію было сообщено о смерти блаженной памяти папы Климента VIII и о восшествіи папы Льва XI.

Теперь, какъ только будетъ возможно, онъ узнаетъ о восшествіи на папскій престолъ вашего святѣйшества и о томъ, что если онъ не измѣнитъ своихъ добрыхъ намѣреній, то можетъ надѣяться на ваше отцовское благословеніе и одобреніе и на то, что ему будетъ оказано возможное содѣйствіе для славы Божіей и чести и утѣшенія вашего святѣйшества. Теперь мнѣ остается только пожелать вашему святѣйшеству долгой и счастливой жизни, и снова съ глубочайшимъ уваженіемъ поцѣловать святѣйшія ноги ваши. Изъ Кракова 2-го іюля 1605 года.

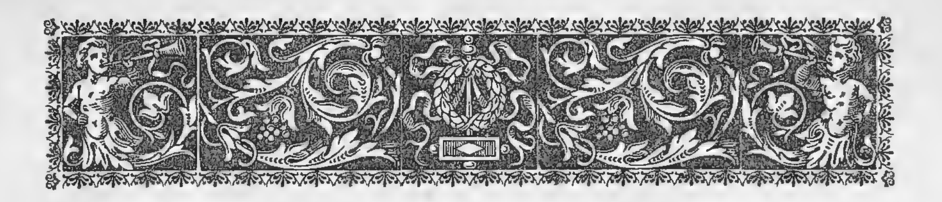
Опаздываніе чиновниковъ на службу.

Письмо Барклая графу Ивану Александ. Апраксину.

26-го января 1810 г. № 6.

Усмотрѣвъ изъ рапортовъ, ежедневно мнѣ подаваемыхъ, что нѣкоторые изъ гг. присутствующихъ по военному департаменту вообще пріѣзжаютъ поздно къ должности, а нѣкоторые рано выходятъ изъ присутствія; канцелярскіе же служители въ иныхъ мѣстахъ и совсѣмъ послѣ обѣда къ исправленію дѣлъ своихъ не являются. Я довольствуюсь на первый случай партикулярно отнестись о семъ къ вашему сіятельству и увѣренъ, что мѣра сія возымѣетъ надлежащее ей дѣйствіе, и что впредь соблюденіемъ порядка, съ пользою службы сопряженнаго отвратится отъ меня неудовольствіе сдѣлать по сему предмету формальное мое подтвержденіе.

БЫЛОЕ.

Изъ воспоминаній о пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.

X [1]).

Плутоватые юнцы.—Очень обязательный чиновникъ.—Дачный романъ въ Павловскѣ.

Не скажу, чтобы всѣ мои товарищи по выпуску поголовно были такими наивными мечтателями, какъ изображено выше. Само собою разумѣется, что на каждомъ изъ насъ отразилось, въ извѣстной степени, вліяніе среды, въ которой тотъ или другой воспитанникъ вращался внѣ стѣнъ гимназіи во время отпусковъ и каникулъ. Поэтому были среди насъ и юнцы съ чисто практическою складкой, люди, какъ говорится, «себѣ на умѣ». Ихъ не манили идеалы правды и справедливости, но и они, слѣдуя общему теченію, старались выставить себя такими же «гражданами», какъ и прочіе. Въ сужденіяхъ своихъ они ничѣмъ не отличались отъ юношей, искренно вѣрившихъ въ близкое торжество помянутыхъ идеаловъ, но преимущество ихъ (въ житейскомъ отношеніи) надъ горячими головами заключалось въ томъ, что, блистая либеральными фразами, они съумѣли устроиться такъ, что оставались въ ладахъ съ нужными людьми и «противнаго лагеря», искусно скрывая это, до поры, до времени, отъ товарищей. Въ сущности, это были «юные старички», люди съ преждевременно увядшею душой. Быть можетъ, ихъ слѣдовало бы назвать «наиболѣе приспособленными для борьбы за существованіе», тѣмъ болѣе, что они почти всѣ дѣйствительно очень хорошо устроились

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1901 г.

потомъ въ жизни. Но еще вопросъ—какому сорту молодежи слѣдуетъ отдать предпочтеніе: юнымъ ли старичкамъ, уже на школьной скамьѣ постигшимъ, гдѣ раки зимуютъ, или тѣмъ подлиннымъ юнцамъ, у которыхъ въ груди горитъ благородное пламя и сердце рвется къ подвигу на пользу ближнихъ? Практическое разрѣшеніе этого вопроса не входитъ, конечно, въ предѣлы моей компетенціи.

Почувствовавъ себя, по полученіи гимназическаго аттестата, вольнымъ казакомъ, я рѣшилъ, что я теперь уже взрослый (а мнѣ пошелъ тогда всего 17-й годъ) и что потому мнѣ неприлично жить у дяди, на его счетъ, а слѣдуетъ устроиться самостоятельно. Въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія или въ какомъ-то другомъ присутственномъ мѣстѣ—хорошенько не помню—хранились небольшія деньги, положенныя на мое имя отцомъ еще въ дни моего дѣтства; съ ними-то мнѣ и надо было начать самостоятельное существованіе, въ надеждѣ на коекакіе дополнительные заработки, отчасти уроками, отчасти путемъ поставки каррикатуръ для «Искры», благо тамъ не отказывали въ помѣщеніи моихъ рисунковъ. Присутственное мѣсто, откуда мнѣ предстояло получить мои деньги, помѣщалось на Большой Садовой (нынѣ просто Садовая), въ тогдашнемъ зданіи Управы Благочинія (а можетъ быть деньги лежали въ самой Управѣ—не умѣю теперь сказать этого). И вотъ, нанявъ себѣ комнату на Петербургской Сторонѣ, у нѣкоего вдовца-художника, я предпринялъ хожденіе въ Управу. Никогда не бывавъ до тѣхъ поръ ни въ одномъ присутственномъ мѣстѣ, я былъ, при первомъ посѣщеніи казеннаго зданія на Большой Садовой, странно пораженъ господствовавшею тамъ нечистотою и какимъ-то непріятнымъ, тяжелымъ запахомъ, державшимся на парадной лѣстницѣ, несмотря на то, что, по случаю лѣтняго времени, двери и окна были открыты настежь. Швейцаръ въ заношенной ливреѣ, узнавъ отъ меня, что мнѣ нужно, направилъ меня наверхъ. Тамъ я попалъ въ просторную комнату, стѣны которой были выкрашены сизою краской; въ комнатѣ стояло нѣсколько столовъ, съ пачками «дѣлъ» на нихъ, а за столами сидѣли чиновники. Одни изъ нихъ писали, склонивъ головы на-бокъ надъ бумагами, другіе оставались праздными и, когда я вошелъ, стали съ любопытствомъ разсматривать меня. Послѣ тщетныхъ разспросовъ моихъ у нѣсколькихъ столовъ, куда мнѣ обратиться за деньгами, мнѣ указали наконецъ комнату, въ которой находился нужный мнѣ «столъ». За нимъ, перелистывая бумаги, сидѣлъ чиновникъ въ вицмундирѣ и сѣрыхъ клѣтчатыхъ панталонахъ (либеральные чиновники позволяли себѣ тогда эту вольность въ костюмѣ). Онъ оказался очень обязательнымъ человѣкомъ: подробно разспросилъ меня о моемъ дѣлѣ, разсмотрѣлъ представленныя мною бумаги, сказалъ, что дѣло это очень простое и никакихъ проволочекъ не потребуетъ, и чтобы я приходилъ черезъ недѣлю,

а на прощаніе подалъ мнѣ руку. Я былъ очарованъ его любезностью и былъ радъ, что все обойдется такъ скоро; я слыхивалъ ранѣе, что дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ ведутся обыкновенно съ большою волокитой. Но когда я снова явился черезъ недѣлю, чиновникъ оказался очень занятымъ и хотя былъ по-прежнему любезенъ, однако заявилъ, что «еще не готово» и мнѣ лучше всего зайти завтра. Но и завтра, и послѣ-завтра, и на третій день выходило все то же: то опять: «еще не готово», то «справочки не получено», то: «лучше всего—зайдите-ка вы завтра утречкомъ». И все это самымъ пріятельскимъ тономъ. Признаюсь, мнѣ стало досадно: ужъ не смѣется ли надо мной этотъ господинъ въ сѣрыхъ клѣтчатыхъ панталонахъ?

Однажды, послѣ новаго безплоднаго посѣщенія Управы, я разсказалъ о своихъ злоключеніяхъ моему квартирному хозяину, и тотъ меня надоумилъ:

— Да вы сколько ему дали?—спросилъ онъ, смѣясь.

— Какъ «сколько далъ?» Ничего не давалъ.

— Ну, такъ и будете ходить до второго пришествія!—воскликнулъ художникъ и уже прямо залился смѣхомъ.

Потомъ онъ объяснилъ мнѣ, что надо дать чиновнику рублей хоть десять, такъ какъ иначе ничего не выйдетъ. Вотъ задача! Какъ это я предложу чиновнику взятку? А если онъ оскорбится этимъ, какъ оскорбился бы я на его мѣстѣ? Къ тому же, онъ, кажется, еще и либералъ, если судить по сѣрымъ панталонамъ...

Но дѣлать было нечего: надо же мнѣ получить мои деньги! Обсудивъ дѣло, я придумалъ компромиссъ: куплю хорошихъ сигаръ и поднесу чиновнику, въ видѣ не взятки, а подарка. Такъ я и сдѣлалъ: пошелъ къ Фейку, купилъ 25 штукъ сигаръ и отправился въ Управу. Прихожу, а чиновникъ опять: «Какъ жаль, право: все еще не готово!» Тутъ я собрался съ духомъ и съ возможною учтивостью спросилъ:

— Вы курите? (А самъ чувствую, что краснѣю до корней волосъ).

— Курю. А что?

— Да вотъ я хотѣлъ... Хорошія сигары, попробуйте...

— А, благодарю, сказалъ чиновникъ. Онъ взялъ отъ меня коробку внимательно осмотрѣлъ ее и, еще разъ поблагодаривъ, вдругъ ударилъ себя рукою по лбу.

— Батюшки, да что же это я, въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь дѣло-то ваше готово, а у меня и изъ головы вонъ!

Тутъ онъ порылся въ лежавшихъ на его столѣ бумагахъ и, вручивъ одну изъ нихъ мнѣ, провелъ меня въ другую комнату, гдѣ мнѣ тотчасъ же и выдали деньги.

Таково было мое первое знакомство съ тогдашними присутственными мѣстами. Для меня впервые слегка приподнялся уголокъ завѣсы,

заслонявшей дѣйствительность отъ моего взора; то были начатки «курса познанія человѣка»—важнѣйшаго изъ всѣхъ житейскихъ познаній, какъ справедливо сказалъ Гете [1]). И какъ удачно случилось, что для начала попался мнѣ такой простой примѣръ: начинать надо всегда съ простѣйшаго. Жалкій чиновникъ въ сѣрыхъ клѣтчатыхъ панталонахъ являлся для меня уже, до нѣкоторой степени, намекомъ на ошибочность моего тогдашняго представленія, будто людямъ свойственно стыдиться зазорныхъ поступковъ. Въ это время взяточничество такъ рѣзко клеймилось въ нашей печати, что я и представить себѣ не могъ, чтобы оно еще гдѣ-нибудь удержалось; а вдругъ оказывается, что всѣ бичи «благодѣтельной гласности» оставляютъ даже мелкаго петербургскаго чиновника совершенно равнодушнымъ. Читая полемическія статьи органовъ печати того времени, нерѣдко винившихъ другъ друга въ печатныхъ «доносахъ», я полагалъ, что лица, подвергшіяся такому обвиненію, сгораютъ отъ стыда и не рѣшаются носа показать на улицу; я, пожалуй, даже не повѣрилъ бы тогда, еслибы мнѣ сказали, что на самомъ дѣлѣ они нисколько не смущались подобными укорами. Но, какъ я уже говорилъ, молодежь на все смотритъ по-своему.

Лѣто 1862 года я прожилъ самымъ беззаботнымъ образомъ: коечто почитывалъ (именно почитывалъ, а не читалъ), но безъ системы, руководствуясь въ выборѣ книгъ тогдашнею модой, если можно такъ выразиться; много ходилъ пѣшкомъ, дѣлалъ попытки «сближенія съ народомъ», преимущественно въ лицѣ дворниковъ и извощиковъ, причемъ—каюсь—въ бесѣдахъ съ ними нерѣдко поступался даже правильностью рѣчи, разсчитывая расположить ихъ этимъ въ свою пользу. Сильно насѣлъ я также на моего квартирнаго хозяина, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ «развить» его (тогда почти всѣ молодые люди заняты были «развиваніемъ» всякаго встрѣчнаго); но хозяинъ оказался неподатливымъ и охотно увиливалъ отъ собесѣдованій, либо начиная играть на гитарѣ, либо принимаясь за свою картину, которую писалъ уже года полтора и все не могъ окончить. Къ дядѣ, котораго я всегда любилъ, сталъ я ходить лишь изрѣдка, видя въ немъ «постепеновца», какъ онъ впрочемъ, и самъ называлъ себя, но зато началъ ѣздить въ Павловскъ, гдѣ жила на дачѣ моя сестра, въ качествѣ гувернантки въ довольно богатомъ домѣ. Семья, въ которую забросила ее судьба, состояла изъ мужа, жены и девятилѣтней дочери. Сама-ли сестра съумѣла поставить себя въ надлежащія отношенія къ патронамъ, родство ли ея съ такимъ виднымъ чиновникомъ, какъ нашъ дядя, помогло, или же патроны сами имѣли правильный взглядъ на значеніе воспитательницы ихъ дочери—

[1]) „Das höchste Studium der Menschheit ist der Mensch“ (Самый высокій предметъ изученія для человѣчества, это—человѣкъ).

только положеніе молоденькой гувернантки въ домѣ не было для нея тягостнымъ, что, какъ извѣстно, не часто встрѣчается. Какъ мужъ, такъ и жена относились къ ней даже съ нѣкоторымъ уваженіемъ, благодаря той мягкости и тому такту, съ которыми она улаживала часто случавшіяся между супругами ссоры. Дѣло въ томъ, что хозяинъ дома, человѣкъ, впрочемъ, достаточно образованный, обладалъ крайне необузданнымъ характеромъ: любилъ кутнуть внѣ дома, заводилъ на сторонѣ связи и, случалось, дѣлалъ женѣ ужасныя сцены, когда возвращался домой во хмелю. Жену свою онъ любилъ, но «странною любовью»; говоря словами Некрасова,

„...по натурѣ бурлацкой,
Онъ то ноги ея цѣловалъ,
То стегалъ ее плетью казацкой".

Жена же была красивая, полная брюнетка, отчасти восточнаго типа, съ большими жгучими черными глазами, и, втайнѣ отъ мужа, имѣла поклонника, въ лицѣ стройнаго кавказца рѣдкой красоты. Зная за собою эту вину, она, конечно, не могла обнаруживать надлежащаго безстрашія при столкновеніяхъ съ мужемъ и потому особенно цѣнила миротворное вмѣшательство моей сестры въ ихъ семейныя ссоры и, кажется, была искренно привязана къ ней. Но положеніе сестры было дурно въ томъ отношеніи, что въ тѣсномъ домашнемъ кругу, особенно на дачѣ, ей стоило большого труда держать свою маленькую питомицу вдали отъ вреднаго вліянія распрей и потасовокъ между родителями. Неразъ жаловалась она мнѣ на затруднительность своего положенія въ этомъ отношеніи и неразъ порывалась уйти изъ этого дома. Она не знала (да и я не зналъ), что, перемѣнивъ мѣсто, она легко могла бы очутиться въ такихъ же, если не худшихъ (для дѣтей) условіяхъ семейной жизни, такъ какъ въ дурно сложившихся семьяхъ недостатка у насъ тогда не было, какъ нѣтъ и теперь.

Объ отношеніяхъ черноокой дамы къ красавцу-кавказцу мнѣ не трудно было догадаться: въ отсутствіе ея мужа, мы всѣ вмѣстѣ ходили на музыку въ вокзалъ и тамъ неизмѣнно встрѣчали этого молодого, одѣтаго съ иголочки господина, который немедленно и подсаживался къ своей дамѣ, причемъ сестру мою и меня онъ привѣтствовалъ приподнятіемъ своего лоснящагося цилиндра. Господинъ этотъ держалъ себя съ спокойною самоувѣренностью, видимо зная себѣ цѣну; дама же его была недостаточно сдержанна и неосторожно выдавала свои чувства къ нему игрою глазъ и всею своею манерой. А дочь ея сидѣла тутъ же рядомъ и, можетъ быть, несмотря на свои дѣтскіе годы, уже дѣлала свои заключенія.

Говоря вообще, «свободная любовь» не представлялась мнѣ пред-

осудительною; скорѣе напротивъ. Но въ этомъ случайно замѣченномъ мною дачномъ романѣ мнѣ инстинктивно чувствовалось что-то нечистоплотное, сопряженное съ обманомъ мужа. Было какъ-то непріятно, какъ будто стыдно присутствовать при этихъ воровскихъ свиданіяхъ, какъ-бы въ качествѣ участника или сообщника, а потому мы съ сестрою обыкновенно уходили съ музыки въ паркъ и уводили съ собою дѣвочку. И все-таки въ душѣ оставалось скверное впечатлѣніе какъ-бы косвеннаго пособничества нечистому дѣлу. Я не могъ не видѣть, что такое же непріятное чувство испытывала и моя сестра, дѣвушка необыкновенно чистыхъ помысловъ; мнѣ было жаль ея въ такіе вечера. Къ счастью, замужество вскорѣ избавило ее отъ необходимости тянуть лямку гувернантки. Впослѣдствіи, спустя много лѣтъ, мнѣ и самому пришлось отвѣдать прелестей, сопряженныхъ съ ролью воспитателя въ богатой петербургской семьѣ, и я по опыту могъ бы разсказать, въ какой гнилой атмосферѣ приходится иногда выростать дѣтямъ людей даже вполнѣ обезпеченнаго класса.

XI.

Моя „пропаганда“ въ семьѣ столяра.—Петербургскія увеселенія.—Г-жа Гебгардтъ.—Танцклассы.—Моя неудачная литературная попытка.—Петербургское настроеніе въ зиму 1862—63 г.—Широкіе замыслы восторженныхъ юнцовъ.—Люди подъ маскою революціонеровъ.

На зиму 1862—63 г. я перебрался съ Петербургской Стороны въ городъ, нанявъ комнату въ Большой Подъяческой, у семейнаго столяра. Конечно, я первымъ дѣломъ озаботился тѣмъ, чтобы «развить» не только его, но и его жену, очень работящую и хозяйственную женщину; ребенка ихъ я рѣшилъ пока оставить въ покоѣ, такъ какъ онъ былъ еще грудной и потому едва-ли могъ бы вмѣстить мои толкованія. Оказалось, однако, что разглагольствія мои о томъ, какъ слѣдуетъ людямъ устроиться, чтобы быть счастливыми, встрѣтили въ этой семьѣ такъ же мало сочувствія, какъ и у прежняго моего квартирнаго хозяина, художника. Бывали даже минуты, когда, среди разговоровъ, мнѣ вдругъ представлялось, что слушатели смотрятъ на меня съ плохо скрытымъ сожалѣніемъ, какъ бы на свихнувшагося умомъ.

Упоминаю объ этомъ, сильно огорчавшемъ меня обстоятельствѣ потому, что тутъ дѣло касалось не одного меня лично (въ такомъ случаѣ оно не представляло бы никакого интереса); подобно мнѣ поступали въ ту пору очень многіе юнцы, считавшіе своею задачей пропагандированіе «здравыхъ понятій», какъ этическихъ, такъ и политиче-

скихъ. Движеніе это приняло впослѣдствіи форму извѣстнаго «хожденія въ народъ», плачевные результаты котораго такъ ярко очерчены были позже Тургеневымъ въ «Нови». Съ тѣхъ поръ прошло безъ малаго сорокъ лѣтъ—періодъ, болѣе чѣмъ достаточный для того, чтобы можно было спокойно отнестись къ тогдашнему настроенію и тогдашнимъ поступкамъ молодежи. Теперь, на разстояніи столькихъ лѣтъ, представляются даже не совсѣмъ понятными тѣ опасенія, которыя вызывала тогда вся эта «агитація». Попытки сближенія пылкихъ юнцовъ съ народомъ ни въ какомъ случаѣ не могли бы вызвать сколько-нибудь серьезныхъ пертурбацій уже по одному тому, что обѣ стороны рѣшительно не понимали другъ друга. Въ этомъ отношеніи опасности не было никакой. Напротивъ, стоило только умѣло воспользоваться самоотверженнымъ стремленіемъ молодыхъ людей сослужить службу народу, направивъ юныя силы въ легальное русло—и дѣло просвѣщенія народной массы, необходимость котораго признана теперь всѣми, только выиграло бы. Въ распоряженіи власти сразу явилось бы множество добросовѣстнѣйшихъ учителей для городовъ, деревень и селъ. И даже еслибы тѣ или другіе изъ нихъ оказались, въ роли учителей, проповѣдниками тѣхъ «здравыхъ понятій», о которыхъ упомянуто выше, бѣды въ томъ не было бы: простонародье, вплотную занятое своими ближайшими, непосредственными нуждами, далеко не такъ легковѣрно и податливо, какъ у насъ принято думать; нѣтъ уголка, гдѣ не нашелся бы свой «голоплёкскій Еремѣй», изображенный въ романѣ Тургенева.

Но тогда ко всему этому отнеслись иначе, и, можетъ быть, тѣмъ самымъ тогдашнее зрѣлое поколѣніе возложило на себя отвѣтственность за ужасы, свидѣтелями которыхъ мы были лѣтъ двадцать спустя. Если вспомнить о молодыхъ силахъ, донынѣ самоотверженно отдающихъ себя въ разныхъ углахъ нашего отечества общественному служенію на поприщѣ учителей и учительницъ въ народныхъ училищахъ, въ качествѣ дѣятельныхъ помощниковъ въ случаяхъ эпидемій и народныхъ бѣдствій и т. д., то нельзя найти достаточно сильныхъ словъ для похвалы побужденій, движущихъ русскимъ юношествомъ. Въ дни моей молодости этого не съумѣли понять и оцѣнить. Что дѣлать! прошлаго не воротишь, но нельзя не пожелать, чтобы впредь было иначе и чтобы силы, могущія быть полезными родинѣ, не гибли безплодно вслѣдствіе недоразумѣній.

Во всякомъ случаѣ, неправы были тѣ, кто въ устройствѣ общественныхъ развлеченій, принявшемъ въ ту пору въ Петербургѣ широкіе размѣры, находилъ наилучшее средство отвлечь бродившіе умы отъ «политики».

Многіе видѣли въ этомъ подражаніе практикѣ, введенной въ Парижѣ правительствомъ второй имперіи и находившей у насъ поклонниковъ и подражателей.

Франція была тогда у всѣхъ на виду, вступивъ въ апогей внѣшняго блеска, и иные изъ нашихъ администраторовъ, а за ними и близорукіе политиканы изъ общества, стремились копировать пріемы тюильрійскихъ правителей. Въ извѣстной части публики явилась даже наклонность перенять внѣшность Наполеона III, причемъ вошло въ моду ношеніе эспаньолки, съ вытягиваніемъ кончиковъ усовъ наподобіе иголокъ [1]). Поэтому, когда вышло разрѣшеніе устроивать публичные балы, сочетая ихъ съ пѣніемъ куплетовъ съ эстрады, публика съ радостью встрѣтила эти, до тѣхъ поръ небывалыя у насъ развлеченія. До тѣхъ поръ единственнымъ увеселителемъ Петербурга былъ извѣстный Излеръ, содержавшій памятныя столичнымъ старожиламъ «Минерашки», какъ назывался въ игривомъ тонѣ его увеселительный садъ въ Новой Деревнѣ, на мѣстѣ нынѣшней «Аркадіи»; а тутъ вдругъ разомъ открылся цѣлый рядъ заведеній почти въ такомъ же родѣ, но еще и съ присоединеніемъ танцевъ, и съ дешевою входною платой. Центровъ для развлеченія явилось множество, но, съ какой бы стороны ни разсматривать ихъ, они не могли бы быть признаны полезными, а ужь въ смыслѣ отвлеченія отъ «политики» ихъ прямо слѣдовало отнести къ числу «попытокъ съ негодными средствами», какъ говорятъ юристы. Во всѣхъ этихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, открывшихся подъ разными вычурными названіями, въ родѣ «Вилла Боргезе», «Палэ де Кристаль», «Эльдорадо» и т. п., сразу установился самый непристойный тонъ, отклонявшій людей сколько-нибудь нравственно-чистоплотныхъ. Въ публикѣ всѣ они не замедлили пріобрѣсти общее, объединяющее названіе «танцклассовъ». А такъ какъ танцовать публично, на глазахъ массы незнакомыхъ, петербуржцы еще не имѣли въ то время привычки и, по новости дѣла, дичились, то учредителямъ танцклассовъ пришлось прибѣгнуть къ приглашенію наемныхъ танцоровъ и танцующихъ дамъ, чѣмъ вскорѣ же вызвано было появленіе особаго класса танцоровъ-профессіоналовъ, получавшихъ весьма приличное вознагражденіе. Впереди всѣхъ ихъ стоялъ нѣкій г. Фокинъ, имя котораго окружено было ореоломъ славы. Говорили, что онъ умѣетъ исполнять канканъ ничуть не хуже парижскаго, съ хожденіемъ на рукахъ, засучиваніемъ рукавовъ и проч. Къ величайшей горести моей, я долженъ сознаться, что видѣть эту гордость тогдашняго веселящагося Петербурга мнѣ не довелось ни раза, хотя я и бывалъ въ нѣсколькихъ танцклассахъ (впрочемъ, безъ участія въ танцахъ). Говорили, что иниціаторшею въ дѣлѣ устройства увеселительныхъ заведеній этого рода была извѣстная въ то время г-жа Гебгардтъ, впослѣдствіи осно-

---

[1]) Въ нынѣшнее время, какъ извѣстно, мода требуетъ закручиванія усовъ кверху—тоже подражаніе, но уже другому образцу.

вательница «Зоологическаго сада». Первые шаги этой предпріимчивой особы и время появленія ея въ Петербургѣ были, какъ говорится въ старинныхъ учебникахъ исторіи, «покрыты мракомъ неизвѣстности». Существовала легенда, что нѣкогда она занималась продажею горячихъ вафель на Невскомъ проспектѣ, а потомъ, благодаря своей привлекательной наружности или по другимъ причинамъ, нашла себѣ богатаго и вліятельнаго покровителя, послѣ чего получила возможность безбѣднаго существованія. Какъ бы ни было, зима 1862—63 г. застала ее обладательницею одного изъ крупнѣйшихъ танцклассовъ, помѣщавшагося, если не ошибаюсь, на Большой Садовой. Заведеніе ея усердно посѣщалось публикою, чему, въ извѣстной степени, способствовала всегдашняя готовность предупредительной хозяйки содѣйствовать установленію знакомства между наиболѣе достойными гостями и лучшими изъ «этихъ дамъ», какъ нѣкогда деликатно выразился Тьеръ, озабочиваясь «очищеніемъ» Парижа. Общее впечатлѣніе отъ нѣсколькихъ видѣнныхъ мною танцклассовъ осталось у меня не особенно пріятное. Въ залахъ, освѣщенныхъ керосиновыми лампами, стоитъ сизый, тяжелый воздухъ, пропитанный запахомъ табаку, кухни, духовъ и человѣческихъ испареній; прифрантившіеся кавалеры, порою въ заношенномъ бѣльѣ, но съ яркими цвѣтными галстухами, неуклюже отплясываютъ фигуры кадрили, выкидывая самыя смѣлыя «колѣна»; дамы съ подрумяненными лицами стараются не уступать имъ въ развязности. Среди танцующихъ проталкиваются люди, отдающіе предпочтеніе буфету, причемъ случаются и перебранки съ задѣтыми локтемъ танцорами. А надъ всѣмъ этимъ, покрывая шарканье ногъ по пыльному полу и отдѣльные возгласы танцующихъ, завываетъ дешевый струнный оркестръ, помѣстившійся на эстрадѣ. Еще два-три «легкихъ» танца и потомъ перерывъ, во время котораго «артистки» въ коротенькихъ юпочкахъ, оставляющихъ движенію ногъ полную свободу, исполняютъ болѣе чѣмъ пикантные куплеты, а «артисты» либо разсказываютъ сцены изъ народнаго или еврейскаго быта, либо тоже поютъ куплеты. Нечего сказать, умѣлое «отвлеченіе умовъ»! Если добавить, что въ ту зиму (а, кажется, и въ слѣдующую) въ трактирахъ, мелкихъ ресторанахъ и закусочныхъ, съ разрѣшенія полиціи, во множествѣ засѣдали тьеровскія «эти дамы» и «вольное» вино лилось рѣкою, то получится достаточно отчетливая картина тогдашняго ночного Петербурга, мало извѣстная людямъ, избѣгавшимъ соприкосновенія съ «улицею».

Присматриваясь къ этой сторонѣ столичной жизни, я началъ подумывать о томъ, что надо бы «предать ее благодѣтельной гласности», какъ тогда говорилось. Задумалъ я написать беллетристическій очеркъ, чтобы изобразить несчастное положеніе «жертвъ общественнаго темперамента» (какъ назвалъ ихъ Герценъ), на которыхъ наглядѣлся въ

танцклассахъ. Намѣреніе это я исполнилъ нѣсколько позже, но скажу объ этомъ дѣлѣ теперь же, забѣгая впередъ.

Въ «Русскомъ Словѣ» Благосвѣтлова появлялись тогда коротенькіе беллетристическіе очерки, плѣнявшіе юныхъ читателей (и меня въ томъ числѣ) чрезвычайнымъ реализмомъ; по крайней мѣрѣ, они казались намъ тогда полными реализма. Въ художественномъ отношеніи, вещицы эти не стоили ровно ничего; форма ихъ тоже не заслуживала похвалы: авторъ щеголялъ растрепанностью и небрежностью слога, словно съ умысломъ показать, что ему до такихъ мелочей, какъ стиль, нѣтъ дѣла. Судя по встрѣчавшимся въ его очеркахъ на каждомъ шагу психологическимъ несуразностямъ, можно думать, что онъ былъ еще очень молодъ. Въ памяти моей почему-то до сихъ поръ удержалась слѣдующая черточка въ одномъ изъ его разсказовъ, прямо свидѣтельствующая, что этотъ человѣкъ еще совсѣмъ не былъ знакомъ съ человѣческою натурой: излагая душевныя муки, которыя испытывалъ (не помню, по какому случаю) его герой, авторъ говорилъ, что истерзанный герой «сознательно рванулся къ книгѣ» и, погрузившись въ ея чтеніе, тотчасъ позабылъ свое горе. Не ясно ли, что самъ авторъ не успѣлъ еще извѣдать истиннаго горя, которое заставляетъ забыть даже о существованіи книгъ? Но мы вѣрили ему на слово и съ удовольствіемъ читали его разсказы, потому что въ нихъ изображались все «новые люди» и, притомъ, такіе, какихъ не бываетъ, съ небывалыми чувствами, небывалыми пріемами. Вотъ эти-то очерки я и взялъ себѣ за образецъ.

Правда, художественный вкусъ мой былъ воспитанъ на произведеніяхъ образцовыхъ нашихъ и иностранныхъ писателей, и я не могъ не видѣть недостатковъ избраннаго мною автора; но таковъ ужь былъ тогда туманъ въ моей (да и не только въ моей) головѣ, что новая, вывихнутая манера казалась мнѣ «современнѣе» старой. Вѣдь я былъ «новый человѣкъ», «дѣятель», такъ досугъ ли мнѣ былъ заниматься обдумываніемъ и внѣшнею отдѣлкой произведенія, когда надо «проводить» идеи. Да и вообще, что тамъ за эстетика? На кой прахъ она? И вотъ я началъ «проводить».

Тема моего очерка была такая: молодой человѣкъ, конечно изъ «новыхъ», возвращаясь вечеромъ съ урока заходитъ къ Излеру (естественнѣе чего трудно представить себѣ что-нибудь). На плечахъ у него, разумѣется, пледъ, подмышкою нѣсколько книгъ изъ библіотеки (Карлъ Фогтъ, Молешотъ, Бокль). Гнушаясь исполняемыми на сценѣ куплетами, онъ задумчиво бродитъ по саду, мысленно осуждая его посѣтителей, и вдругъ замѣчаетъ сидящую на скамейкѣ молодую нарумяненную дѣвушку изъ числа «падшихъ». Она плачетъ, но старается скрыть свои слезы отъ публики. Она несчастна. Надо ей помочь, вывести ее изъ ужаснаго ея положенія. Герой заводитъ съ ней разговоръ,

развертываетъ передъ нею потрясающую картину ея существованія, горячо говоритъ о чувствѣ собственнаго достоинства, о значеніи личности и т. д. Конечно, дѣвушка потрясена; рыдая, она сообщаетъ молодому человѣку, что сама уже пять лѣтъ какъ ищетъ выхода изъ «этой жизни», но никакъ не можетъ найти его. Тогда мой герой (кстати, приверженецъ идеи о свободѣ любви) предлагаетъ ей поселиться съ нимъ вмѣстѣ, чтобы совмѣстно развиваться и работать на общую пользу. Дѣвушка, конечно, соглашается—но тутъ и очерку конецъ. Словомъ, все, до послѣдней мелочи, было у меня почти такъ же натурально, какъ въ разсказахъ автора, взятаго мною за образецъ. Разсказецъ написался у меня какъ-то очень скоро, гораздо скорѣе, чѣмъ я ожидалъ, и вышелъ значительно короче, чѣмъ я думалъ. Перечитывая его, я самъ чувствовалъ, что онъ хромаетъ, въ смыслѣ литературности, но пренебрегъ этимъ, соображая, что форма въ разсказѣ—послѣднее дѣло; была бы только идея хороша. Поэтому я переписалъ свое произведеніе набѣло и рѣшилъ отнести его въ «Русское Слово».

Сердце мое сильно билось, когда я прибылъ въ редакцію и предсталъ предъ Г. Е. Благосвѣтловымъ. Онъ принялъ меня довольно сухо—видно юные авторы, въ родѣ меня, успѣли уже достаточно надоѣсть ему—и сказалъ, чтобы я зашелъ черезъ двѣ недѣли. Не скрою, что эти двѣ недѣли я провелъ въ большомъ возбужденіи, терзаясь вопросомъ, попадетъ ли или не попадетъ мой очеркъ въ печать. Нечего и говорить, что напечатанъ онъ не былъ: въ назначенное время редакторъ, безъ всякихъ объясненій, возвратилъ мнѣ его. Объ этой попыткѣ моей выступить беллетристомъ, какъ и обо всемъ прочемъ, касающемся меня лично, я упоминаю здѣсь только потому, что въ ту пору не я одинъ, не имѣя еще никакихъ житейскихъ познаній, покушался на литераторство: такихъ, какъ я, было тогда весьма достаточно, такъ что меня, до нѣкоторой степени, можно считать во многихъ отношеніяхъ лицомъ собирательнымъ.

Неудачный исходъ моей попытки былъ очень полезенъ для меня въ томъ отношеніи, что понудилъ вникнуть поглубже въ вопросъ о томъ, достаточно ли ясны для меня характеры людей, которыхъ я взялся было описывать. Самолюбіе говорило: «достаточно», а разсудокъ нашептывалъ противное, и мысли мои стали двоиться. Но окружающая атмосфера—всѣ эти кружковыя вечеринки, непререкаемыя сужденія сверстниковъ, подпольные листки и проч. не давали мнѣ (да и не мнѣ одному) возможности сосредоточиться. Несомнѣнно, что въ тогдашнемъ воздухѣ было что-то гипнотизирующее, тѣмъ болѣе, что противная реформамъ партія все выше поднимала голову, заставляя либеральную партію настораживаться. Казалось—особенно намъ, молодежи—будто

между противниками, готовится схватка, и ужъ само собою разумѣется, что мы не сомнѣвались въ будущемъ торжествѣ «нашего» лагеря. Какъ водится, мы были ослѣплены нашими невѣрными представленіями о дѣйствительности и, вмѣсто несомнѣннаго усиленія консервативнаго теченія въ обществѣ, видѣли побѣдоносное шествіе либерализма. Учащавшіеся въ Петербургѣ аресты ничуть не являлись для насъ предзнаменованіемъ совершавшейся въ обществѣ перемѣны; напротивъ, мы видѣли въ нихъ доказательство слабости нашихъ противниковъ, которые, на нашъ взглядъ, будто бы растерялись и не знаютъ, что дѣлать. Даже такой явный общественный симптомъ, какъ рѣзкая перемѣна фронта со стороны Каткова, изъ поклонника англійскихъ конституціонныхъ порядковъ открыто обратившагося въ проповѣдника противоположныхъ началъ и бросившаго перчатку Герцену, не уяснила намъ истиннаго положенія дѣлъ. Мы не поняли, что поступокъ Каткова знаменовалъ собою поворотъ въ общественномъ настроеніи—поворотъ, послѣдствія котораго дали знать себя черезъ нѣсколько лѣтъ. Каждый изъ насъ навѣрное призналъ бы тупицею того, кто осмѣлился бы доказывать намъ, что взглядъ московскаго публициста ближе и понятнѣе массѣ, чѣмъ наши проекты переустройства общественныхъ отношеній, не имѣвшіе почвы и потому смахивавшіе на воздушные замки.

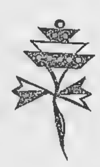
Юные умы искали дѣятельности и не находили ея, отчасти по неподготовленности ни къ какому практическому дѣлу, отчасти по неумѣнію отличить возможное отъ невозможнаго. Стремленія народа, тѣхъ самыхъ «мужичковъ», о которыхъ столько толковали тогда, оставались загадкою; поэтому принято было a priori, что народъ хочетъ именно того, чего хотимъ мы, т. е. «свободы, равенства и братства». Слѣдовательно, намъ оставалось только взять на себя руководительство и «организовать» движеніе. Большія надежды возлагались, между прочимъ, на раскольниковъ, какъ элементъ «оппозиціонный»; многимъ казалось, что ничего нѣтъ легче, какъ «поднять» ихъ: пріѣхать въ какой-нибудь скитъ, потолковать по душѣ—и дѣло въ шляпѣ. Потомъ махнуть въ другой скитъ, въ третій и т. д. А когда всѣ раскольники «поднимутся», тогда... но какъ поступить въ такомъ случаѣ, объ этомъ и мысли не было. Повидимому, предполагалось, что все сдѣлается само собою, въ силу «логики вещей». Нѣкоторые предлагали оставить раскольниковъ въ покоѣ, причемъ ссылались на ихъ односторонность, предлагая вмѣсто нихъ лучше «поднять» югъ и Поволжье. Странно одно: среди юнцовъ, обсуждавшихъ подобные вопросы, было немало людей, далеко не глупыхъ, но и изъ нихъ никто, кажется, не видѣлъ нелѣпости словопреній на такія темы. Всѣмъ казалось, что въ этомъ-то и заключается подлинное «дѣло», которое

надо дѣлать. Отсюда та энергія, съ которою, среди большихъ личныхъ опасностей и при скудости матеріальныхъ средствъ, были печатаемы и распространяемы всякаго рода отдѣльные листки и брошюрки. Все это было плодомъ какъ недомыслія и незнакомства тогдашней молодежи съ жизнью, такъ и неумѣнія или нежеланія лицъ, стоявшихъ у власти, дать надлежащее приложеніе бродившимъ молодымъ силамъ.

Само собою разумѣется, что къ увлекавшейся молодежи не замедлили пристроиться разные люди «себѣ на умѣ», потерпѣвшіе неудачу на жизненномъ поприщѣ и съумѣвшіе подъ маскою радикаловъ и революціонеровъ поставить себя въ возможность эксплуатировать довѣрчивыхъ юношей, отдававшихъ имъ свои послѣдніе гроши «на дѣло». Со временемъ начали появляться экземпляры смышленыхъ людей и ихъ сожительницъ или «гражданскихъ женъ», по тогдашнему модному выраженію, которые собственно никакихъ услугъ «дѣлу» не оказывали, а между тѣмъ жили на средства, слагавшіяся изъ складчины; а складчина эта собиралась среди невѣдомой имъ, жившей впроголодь, но фанатизованной молодежи. Впослѣдствіи, когда движеніе получило нѣкоторую организацію, явились еще и какіе-то закулисные диктаторы, которые, сидя гдѣ-нибудь въ безопасномъ мѣстѣ, таинственно руководили оттуда группами молодыхъ людей, подводя ихъ подъ удары рока. Роль ихъ удачно очерчена Тургеневымъ въ лицѣ «Василія Ивановича» («Новь»).

Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. М. Карамзинъ и А. С. Шишковъ.

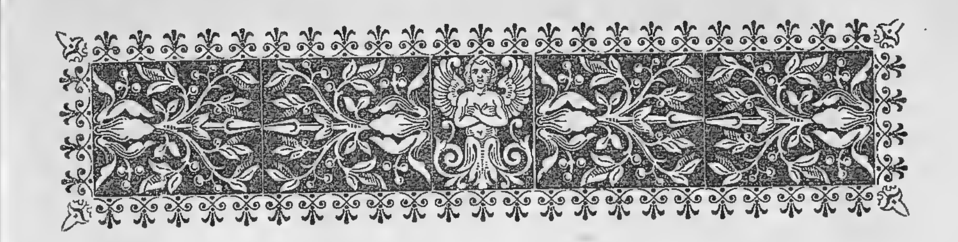
Письмо Г. Р. Державина—А. С. Шишкову.

12-го февраля 1816 г. суббота.

Подноситель сего письма вашему превосходительству есть самый тотъ, который переводилъ на нѣмецкой языкъ сочиненія вашего всемилостивѣйшій и славный манифестъ, изданный сего года въ 1-й день января. Если переводчикъ удачно изобразилъ ваши мысли и предъ прочими переводчиками вразумительнѣе, то и безъ моей просьбы заслужитъ ваше благорасположеніе. Если жъ ему въ томъ не посчастливилось, то по усердію его въ семъ трудѣ, а паче по доброму вашему сердцу помогать ближнимъ, сколько гдѣ можно, осмѣливаюсь васъ просить принять его въ ваше покровительство и рекомендовать по знакомству вашему кому-либо изъ генеральнаго штаба государю императору. Онъ человѣкъ съ нарочитыми способностями, хорошаго поведенія, честный, но бѣдный, такъ что не имѣетъ почти съ женою своею и съ дѣтьми дневнаго пропитанія, будучи на маломъ жалованьѣ въ службѣ военно-сиротскаго дома; не дурно по-русски пишетъ и можетъ быть съ пользою употребленъ на службу. Симъ вы изволите доставить оной способнаго человѣка и заслужить вѣчную себѣ благодарность.

Московскій пріѣзжій авторъ Николай Михайловичъ Карамзинъ будетъ ко мнѣ въ наступающій вторникъ обѣдать: не угодно ли и вамъ будетъ ко мнѣ пожаловать и составить пріятную компанію. Мнѣ чрезвычайно желается спознакомить васъ. Пребываю впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію.

Николай Ивановичъ Тургеневъ

въ своемъ оправданіи.

(Изъ бумагъ Павла Васильевича Жуковскаго).

---

1 [1]).

Когда разыгрываются такія важныя политическія событія, какъ возмущеніе 14-го декабря 1825 г., то умами овладѣваетъ тревога, которая мѣшаетъ зачастую безпристрастному истолкованію фактовъ, и лица, коимъ поручается разслѣдованіе преступныхъ замысловъ, легко поддаются чувству негодованія, которое весьма естественно выразилось особенно ярко въ Донесеніи слѣдственнной коммиссіи. Но эти чувства, какъ бы ни былъ похваленъ ихъ источникъ, могутъ быть весьма опасны для правосудія, если поведеніе обвиняемыхъ будетъ опредѣляться не поступками, совершенными каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности, но всею совокупностью тѣхъ гнусныхъ намѣреній и дѣйствій, преступная связь которыхъ выясняется слѣдствіемъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о какомъ-нибудь заговорѣ, какъ бы онъ ни былъ ужасенъ, надобно судить обвиняемаго лишь на основаніи того, насколько этотъ заговоръ былъ извѣстенъ ему лично. Мысль о цареубійствѣ заставляетъ содрогаться, но невольно ужасаешься и при мысли, что въ этомъ преступленіи могутъ быть обвинены люди, коимъ столь гнусное намѣреніе было совершенно неизвѣстно.

Событіе 14-го декабря 1825 г. отнюдь не должно ухудшить положеніе тѣхъ лицъ, которыя ранѣе ничего не знали о немъ, а когда оно вспыхнуло, не имѣли ни желанія, ни возможности принять въ немъ, хотя бы косвенно, малѣйшаго участія.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1901 года.

Однимъ изъ обвиняемыхъ, о коемъ упоминается въ донесеніи слѣдственной коммиссіи, былъ Николай Тургеневъ. Онъ былъ причисленъ, въ его отсутствіе, ко второму разряду государственныхъ преступниковъ, къ числу лицъ первой категоріи этого разряда. Подробный разборъ касающихся его свидѣтельскихъ показаній, заключенныхъ въ Донесеніи, докажетъ его невинность.

Этому разбору необходимо предпослать нѣкоторыя поясненія.

Николай Тургеневъ, проведя нѣсколько лѣтъ за границею, сначала для довершенія своего образованія, а затѣмъ состоя чиновникомъ на государственной службѣ, возвратился въ Россію два года спустя послѣ умиротворенія Европы въ 1815 г. Съ этого времени онъ былъ всецѣло поглощенъ одною мыслію, которую не колеблясь долженъ высказать, хотя ему хорошо извѣстно, что она создала ему многочисленныхъ враговъ и была единственною причиною всѣхъ тяготѣющихъ надъ нимъ обвиненій.

Эти злосчастныя обвиненія высказываются противъ него до сихъ поръ нѣкоторыми лицами. Неотступная мысль, всецѣло наполнявшая его душу и все его существо, была идея о возможности освобожденія крестьянъ.

Предавался ли Николай Тургеневъ обманчивымъ мечтамъ, лелѣя эту мысль, или же онъ постигъ истинный и возвышенный духъ христіанскаго ученія; заблуждался ли онъ, питая несбыточныя мечты, или же онъ здраво понималъ настоящія потребности Россіи и источникъ ея будущаго благосостоянія, это вопросы, которые не подлежатъ въ настоящую минуту обсужденію и разъясненію.

Подобная мысль можетъ показаться многимъ безуміемъ, но ни одинъ безпристрастный человѣкъ не признаетъ ее преступленіемъ. Здѣсь упоминается о неотступной мысли, не дававшей покоя Тургеневу не потому, что его приходится защищать въ этомъ отношеніи, ибо Донесеніе слѣдственной коммиссіи отнюдь не ставитъ этого ему въ вину.—Объ этомъ говорится только потому, что это объясняетъ его поведеніе во всей его совокупности, и потому что это обстоятельство главнымъ образомъ создало ему репутацію либерала, что̀ въ свою очередь подало поводъ ко всевозможнымъ обвиненіямъ и пріумножило до безконечности тѣ толки и ничѣмъ недоказанные слухи, кои зачастую принимаются самыми добросовѣстными людьми за непреложное доказательство виновности.

Въ 1821 г. Николай Тургеневъ издалъ сочиненіе о теоріи налоговъ, въ которомъ онъ высказалъ свои мысли объ освобожденіи крестьянъ и благодаря которому онъ заслужилъ славу либерала, оказавшуюся для него со временемъ столь пагубной.

Изъ всѣхъ сообществъ, о коихъ упоминается въ Донесеніи, Союзъ Благоденствія, распавшійся въ 1821 г., былъ единственнымъ обществомъ, въ которомъ онъ состоялъ членомъ. Надежда послужить

своей излюбленной идеѣ была единственной побудительной причиной, которая заставила его вступить въ это общество. Несмотря на то, что оно проявляло самую незначительную дѣятельность, онъ все же старался обратить вниманіе членовъ на необходимость освобожденія крестьянъ. Всѣ сдѣланныя имъ по этому поводу предложенія сводились къ однимъ разговорамъ; и онъ не думалъ до прочтенія Донесенія слѣдственной коммиссіи, что дѣятельность того общества выразилась въ чемъ-либо иномъ кромѣ разговоровъ.

Николай Тургеневъ былъ удостоенъ милостей покойнаго императора Александра и питалъ къ его особѣ чувства глубокой преданности, весьма мало совмѣстимыя съ преступными замыслами и съ участіемъ въ заговорѣ, въ чемъ его обвиняютъ. Его императорскому величеству были извѣстны его взгляды касательно освобожденія крестьянъ; онъ имѣлъ въ рукахъ записку, поданную ему Тургеневымъ по этому поводу, которая удостоилась высочайшаго одобренія. Его императорскому величеству также было извѣстно, что имя Николая Тургенева находилось въ спискѣ членовъ Союза Благоденствія. Несмотря на это, императоръ оказывалъ ему по-прежнему всевозможныя милости.

Николай Тургеневъ, видя, что его здоровье было подорвано трудами, коими онъ былъ обремененъ въ Государственномъ Совѣтѣ, рѣшилъ, весною 1823 г., уѣхать за границу, не оставляя однако службы.

Услыхавъ, что въ скоромъ времени должно было освободиться мѣсто, которое онъ имѣлъ право занять, Тургеневъ написалъ императору письмо, выразивъ желаніе получить это мѣсто. Два или три дня спустя императоръ приказалъ графу Аракчееву передать ему въ отвѣтъ, что государю неизвѣстно о томъ, что означенное мѣсто освободится, но что вообще его величество желалъ бы, чтобы Тургеневъ остался въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ онъ ему полезенъ. Если же ограниченное содержаніе, получаемое имъ на этомъ мѣстѣ, и отсутствіе личныхъ средствъ заставляетъ его нуждаться въ денежномъ пособіи, то государь готовъ оказать ему таковое.

Упоминая о томъ, что онъ отказался отъ этого предложенія и отвѣчалъ, что, обращаясь къ его величеству, онъ не искалъ денегъ, Тургеневъ говоритъ это не ради хвастовства, а для того, чтобы сказать, что его отвѣтъ удостоился одобренія императора. Этотъ новый знакъ высочайшей милости заставилъ его предаться своимъ служебнымъ обязанностямъ съ удвоеннымъ рвеніемъ, что отразилось на его здоровьѣ, и на слѣдующій годъ врачи были вынуждены послать его въ Карлсбадъ. Его императорское величество благоволилъ разрѣшить ему эту поѣздку и повысилъ его въ то же время по службѣ, разрѣшивъ ему отпускъ съ сохраненіемъ содержанія и приказавъ выдать ему извѣстную сумму денегъ на путевыя издержки. Это не все; его величество приказалъ

генералу графу Аракчееву передать Тургеневу, что государь совѣтуетъ ему остерегаться за границею злонамѣренныхъ людей, коихъ вездѣ много и которые навѣрно постараются обойти его.

— Передайте ему,—присовокупилъ его величество,—что я, приказывая ему быть осторожнымъ, даю ему этотъ совѣтъ не какъ монархъ, а какъ христіанинъ.

Совѣтъ, данный со столь трогательной добротою, свидѣтельствуетъ о томъ, что императоръ придавалъ надлежащее значеніе обвиненіямъ, предъявленнымъ противъ Николая Тургенева, котораго неоднократно старались погубить въ его глазахъ, и что онъ хотѣлъ предостеречь его отъ политическихъ заблужденій, коимъ онъ отчасти считалъ его доступнымъ, не думая однако, что онъ былъ недостоенъ его благоволенія или способенъ запятнать себя государственнымъ преступленіемъ.

Николай Тургеневъ уѣхалъ въ Карлсбадъ 9-го августа 1824 г. Никто не обвиняетъ его въ томъ, что онъ велъ преступную переписку съ кѣмъ-либо въ Россіи или занимался какими-либо происками за границею. Чрезвычайно важно опредѣлить вполнѣ точно время его отъѣзда, ибо это дастъ возможность опровергнуть самое серьезное обвиненіе, направленное противъ него.

Въ то время когда вспыхнуло возмущеніе 14-го декабря 1825 г., Николая Тургенева уже не было въ Россіи годъ и восемь мѣсяцевъ. На требованіе явиться въ слѣдственную коммиссію въ качествѣ соучастника въ возмущеніи 14-го декабря 1825 г., обвиняемаго въ государственномъ преступленіи, онъ отвѣчалъ, что имъ уже послана въ Петербургъ объяснительная записка относительно его принадлежности къ тайному обществу; этой записки, по его мнѣнію, было вполнѣ достаточно для его полнаго оправданія, а состояніе здоровья не позволяло ему предпринять путешествіе.

Николай Тургеневъ спѣшитъ оговориться: онъ понимаетъ, что его отказъ явиться въ слѣдственную коммиссію могъ возстановить противъ него самыхъ безпристрастныхъ лицъ, но нѣтъ надобности доказывать, что его отсутствіе не могло ни въ какомъ случаѣ усугубить его вину. Явясь въ судъ, или отсутствуя, Николай Тургеневъ, разумѣется, не былъ отъ этого ни болѣе, ни менѣе виновенъ; но его отсутствіе могло показаться, что онъ боялся объясненій, къ тому же онъ не имѣлъ возможности разъяснить письменно нѣкоторыя сомнѣнія, которыя онъ могъ бы разсѣять въ умѣ своихъ судей лично.

Его постигло между прочимъ одно обстоятельство, неизбѣжное при производствѣ всякаго судебнаго слѣдствія, въ которомъ замѣшано большое число лицъ, а именно, что прочіе сообвиняемые, зная объ его отсутствіи, не стѣснялись обвинять его, либо съ цѣлью снять съ себя нѣ-

которую долю своей вины либо для того, чтобы облегчить положеніе того или другаго изъ своихъ единомышленниковъ.

Николай Тургеневъ не оправдывается въ томъ, что онъ не явился въ коммиссію, онъ только объясняетъ причины этого обстоятельства и указываетъ на послѣдствія, какія оно имѣло.

Его отсутствіе было вредно только для него самого, оно не могло усугубить его вину, но оно не дало ему возможности оправдаться. Докладъ слѣдственной коммиссіи производитъ при чтеніи, въ общемъ, впечатлѣніе связнаго литературнаго произведенія.

Редакторъ увлекся желаніемъ создать изъ своего труда одно стройное цѣлое, поэтому онъ не довольствовался изложеніемъ фактовъ во всей ихъ наготѣ, но обобщилъ ихъ, тогда какъ они касались только каждаго изъ обвиняемыхъ лично, связалъ ихъ въ одно цѣлое, тогда какъ они были безсвязны, смѣшалъ ихъ, тогда какъ они были раздѣлены пространствомъ и временемъ.

Прежде нежели опровергать обвиненія, направленныя лично противъ него, Николай Тургеневъ долженъ разсмотрѣть эти обвиненія, устранить изъ нихъ всѣ постороннія прикрасы и ограничиться фактами, касающимися только его лично. Виновность или невинность прочихъ обвиняемыхъ не имѣетъ никакого отношенія къ его виновности или невинности. Читая Донесеніе, трудно прослѣдить рядъ обвиненій, касающихся его лично. Невольно увлекаясь общей связью изложенія и построеннаго на немъ обвиненія, читателю трудно выяснить долю личнаго участія въ дѣлѣ каждаго изъ обвиняемыхъ. Дополненіе, приложенное къ Донесенію, могло бы сослужить въ этомъ отношеніи нѣкоторую пользу, но оно разнится съ Донесеніемъ въ столь существенныхъ пунктахъ и такъ плохо вяжется съ приведенными въ немъ датами и фактами, что не только не уменьшаетъ, но еще болѣе увеличиваетъ путаницу. Въ виду необходимости выяснить какъ можно точнѣе тѣ пункты, на коихъ должна быть построена защита, читатель будетъ конечно искать отвѣта въ Донесеніи, какъ документѣ главномъ и оффиціальномъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Донесеніе и Дополненіе къ нему находятся въ разногласіи, и когда надобно остановиться на одномъ изъ нихъ. Слѣдовательно, для того чтобы отвѣтить обстоятельно на всѣ пункты, въ коихъ Николай Тургеневъ обвиняется, надобно прежде всего выдѣлить изъ Донесенія все, что касается его лично, для того чтобы составить себѣ ясное понятіе, въ чемъ именно заключается это обвиненіе. Всѣ пункты, въ коихъ упомянуто его имя, будутъ приведены съ величайшей точностью и подвергнуты критикѣ съ двоякой точки зрѣнія: можно ли было обвинить Тургенева и произнести приговоръ на основаніи этихъ фактовъ, если судить о нихъ только по Донесенію слѣдственной коммиссіи, какъ оно ихъ изображаетъ? Установлены ли

эти факты законнымъ образомъ и доказаны ли они юридически? Правдивы ли эти факты и правдоподобны ли они?

Всѣ мѣста Донесенія, въ коихъ упоминается имя Николая Тургенева, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ девяти фактамъ или обвинительнымъ пунктамъ:

1-й фактъ. Николай Тургеневъ думалъ вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ Михаиломъ Орловымъ и съ графомъ Мамоновымъ завести общество, подъ названіемъ «Русскихъ рыцарей». Это общество, коего уставъ предполагалось представить на утвержденіе его величества императора Александра, «не было составлено».

2-й фактъ. Коренная Управа Союза Благоденствія предполагала основать журналъ; въ примѣчаніи къ Донесенію объ этомъ говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

3-й фактъ. «Изданіе журнала предпринималъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Тургеневъ; есть нѣсколько возмутительныхъ пѣсенъ, которыя тогда были сочинены и, можетъ быть, распускаемы, но точно ли по предписаніямъ тайнаго общества, того нельзя сказать утвердительно».

4-й фактъ будетъ переданъ точными словами Донесенія.

«По крайней мѣрѣ достовѣрно, что между ними (т. е. членами Общества) были разговоры и пренія, которыя инымъ могли казаться правильными совѣщаніями о разныхъ образахъ правленія... А въ началѣ 1820 г. было, какъ показываетъ полковникъ Пестель, въ Санктпетербургѣ собраніе Коренной Думы (или Управы), которая по уставу имѣла въ союзѣ власть законодательную. Въ семъ собраніи, Пестель по вызову члена, исправлявшаго должность Блюстителя, исчислялъ выгоды и невыгоды правленій монархическаго и республиканскаго, и послѣ многихъ разсужденій собирали голоса; всѣ, утверждаетъ Пестель, объявили, что предпочитаютъ республиканское правленіе; между прочими Николай Тургеневъ слѣдующими словами: un président sans phrases [1]), кромѣ одного полковника Глинки», который былъ инаго мнѣнія. Сіе заключеніе Коренной Управы, по увѣренію Пестеля, опредѣлено было сообщить всѣмъ другимъ, и онъ сообщилъ его Тульчинской; съ тѣхъ поръ, прибавляетъ онъ, республиканскія мысли стали брать верхъ надъ монархическими, хотя члены еще говорили, что если императоръ Александръ самъ даруетъ Россіи хорошіе, по ихъ мнѣнію, законы, то они будутъ его вѣрными приверженниками и оберегателями. Но сіи показанія полковника Пестеля не всѣ подтверждены другими допрошенными; одинъ (Глинка) говоритъ, что все разсказываемое происходило не на правильномъ совѣщаніи, а въ обыкновенномъ разговорѣ о раз-

---

[1]) Объявляю безъ фразъ, что хочу президента.

ныхъ политическихъ предметахъ. Фонъ-деръ-Бригенъ утверждаетъ, что большая часть присутствовавшихъ тутъ членовъ была не готова къ разсужденіямъ сего рода и къ объявленію какого-нибудь рѣшительнаго мнѣнія, что между прочими, онъ и Глинка отреклись дать свое, что Тургеневъ, вмѣсто приписываемыхъ ему словъ, сказалъ просто: «Республиканское правленіе съ президентомъ очень хорошо, но главное всегда зависитъ отъ устройства въ народномъ представленіи». «Титулярный совѣтникъ Семеновъ прибавляетъ, что не было сдѣлано никакого опредѣленія, и совѣщаніе кончилось споромъ, въ коемъ полковникъ Глинка доказывалъ, что въ Россіи не можетъ существовать никакое правленіе кромѣ монархическаго. Наконецъ, ни одинъ не упоминаетъ о предложеніи касательно императрицы Елисаветы.

«Впрочемъ, все происходившее на семъ совѣщаніи, какъ показываетъ Никита Муравьевъ, не имѣло никакого вліянія на образъ мыслей и дѣствія членовъ вообще; не сдѣлано въ слѣдствіе того никакихъ предписаній подвѣдомственнымъ управамъ, кромѣ Тульчинской; на многихъ бывшихъ послѣ собраніяхъ не говорено о республиканскомъ правленіи, а разсуждали о перемѣнѣ образованія и ходѣ Союза Благоденствія, и самъ Пестель свидѣтельствуетъ, что отъ начала до разрушенія сего Союза, ни одно правило не было постоянно признаваемо, и часто все единогласно рѣшенное чрезъ нѣсколько часовъ такъ же единогласно отмѣняли».

5-й фактъ. «Однако жъ въ исходѣ 1820 г. и между членами Южной Управы начали оказываться холодность, несогласія во мнѣніяхъ...» Пестель предложилъ, для прекращенія разномыслія, учредить временное Диктаторство; сіе предложеніе, равно и другое, чтобы замѣнить Диктатора Тріумвиратомъ, отвергнуты, а положено быть въ Москвѣ съѣзду депутатовъ Союза, для точнѣйшаго опредѣленія цѣли и дѣйствій онаго.... Генералъ-маіоръ фонъ-Визинъ пріѣзжалъ изъ Тульчина въ Петербургъ для приглашенія депутатовъ, и въ Москву отправились Николай Тургеневъ и Глинка... Симъ членамъ, на многихъ предварительныхъ собраніяхъ, генералъ фонъ-Визинъ предлагалъ раздѣлить общество на три разряда.

«Тутъ опять начались несогласія и споры; предложеніе фонъ-Визина отвергали Николай Тургеневъ (избранный предсѣдателемъ на время съѣзда и, по словамъ Комарова, показывавшій себя весьма умѣреннымъ), генералъ-маіоръ Орловъ, Бурцовъ, Колошинъ и Комаровъ.., а въ концѣ февраля (1821 года) на общемъ засѣданіи, положено уничтожить Союзъ. Тургеневъ, какъ предсѣдатель, отъ имени всѣхъ уполномоченныхъ членовъ, объявилъ прочимъ, что ихъ сообщество разрушилось совершенно и навсегда, какъ по возникшему въ ономъ разно-

мыслію, такъ и для того, чтобы не возбудить подозрѣнія правительства. Уставъ Союза Благоденствія и прочія бумаги сожжены».

6-й фактъ. Фактъ составляетъ продолженіе предъидущаго, въ Донесеніи объ немъ говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Руководители оной (Коренной Управы) тогда же рѣшились современемъ составить новое общество и раздѣлить его на двѣ степени, съ тѣмъ, чтобы только принадлежащимъ къ первой была извѣстна настоящая цѣль онаго: готовить Россію къ измѣненію государственныхъ установленій».... Якушкинъ утверждаетъ, что сіе тайное общество, съ названіемъ, коего онъ не помнитъ, и новымъ Уставомъ, тогда же и составилось; генералъ-маіоръ фонъ-Визинъ, напротивъ, что все окончилось одними предположеніями и признаніемъ, нѣсколько разъ повтореннымъ, что никакая цѣль не оправдываетъ средствъ.

«Титулярный совѣтникъ Семеновъ показываетъ, что Николай Тургеневъ, возвратясь изъ Москвы въ 1821 году, начиналъ изъ нѣкоторыхъ членовъ уничтоженнаго Союза составлять новое тайное общество; въ оное приглашалъ прежнихъ, князя Оболенскаго, полковника Нарышкина и его, Семенова; да принялъ полковника Митькова, Якова Толстаго и Миклашевскаго. Вскорѣ потомъ гвардія выступила въ походъ, и дѣйствія Общества прекратились. Семеновъ не знаетъ, имѣло ли оно Уставъ; онъ прибавляетъ, что ни Тургеневъ, ни другіе члены сего Общества не обнаруживали при немъ (Семеновѣ) злодѣйственныхъ намѣреній противъ императорской фамиліи.

«Только въ исходѣ 1822 года, сіе Петербургское, или Сѣверное Общество снова образовалось. Его раздѣлили на Убѣжденныхъ и Соединенныхъ или Согласныхъ. Союзъ Убѣжденныхъ или Верхній Кругъ составлялся изъ основателей.

«Главными изъ сихъ основателей, или возобновителей Общества, по словамъ Никиты Муравьева, были: онъ самъ, князь Оболенскій и Николай Тургеневъ, который однако же не участвовалъ въ принятіи новыхъ членовъ. Въ обоихъ отдѣленіяхъ Сѣвернаго Общества, Соединенныхъ и Убѣжденныхъ, равно какъ и въ Южномъ, членовъ принимали безъ всякихъ обрядовъ».

7-й фактъ. Въ томъ же дополненіи къ Донесенію упоминается объ этомъ фактѣ слѣдующее:

«Въ концѣ 1823 г., рѣшась для лучшаго успѣха имѣть трехъ предсѣдателей, присоединили къ нему князя Сергѣя Трубецкаго, лишь возвратившагося изъ-за границы, и князя Евгенія Оболенскаго».

«Мѣсто правителя предлагали Николаю Тургеневу; онъ отказался за нездоровьемъ, множествомъ иныхъ занятій и худымъ успѣхомъ его предсѣдательства въ Москвѣ».

8-ой фактъ. По поводу этого и слѣдующаго обвиненія, въ высшей

степени важно точно опредѣлить даты, на основаніи всего сказаннаго въ Донесеніи:

«Въ 1825 г. былъ и самъ Пестель (въ Петербургѣ)... ему противились во многомъ, и однажды онъ, въ нетерпѣніи ударивъ по столу, сказалъ: такъ будетъ же республика; всѣ согласились съ его мнѣніемъ и видами. Но члены Петербургскаго Общества показываютъ другое... По словамъ Никиты Муравьева, Пестель послѣ пріѣзда въ Петербургъ на собраніи при князѣ Трубецкомъ, Оболенскомъ, Николаѣ Тургеневѣ, Рылѣевѣ, Матвѣѣ Муравьевѣ-Апостолѣ, жаловался на недѣятельность Сѣвернаго Общества, предлагалъ слить оба Общества въ одно, назвать Боярами главныхъ петербургскихъ членовъ, имѣть однихъ начальниковъ, всѣ дѣла рѣшать большинствомъ голосовъ Бояръ, обязать ихъ и прочихъ членовъ повиноваться слѣпо симъ рѣшеніямъ; предложеніе было принято, какъ сказалъ князь Трубецкой Никитѣ Муравьеву, который не былъ на семъ собраніи».

9-ый и послѣдній фактъ Донесенія. Чрезъ годъ послѣ того (въ исходѣ 1824 г., черезъ годъ послѣ конца 1823 г.) князь Трубецкой отправился въ Кіевъ... на мѣсто князя Трубецкаго сдѣланъ членомъ Директоріи или Думы Рылѣевъ.

Между тѣмъ и въ Петербургскомъ Обществѣ явилась бо́льшая противъ прежняго и безпокойная дѣятельность, особливо со времени вступленія Рылѣева въ Думу на мѣсто князя Сергѣя Трубецкаго. Онъ и принятый имъ въ апрѣлѣ 1825 г., причисленный къ Верхнему Кругу Александръ Бестужевъ, тѣсно связанный съ нимъ... ревностнѣе всѣхъ старались распространять свои правила и умножать число сообщниковъ, хотя Бестужевъ и утверждаетъ, что съ перваго засѣданія его въ Кругѣ Убѣжденныхъ онъ увѣрился въ ничтожности силъ ихъ Общества... Имъ и Рылѣвымъ, прямо и чрезъ другихъ, приняты многіе новые члены».

Въ числѣ этихъ новыхъ членовъ въ Донесеніи названъ Торсонъ, время поступленія коего опредѣлено, слѣдовательно, точнымъ образомъ; оно послѣдовало въ 1825 г.

Около сего же времени, сказано въ Донесеніи, то-есть въ теченіе 1825 г., члены Сѣверной Думы познакомились съ пріѣхавшимъ изъ Грузіи капитаномъ Якубовичемъ».

«Осенью въ семъ же 1825 году, другой человѣкъ (подполковникъ Батеньковъ)... вошелъ случайно въ пріятельскія связи съ Рылѣевымъ и Александромъ Бестужевымъ».

«Пріѣздъ сего послѣдняго (Якубовича) въ Петербургъ, его разговоры, объявленный имъ умыселъ, сильно дѣйствовали на тогдашняго начальника Сѣверной Думы, Рылѣева... «Вотъ увидишь, когда возвратится государь (изъ Таганрога), мы что-нибудь

предпримемъ», сказалъ онъ въ отвѣтъ на вопросъ Пущина, что они дѣлаютъ.

На вопросъ «что дѣлать, если государь не согласится на ихъ условія? онъ (Рылѣевъ) сказалъ: не вывезти ли за границу? Къ сему мнѣнію пристали: Трубецкой, Никита и Матвѣй Муравьевы, Оболенскій и Николай Тургеневъ, и что для сего ему отъ Думы велѣно приготовлять Кронштадтскій флотъ, чрезъ надежныхъ офицеровъ».

Въ этихъ девяти пунктахъ извлечены изъ Донесенія слѣдственной коммиссіи всѣ мѣста, въ коихъ упоминается имя Николая Тургенева.

Первый фактъ.

Относительно этого факта въ оправданіе достаточно будетъ привести объясненія, заимствованныя изъ самаго же Донесенія слѣдственной коммиссіи.

1) Общество «Русскихъ рыцарей», второе изъ упомянутыхъ въ Донесеніи, осталось, по словамъ того же Донесенія, въ проектѣ, который не былъ осуществленъ и Общество не было составлено.

2) Намѣреніе, которое имѣлъ генералъ-маіоръ Михаилъ Орловъ при составленіи этого проекта, который не былъ выполненъ, было чисто и невинно, такъ какъ онъ хотѣлъ представить его на утвержденіе его императорскаго величества; это обстоятельство не было извѣстно Тургеневу, но оно подтверждается Донесеніемъ. Оба эти обстоятельства лишаютъ вышеупомянутые факты характера виновности; они говорятъ въ оправданіе Тургенева и не опровергаются показаніями другихъ лицъ.

Сверхъ того Николай Тургеневъ присовокупляетъ, что онъ никогда не видалъ графа Мамонова и что генералъ Орловъ сообщилъ ему только обряды двухъ масонскихъ степеней, заимствованные, какъ онъ полагаетъ, изъ уставовъ старинныхъ масонскихъ ложъ, существовавшихъ въ Москвѣ. Наконецъ, что проектъ и даже самое названіе Общества «Русскихъ рыцарей» не были ему извѣстны до прочтенія Донесенія слѣдственной коммиссіи. Точно также до этого времени ему не было извѣстно объ отношеніяхъ, которыя существовали между Александромъ Муравьевымъ и генераломъ Орловымъ.

Самое главное возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано относительно перваго факта, заключается въ томъ, что графъ Мамоновъ, который, судя по Донесенію, принималъ въ этомъ обществѣ такое же участіе, какъ Николай Тургеневъ, ни въ чемъ не обвиненъ. Слѣдовательно, этотъ фактъ самъ по себѣ не былъ преступенъ; напротивъ, онъ могъ считаться невиннымъ, ибо не подалъ повода къ преслѣдованію противъ

одного изъ соучастниковъ. Спрашивается, можетъ ли фактъ, признанный невиннымъ, быть вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ виновности? Очевидно нѣтъ.

Но на это могутъ сказать, что если этого факта недостаточно для обвиненія, то онъ все же имѣетъ значеніе какъ внушающій подозрѣніе, которое въ связи съ прочими обвиненіями усиливаетъ ихъ.

Нѣтъ, этого не скажутъ, ибо это значило бы пренебречь самыми элементарными принципами уголовнаго права. Фактъ существуетъ или не существуетъ, онъ доказанъ, или не доказанъ. Если онъ не доказанъ, то естественно онъ не можетъ служить къ обвиненію. Фактъ подозрительный въ связи съ другимъ подозрительнымъ фактомъ еще не имѣетъ значенія доказаннаго факта. Тысячу подозрѣній не равносильны одной уликѣ. Нѣсколько необдуманныхъ поступковъ не составляютъ въ совокупности преступленія. По этому поводу существуетъ нѣсколько выраженій, вошедшихъ въ пословицу, коими не слѣдуетъ пренебрегать, несмотря на ихъ обыденность, или, лучше сказать, самая обыденность ихъ свидѣтельствуетъ о томъ, что они суть выраженіе здраваго смысла. Такъ напримѣръ говорятъ: «если къ теплой водѣ прибавить теплую воду да еще теплую воду, то не получишь кипятку». Говорятъ еще: «сто бѣлыхъ кроликовъ не составляютъ одной бѣлой лошади». Точно также на языкѣ уголовнаго права говорятъ: подозрѣнія да подозрѣнія не составляютъ доказательства; неосторожность да неосторожность не составляетъ преступленія.

Этотъ первый фактъ не можетъ внушить даже простаго подозрѣнія; по этому о немъ излишне было бы распространяться.

Надобно еще замѣтить, что показанія свидѣтелей, относящіяся до проекта Общества «Русскихъ рыцарей», отнюдь не могутъ служить доказательствомъ участія Тургенева въ другихъ обществахъ, не имѣвшихъ съ нимъ ничего общаго. Въ дополненіи къ Донесенію доказательства приведены огуломъ, при чемъ между отдѣльными обществами не дѣлается различія. Это смѣшеніе представляетъ двоякаго рода неудобство: оно несправедливо усугубляетъ обвиненіе и мѣшаетъ разобраться въ фактахъ.

Второй фактъ.

Вступленіе Николая Тургенева во второе изъ упомянутыхъ въ Донесеніи обществъ, въ Союзъ Благоденствія, составляетъ второй пунктъ обвиненія.

Надобно замѣтить, что первое Общество, названное въ Донесеніи Союзомъ Спасенія, прекратило свое существованіе въ то время когда Николай Тургеневъ вступилъ въ Союзъ Благоденствія. Слѣдова-

тельно, его не можетъ касаться ни одно изъ тѣхъ важныхъ обвиненій, кои предъявляются къ Союзу Спасенія, ибо Донесеніемъ установлено, что это первое Общество не принимало никакого участія въ дѣлѣ 14-го декабря, и что онъ не былъ къ нему причастенъ.

Дѣйствительно, въ Донесеніи говорится, что Общество было преобразовано послѣ того, какъ Якушкинъ разорвалъ связь съ Союзомъ Спасенія, что былъ сочиненъ новый уставъ Общества, и оно приняло новое имя Союза Благоденствія. Послѣ этого преобразованія прежнее Общество, вполнѣ измѣнившее свой уставъ, не могло считаться существующимъ, ибо оно отказалось отъ того, чѣмъ оно было, и стало совсѣмъ инымъ. Николай Тургеневъ обвиняется въ принадлежности ко второму Обществу, Союзу Благоденствія, называемому также Обществомъ Зеленой Книги по переплету той книги, въ которой заключался его уставъ, а не къ Союзу Спасенія, которое его вовсе не касается и коего дѣйствія, хотя бы таковыя существовали, и намѣренія, хотя бы ихъ злостность была доказана, было бы несправедливо приписывать ему.

Что же могло быть преступнаго въ принадлежности ко второму Обществу?

Поводомъ къ осужденію не могло быть то обстоятельство, что Союзъ Благоденствія имѣлъ характеръ тайнаго общества.

Дѣйствительно, тайныя общества, масонскія ложи и прочія подобнаго рода собранія не были запрещены въ то время въ Россіи, а все то, что не воспрещено закономъ, считается дозволеннымъ. Законъ, коимъ что-либо воспрещается впредь, не имѣетъ обратнаго дѣйствія. Этотъ принципъ признается всѣми законодательствами какъ одинъ изъ основныхъ принциповъ охраненія общественнаго порядка. Nulla poena sine lege было всегда неоспоримой аксіомой.

Въ 4 ст. французскаго уголовнаго кодекса, представляющаго какъ бы переводъ этого изреченія, говорится: «Никакое нарушеніе закона, никакой проступокъ, никакое преступленіе не могутъ подлежать наказанію, если они не были предусмотрѣны закономъ до момента ихъ совершенія».

Принадлежность къ какому бы то ни было обществу можетъ, сама по себѣ, считаться преступленіемъ лишь по столько, по сколько общество преслѣдуетъ какую-нибудь преступную цѣль.

Если эта преступная цѣль выражена въ уставѣ и въ правилахъ общества, въ такомъ случаѣ самое вступленіе въ общество можетъ, само собою разумѣется, считаться преступнымъ, такъ какъ всякій вступающій въ общество членъ обязанъ прочесть и обсудить его уставъ и правила.

Если преступная цѣль не выражена ясно въ уставѣ, то принадлежность къ обществу можетъ быть поводомъ къ обвиненію только при на-

личности какихъ-либо другихъ уликъ. Надобно доказать не только, что Общество имѣло преступную цѣль, но, кромѣ того, что обвиняемому члену Общества эта цѣль была извѣстна.

Что цѣль, выраженная въ уставѣ Союза Благоденствія, была невинна, это вытекаетъ изъ разбора его устава, изложеннаго въ Донесеніи, гдѣ этотъ уставъ изложенъ безо всякаго упоминанія о дѣйствіяхъ правительства.

Цѣль, указанная въ уставѣ, есть благо отечества; и члены выражали въ немъ намѣреніе служить пособниками правительству въ добрѣ.

Программа дѣятельности четырехъ разрядовъ или отраслей общества заключалась въ занятіяхъ вполнѣ законныхъ, которыя можно даже назвать достойными похвалы, хотя въ Донесеніи говорится, что это были весьма обыкновенныя филантропическія и патріотическія мысли, навѣянныя модой. Обыденность идеи еще не можетъ быть поставлена ей въ вину, ибо означаетъ только, что ее проповѣдуютъ многіе и раздѣляютъ почти всѣ, а это бываетъ преимущественно съ тѣми идеями, которыя настолько ясны, что онѣ безъ труда признаются здравымъ смысломъ. Что касается моды, вліяющей на ходящіе въ обществѣ взгляды, то надобно стараться, чтобы эта мода благопріятствовала распространенію идей согласныхъ съ честностью, справедливостью и христіанскимъ ученіемъ. Какъ бы то ни было, въ Зеленой Книгѣ были намѣчены слѣдующіе четыре разряда: человѣколюбіе, образованіе, судопроизводство, политическая экономія. Члены перваго разряда—человѣколюбія, должны были представлять плоды своихъ наблюденій самому правительству; члены 2-го разряда—образованія, должны были внушать юношамъ школьнаго возраста любовь ко всему отечественному; члены 3-го разряда не должны были уклоняться отъ должностей по выборамъ дворянства или по назначенію правительства въ порядкѣ судебномъ и доводить до свѣдѣнія правительства о дѣйствіяхъ чиновниковъ; наконецъ, члены 4-й отрасли должны были посвятить себя изученію политической экономіи, стараться изыскивать и опредѣлять непреложныя правила общественнаго богатства, способствовать всякаго рода промышленности и противиться монополіямъ.

Всѣ перечисленные пункты устава представляютъ собою дѣятельность весьма почтенную. Было ли это вполнѣ искренно? Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; эти правила нельзя никоимъ образомъ считать только пустымъ предлогомъ, служившимъ для прикрытія преступныхъ замысловъ, коль скоро въ Донесеніи сказано, что нѣкоторые члены предлагали испросить согласіе покойнаго императора на утвержденіе ихъ Общества. Дѣйствительно, если подумать, что это предложеніе было сдѣлано въ самомъ Обществѣ, то это заставляетъ предполагать, что говорившіе были убѣждены въ томъ, что оно вполнѣ согласовалось съ

цѣлью и съ духомъ Общества; говоря не передъ публикой и правительствомъ, а среди своихъ членовъ, они не могли и не желали обманывать сотоварищей относительно своихъ собственныхъ намѣреній. Если на это возразятъ, что только этимъ членамъ и была извѣстна истинная цѣль Общества, слѣдовательно было не достаточно состоять членомъ Общества для того, чтобы знать преступныя цѣли, о коихъ говорится въ Донесеніи, а это равносильно признанію, что участіе въ Обществѣ не есть еще доказательство участія въ преступныхъ замыслахъ и что необходимо имѣть особыя доказательства личной виновности каждаго изъ обвиняемыхъ членовъ. Изъ того, что нѣкоторые члены новаго Общества, называемаго Союзомъ Благоденствія, были членами Союза Спасенія и изъ того, что Союзъ Спасенія имѣлъ преступныя цѣли и замыслы, еще не слѣдуетъ выводить заключенія, что при составленіи втораго Общества преслѣдовались тѣ же цѣли и намѣренія. Напротивъ, естественно будетъ предположить, что, потерпѣвъ неудачу при примѣненіи нехорошихъ средствъ, они захотѣли дѣйствовать другими законными и правильными путями. Какая же надобность была перемѣнять уставъ Общества и возобновлять его существованіе для того, чтобы заниматься тѣмъ же предметомъ и стремиться къ той же цѣли.

Такъ какъ цѣль Союза Благоденствія ясно опредѣлена уставомъ, то, говоря, что у членовъ существовала иная цѣль, надобно доказать положительно ея существованіе, не довольствуясь однимъ обвиненіемъ. И это доказательство должно относиться къ самому Обществу, а не къ какимъ-либо другимъ обществамъ, которыя существовали до него или послѣ него.

Заявленіе, сдѣланное по этому поводу Семеновымъ, могло бы имѣть нѣкоторое значеніе, если бы оно не было единичное и бездоказательное. Но оно туманно и ничего не объясняетъ.

Впрочемъ, что же говорится въ этомъ показаніи? Что только главные члены Общества знали, что оно имѣло цѣлью измѣненіе государственныхъ установленій, а прочіе члены узнали объ этомъ намѣреніи впослѣдствіи. Читая это показаніе, невольно являются два соображенія, изъ коихъ одно касается въ частности Николая Тургенева, а другое относится къ цѣли, указанной Семеновымъ.

Находился ли Николай Тургеневъ въ числѣ лицъ, кои знали объ этихъ намѣреніяхъ съ самаго начала, или же онъ вмѣстѣ съ другими узналъ о нихъ впослѣдствіи.

Что это была за цѣль? По словамъ Семенова, это были только одни намѣренія. Но что такое намѣреніе, если оно не приведено въ исполненіе? Кто кромѣ Бога и собственной совѣсти можетъ судить о намѣреніи, если оно не обнаружилось дѣйствіями? Кто на свѣтѣ можетъ знать, какъ далеко идетъ намѣреніе, если оно ничѣмъ не проявляется; кто скажетъ,

на чемъ оно прекращается и какъ оно вырабатывается въ мысляхъ? Развѣ не можетъ та цѣль, о которой говоритъ Семеновъ, болѣе нежели какія бы то ни было намѣренія, получить тысячу истолкованій, изъ коихъ одни будутъ преступны, а другіе невинны. Можетъ ли быть что-нибудь менѣе заслуживающее порицанія, менѣе безвредное, болѣе чистое, непорочное и почтенное, нежели желаніе вызвать перемѣну, которая произвела бы улучшеніе въ государственныхъ установленіяхъ.

Если бываютъ такія дурныя перемѣны, то развѣ не бываетъ и прекрасныхъ? Развѣ весь міръ не есть обширное поприще, гдѣ ежедневно, ежеминутно все измѣняется, все возобновляется? Развѣ каждый доброжелательный монархъ, издавая новый законъ, не измѣняетъ существующее законодательство, въ полномъ убѣжденіи, что онъ его улучшаетъ? Развѣ Россія не подвергается постоянно подобнымъ преобразованіямъ, которыя измѣняютъ и улучшаютъ ея государственныя установленія, при томъ болѣе, чѣмъ всякая другая страна, такъ какъ она идетъ быстрѣе остальныхъ по пути цивилизаціи, на который она вступила гораздо позднѣе и на которомъ она дѣлаетъ огромные успѣхи. Не согласно ли это постепенное усовершествованіе Общества и всего человѣчества съ духомъ христіанскаго ученія? Не было ли оно одною изъ сокровенныхъ мыслей покойнаго императора Александра, какъ это доказывали зачастую его поступки и слова и между прочимъ рѣчь, произнесенная имъ на польскомъ сеймѣ. Не есть ли это вѣчная слава Петра Великаго?

Желаніе улучшить государственныя установленія можетъ быть причислено къ самымъ похвальнымъ качествамъ, если оно будетъ правильно истолковано. Почему же истолковывать его, основываясь на показаніи Семенова, скорѣе въ дурную, нежели въ хорошую сторону? Гдѣ доказательства того, что оно должно быть истолковано въ дурномъ смыслѣ?

Слѣдовательно, все клонится къ тому, чтобы устранить показаніе Семенова, какъ неточное и бездоказательное, но, предположивъ даже, что оно было бы принято бездоказательно и свидѣтельствовало бы безразлично о невинной или преступной цѣли Общества, во всякомъ случаѣ это показаніе не имѣло бы непосредственнаго отношенія къ Николаю Тургеневу.

Говоря о внутреннемъ устройствѣ Союза Благоденствія, Донесеніе входитъ въ такія подробности, которыя предполагаютъ существованіе прочной и правильной организаціи. Но дѣло въ томъ, что въ дѣйствительности никогда не существовало ни Кореннаго Союза, ни Коренной Управы, ни законодательной и исполнительной власти, ни верховнаго судилища, ни временной законодательной палаты, ни засѣдателей, ни почетныхъ, ни постыдныхъ книгъ и т. д. Въ самомъ Донесеніи говорится, что верховное правленіе Союза, которое одно имѣло власть

утверждать законы, могло быть установлено тогда только, когда бы Союзъ совершенно составился, но нигдѣ не упоминается о томъ, что онъ былъ составленъ окончательно. Если бы Общество существовало на самомъ дѣлѣ, то самый фактъ его существованія заставилъ бы его соблюдать особенно строго правила, касающіяся денежныхъ средствъ Союза, ибо никакое Общество не можетъ существовать безъ денегъ. Между тѣмъ въ Донесеніи говорится, что правило, касающееся денежныхъ взносовъ, не соблюдалось особенно строго. Если бы Общество проявляло свою дѣятельность, если бы оно рѣшало дѣла, дѣлало постановленія, то отъ этого сохранились бы какіе-либо общественные слѣды. Но ихъ нѣтъ. Ни почетная, ни постыдная книга не могутъ быть розысканы. Николай Тургеневъ долженъ заявить, что, по его мнѣнію, всего этого никогда не существовало, а если и существовало, то онъ этихъ вещей никогда не видалъ. Онъ убѣжденъ въ томъ, что все это фантастическое законодательство, всѣ эти правила существовали только на бумагѣ. Если онъ ошибается, если все это дѣйствительно существовало, то во всякомъ случаѣ его мнимое вліяніе въ этомъ дѣлѣ сильно преувеличено, такъ какъ онъ обо всемъ этомъ ничего не зналъ.

Въ подтвержденіе мнѣнія, высказаннаго Николаемъ Тургеневымъ о вліяніи тайныхъ обществъ въ Россіи, здѣсь кстати будетъ привести его же отзывъ, имѣющій большое значеніе, если принять во вниманіе время, когда онъ былъ высказанъ. Дневникъ, веденный имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ который онъ заносилъ изо дня въ день приходившія ему въ голову мысли, былъ показанъ его братомъ двумъ членамъ верховнаго уголовнаго суда, во время ихъ пребыванія въ Дрезденѣ. Вотъ что записано имъ 16-го августа 1822 года на страницѣ, заполненной сверху до низу и на которой ничего не могло быть вписано позднѣе: «На-дняхъ появился рескриптъ касательно масонскихъ ложъ, воспрещающій всѣ тайныя общества. Говорятъ, будто нѣкоторые ревностные масоны сожалѣютъ о ложахъ; что касается тайныхъ обществъ, то никто не говоритъ о нихъ, такъ какъ никто ихъ не знаетъ и не думаетъ, что они существуютъ и могутъ существовать въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, воспрещеніе ихъ кажется совершенно излишнимъ».

Если присутствіе преступнаго элемента въ организаціи Общества не доказано, если въ его уставѣ не говорится ничего преступнаго, если, вступая въ Общество и состоя его членомъ, можно было не знать о его преступныхъ намѣреніяхъ, то слѣдовательно доказано, что можно было состоять членомъ Общества, не бывъ виноватымъ въ государственномъ преступленіи.

Преступныя цѣли, которыя имѣли нѣкоторые члены Общества, его основатели и прочія лица, должны быть приписаны только тѣмъ лицамъ,

которыя преслѣдовали эти цѣли; тѣ же члены Общества, кои не принимали въ нихъ участія, не могутъ считаться виновными, ибо намѣренія, которыя человѣкъ преслѣдуетъ лично, касаются только его, такъ какъ и по закону и съ нравственной точки зрѣнія каждый отвѣтственъ только за самого себя. Если въ обществѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ лицъ, найдутся люди, преслѣдующіе преступныя цѣли, то наказывать людей, соучастіе которыхъ въ этихъ цѣляхъ не можетъ быть доказано, было бы равносильно наказанію за преступленіе другихъ.

Слѣдовательно, принадлежность къ Союзу Благоденствія не есть еще преступленіе. Доказательствомъ этого и вмѣстѣ съ тѣмъ подтвержденіемъ вышесказаннаго служитъ то обстоятельство, что не всѣ лица, принадлежавшія къ этому Обществу, были обвинены. Поэтому остается выяснить, принималъ ли Николай Тургеневъ лично участіе въ преступныхъ дѣйствіяхъ или намѣреніяхъ Общества.

Третій фактъ.

Третій фактъ касается проекта основанія журнала, въ намѣреніи издавать который обвиняется Николай Тургеневъ.

Что касается упоминанія о какихъ-то возмутительнаго свойства пѣсняхъ, то сказаннаго въ самомъ Донесеніи само по себѣ достаточно, чтобы опровергнуть это обвиненіе самымъ положительнымъ образомъ.

1) Въ Донесеніи сказано, что быть можетъ онѣ распространялись, но не утверждается, что это было сдѣлано по предписанію тайнаго общества. Обвиненіе, которое не утверждается положительно и сопровождается словомъ «можетъ быть», нельзя признать серьезнымъ. Оно опровергается само собою.

2) Въ Донесеніи не говорится, что эти пѣсни были сочинены Николаемъ Тургеневымъ или кѣмъ-либо изъ членовъ Союза Благоденствія. Хотя бы онѣ и были сочинены прочими членами Союза Благоденствія, Николай Тургеневъ не можетъ быть за это отвѣтственъ.

3) Въ Донесеніи не говорится, что Союзу Благоденствія были извѣстны эти возмутительныя пѣсни. И не говорится также, что онѣ были извѣстны Николаю Тургеневу, или что онъ подозрѣвалъ объ ихъ существованіи.

4) Въ Донесеніи не приводятся эти пѣсни. Слѣдовательно, нѣтъ возможности опредѣлить, когда именно онѣ были сочинены и въ чемъ состоялъ ихъ возмутительный характеръ.

Что же касается обвиненія, будто Тургеневъ намѣревался издавать журналъ, то онъ отрицаетъ самымъ положительнымъ образомъ, чтобы онъ когда-либо принималъ по отношенію къ Союзу Благоденствія подобнаго рода обязательство.

Это обвиненіе высказано въ Донесеніи въ такихъ выраженіяхъ, которыя не позволяютъ останавливаться на немъ; ибо Донесеніе не утверждаетъ этого факта, а только говоритъ: «если вѣрить показаніямъ посторонняго свидѣтеля, не подтвержденнымъ сознаніемъ допрошенныхъ».

Николай Тургеневъ не отрицаетъ, что ему приходила мысль издавать журналъ; онъ даже выработалъ его программу. Эта мысль не была приведена въ исполненіе. Но Николай Тургеневъ отрицаетъ то обстоятельство, что этотъ журналъ зависѣлъ когда-либо отъ Союза и что кто-либо поручалъ ему это изданіе, которое онъ намѣревался вести одинъ.

Самъ по себѣ это фактъ ничего незначащій. Для того чтобы издавать журналъ, надобно представить его предварительно на одобреніе цензуры. Можно ли повѣрить, чтобы кто-нибудь былъ настолько безуменъ, чтобы представить въ цензуру преступный проектъ или чтобы цензура была настолько слѣпа, чтобы пропустить проектъ, не просмотрѣвъ его. Или, наконецъ, чтобы этотъ проектъ проскользнулъ безъ вѣдома цензуры и былъ обнародованъ.

Къ этому можно прибавить, что такъ какъ этотъ журналъ никогда не издавался и даже не былъ составленъ, то онъ не можетъ служить предлогомъ къ обвиненію.

Безъ сомнѣнія, и сама коммиссія нашла это обвиненіе неосновательнымъ, такъ какъ объ немъ не упомянуто въ дополненіи къ Донесенію.

Въ дополненіи къ Донесенію, въ которомъ приведено это обвиненіе, ссылаются по этому поводу на замѣтку, найденную въ бумагахъ покойнаго императора Александра. Между тѣмъ она служитъ весьма вѣскимъ аргументомъ къ оправданію Тургенева относительно изданія журнала, а равно и вступленія его въ Союзъ Благоденствія.

Выше было замѣчено, что его императорское величество продолжалъ осыпать Николая Тургенева своими милостями и послѣ того какъ ему были извѣстны всѣ обстоятельства дѣла, которыя онъ могъ взвѣсить и которыя однако онъ не вмѣнилъ ему въ преступленіе.

Четвертый фактъ.

Если бы между заговорщиками происходило настоящее совѣщаніе для рѣшенія вопроса о томъ, какой образъ правленія долженъ замѣнить существующее правительство, если бы кто-либо изъ заговорщиковъ высказался за учрежденіе республиканскаго правленія съ президентомъ во главѣ, то это было бы государственнымъ преступленіемъ, заслуживающимъ наказанія по всей строгости закона.

Но если не было ни заговорщиковъ, ни обсужденія подобныхъ во-

просовъ, если не было принято никакого рѣшенія; если нѣсколько фразъ, сказанныхъ на удачу въ разговорѣ и не имѣвшихъ связи съ тѣмъ, что предшествовало и что было сказано вслѣдъ за тѣмъ, притомъ касавшихся вопросовъ чисто теоретическихъ, совершенно не примѣнимыхъ къ русской жизни, были схвачены на лету, невѣрно поняты и истолкованы по прошествіи шести лѣтъ, то мнимое государственное преступленіе разлетится прахомъ и сведется къ пустымъ разговорамъ, которые не заслуживаютъ вниманія правосудія.

Къ которой же изъ этихъ двухъ, столь различныхъ категорій слѣдуетъ отнести четвертый фактъ, въ которомъ обвиняютъ Николая Тургенева? Внимательное изученіе Донесенія даетъ намъ возможность рѣшить этотъ важный вопросъ.

Настоящее совѣщаніе и пустой разговоръ двѣ вещи весьма различныя. Въ разговорѣ не особенно взвѣшиваютъ слова; выраженія мѣняются ежеминутно, слѣдуя за мыслію; тонъ голоса, возраженія собесѣдника, отступленія, во время которыхъ бесѣдующіе переходятъ отъ одного предмета къ другому, прерывая нить мыслей,—всѣ эти обстоятельства и тысяча другихъ, которыя несравненно легче понять, нежели выразить словами, не позволяютъ придавать слишкомъ большаго значенія тому, что говорится въ простомъ разговорѣ. Слова, сказанныя во время совѣщанія, имѣютъ болѣе важное и серьезное значеніе; они должны выражать болѣе опредѣленные мысли и взгляды относительно обсуждаемыхъ вопросовъ.

Понятно, что человѣка можно обвинить за участіе въ совѣщаніи, но, обвиняя его за разговоръ, легко обвинить несправедливо.

Было ли собраніе, происходившее, какъ говорятъ, въ началѣ февраля 1820 г. и характеръ котораго еще надобно выяснить, простымъ разговоромъ или совѣщаніемъ?

Если этотъ вопросъ не рѣшенъ Донесеніемъ, то защита можетъ принять наиболѣе благопріятное изъ этихъ двухъ объясненій, ибо вездѣ принято за правило, что нельзя осуждать человѣка въ случаяхъ, возбуждающихъ сомнѣніе. Между тѣмъ единственное благопріятное для обвиняемаго и правдоподобное объясненіе заключается въ томъ, что означенное собраніе было не что иное, какъ простой разговоръ. Въ Донесеніи говорится, что по поводу разныхъ формъ правленія были «разговоры и пренія, которые инымъ могли казаться правильными совѣщаніями». Изъ этого слѣдуетъ, что нѣкоторые члены могли смотрѣть на нихъ иначе. Точно также ясно, что хотя ихъ можно было считать совѣщаніями, но это не есть необходимость.

Полковникъ Глинка показалъ дѣйствительно, что политическіе вопросы обсуждались въ обыкновенныхъ разговорахъ, а не на правильныхъ совѣщаніяхъ.

Время для подобнаго рода серьезныхъ совѣщаній было совершенно не подходящее. Общество могло начать свою дѣятельность только около 1819 г. Въ Петербургѣ Общество приходило въ разрушеніе, и изъ Донесенія не видно, когда именно оно процвѣтало. Подобные заговоры не могутъ вестись обществомъ въ то время, когда его существованіе ничѣмъ не обезпечено и организація не выработана. Было ли принято какое-нибудь рѣшеніе? Если бы таковое было принято, то безъ сомнѣнія оно имѣло бы какое-нибудь вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣлъ. Осуществленіемъ его были бы заинтересованы всѣ члены Общества, и это вызвало бы частыя и серьезныя совѣщанія. Но этого не было. Одинъ только Пестель утверждаетъ, что было принято какое-то рѣшеніе, но свидѣтельство Пестеля заслуживаетъ весьма мало довѣрія. Чрезвычайно скомпрометтированный слѣдствіемъ, онъ думалъ, повидимому, что, пріумножая количество и серьезность обвиненій и уликъ, его собственное положеніе окажется не столь исключительнымъ и необычайнымъ. Иначе Николай Тургеневъ не можетъ объяснить себѣ обвиненій, взведенныхъ противъ него Пестелемъ; онъ долженъ еще сказать, что тѣ два или три раза въ жизни, когда онъ встрѣчался съ Пестелемъ, послѣдній относился къ нему, повидимому, не особенно сочувственно и доброжелательно.

Говоря, что было принято извѣстное рѣшеніе, Пестель одинъ утверждаетъ это, всѣ же остальные опровергаютъ это обстоятельство. Все происходившее на этомъ совѣщаніи, какъ оно названо въ Донесеніи, не имѣло, по показанію Никиты Муравьева, никакого вліянія на образъ мыслей большинства членовъ. Самъ Пестель свидѣтельствуетъ, что «ни одно правило не было постоянно признаваемо». Четыре года спустя, въ 1824 г., въ Петербургѣ, Пестель изображенъ въ Донесеніи жалующимся на бездѣйствіе Сѣвернаго Общества и говорящимъ: «такъ будетъ же республика». Что же это за важное рѣшеніе, которое не оказываетъ никакого вліянія, не оставляетъ никакихъ слѣдовъ, и вопреки которому въ нѣсколькихъ происходившихъ затѣмъ засѣданіяхъ не было рѣчи о республиканскомъ правленіи? Развѣ подобныя рѣшенія забываются, развѣ объ нихъ умалчиваютъ?

Пестель говоритъ о томъ, что былъ возбужденъ вопросъ предложить корону императрицѣ Елисаветѣ; но объ этомъ обстоятельствѣ не упоминаетъ никто изъ остальныхъ обвиняемыхъ. Между тѣмъ подобное предложеніе было настолько серьезно, что могло поразить умы и запечатлѣться у всѣхъ въ памяти.

Пестель утверждаетъ, что это заключеніе Коренной Управы было рѣшено сообщить всѣмъ другимъ управамъ и что онъ сообщилъ его Тульчинской. Это послѣднее обстоятельство, т. е. сообщеніе этого заключенія одной лишь Тульчинской управѣ, подтверждается нѣсколь-

кими свидѣтелями; всѣ они заявили, что прочимъ управамъ не было дано никакихъ предписаній. Желаніе Пестеля убѣдить своихъ Тульчинскихъ друзей въ томъ, что въ Петербургѣ стремились къ учрежденію республики, вполнѣ достаточно для того, чтобы объяснить, почему онъ сообщилъ имъ этотъ вымышленный результатъ вымышленныхъ совѣщаній, но это не доказываетъ, что таковыя совѣщанія когда-либо происходили или что на нихъ было принято какое-либо рѣшеніе.

Мысль объ учрежденіи республики была излюбленной мечтою Пестеля. Онъ хотѣлъ этого въ 1824 г., а изъ Донесенія видно, что онъ требовалъ и въ 1821 г. рѣшительнаго утвержденія его плана ввести въ Россіи республиканскій образъ правленія. Понятно, что если это была его мысль и его выдумка, то ему хотѣлось убѣдить своихъ друзей въ томъ, что эта мысль раздѣлялась и другими. Онъ надѣялся, вѣроятно, пріобрѣсти сторонниковъ своей республиканской мечты, убѣдивъ членовъ, что эта мысль зародилась не въ его головѣ и что не онъ одинъ считалъ ее осуществимой.

Николай Тургеневъ долженъ сказать по этому поводу, что онъ сдѣлался жертвою славы республиканца, которую ему приписывали совершенно неосновательно. Доказательствомъ того, что его именемъ и уваженіемъ, коимъ онъ пользовался, злоупотребили для того, чтобы пустить въ ходъ эту безумную мысль, служитъ показаніе одного свидѣтеля, которое признано серьезной уликой противъ него, ибо оно приводится въ Дополненіи. Это показаніе Бестужева-Рюмина, который, будучи спрошенъ не о самомъ фактѣ, а только о взглядахъ, на вопросъ, какой членъ болѣе склонялся къ введенію республиканскаго образа правленія, отвѣчалъ, что въ Сѣверномъ Обществѣ это былъ Тургеневъ, а въ Южномъ Пестель. Этотъ вопросъ относится къ числу такъ называемыхъ на юридическомъ языкѣ коварныхъ вопросовъ, такъ какъ онъ клонился къ тому, чтобы построить обвиненіе, основываясь не на фактѣ, а на слухѣ, распространенномъ въ обществѣ. Бестужевъ-Рюминъ никогда не видѣлъ и не могъ видѣть Николая Тургенева. Изъ Донесенія оказывается, что онъ былъ друженъ съ Пестелемъ и Сергѣемъ Муравьевымъ и участвовалъ не въ Сѣверномъ, а въ Южномъ Обществѣ; наконецъ, что онъ находился въ Тульчинѣ, а не въ Петербургѣ. Мнѣніе Бестужева-Рюмина могло быть только отголоскомъ идей Пестеля. Спрашивать его объ этомъ значило предлагать ему коварный вопросъ, и было равносильно тому, что дважды спросить Пестеля и придать его весьма подозрительному свидѣтельству значеніе двоякаго показанія. Спросить Бестужева-Рюмина, кто изъ членовъ имѣлъ вліяніе на остальныхъ, и придать значеніе отвѣту, основанному не на томъ, что онъ самъ видѣлъ, не на фактахъ, коихъ онъ былъ свидѣтелемъ, но единственно на слухахъ, дошедшихъ до него, значило завѣдомо

быть введеннымъ въ заблужденіе обманчивымъ отвѣтомъ. Нерѣдко случается, что на нѣкоторыхъ лицъ ссылаются безъ ихъ вѣдома, приписывая имъ самыя странныя рѣчи и намѣренія.

Николай Тургеневъ слылъ либераломъ; этого было достаточно, чтобы воспользоваться его именемъ. Но дѣлать его отвѣтственнымъ за уловку, коей онъ сдѣлался жертвою, приписывать ему слова Пестеля и другихъ лицъ, служившихъ отголоскомъ Пестеля, и строить на нихъ обвиненіе было бы большой несправедливостью.

Увлеченіе слухами въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится сдѣлать заключеніе объ обвиняемомъ, нерѣдко бываетъ источникомъ пагубныхъ юридическихъ ошибокъ, вслѣдствіе которыхъ осуждаются люди невинные и которыя омрачаютъ собою лѣтописи человѣчества.

Возвращаясь къ разговору, который ставится въ преступленіе Тургеневу, и переходя отъ оцѣнки этого разговора къ обсужденію того участія, которое принималъ въ немъ Николай Тургеневъ, мы наталкиваемся снова на имя Пестеля.

По увѣренію Пестеля, Николай Тургеневъ подалъ голосъ и выразилъ свое мнѣніе слѣдующими словами: «un Président sans phrases». Въ Дополненіи, въ общей сводкѣ обвиненій, объ этомъ не упоминается; точно также это обвиненіе не приводится и въ приговорѣ верховнаго уголовнаго суда, между тѣмъ какъ въ Донесеніи слѣдственной коммиссіи эти слова приведены какъ одно изъ самыхъ серьезныхъ обвиненій противъ Николая Тургенева. Однако, въ Дополненіи, приложенномъ къ Донесенію, говорится, что Никита Муравьевъ и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ подтвердили показаніе Пестеля, въ Донесеніи же упомянуто имя только одного Пестеля. Слѣдовательно, трое свидѣтелей подтверждаютъ, а четверо отрицаютъ это обвиненіе; показаніе Никиты Муравьева будетъ разсмотрѣно далѣе, по поводу шестаго факта. Сергѣй Муравьевъ жилъ обыкновенно въ Тульчинѣ, и Тургеневъ не помнитъ, чтобы онъ встрѣчалъ его въ Петербургѣ гдѣ-либо кромѣ какъ въ свѣтѣ. Никита и Сергѣй Муравьевы слышали вѣроятно, что Пестель приписывалъ Тургеневу слова, приведенныя имъ въ своемъ показаніи, и повторили ихъ по наслышкѣ.

Редакторъ Донесенія былъ правъ, не придавая значенія ихъ показанію, хотя онъ и упоминаетъ немъ въ Дополненіи.

Достойно вниманія, что злодѣйское намѣреніе произвести покушеніе на жизнь императора, принятое, какъ говорятъ, въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій (въ чемъ Тургенева не обвиняютъ), приписывается Донесеніемъ вышеупомянутымъ тремъ лицамъ; поэтому можно допустить, что ихъ личная польза требовала обвинить въ этомъ прочихъ членовъ, которые раздѣлили бы такимъ образомъ тяжесть ихъ личной вины.

Если бы фраза о президентѣ была произнесена, то лица, участвовавшія въ совѣщаніи, конечно, были бы поражены ею, какъ всякаго поражаетъ злостное и неумѣстное слово; они были бы поражены и самой фразой, и тѣмъ, что Николай Тургеневъ, говорившій обыкновенно по-русски, произнесъ эти слова по-французски. Фонъ-Бриггенъ влагаетъ въ уста Н. Тургенева совсѣмъ иныя слова. Со стороны Тургенева было бы нелѣпо вставить эту пародію на знаменитыя слова, понятныя въ устахъ аббата Сіэса, который, любя бить на эффектъ и производить впечатлѣніе, произнесъ эти три слова съ глубокомысленнымъ видомъ, не объясняя, по своему обыкновенію, ихъ смысла; но его слова были столь многозначительны, что они показали, до какой степени онъ былъ утомленъ рѣчами всѣхъ тѣхъ, кто говорилъ до него. Эти слова выражали холодное, ужасное рѣшеніе, были умѣстны въ то время и всѣмъ понятны. Но что значила бы эта фраза, сказанная въ подражаніе Сіэсу при обсужденіи политическихъ вопросовъ и не имѣвшая въ данномъ случаѣ никакого смысла. Слова, переданныя Пестелемъ, весьма мало вѣроятны и ничѣмъ не доказаны.

Показанія четырехъ свидѣтелей имѣютъ болѣе вѣса, нежели показанія троихъ лицъ; четыре свидѣтеля, говорящіе въ оправданіе обвиняемаго, имѣютъ болѣе вѣса, нежели трое, обвиняющіе его. Четверо свидѣтелей, показанія которыхъ правдоподобны, имѣютъ болѣе значенія, нежели трое другихъ, показанія которыхъ весьма мало вѣроятны, въ особенности ежели эти три свидѣтеля, въ силу тяготѣющихъ надъ ними обвиненій, подозрительнѣе всѣхъ остальныхъ.

Пятый фактъ.

Этотъ фактъ, о коемъ мы упоминаемъ только для того, чтобы не пропустить ничего заключающагося въ Донесеніи, не содержитъ никакого обвиненія, такъ какъ въ немъ говорится лишь о томъ, что было объявлено объ уничтоженіи Союза.

Объясненія требуетъ только одинъ пунктъ, касающійся званія депутата, коимъ будто-бы былъ облеченъ Николай Тургеневъ при поѣздкѣ въ Москву.

Надобно было, говорится въ Донесеніи, опредѣлить точнѣйшимъ образомъ цѣль Общества и дѣйствія онаго.

Въ какомъ положеніи находилось въ то время Общество? Оно было близко къ распаденію, а между тѣмъ члены заговорили о необходимости точнѣе опредѣлить его цѣль. Но что же слѣдуетъ думать въ такомъ случаѣ о рѣшеніи установить республиканскій образъ правленія? Едва-ли что-нибудь могло быть серьезнѣе и опредѣленнѣе намѣренія совер-

шить преступный переворотъ. Могла ли послѣ этого быть рѣчь о цѣли, къ которой стремилось Общество.

Дѣло въ томъ, что Николай Тургеневъ долженъ былъ отправиться въ это время по семейнымъ дѣламъ въ Москву и въ Симбирскъ, отстоящій отъ Москвы въ 800 верстахъ. Узнавъ о томъ, что нѣкоторые члены Общества, наскучивъ его бездѣйствіемъ, выразили желаніе, чтобы въ Москвѣ состоялся съѣздъ членовъ, онъ заявилъ имъ, что онъ могъ бы присутствовать на этомъ собраніи. Вотъ какимъ образомъ онъ явился на немъ депутатомъ.

Но хотя бы дѣло шло о посылкѣ настоящихъ депутатовъ и о поѣздкѣ, совершенной именно съ этой цѣлью, можно ли осуждать ее, коль скоро результатомъ ея было расторженіе Общества? Впрочемъ, это и не вмѣняется ему въ преступленіе. Но, отдавая честь умѣренности, выказанной Николаемъ Тургеневымъ, ему ставятъ въ вину, что онъ участвовалъ въ мнимомъ расторженіи Общества, которое было уничтожено только для того, чтобы преобразовать его на наиболѣе прочныхъ началахъ. Это обвиненіе относится къ 6-му факту.

Шестой фактъ.

Этотъ фактъ состоитъ въ обвиненіи Николая Тургенева въ томъ, что онъ участвовалъ въ преобразованіи Общества, которое имъ же было объявлено закрытымъ въ исходѣ февраля мѣсяца 1820 г.

Если распущеніе Общества было, какъ сказано въ Донесеніи, только мнимымъ и придуманнымъ, съ цѣлью усилить Коренную Управу, то какъ могло случиться, что Пестель и Юшневскій въ Тульчинѣ отказались дать свое согласіе на то, чтобы Общество было разрушено. Если бы Общество было разрушено только для вида, то подобная мѣра, безъ сомнѣнія, подверглась бы предварительно обсужденію совмѣстно съ такимъ вліятельнымъ членомъ, каковъ былъ Пестель. Если же онъ обсуждалъ ее, то могъ ли онъ отказаться впослѣдствіи изъявить на это свое согласіе? Какимъ образомъ могъ Никита Муравьевъ утверждать, что Петербургское Общество было, по меньшей мѣрѣ, совершенно разстроено? Самая меньшая степень совершеннаго разстройства могла быть ни чѣмъ инымъ, какъ дѣйствительнымъ разрушеніемъ Общества.

Большая часть членовъ изъ него вышла, говоритъ онъ. Какіе же члены остались и гдѣ же они остались, коль скоро Общество было «по меньшей мѣрѣ совершенно разстроено».

Петербургскому или Сѣверному Обществу удалось снова образоваться только въ исходѣ 1822 г., говорится далѣе въ Донесеніи. Съ другой стороны, въ Донесеніи же сказано, что бывшіе въ Москвѣ руководители

Общества, съѣхавшіеся для того, чтобы объявить объ его распущеніи, тогда же рѣшили составить со временемъ новое общество. Такъ какъ новое общество должно было составиться только со временемъ, слѣдовательно, общество было распущено не для вида.

Николай Тургеневъ не могъ принимать участія ни въ какихъ дѣйствіяхъ Общества, слѣдовавшихъ непосредственно за его распущеніемъ, ибо онъ тотчасъ уѣхалъ изъ Москвы въ Симбирскъ. День его отъѣзда легко можетъ быть выясненъ, по тому, какого числа имъ была взята подорожная. Поэтому не упоминается болѣе его имени въ Донесеніи при описаніи того, что происходило со времени распущенія Общества и до возвращенія въ Петербургъ.

Для того, чтобы сказать, что Николай Тургеневъ принималъ участіе въ составленіи новаго общества, нужно доказать, что это общество дѣйствительно существовало, и указать его цѣль и дѣйствія. Между тѣмъ всѣ документы, на которые ссылается Донесеніе, и всѣ показанія, о коихъ въ немъ упоминается, крайне сбивчивы и противорѣчивы.

Въ Донесеніи ничего не говорится ни о дѣйствіяхъ, ни объ операціяхъ этого общества. Якушкинъ утверждаетъ, что общество получило новое названіе, коего онъ не помнитъ; онъ говоритъ кромѣ того объ его новомъ уставѣ, котораго никто не знаетъ. Фонъ-Визинъ заявляетъ, что все дѣло окончилось одними предположеніями и признаніемъ, не однократно повтореннымъ, что никакая цѣль не оправдываетъ средствъ; но въ Донесеніи не указано, что это была за цѣль, и какія это были средства. Показанія Якушкина и Фонъ-Визина противорѣчатъ одно другому; можно ли поэтому признать ихъ такими показаніями, на которыхъ можетъ быть основано обвиненіе?

Въ одномъ примѣчаніи сказано, что Николай Тургеневъ, возвратясь изъ Москвы въ 1821 г., началъ, вѣроятно въ Петербургѣ, составлять новое тайное общество. Это показаніе Семенова плохо вяжется съ тѣмъ мѣстомъ Донесенія, къ которому относится сказанное примѣчаніе и въ которомъ говорится положительно, что Петербургское или Сѣверное Общество удалось снова образовать только въ исходѣ 1822 г. Тутъ же названы имена трехъ членовъ, принадлежавшихъ къ прежнему обществу, которыхъ Николай Тургеневъ убѣдилъ вступить въ новое общество. Кромѣ того названы три новыхъ члена, будто бы имъ привлеченные, что противорѣчитъ примѣчанію, въ коемъ говорится, что Николай Тургеневъ не участвовалъ въ принятіи новыхъ членовъ. Возможно ли основывать столь серьезное обвиненіе на такихъ несвязныхъ и противорѣчивыхъ показаніяхъ? Промежутокъ времени, протекшій между моментомъ расторженія общества и роковыми событіями, совершившимися въ декабрѣ мѣсяцѣ 1825 г., вполнѣ объясняетъ, какимъ образомъ свидѣтели могли перепутать въ своемъ воспомина-

ніи даты по прошествіи столь долгаго времени, коль скоро при самомъ производствѣ слѣдствія, какъ видно изъ Донесенія, не старались точнѣе выяснить эти даты.

Николай Тургеневъ сохранилъ и послѣ расторженія Общества со многими изъ его членовъ личныя отношенія. Весьма понятно, что въ 1826 г. обвиняемые, смущенные тяготѣвшимъ надъ ними важнымъ обвиненіемъ, плохо отдавали себѣ отчетъ въ числахъ и повидимому примѣшали имя Тургенева къ такимъ событіямъ, коимъ онъ былъ чуждъ. Показанія обвиняемыхъ, которые дрожали за свою участь, преувеличивали значеніе каждаго сказаннаго ими слова и думали гораздо болѣе о себѣ, нежели о прочихъ обвиняемыхъ, не отмѣчены тѣмъ спокойствіемъ духа, тѣмъ отсутствіемъ страха и тѣмъ безпристрастіемъ при изложеніи своихъ воспоминаній, которыя составляютъ непремѣнное условіе довѣрія къ свидѣтельскимъ показаніямъ.

Никита Муравьевъ называетъ Николая Тургенева въ числѣ основателей или преобразователей новаго Общества.

Но дѣло въ томъ, что Никита Муравьевъ отлично зналъ, что Николай Тургеневъ не придавалъ никакого значенія тайнымъ обществамъ; онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ часто Тургеневъ смѣялся надъ ними, и самъ не рѣдко смѣялся вмѣстѣ съ нимъ надъ этими обществами. Николай Тургеневъ долго не могъ понять показанія столь мало согласнаго съ истиною. Впослѣдствіи, ему передавали, будто Никита Муравьевъ говорилъ близкимъ роднымъ, что все то, что онъ будто бы разсказывалъ о Тургеневѣ, не правда.

Жена Муравьева, которую можно назвать, не компрометтируя ее, такъ какъ ея уже нѣтъ на свѣтѣ, говорила не разъ, что она слышала отъ мужа, что хотя онъ и показалъ противъ Тургенева и хотя эти показанія имъ подписаны, но они не согласны съ истиною и что онъ находился въ то время въ такомъ душевномъ разстройствѣ, что не зналъ, что говорить.

Обвиненіе въ составленіи новаго общества является въ приговорѣ Верховнаго уголовнаго суда въ числѣ поводовъ къ осужденію Тургенева. Въ дополненіи, приложенномъ къ Донесенію, сказано, что четверо свидѣтелей показали, будто Тургеневъ участвовалъ въ возстановленіи Общества. Эти лица суть Никита Муравьевъ, Трубецкой, Орловъ и Матвѣй Муравьевъ.

Показаніе Никиты Муравьева только-что нами разсмотрѣно.

Относительно князя Трубецкаго читаемъ въ Донесеніи: «потомъ въ концѣ 1828 г., рѣшили... присоединить (къ Обществу) князя Сергѣя Трубецкаго, лишь возвратившагося изъ-за границы».

Но, если князь возвратился въ Петербургъ лишь въ исходѣ 1823 г., и если онъ находился за границей въ то время, когда, по указанію

Донесенія, Общество было составлено, т. е. съ 1822 г., то нельзя ссылаться на его показаніе въ доказательство факта, случившагося за годъ до его пріѣзда.

Можетъ ли показаніе Орлова относиться къ факту составленія Общества въ 1822 г.? Очевидно нѣтъ. Имя Орлова упоминается въ Донесеніи дважды: во-первыхъ по поводу не осуществленнаго проекта Общества «Русскихъ рыцарей» и его поступленія въ іюлѣ мѣсяцѣ 1820 г. въ члены Союза Благоденствія; во-вторыхъ, объ немъ упоминается какъ о человѣкѣ, принимавшемъ въ началѣ 1821 г. въ Москвѣ участіе въ распущеніи Союза Благоденствія. Въ Донесеніи говорится даже, что онъ заявилъ письменно о своемъ нежеланіи принадлежать долѣе къ Обществу и твердо настаивалъ на этомъ, несмотря на убѣжденія и настоянія его товарищей. Имя генерала Орлова болѣе въ Донесеніи не упоминается, и въ немъ нѣтъ никакого указанія на то, что онъ былъ впослѣдствіи членомъ какого-нибудь общества. Слѣдовательно, онъ не могъ давать показаній относительно позднѣйшаго составленія Общества въ то время, когда онъ уже не участвовалъ болѣе ни въ какомъ обществѣ. О возстановленіи какого же общества могъ говорить Орловъ Тургеневу, который, уѣхавъ изъ Москвы въ 1821 г., болѣе не возвращался туда и не поддерживалъ съ нимъ никакой переписки и никакихъ отношеній.

Что могъ сказать Матвѣй Муравьевъ? Изъ документновъ слѣдственнаго дѣла видно, что онъ не участвовалъ въ новомъ обществѣ, составившемся въ Петербургѣ; слѣдовательно, онъ не могъ дать показаній относительно тѣхъ обстоятельствъ, коими сопровождалось составленіе и преобразованіе этого общества. Трудно вѣрить Матвѣю Муравьеву, который далъ еще сначала нѣкоторыя показанія противъ Тургенева, а затѣмъ отказался онъ нихъ.

Въ Донесеніи перепутаны факты и даты; эта путаница должна была ввести въ заблужденіе судей и въ особенности тѣхъ свидѣтелей, коихъ показаніями судьи должны были руководиться при произнесеніи приговора. Въ Дополненіи замѣчается также огромная путаница: въ немъ не дѣлается никакого различія между отдѣльными обществами, о коихъ говорится въ Донесеніи, и которыя, по его словамъ, смѣнялись одно другимъ. Внеся въ факты, изложенные въ Донесеніи, нѣкоторый порядокъ, мы видимъ, что обвиненіе въ заговорѣ и злонамѣренныхъ умыслахъ тяготѣетъ главнымъ образомъ надъ Южнымъ Обществомъ. Таковыя цѣли приписываются Сѣверному Обществу уже въ болѣе позднее время. Слово заговоръ произнесено въ Донесеніи по отношенію къ этому Обществу послѣ отъѣзда Николая Тургенева въ Карлсбадъ, а именно по поводу поѣздки князя Трубецкаго въ Кіевъ, состоявшейся годъ спустя послѣ окончанія 1823 г. По словамъ Донесенія,

Рылѣевъ былъ назначенъ членомъ Управы послѣ отъѣзда князя Трубецкаго, т. е. въ исходѣ 1824 г., а Сѣверное Общество проявило тревожную дѣятельность, которая постоянно усиливалась, послѣ того какъ князь Сергѣй Трубецкой былъ замѣщенъ Рылѣевымъ. Николай Тургеневъ не можетъ быть обвиненъ въ участіи въ этой тревожной дѣятельности, такъ какъ она обнаружилась, по словамъ Донесенія, во время его отсутствія изъ Россіи.

Въ Донесеніи говорится слѣдующее: «по всему видно, что сія мысль (о вооруженномъ возстаніи) родилась въ нихъ не прежде 1821 года, и вѣроятно вслѣдствіе незадолго предъ тѣмъ бывшихъ революцій въ Испаніи, Неаполѣ и Піемонтѣ». Мысль о вооруженномъ возстаніи безъ сомнѣнія весьма преступна, но за нее могутъ быть отвѣтственны только тѣ лица, кои возъимѣли ее. Союзъ Благоденствія былъ расторгнутъ въ 1821 году, а новое общество образовалось въ 1822 г. Весьма странно утверждать, что серьезное и преступное намѣреніе произвести вооруженное возстаніе могло возникнуть именно въ 1821 г., когда старое общество уже не существовало, а новое еще не было составлено.

При такой путаницѣ чиселъ, которыя взаимно противорѣчатъ другъ другу, Николаю Тургеневу невозможно придерживаться при изложеніи намѣреній, приписываемыхъ членамъ вновь составленнаго общества, ни текста Донесенія, ни дополненія къ нему. Необходимость быть понятнымъ вынуждаетъ его ограничиться разсмотрѣніемъ тѣхъ фактовъ, по поводу которыхъ упоминается его имя.

Седьмой фактъ.

Седьмой фактъ, т. е. отказъ занять мѣсто директора, не составляетъ самъ по себѣ обвиненія, ибо Николаю Тургеневу не было въ то время извѣстно о существованіи новаго Общества. Этотъ фактъ не имѣетъ самъ по себѣ никакого значенія.

Что же можно заключить изъ него, какъ не то, что Николай Тургеневъ не принадлежалъ къ этому Обществу и уклонился отъ всякаго соучастія въ немъ?

Восьмой фактъ.

Восьмой фактъ, относящійся къ 1824 г. и заключающійся, по словамъ Донесенія, въ томъ, что Тургеневъ присутствовалъ, послѣ пріѣзда въ Петербургъ Пестеля, на одномъ собраніи Общества, приведенъ столь бездоказательно, что на немъ едва-ли стоитъ останавливаться и опровергать его. Николай Тургеневъ упоминается въ спискѣ лицъ,

кои будто бы присутствовали на собраніи, на которомъ Пестель жаловался на бездѣйствіе Сѣвернаго Общества, на недостатокъ въ немъ единства и опредѣленныхъ правилъ и сказалъ:—«а все-таки у насъ будетъ республика».

Мѣсяцъ и число, когда состоялось это собраніе въ 1824 г., въ точности не опредѣлены; вслѣдствіе этого нельзя провѣрить, не уѣхалъ ли уже Тургеневъ въ Карлсбадъ въ то время, когда состоялось это собраніе. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга 9-го апрѣля 1824 г.

Его называютъ въ числѣ присутствовавшихъ на собраніи, но въ Донесеніи не упомянуто ни одного факта, который касался бы его лично и могъ бы свидѣтельствовать объ его присутствіи. Кѣмъ онъ былъ названъ? Никитою Муравьевымъ, о показаніяхъ котораго можно судить по объясненіямъ, имъ даннымъ относительно предъидущаго факта.

Никита Муравьевъ говорилъ только по слухамъ, такъ какъ онъ самъ не присутствовалъ на засѣданіи. Показанія, основанныя на слухахъ, бываютъ крайне обманчивы; поэтому было бы опасно допускать ихъ въ уголовномъ судопроизводствѣ. Когда дѣло идетъ о государственномъ преступленіи, то требованіе предъявить болѣе ясныя доказательства не можетъ быть названо излишнимъ.

Девятый фактъ.

Этотъ фактъ самъ по себѣ и по гнусному преступленію, въ коемъ обвиняется Николай Тургеневъ, есть самое важное изо всѣхъ относящихся къ нему обвиненій. Онъ заключается въ томъ, что Тургеневъ подалъ будто бы голосъ за удаленіе императора за границу. Между тѣмъ этотъ фактъ опровергается однимъ обстоятельствомъ, которое считается въ уголовномъ дѣлопроизводствѣ не допускающимъ возраженій.

Николай Тургеневъ доказываетъ свое алиби (т. е. что онъ не присутствовалъ въ мѣстѣ преступленія въ моментъ его совершенія). Онъ находился въ Неаполѣ въ то время, когда въ Петербургѣ совершилось преступленіе, въ соучастіи въ которомъ его обвиняютъ. Мы уже видѣли по выдержкамъ изъ Донесенія, относящимся къ этому факту, что онъ могъ совершиться только въ исходѣ 1825 г.

Рылѣевъ былъ въ то время членомъ Директоріи. Александръ Бестужевъ, Якубовичъ, Батеньковъ, Штейнгель, Торсонъ названы дѣятельными его соучастниками.

Между тѣмъ Рылѣевъ замѣнилъ князя Трубецкаго, какъ членъ Директоріи или Думы въ исходѣ 1824 г. Рылѣевъ, совмѣстно съ Александромъ Бестужевымъ, котораго онъ посвятилъ въ тайну и который

былъ причисленъ къ Верхнему Кругу съ апрѣля мѣсяца 1825 г., привлекъ въ Общество Торсона; оба они привлекли осенью Батенькова и познакомились съ Якубовичемъ. Баронъ Штейнгель, вновь поступившій членъ Общества, прибылъ въ Петербургъ въ сентябрѣ 1825 г. Николай Тургеневъ уѣхалъ въ Кронштадтъ [1]) 9 апрѣля 1824 г. Онъ былъ въ Неаполѣ въ то время, когда происходила сцена, при которой, по словамъ Донесенія, онъ яко бы присутствовалъ. Двадцать страницъ, написанныхъ въ его оправданіе, были бы менѣе содержательны и менѣе убѣдительны, нежели это сопоставленіе фактовъ. Я рѣшительно отвергаю это важное обвиненіе, высказанное столь легкомысленно. Простое объясненіе не нуждается ни въ какомъ поясненіи, когда оно столь убѣдительно.

Заключеніе.

Нами внимательно разсмотрѣны всѣ факты, касающіеся Николая Тургенева въ Донесеніи слѣдственной коммиссіи. Что же мы видимъ? Что онъ вступилъ въ общество, называемое Союзомъ Благоденствія, въ 1819 г. и вышелъ изъ него въ 1821 г., при чемъ это Общество, въ уставѣ и правилахъ котораго не было ничего предосудительнаго, ничѣмъ не проявило своего существованія, такъ что даже его члены не могли думать, что оно начало серьезно дѣйствовать.

Николай Тургеневъ совершенно былъ не причастенъ къ Обществу, существовавшему ранѣе, т. е. къ Союзу Спасенія, коему приписываютъ преступныя цѣли. Что же касается Общества «Русскихъ рыцарей», то оно вовсе не было составлено; къ тому же оно имѣло столь невинныя цѣли, что для составленія его предполагалось даже исходатайствовать соизволеніе императора.

Простой разговоръ, изложенный весьма неточно, коего истинный смыслъ и подлинныя выраженія трудно даже уловить изъ противорѣчивыхъ свидѣтельскихъ показаній, изображенъ въ Донесеніи какъ важное преступленіе, между тѣмъ какъ объ немъ вовсе не упоминается въ Дополненіи, которое должно было представлять собою сводку всѣхъ обвиненій, хотя въ сущности оно зачастую не согласуется съ Донесеніемъ.

Слова un Président sans phrases, которыя были бы ужасны, если бы они не были такъ нелѣпы, кажутся при болѣе внимательномъ обсужденіи невѣроятными и приведены совершенно бездоказательно. Такой незначительный самъ по себѣ фактъ, какъ намѣреніе издавать журналъ, который остался при томъ неосуществленнымъ, не можетъ имѣть

[1]) Такъ въ подлинникѣ.

никакой связи съ тайными обществами, ибо журналъ, какъ изданіе гласное, не могъ имѣть ничего общаго съ характеромъ этихъ обществъ.

Николай Тургеневъ былъ такъ далекъ отъ мысли содѣйствовать осуществленію политическихъ плановъ, имѣвшихъ что-либо общее съ Союзомъ Благоденствія, что онъ употребилъ въ 1821 г. все свое вліяніе и все значеніе, какими онъ пользовался, чтобы добиться расторженія Общества.

Благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, онъ сблизился впослѣдствіи съ нѣкоторыми бывшими членами Общества, но не былъ связанъ съ ними общностью дѣйствій или взглядовъ. Впослѣдствіи оказалось, что нѣкоторые сочлены одного съ нимъ Общества приняли участіе въ возмущеніи, которое такъ пагубно отразилось на Россіи. Тургеневъ находился въ то время уже около двухъ лѣтъ за границею; его не обвиняютъ за это время ни въ веденіи преступной переписки, ни въ какихъ-либо проискахъ и козняхъ. Легкомысліе, съ какимъ онъ былъ обвиненъ, доходило до того, что его обвиняютъ въ подачѣ голоса на собраніи, происходившемъ въ Петербургѣ въ то время, когда онъ находился въ Неаполѣ.

Будучи въ отсутствіи, онъ написалъ оправданіе, не зная еще всѣхъ фактовъ, обнаруженныхъ Донесеніемъ слѣдственной коммиссіи, и это отразилось, само собою разумѣется, на его оправдательной запискѣ. Преисполненный почтительной любви и преданности къ августѣйшей особѣ императора Александра, онъ узналъ съ величайшимъ прискорбіемъ о томъ, что его считали соучастникомъ заговора противъ обожаемаго имъ монарха.

Донесеніе раскрываетъ весьма прискорбные факты, но въ немъ встрѣчается также не мало ошибокъ. Николая Тургенева не удивляютъ ошибки, касающіяся его лично и послужившія поводомъ къ его обвиненію, такъ какъ отсутствіе изъ Петербурга помѣшало ему опровергнуть ихъ.

Николай Тургеневъ приговоренъ къ смертной казни за то, что онъ былъ знакомъ съ нѣкоторыми лицами, принявшими, послѣ его отъѣзда изъ Россіи, участіе въ возмущеніи 14-го декабря 1825 г., за то, что онъ бесѣдовалъ съ ними о предметахъ, касающихся вопросовъ человѣколюбія и политики, за то, что онъ мечталъ объ улучшеніяхъ въ судопроизводствѣ и воспитаніи, которыя имъ самимъ были призваны впослѣдствіи неосуществимыми и отъ которыхъ онъ торжественно отказался. Если смертная казнь и ссылка должны постигнуть тѣхъ лицъ, кои при самыхъ благихъ намѣреніяхъ и самыхъ невинныхъ цѣляхъ имѣли какія-либо отношенія къ людямъ, бывшимъ въ то время преступными или сдѣлавшимся таковыми впослѣдствіи, то Николай Тургеневъ заслуживаетъ ссылки и смерти. Если же, согласно божескому и человѣче-

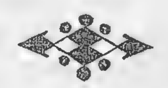
скому закону, всякій отвѣтственъ только за свои собственные поступки, то Николай Тургеневъ долженъ быть признанъ невиннымъ на основаніи самаго Донесенія слѣдственной коммиссіи. Если судить о немъ на основаніи его убѣжденій, то невольно является вопросъ, совмѣстимы ли приписываемыя ему преступныя мысли относительно республиканскаго образа правленія, которыя могли осуществиться только при покушеніи на жизнь императора Александра, совмѣстимы ли онѣ съ его глубокою преданностью и горячей любовью къ этому монарху? Если судить о немъ по его стремленіямъ, то невольно спросишь, совмѣстима ли всецѣло поглощавшая его мысль объ освобожденіи крестьянъ съ идеей о какомъ-либо иномъ образѣ правленія кромѣ неограниченной монархіи? и если только воля монарха могла безпрепятственно совершить это трудное дѣло, то можно ли повѣрить, что онъ готовъ былъ содѣйствовать измѣненію образа правленія?

Николай Тургеневъ находитъ нужнымъ повторить, что только его отсутствіе могло придать нѣкоторое значеніе взведеннымъ противъ него обвиненіямъ. Нынѣ же онъ возлагаетъ всю свою надежду на справедливость, съ какою будутъ разсмотрѣны его поступки, и на чистосердечіе, съ какимъ онъ объясняетъ ихъ.

Императоръ желаетъ лучше простить десятерыхъ виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго. Это августѣйшее слово, поставленное въ главѣ Донесенія, даетъ Николаю Тургеневу смѣлость надѣяться, что все то, что онъ говоритъ въ свою защиту, будетъ выслушано съ тою благосклонностью и съ тѣмъ человѣколюбіемъ, которыя заставляютъ радоваться уменьшенію числа виновныхъ. Общественное мнѣніе считало его преступнымъ до тѣхъ поръ, пока о немъ судили по слухамъ и по той репутаціи, какою онъ пользовался. Поэтому въ числѣ главныхъ свидѣтелей, обвинявшихъ его, является Бестужевъ-Рюминъ, который называетъ его однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ республиканскаго образа правленія, хотя онъ никогда не видалъ Тургенева и не могъ его видѣть.

Такъ какъ нынѣ Тургенева будутъ судить только по его поступкамъ, то онъ навѣрно будетъ признанъ невиннымъ.

Толки должны смолкнуть, когда заговоритъ судебная власть.

О преобразованіи учебныхъ заведеній.

Рескриптъ императора Николая—А. С. Шишкову.

14-го мая 1826 г.

Александръ Семеновичъ! Обозрѣвая съ особеннымъ вниманіемъ устройство учебныхъ заведеній, въ коихъ россійское юношество образуется на службу государству,—я съ сожалѣніемъ вижу, что не существуетъ въ нихъ должнаго и необходимаго единообразія, на коемъ должно быть основано какъ воспитаніе, такъ и ученіе.

Предметъ сей столь быстрое можетъ имѣть вліяніе на благо государственное, что нужно безъ всякаго отлагательства поспѣшить исправленіемъ сего недостатка въ нашей учебной системѣ. Оный лишаетъ государство большей части тѣхъ выгодъ, которыхъ оно имѣетъ право ожидать отъ питомцевъ своихъ, не пощадивъ для ихъ образованія ни издержекъ, ни всякихъ другихъ способовъ.

Съ симъ намѣреніемъ назначаю подъ предсѣдательствомъ вашимъ комитетъ: изъ генералъ-лейтенанта графа Ливена, тайныхъ совѣтниковъ: Сперанскаго, графа Ламберта и Уварова, генералъ-лейтенанта графа Сиверса, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Шторха, исправляющаго должность попечителя Харьковскаго университета статскаго совѣтника Перовскаго, и флигель-адъютантовъ моихъ, полковниковъ: Перовскаго и графа Строганова, и предписываю ему въ обязанность:

1) Сличить всѣ уставы учебныхъ заведеній Имперіи, начиная съ приходскихъ до самыхъ университетовъ.

2) Разсмотрѣть и сличить курсы ученій, въ нихъ преподаваемые, приведя для сего предварительно на видъ, по какимъ книгамъ или сочиненіямъ оные преподаются.

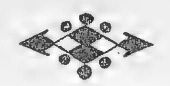
3) За симъ уравнять совершенно по всѣмъ мѣстамъ Имперіи всѣ уставы оныхъ заведеній, сообразуясь со степенями ихъ возвышеній, допустивъ должныя измѣненія для округовъ Дерптскаго и Виленскаго.

4) Опредѣлить подробно на будущее время всѣ курсы ученій, означивъ и сочиненія, по коимъ оные должны впредь быть преподаваемы.

5) При семъ случаѣ, рѣшивъ, которые изъ существующихъ хороши, вмѣстѣ съ тѣмъ распорядиться о дополненіи недостающаго, избравъ для того по вашему одобренію надежнѣйшихъ профессоровъ и академиковъ съ утвержденія моего,—дабы уже за совершеніемъ сего воспретить всякія произвольныя преподаванія ученій по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ.

По мѣрѣ успѣховъ, занятій и трудовъ сего комитета приготовленные новые уставы для различныхъ степеней учебныхъ заведеній, начиная съ низшихъ, представлять мнѣ на утвержденіе, равно какъ и избранные для нихъ учебные способы подносить къ моему усмотрѣнію.

Поставляя вамъ за непремѣнную обязанность немедля приступить и исполнить во всей точности симъ на васъ возлагаемое порученіе, я пріемлю ваше ревностное усердіе къ пользамъ государства залогомъ скораго и полнаго въ немъ успѣха.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XLVII [1]).

Представленіе Левенштерна шведскому принцу.—Порученіе произвести реквизицію для шведской арміи.—Маршалъ Штедингъ.—Полковникъ Біорнштернъ.—Занятіе Гёттингена.—Гильдесгеймскій епископъ. — Англійскіе коммиссары въ Гильдесгеймѣ. — Положеніе Вестфальскаго королевства.—Поступленіе въ отрядъ графа Воронцова. — Обѣдъ и балъ въ Брауншвейгѣ.—Возобновленіе военныхъ дѣйствій.

Изъ Нордгаузена я двинулся въ Боденроде, гдѣ меня нагналъ курьеръ, посланный шведскимъ королевскимъ принцемъ, съ приказаніемъ явиться немедленно въ его главную квартиру въ Гейлигенштадтъ.

Прибывъ туда, я явился къ генералу Адлеркрейцу, начальнику штаба Сѣверной арміи, который, прежде чѣмъ ввести меня къ принцу, передалъ мнѣ слѣдующій приказъ:

«Такъ какъ вы поступили съ вашими казаками подъ начальство г. маршала Штединга, то его королевское высочество приказываетъ вамъ совершить съ вашимъ отрядомъ экспедицію на Гёттингенъ, Гильдесгеймъ, Ганноверъ и Брауншвейгъ.

«Вы произведете въ этой мѣстности реквизицію для шведской арміи, собравъ съ жителей 40.000 раціоновъ мяса, хлѣба и водки, 12.000 паръ сапоговъ, чулокъ, рубашекъ и 20.000 аршинъ голубаго и сѣраго сукна съ соотвѣтственнымъ количествомъ подкладки.

«Распространите слухъ, что его королевское высочество идетъ со шведской арміей на Везель, не останавливаясь въ Гёттингенѣ.

---

[1]) См. „Русскую Старину", ноябрь 1901 г.

«Королевскій принцъ желаетъ также, чтобы вы пресѣкли всякое сообщеніе съ Гамбургомъ и Ганноверомъ и чтобы вы собрали самыя вѣрныя свѣдѣнія о движеніяхъ маршала принца Экмюльскаго.

«Его королевское высочество приказалъ своему адъютанту, гвардіи капитану барону Адлеркрейцу и капитану Перейрѣ слѣдовать за вами и сообщать ему всѣ свѣдѣнія, какія имъ удастся получить во исполненіе данныхъ имъ инструкцій, независимо отъ тѣхъ извѣстій, какія будутъ сообщаться вами. Эти офицеры будутъ состоять при васъ впредь до полученія дальнѣйшихъ приказаній».

Въ главной квартирѣ въ Гейлигенштадтѣ.
30-го октября 1813 г.

Когда я ознакомился съ содержаніемъ этого приказа, то генералъ Адлеркрейцъ ввелъ меня въ кабинетъ шведскаго принца.

Онъ стоялъ у стола, заваленнаго картами. На немъ былъ простой сюртукъ изъ голубаго сукна.

Увидавъ меня, принцъ сказалъ:

— Я очень радъ видѣть васъ, другъ мой, слышите, другъ мой, прощайте, другъ мой!

Меня предупреждали объ его привычкѣ оканчивать нѣкоторыя фразы словами: «прощайте, другъ мой», такъ что, не поймавъ его на словѣ, я продолжалъ почтительно стоять, не трогаясь съ мѣста.

— Получили ли вы приказаніе, переданное вамъ генераломъ Адлеркрейцомъ?—спросилъ онъ. Прощайте, другъ мой! возлагая на васъ это порученіе, я вполнѣ полагаюсь на васъ; моя армія нуждается въ провіантѣ и новой обмундировкѣ; постарайтесь пополнить его со свойственнымъ вамъ умѣніемъ и поспѣшите. Я позабылъ упомянуть въ данныхъ инструкціяхъ, что мнѣ необходимо также тысяча лошадей. Вы займете войсками прекрасную страну, съ которой я знакомъ давно; пощадите жителей насколько возможно, но настаивайте на вашихъ требованіяхъ со всевозможной строгостью, дабы все, что нужно мнѣ, было доставлено безъ промедленія. Если вашимъ казакамъ понадобятся лошади и сукно, то можете взять то и другое и для нихъ. Военная цѣль вашей экспедиціи состоитъ въ томъ, чтобы ввести маршала Даву въ заблужденіе относительно направленія, въ которомъ я пойду. Дайте ему понять, что я иду къ Везеру, на Бременъ; тогда онъ рѣшится, быть можетъ, отдать мнѣ Гамбургъ, чтобы не потерять сообщеніе съ Голландіей; это было бы мнѣ очень пріятно, слышите, другъ мой, прощайте, другъ мой.

Я не двигался съ мѣста. Онъ продолжалъ:

— Сдѣлайте въ этой мѣстности рекогносцировки, пройдя какъ можно дальше, и повторяю, постарайтесь убѣдить Даву всевозможными хитростями, на что вы впрочемъ большой мастеръ, что я не намѣренъ идти на Гамбургъ.

Затѣмъ, разставивъ пальцы въ видѣ циркуля, онъ указалъ мнѣ на картѣ главные пункты, которые мнѣ надлежало занять и на которые слѣдовало обратить особое вниманіе.

Принцъ просилъ меня взять съ собою его адъютанта, г. Адлеркрейца и посвятить его въ искусство веденія аванпостной войны. Онъ удостоилъ меня похвалы за мое умѣніе вести этого рода службу и обѣщалъ написать государю и просить его о моемъ производствѣ въ генералы.

Все сказанное королевскимъ принцемъ было такъ ясно, всѣ его приказанія были такъ точны и опредѣленны, что надобно было быть большимъ дуракомъ, чтобы не понять того, что онъ желалъ. Тѣмъ не менѣе, не выходя изъ его кабинета, я отказался наотрѣзъ взять лошадей для моихъ казаковъ, объясняя свой отказъ тѣмъ, что мѣстныя лошади слишкомъ велики для той службы, какая требуется отъ казаковъ; мною руководили иныя соображенія, но я не могъ высказать ихъ королевскому принцу: а именно, я предпочиталъ совершать подобныя реквизиціи по приказанію моего прямаго начальства.

Королевскій принцъ простился со мною самымъ любезнѣйшимъ образомъ, и когда я поблагодарилъ его за любезное обѣщаніе написать императору, то онъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Я думаю этимъ оказать вашему монарху добрую услугу, обративъ вниманіе на вполнѣ достойнаго офицера, который можетъ быть ему весьма полезенъ.

Я низко поклонился, и на этотъ разъ его обычная такъ часто повторяемая имъ фраза: «слышите, другъ мой, прощайте, другъ мой», была сказана кстати.

Выйдя изъ кабинета шведскаго принца, я отправился къ маршалу Штедингу, который принялъ меня съ той изысканной вѣжливостью, съ какою онъ держалъ себя въ петербургскихъ салонахъ въ свою бытность посланникомъ; но трудно было представить, что со мною говорилъ генералъ, командующій арміей. Онъ не упомянулъ даже о порученіи, какое было мнѣ дано. Но онъ заговорилъ съ особеннымъ удовольствіемъ о Лейципскомъ сраженіи; это было за всю войну единственное сраженіе, въ которомъ онъ принималъ дѣятельное участіе, поэтому онъ былъ неистощимымъ, когда о немъ заходилъ разговоръ. Упомянувъ о неудавшейся экспедиціи на Бернбургъ, я заставилъ его смутиться; онъ сталъ оправдываться и свалилъ всю вину на приказаніе, полученное имъ отъ королевскаго принца. Само собою разумѣется, что я коснулся этого предмета слегка, такъ какъ оно повидимому не особенно было пріятно старику маршалу.

Побесѣдовавъ со мною, Штедингъ предложилъ мнѣ отправиться къ начальнику его штаба, полковнику Біорнштерна, и переговорить съ нимъ подробно о возложенномъ на меня порученіи.

Это былъ молодой человѣкъ съ весьма пріятной, располагающей на-

ружностью. Онъ передалъ мнѣ списокъ дивизій, которымъ я долженъ былъ доставлять лошадей и прочія реквизиціонныя вещи, и я уѣхалъ въ сопровожденіи Адлеркрейца, сына генерала Перейры, привезшаго мнѣ новое приказаніе королевскаго принца выступить завтра въ 8 часовъ утра (31 октября) для исполненія возложеннаго на меня порученія.

Я предупредилъ желаніе шведскаго королевскаго принца и послалъ изъ самаго Гейлигенштадта курьера къ моему брату Георгію съ приказаніемъ идти немедленно на Гёттингенъ и занять его войскомъ. Что касается меня, я отправился туда же на почтовыхъ лошадяхъ, такъ что королевскій принцъ на слѣдующій день, въ 6 часовъ утра, уже получилъ извѣстіе о томъ, что я завладѣлъ этимъ городомъ.

Въ Гёттингенѣ мнѣ былъ оказанъ блестящій пріемъ.

Подъ моимъ окномъ собралась толпа студентовъ, привѣтствовавшихъ меня громкими криками «ура!»

Не имѣя возможности пригласить къ себѣ всѣхъ молодыхъ людей, чтобы поблагодарить ихъ за вниманіе, я приказалъ просить ихъ, чтобы они прислали своихъ депутатовъ и, когда послѣдніе явились, то я сказалъ имъ, что, желая доказать студентамъ мою признательность и выразить имъ мое довѣріе, я предлагаю имъ занимать караулы и нести обязанности городской стражи все время, пока я буду находиться въ городѣ.

Это предложеніе было принято съ восторгомъ; студенты были восхищены оказаннымъ имъ довѣріемъ и исполнили свою обязанность какъ нельзя лучше.

Но караулы внѣ города были заняты моими собственными солдатами, а на площадяхъ я разставилъ пикеты, съ коими студенты должны были войти въ сношеніе.

Муниципалитетъ отвелъ мнѣ помѣщеніе у извѣстнаго профессора Гуго [1]). Этотъ пріятный для меня день, въ который молодежь славнаго Гёттингенскаго университета оказала мнѣ столь лестный пріемъ, закончился превосходнымъ ужиномъ.

Я былъ въ восторгѣ отъ моего достопочтеннаго хозяина и весело ужиналъ съ нимъ, какъ вдругъ въ комнату вошелъ человѣкъ, закутанный въ венгерскую шубу и вооруженный большою саблею.

Казакъ хотѣлъ преградить ему путь въ столовую, но онъ грубо оттолкнулъ его и, подойдя къ профессору Гуго, спросилъ его, кто командуетъ русскими войсками: я или офицеры, ужинавшіе за тѣмъ же столомъ. Когда профессоръ указалъ ему на меня, то онъ обратился ко мнѣ очень развязно и заявилъ, что долженъ принести мнѣ большую жалобу.

---

[1]) Знаменитый юристъ, р. 1764 † 1844 г.

Фигура, рѣзкія манеры и задорный тонъ этого господина не понравились мнѣ и прежде, нежели отвѣчать, я спросилъ его, съ кѣмъ имѣю честь говорить.

Тогда, возвысивъ еще больше голосъ, онъ отвѣчалъ: «я проректокъ Гёттингенскаго университета».

Я вѣжливо предложилъ ему стулъ и сказалъ съ довольно злою усмѣшкою, что онъ не долженъ удивляться и пенять на меня зато, что я не узналъ проректора столь славнаго университета и что причиною тому его странный костюмъ и огромная сабля, и что я составилъ себѣ, по разсказамъ моихъ соотечественниковъ, учившихся въ Гёттингенѣ, совершенно иное представленіе о главѣ университета, но что я готовъ выслушать его и по возможности быть ему полезнымъ.

Не привыкнувъ, чтобы съ нимъ говорили такимъ тономъ, проректоръ нѣсколько потерялъ свою самоувѣренность и сталъ говорить запинаясь, что казаки отняли саблю у одного изъ студентовъ, ведшаго патруль. Видя, что я молчу и слушаю его внимательно, онъ воодушевился— заговорилъ снова тѣмъ же надменнымъ тономъ и закончилъ свою рѣчь, сказавъ, что если подобныя злоупотребленія повторятся, то онъ не отвѣчаетъ за безопасность города.

— Если вы, г. проректоръ, не отвѣчаете за безопасность города,— воскликнулъ я,—то я беру эту обязанность на себя и ручаюсь вамъ за его спокойствіе и безопасность, совѣтую вамъ лечь спать; ваша супруга, если вы женаты, будетъ быть можетъ благодарна мнѣ за это, а городъ не подвергнется опасности. Мнѣ нѣтъ надобности учиться, г. проректоръ, какъ держать городъ въ повиновеніи и какъ поддержать въ немъ порядокъ. Положимъ, казаки отняли у студента саблю и совершили этимъ важный проступокъ, но научите меня пожалуйста, какъ розыскать виновнаго въ эту темную октябрьскую ночь. Завтра сабля будетъ возвращена вамъ, но, такъ какъ я желаю дать господамъ студентамъ несомнѣнное доказательство моего уваженія къ нимъ и моей признательности за выраженныя ими патріотическія чувства, то я предлагаю вамъ передать имъ, что я крайне сожалѣю о непріятности, причиненной одному изъ нихъ моимъ казакомъ, что завтра утромъ виновный будетъ розысканъ и примѣрно наказанъ. Пока, прошу васъ передать мою саблю тому студенту, который лишился оружія, и попросить его сохранить ее на память.

Проректоръ былъ сконфуженъ этой развязкой, столь лестной для студентовъ. Чтобы вывести его изъ неловкаго положенія, я подалъ ему бокалъ шампанскаго и предложилъ тостъ за процвѣтаніе университета. Мы простились.

Когда я садился на другой день на лошадь, чтобы произвести ре-

когносцировку въ окрестностяхъ Гёттингена, то студенты, собравшіеся возлѣ моего дома, встрѣтили меня громкими криками: «ура»!

По прибытіи предоставленныхъ въ мое распоряженіе королевскимъ принцемъ гусаръ Мернера, я поручилъ этому полку охрану Гёттингена и пріемъ реквизиціонныхъ вещей, которыя я уже успѣлъ къ тому времени собрать, благодаря старанію мѣстныхъ властей. Вообще надобно отдать справедливость нѣмецкимъ властямъ, что онѣ всегда оказывали мнѣ полное содѣйствіе и относились къ своей обязанности въ высшей степени честно и безпристрастно. Относительно распредѣленія реквизиціи мнѣ приходилось вполнѣ полагаться на ихъ знакомство съ мѣстными условіями, и я ни разу не видѣлъ, чтобы они дѣйствовали неправильно или старались что-либо утаить. Они возставали единственно противъ той спѣшности, съ какою приходилось доставлять требуемыя вещи. Но тутъ я ничего не могъ подѣлать: армія прежде всего должна жить и не ходить босикомъ.

Я послалъ сильный отрядъ въ Ганноверъ, приказавъ немедленно занять его, — ниспровергъ вестфальское правительство, вмѣсто котораго было учреждено временное правленіе; всѣ требованія, предъявленныя мною жителямъ, были исполнены съ такою точностью, какъ будто они исходили отъ вполнѣ признанной и установившейся власти.

Я направился черезъ Нордгеймъ и Эймбекъ въ Алефельдъ, гдѣ и переночевалъ; придя въ Гильдесгеймъ, я занялъ его войсками, послалъ сильный отрядъ въ Брауншвейнъ и занялся взиманіемъ реквизіи. Эта утомительная и непріятная обязанность была для меня всегда ненавистна: честное содѣйствіе вновь учрежденныхъ властей дало мнѣ возможность исполнить ее какъ можно безобиднѣе для жителей, хотя эта мѣра все же была для нихъ весьма тягостна.

Жители такъ привыкли подкупать французскихъ генераловъ подарками, что когда мнѣ были приведены реквизиціонныя лошади для выбора, то во главѣ ихъ были поставлены два великолѣпныхъ жеребца съ подстриженными хвостами, которые, какъ я рѣшилъ съ перваго же взгляда, не могли идти для ремонта.

Не привыкнувъ къ подобнымъ подачкамъ, я приказалъ увести этихъ вороныхъ лошадей, какъ непригодныхъ для меня, чѣмъ всѣ были крайне удивлены. Впрочемъ я былъ не слишкомъ требователенъ и этимъ доказалъ, что я требую только возможнаго.

Шведскій полковникъ графъ Тоттъ, получивъ отъ меня ремонтныхъ лошадей, былъ въ восторгѣ отъ нихъ; жители также не были обижены. Королевскій принцъ приказалъ благодарить меня, и всѣ остались довольны. Большаго я и не желалъ.

Гильдесгеймскій владѣтельный епископъ, которому я счелъ дол-

гомъ представиться, принялъ меня торжественно и удостоилъ мой штабъ приглашенія къ обѣду.

Онъ угостилъ насъ на славу, и я имѣлъ при этомъ случай убѣдиться въ томъ, что пословица «il boit comme un chanoine», какъ нельзя болѣе вѣрна; я никогда не видѣлъ, чтобы кто-нибудь пилъ такъ много, ничѣмъ не закусывая, какъ господа каноники, приближенные къ епископу. Послѣ обѣда, епископъ отдалъ мнѣ визитъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ канониковъ, которые все время стояли за его кресломъ, раздвигали полы его одежды, когда онъ садился, и оправляли ихъ, когда онъ вставалъ съ мѣста, что̀ было очень смѣшно въ особенности по той серьезности, съ какою они все это продѣлывали.

Наружность епископа была величественная и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятная; это былъ человѣкъ весьма образованный и привѣтливый. Онъ происходилъ, кажется, изъ семьи князей Фюрстенбергскихъ, былъ страстный наѣздникъ и ежедневно катался верхомъ въ манежѣ. Я слышалъ впослѣдствіи, что выставленныя двѣ прекрасныя вороныя лошади были изъ его конюшни и что онъ очень боялся за нихъ и успокоился только тогда, когда узналъ, что я отослалъ ихъ обратно.

На слѣдующій день городъ далъ мнѣ балъ. Въ это время подошли гусары Мернера, которые эшелонировались за мною. Всѣ гусарскіе офицеры, со своимъ полковымъ командиромъ, графомъ Тоттомъ во главѣ, собрались ко мнѣ, и мы отправились вмѣстѣ на балъ.

Въ тотъ же день въ городъ явились англійскіе коммиссары, чтобы вступить во владѣніе страной отъ имени курфирста Ганноверскаго.

Мнѣ не хотѣлось допустить этого; но такъ какъ въ моихъ инструкціяхъ ничего подобнаго не было предусмотрѣно, то я не хотѣлъ вмѣшиваться въ это дѣло, рѣшивъ только донести о случившемся кому слѣдуетъ, подъ условіемъ, конечно, чтобы коммиссары не мѣшали мнѣ производить реквизицію.

На городскихъ площадяхъ было объявлено объ учрежденіи англійскаго правительства, и красные мундиры коммиссаровъ затмили на время наши мундиры. Жители преклонялись передъ новыми властями, забывая, что въ моихъ рукахъ была матеріальная сила, которая всегда имѣетъ значеніе, хотя она не всегда бываетъ законна.

Я сдѣлалъ однако видъ, что ничего не замѣчаю, сознавая, что бразды правленія были въ моихъ рукахъ и что я могъ подтянуть ихъ или ослабить, по своему желанію. Надменность англичанъ, довольно таки комичная, не заставила меня измѣнить намѣченнаго мною образа дѣйствій.

Единственное, предъявленное мною требованіе, на которомъ я настоялъ, было, чтобы коммиссары явились ко мнѣ въ сопровожденіи мѣст-

ныхъ властей и попросили у меня позволенія провозгласить новое правительство.

Разъ общество сознавало, что разрѣшеніе на это было дано мною, остальное меня мало интересовало.

Городъ былъ роскошно иллюминованъ, а балъ, данный въ тотъ вечеръ, прошелъ весьма оживленно, но подъ конецъ его совершенно неожиданно разразилась гроза.

Англійскаго коммиссара посадили за ужиномъ рядомъ съ той дамой, которая играла роль хозяйки вечера.

Меня не предупредили о томъ, что будетъ ужинъ, и всѣ уже заняли свои мѣста, когда меня пригласили къ столу. Распорядители бала предложили мнѣ сѣсть на стулъ, оставленный для меня по другую сторону отъ упомянутой дамы.

Я на это не согласился; къ тому же никто изъ присутствовавшихъ офицеровъ, шведовъ и русскихъ, не садился въ ожиданіи меня: они были обижены тѣмъ, что ихъ начальнику не было оказано должнаго уваженія; всѣ были недовольны.

Я отвѣчалъ распорядителямъ, что я очень благодаренъ имъ, но не имѣю привычки ужинать, а когда меня пытались усадить силою, то я сказалъ съ раздраженіемъ, что такъ какъ всѣ прочіе сѣли, вѣроятно, кто куда хотѣлъ, то и я воспользуюсь этимъ правомъ и, не говоря болѣе ни слова, взялъ свободный стулъ и сѣлъ рядомъ съ самой хорошенькой дамой, которая была въ то же время хозяйка того дома, въ которомъ я жилъ.

Вслѣдъ за мною усѣлись и всѣ офицеры и поужинали съ большимъ аппетитомъ.

Англичанинъ, при всемъ своемъ высокомѣріи, чувствовалъ себя неловко на почетномъ мѣстѣ.

Распорядители бала, отнесшіеся съ пренебреженіемъ къ тому, въ чьихъ рукахъ была, по крайней мѣрѣ въ тотъ моментъ, ихъ участь, поняли сдѣланный ими промахъ. Они подошли ко мнѣ съ бокалами въ рукахъ и провозгласили тостъ за здоровье императора Александра, затѣмъ за англійскаго короля и за мое здоровье, сопровождая эти тосты громкими криками «ура!».

Офицеры шведы поднялись со своихъ мѣстъ, выпили за мое здоровье, но затѣмъ тотчасъ всѣ удалились, обиженные тѣмъ, что не было предложено тоста за шведскаго королевскаго принца.

Я вполнѣ раздѣлялъ ихъ взглядъ и хотя былъ невольною причиною этого упущенія, но также удалился изъ зала вмѣстѣ съ русскими офицерами. Все это произвело на присутствующихъ очень тягостное впечатлѣніе и нарушило всеобщее веселіе.

Г.г. Кеттлеръ и Гамерштейнъ, съ которыми я былъ знакомъ ближе,

поспѣшили за мною и просили меня не уѣзжать и задержать шведскихъ офицеровъ, обѣщая, что сдѣланный промахъ тотчасъ будетъ исправленъ, но я отвѣчалъ имъ отказомъ, ибо не могъ, по весьма понятному чувству приличія, допустить, чтобы за королевскаго принца былъ предложенъ тостъ послѣ того, какъ пили за мое здоровье.

На слѣдующій день ко мнѣ явилась депутація съ извиненіемъ. Я оставилъ это дѣло безъ послѣдствій, но далъ понять депутатамъ, что я могъ бы однимъ словомъ парализовать всѣ почести, оказываемыя ими англійскимъ коммиссарамъ, воспретивъ имъ вступить въ исправленіе своихъ обязанностей, но что я не сдѣлалъ этого, видя, что ихъ появленіе было пріятно жителямъ; въ виду этого, имъ слѣдовало отнестись особенно внимательно къ представителямъ военной власти и главное не забывать того, что источникомъ этой власти былъ шведскій королевскій принцъ.

Желая загладить свою оплошность, депутаты пригласили насъ на роскошный обѣдъ: меня и англійскаго коммиссара посадили посреди стола; всѣ шведскіе офицеры также присутствовали на обѣдѣ, который прошелъ весьма оживленно благодаря превосходному вину.

Я продолжалъ между тѣмъ взимать реквизицію, но не забывалъ и надобностей военной службы и посылалъ какъ можно дальше развѣдочные отряды по направленію къ Гамбургу и Бремену.

Такъ какъ королевскій принцъ далъ мнѣ словесное приказаніе перехватывать частную корреспонденцію и всѣ письма, адресованныя бывшимъ чиновникамъ короля Іеронима Бонапарте, то въ мои руки попалось нѣсколько любопытныхъ писемъ, которыя были мною перлюстрованы. Одно изъ нихъ было адресовано баронессѣ Мальхусъ (Malchus), супругѣ перваго министра короля Іеронима Бонапарте, которая носила въ то время, если не ошибаюсь, имя графини Розенштейнъ.

Ея мужъ бѣжалъ вмѣстѣ съ королемъ Іеронимомъ и въ письмѣ къ женѣ, съ французской границы, описывалъ всѣ подробности ихъ бѣгства.

Я долженъ былъ переслать эти письма королевскому принцу, не желая однако лишить г-жу Мальхусъ извѣстій отъ ея мужа, я отправился къ ней и сообщилъ ей содержаніе этого письма, успокоивъ ее на счетъ здоровья ея супруга. Она была чрезвычайно благодарна мнѣ, но расплакалась, когда я не согласился оставить ей это письмо; я позволилъ списать его въ моемъ присутствіи. Г-жа Мальхусъ была очаровательная, хорошенькая женщина, игравшая большую роль при Кассельскомъ дворѣ. Ея мужъ былъ уменъ, способенъ, но пользовался въ Вестфальскомъ королевствѣ всеобщей ненавистью.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, проведенныхъ мною весьма дѣятельно, мнѣ было приказано окончить реквизицію, идти въ Брауншвейгъ, чтобы составить авангардъ графа Воронцова, который

долженъ былъ идти впереди шведской арміи, обложить Гамбургъ и завладѣть Голштиніей.

Я тотчасъ пошелъ въ Брауншвейгъ, который еще ранѣе былъ занятъ по моему приказанію войсками. Туда же прибылъ вскорѣ и графъ Воронцовъ, видимо довольный тѣмъ, что я находился снова подъ его начальствомъ.

Такъ какъ графъ Воронцовъ далъ намъ день отдыха, то я воспользовался этимъ, чтобы осмотрѣть мѣста, посѣщенныя нѣкогда моимъ отцомъ. Онъ воспитывался тутъ въ знаменитомъ Каролинскомъ институтѣ (Institut Carolinum) подъ личнымъ надзоромъ ученаго и набожнаго аббата Jérusalem'а. Я осмотрѣлъ комнату, въ которой отецъ прожилъ девять лѣтъ. Въ Брауншвейгѣ онъ сошелся съ молодымъ герцогомъ Брауншвейгскимъ, погибшимъ въ Одерѣ при спасеніи утопавшихъ.

Во время моего пребыванія въ Брауншвейгѣ, я имѣлъ удовольствіе увидѣться съ молодымъ докторомъ Постельсомъ, который былъ военноплѣннымъ въ Россіи и которому я разрѣшилъ возвратиться домой до битвы при Моденѣ.

Его отецъ, извѣстный въ Брауншвейгѣ профессоръ и его почтенная матушка горячо благодарили меня за то, что я спасъ ихъ сына отъ неминуемой смерти; въ то время, когда я разрѣшилъ ему уѣхать, онъ болѣлъ лихорадкой и былъ весьма изнуренъ. Заботы и тщательный уходъ родныхъ возвратили ему здоровье, и онъ могъ употребить впослѣдствіи свои силы на службу человѣчеству.

Вечеромъ городъ далъ спектакль и балъ въ честь пріѣзда графа Воронцова и коммиссара, уполномоченнаго принять во владѣніе герцогство отъ имени герцога Брауншвейгскаго. Здѣсь точно такъ же, какъ и въ Гильдесгеймѣ, все было сдѣлано не такъ, какъ слѣдуетъ. Коммиссаръ, Ольффманъ, одѣтый въ англійскій мундиръ, приказалъ расклеить въ городѣ прокламаціи, не предупредивъ о томъ графа Воронцова; графъ перенесъ молча всѣ выходки г. Ольффмана, который держалъ себя на спектаклѣ и на балу, какъ настоящій монархъ, и старался все время играть первую роль, чему Воронцовъ отъ души смѣялся.

Мой другъ, генералъ баронъ Паленъ, командовалъ регулярной кавалеріей армейскаго корпуса графа Воронцова, и мы проводили съ нимъ все свободное время, предаваясь развлеченіямъ, которыя нерѣдко переходили въ оргіи.

Паленъ присоединился къ своей кавалеріи въ Гифюрнѣ, а я къ своимъ казакамъ въ Ульценѣ (Ulzen), гдѣ я получилъ приказаніе идти на Люнебургъ, занять его и смѣнить войска генерала графа Вальмодена на занимаемыхъ имъ постахъ.

Военныя дѣйствія возобновились въ новой мѣстности въ позднее

время года, и намъ приходилось дѣйствовать противъ такого сильнаго противника, какимъ былъ маршалъ Даву.

Намъ предстояло впереди не мало труда, быть можетъ, и славы, но послѣ Лейпцигскаго сраженія мы ею пресытились.

Къ счастью, я воспользовался нѣсколькими днями отдыха для возстановленія своихъ силъ и поэтому чувствовалъ себя бодрымъ и свѣжимъ въ тотъ моментъ, когда намъ пришлось начать походъ въ странѣ, гдѣ зима бываетъ очень сурова.

Главная квартира монарховъ находилась въ Франкфуртѣ на Майнѣ, а генерала Винценгероде—въ Бременѣ. Большая часть этихъ войскъ имѣла превосходныя квартиры. Только отряду графа Воронцова не пришлось отдохнуть какъ слѣдуетъ.

На долю Воронцова, Чернышева, Бенкендорфа и Нарышкина выпадало болѣе всего труда, на нихъ взваливалась вся работа, а Винценгероде, покуривая трубку, эксплоатировалъ ихъ храбрость и усердіе. Слава, извѣстность достаются однимъ дорогою цѣною, а другимъ чуть не даромъ.

Воронцовъ остановился въ Голштиніи, окружилъ Гамбургъ и, перейдя Эйдеръ, дошелъ до герцогства Шлезвигскаго; никогда еще русскіе не заходили такъ далеко.

Чернышевъ занялъ Бельгію и первый вступилъ во Францію; Бенкендорфъ и Левъ Нарышкинъ наводнили войсками Голландію; въ Амстердамѣ еще помнятъ, какъ они овладѣли этимъ большимъ городомъ и низвергли французское правительство.

Винценгероде, смотрясь въ зеркало, возомнилъ себя героемъ, но онъ не былъ таковымъ въ нашихъ глазахъ, хотя мы все-таки были расположены къ нему; это былъ человѣкъ доброжелательный, услужливый, честный и если бы онъ не довѣрялъ слѣпо сварливому Сергѣю Волконскому, то дѣла могли бы идти своимъ чередомъ; но Волконскій внесъ въ нихъ невообразимую путаницу, и начальникъ штаба, генералъ Ренни, не имѣлъ при немъ никакого значенія.

XLVIII.

Сѣверная армія.—Сраженіе при Випзенѣ.—Рижскіе драгуны.—Генералъ Вишери.

Послѣ Лейпцигскаго сраженія Сѣверная армія получила назначеніе очистить отъ непріятеля сѣверную Германію, прогнать французовъ отовсюду, гдѣ бы она ихъ ни встрѣтила, и возвратить жителямъ той мѣстности утраченную ими свободу.

Графъ Воронцовъ остановился сначала въ Касселѣ, затѣмъ направился въ Гамбургъ. Генералъ Теттенборнъ овладѣлъ Бременомъ и, совершивъ это удачное движеніе, пресѣкъ единственное сообщеніе, которое маршалъ Даву сохранялъ съ Франціей чрезъ Голландію.

Шведскій королевскій принцъ, отдѣливъ корпуса Винценгероде и Бюлова для того, чтобы овладѣть Голландіей, двинулся къ Эльбѣ съ шведской арміей и съ отрядомъ Воронцова и графа Строганова, поставивъ себѣ главной цѣлью занять герцогство Голштинское и лелѣя заднюю мысль—завоевать Норвегію.

16-го ноября королевскій принцъ выѣхалъ изъ Ганновера, а 24-го числа перешелъ Эльбу у Бойценбурга.

Мнѣ было приказано занять Люнебургъ, гдѣ я засталъ графа Ностица, командовавшаго нѣмецкимъ легіономъ и корпусомъ Люцова. Онъ тотчасъ пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы условиться относительно того, какъ я предполагаю дѣйствовать, чтобы смѣнить его войска, занимавшія посты по берегу Эльбы отъ Винзена до Гаарбурга (Haarbourg).

Ему было приказано перейти Эльбу у Лауенбурга и присоединиться къ корпусу Вальмодена, который предназначался для дѣйствій противъ датчанъ и изгнанія ихъ изъ герцогства Голштинскаго, между тѣмъ какъ графъ Воронцовъ долженъ былъ занять Гамбургъ, до прибытія польской арміи, подъ командою генерала Беннигсена.

Я пробылъ два дня въ Люнебургѣ, гдѣ графъ Воронцовъ устроилъ свою главную квартиру, а затѣмъ отправился въ Бардвыкъ (Bardvyk).

Французы не допустили насъ основаться въ Винзенѣ, какъ намѣревался Воронцовъ, поручивъ мнѣ защиту этого пункта. Онъ увеличилъ мой отрядъ однимъ батальономъ гренадеръ, батальономъ егерей, двумя орудіями и двумя эскадронами рижскихъ драгунъ.

Съ этимъ подкрѣпленіемъ, я разсчитывалъ на успѣхъ. Графъ Воронцовъ хотѣлъ имѣть главную квартиру временно въ Винзенѣ и приказалъ мнѣ овладѣть этой позиціей, чтобы непріятель какъ можно долѣе не смѣлъ насъ тревожить.

Главная квартира шведскаго королевскаго принца, эшелонировавшагося позади Воронцова, должна была находиться въ Люнебургѣ, откуда онъ намѣревался подготовить переправу черезъ Эльбу.

Я отправился тотчасъ въ Винзенъ. Рекогносцировка, произведенная мною въ городѣ и его окрестностяхъ, убѣдила меня въ томъ, что и этотъ разъ я могъ одержать верхъ надъ непріятелемъ не иначе, какъ при помощи хитрости. Дѣйствительно, французы, вышедши изъ Цолленъ-Спикера и Гопершанце, могли атаковать меня съ превосходными силами; моя артиллерія не могла бы противустоять орудіямъ большаго калибра ихъ передовыхъ окоповъ и Гамбургской крѣпости. При томъ,

я не могъ разсчитывать ни на какую поддержку, ибо я находился отъ графа Воронцова болѣе чѣмъ въ двадцати верстахъ.

Если бы французы разбили меня, то они могли отрѣзать мнѣ отступленіе. Поэтому надобно было сначала подпустить непріятеля поближе, а затѣмъ устрашить его, принявъ его какъ слѣдуетъ. Я рѣшилъ защищать Винзенъ въ самомъ городѣ и дозволить непріятелю овладѣть апрошами, но рѣшилъ перейдти въ наступленіе, какъ только обстоятельства будутъ этому благопріятствовать.

Съ этой цѣлью, я разставилъ аванпосты напротивъ Гопершанце и Цолленъ-Спикера, приказавъ казакамъ отступать, отстрѣливаясь, какъ только непріятель выйдетъ изъ своихъ окоповъ, и тщательно наблюдать за тѣмъ, чтобы никто изъ жителей не могъ проскользнуть сквозь цѣпь постовъ, и дать знать французамъ, что у меня были орудія и пѣхота.

Вся моя хитрость состояла въ томъ, чтобы убѣдить французовъ, что я занималъ Винзенъ съ одними только казаками.

Я приказалъ батальонамъ снять ранцы и поставилъ егерей въ домахъ, стоявшихъ вдоль плотины, по которой непріятель долженъ былъ пройти. Въ моихъ рукахъ была также водяная мельница, обнесенная высокой стѣною; наконецъ, подъ городскими воротами было поставлено орудіе, заряженное картечью, которое должно было обстрѣливать плотину вдоль.

Я велѣлъ прикрыть это орудіе соломой, такъ что оно походило издали на шалашъ, какіе казаки сооружаютъ, чтобы защищаться отъ дождя.

Позади городскихъ воротъ и въ смежныхъ улицахъ стояли въ резервѣ двѣ роты гренадеръ, пушка и рижскіе драгуны.

Пѣхотѣ и артиллеристамъ было строго-на-строго запрещено показываться; стрѣлять же изъ ружей было запрещено подъ страхомъ смертной казни до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣланъ первый выстрѣлъ изъ орудія, что могло воспослѣдовать только по моему словесному приказанію.

Казакамъ было приказано, совершивъ большой обходъ, переправиться черезъ Люге (Lühe) вплавь и напасть на непріятеля съ тыла въ тотъ моментъ, когда раздастся первый орудійный выстрѣлъ, дабы отрѣзать имъ отступленіе.

Уланскому поручику Сонину, исполнявшему при мнѣ обязанности адъютанта, было поручено командовать казаками во время этихъ дѣйствій, которымъ я придавалъ особенное значеніе.

Подготовивъ все такимъ образомъ, я сталъ выжидать дальнѣйшихъ событій.

Къ Винзену шла сильная непріятельская колонна. Я вскочилъ на

лошадь и поспѣшилъ навстрѣчу непріятелю, сопровождаемый только братомъ и однимъ казакомъ.

Французскіе развѣдчики перестрѣливались уже съ моими, и колонна шла къ Винзену, съ музыкантами во главѣ, увѣренная въ побѣдѣ, которую она всегда одерживала до тѣхъ поръ.

Отступая, я завлекъ непріятеля по своимъ слѣдамъ. Не видя у меня ни пѣхоты, ни орудій, непріятель могъ думать, что ему придется вытѣснить изъ города только однихъ казаковъ; французы вступили на плотину сомкнутой колонной при барабанномъ боѣ.

Тогда, поспѣшно повернувъ лошадь, я поскакалъ къ воротамъ и приказалъ артиллерійскому поручику Ратманову стрѣлять. Дѣйствіе картечи было поразительное; въ ту же минуту изъ домовъ и изъ мельницы былъ открытъ бѣглый огонь; надобно было видѣть, какъ французы пустились бѣжать.

Я тотчасъ перешелъ въ наступленіе и двинулъ противъ непріятеля подполковника Филатьева съ егерями и подполковника Фишера съ гренадерами; Филатьевъ пошелъ прямо въ рукопашную, а Ратмановъ энергично осыпалъ французовъ картечью изъ своихъ двухъ орудій и не далъ имъ возможности сомкнуть ряды.

Изгороди и канавы помѣшали рижскимъ драгунамъ выполнить все то, что имъ было предписано, но мои казаки исполнили буквально все, мною приказанное, переплыли черезъ рѣку и весьма кстати ударили непріятелю въ тылъ.

Непріятельская колонна была совершенно разстроена и искала спасенія въ бѣгствѣ и защиты густаго лѣса.

Бо̀льшая часть непріятельской колонны была перебита; ко мнѣ привели 350 плѣнныхъ, и я вступилъ въ Гопершанце, смѣшавшись съ бѣжавшими французами.

Въ теченіе десяти минутъ мы овладѣли десятью орудіями, но я не имѣлъ никакой возможности увезти ихъ; это были орудія самаго большаго калибра и такъ какъ къ французамъ подоспѣло подкрѣпленіе изъ Цолленъ-Спикера, то мнѣ пришлось, къ сожалѣнію, оставить эти бронзовые трофеи и удовольствоваться одними плѣнными.

Мой адъютантъ Сонинъ, къ величайшему моему прискорбію, былъ убитъ на-повалъ въ ту минуту, когда онъ первый вступилъ съ казаками въ Гопершанце. Онъ и мой братъ, которые ободряли, по моему приказанію, казаковъ, наиболѣе содѣйствовали нашему успѣху. Братъ приказалъ положить бездыханное тѣло Сонина на лошадь и привезъ его ко мнѣ. Смерть этого храбраго офицера омрачила мою радость по поводу одержаннаго нами успѣха.

Великолѣпная сѣрая лошадь, спасшая мнѣ жизнь въ Бернбургѣ,

получила царапину по носу пулею, и съ тѣхъ поръ этотъ храбрый конь сдѣлался труслившъ и никогда не могъ забыть этой непріятности.

Графъ Воронцовъ, заслышавъ канонаду, приказалъ одному изъ своихъ адъютантовъ узнать, что дѣлается со мною. Онъ прискакалъ въ тотъ моментъ, когда я принималъ плѣнныхъ, и поспѣшилъ съ донесеніемъ къ графу, который написалъ мнѣ любезное письмо, прислалъ мнѣ нѣсколько солдатскихъ георгіевскихъ крестовъ для раздачи отличившимся и разрѣшилъ мнѣ представить списокъ офицеровъ, заслуживавшихъ того, чтобы о нихъ было сдѣлано представленіе императору.

Мнѣ посчастливилось первому одержать побѣду надъ непріятелемъ на новомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Королевскій принцъ упомянулъ объ этомъ въ своемъ бюллетенѣ, и я былъ награжденъ Анною съ алмазами. Мой братъ былъ произведенъ въ капитаны; всѣ офицеры, представленные мною къ наградѣ, удостоились таковой. Въ числѣ ихъ оказался, къ великому моему удовольствію, поручикъ артиллеріи Ратмановъ. Онъ получилъ Анну 2-й степени, что́ было въ то время выдающеюся наградою, въ особенности для офицера, не имѣвшаго еще ни одного знака отличія.

Я ходатайствовалъ за него у графа Воронцова, который не отказалъ мнѣ въ этомъ, будучи всегда готовъ наградить истинную доблесть.

Послѣ этого урока, даннаго нами непріятелю, онъ пересталъ тревожить нашу позицію при Винзенѣ, и графъ Воронцовъ могъ совершенно спокойно основать тамъ свою главную квартиру. Вѣчно дѣятельный, хотѣвшій видѣть все своими собственными глазами, онъ посѣтилъ меня на слѣдующій день.

Я былъ въ самомъ жалкомъ положеніи; послѣ сраженія меня схватила лихорадка, и я не былъ ни на что способенъ. Графъ Воронцовъ далъ въ мое распоряженіе свою коляску, и я отправился въ сопровожденіи брата и прусскаго поручика Клицинга въ Люнебургъ, гдѣ уже находилась главная квартира королевскаго принца.

Графъ Воронцовъ со своей обычной заботливостью навѣщалъ меня нѣсколько разъ во время моей болѣзни и выказалъ мнѣ большое участіе.

Я чуть не поссорился въ это время съ моимъ другомъ, генераломъ барономъ Паленомъ.

Дѣло въ томъ, что въ моей реляціи о побѣдѣ, одержанной при Винзенѣ, не было упомянуто о рижскихъ драгунахъ, принадлежавшихъ къ бригадѣ Палена, по той простой причинѣ, что они не имѣли случая отличиться. Когда я отрядилъ два взвода для того, чтобы поддержать блестящую атаку, веденную моими казаками, то офицеръ, командовавшій этими взводами, дѣйствовалъ столь вяло, что я приказалъ тотчасъ

посадить его подъ арестъ; это произвело впослѣдствіи большое впечатлѣніе въ Рижскомъ полку и дошло до свѣдѣнія барона Палена, который потребовалъ отъ меня оффиціально объясненія по этому поводу.

Взыскавъ съ офицера за его нерадѣніе на мѣстѣ преступленія, я не хотѣлъ давать дальнѣйшаго хода этому дѣлу, такъ что мы покончили его съ Паленомъ къ обоюдному удовольствію. Впрочемъ, драгуны, составлявшіе мой резервъ, исполнили въ точности мои приказанія; не могъ же я въ самомъ дѣлѣ ходатайствовать о награжденіи тѣхъ, кои не сдѣлали ничего выдающагося; я не выигралъ сраженія, послѣ котораго раздаютъ обыкновенно много наградъ безъ разбора. Каждый человѣкъ былъ у меня какъ на ладони, на виду у всѣхъ.

Такъ какъ графъ Воронцовъ, составляя авангардъ арміи королевскаго, принца долженъ былъ перейти Эльбу, то графу Строганову было приказано занять его посты.

Здоровье не позволяло мнѣ еще вступить въ командованіе авангардомъ. Я остался въ Люнебургѣ. Пока въ городѣ находились довольно значительныя силы, у меня было отличное помѣщеніе и ко мнѣ относились внимательно, но какъ только изъ Люнебурга выступилъ послѣдній отрядъ, хозяинъ дома, въ которомъ я жилъ, измѣнилъ свое обращеніе со мною и сталъ въ высшей степени дерзокъ.

Мой братъ, человѣкъ очень вспыльчивый, былъ взбѣшенъ этимъ. Вмѣсто обычнаго хорошаго завтрака, хозяинъ подалъ намъ отвратительный хлѣбъ, прескверное масло и вонючую ветчину. Я былъ слишкомъ плохъ, чтобы замѣтить всѣ эти мелочи; но мой братъ, возмущенный этой неожиданной перемѣной, призвалъ хозяина дома и заставилъ его съѣсть отвратительное масло, которое онъ считалъ достаточно хорошимъ для насъ.

Разумѣется, онъ не имѣлъ ни малѣйшей охоты сдѣлать это, но присутствіе двухъ казаковъ заставило его быть кроткимъ и послушнымъ. Онъ повиновался, впрочемъ весьма неохотно, и, я думаю, послалъ насъ въ душѣ ко всѣмъ чертямъ.

Послѣ этой комической сцены, еще далеко не оправившись, я сѣлъ на лошадь и уѣхалъ изъ Люнебурга на поиски графа Воронцова, который успѣлъ, между тѣмъ, перейти Эльбу. Я нагналъ его въ Шварценбахѣ.

Ѣзда и чистый воздухъ подкрѣпили меня, и я считалъ себя уже способнымъ командовать авангардомъ.

Мнѣ предстояло объѣхать кругомъ весь Гамбургъ, достигнуть высотъ Альтоны и, такъ сказать, окончательно овладѣть этимъ городомъ.

Я пообѣдалъ по пути у генерала барона Палена, которому было приказано эшелонироваться за мною со своей кавалеріей. Прибывъ къ своему отряду, я убѣдился, что въ мое отсутствіе всѣ страшно рас-

пустились; никто не могъ даже сказать мнѣ въ точности, гдѣ именно находится непріятель; я тотчасъ приказалъ всѣмъ сѣсть на лошадь и дошелъ въ ту же ночь до Куддиверде.

Непріятель сломалъ и сжегъ всѣ мосты на Биллѣ (La Bille); это заставило меня остановиться, чтобы подготовить переправу.

Подмораживало; снѣгъ шелъ хлопьями; необходимыхъ матеріаловъ у меня не было; мы встрѣтили бы тысячу препятствій, если бы я дѣйствовалъ менѣе энергично и сталъ заботиться о прочности новаго моста, но съ казаками всюду можно пройти. Я вскорѣ преодолѣлъ всѣ трудности и настигъ въ Паппендорфѣ врасплохъ пикетъ конныхъ егерей, состоявшій изъ квартирмейстера и восьми егерей, которые были взяты нами въ плѣнъ и послужили графу Воронцову доказательствомъ того, что его авангардъ не терялъ непріятеля изъ вида, какъ это случилось, къ его величайшему неудовольствію, во время моего отсутствія.

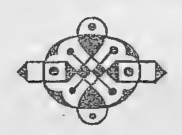
Я поспѣшно пошелъ къ Сику (Siek), большой деревнѣ, лежавшей на шоссе, которое ведетъ въ Вандсбекъ и Гамбургъ.

Я переночевалъ въ этой деревнѣ въ домѣ священника.

Ночью я получилъ отъ графа Воронцова приказаніе пройти по дорогѣ въ Вандсбекъ какъ можно далѣе; онъ употребилъ выраженіе: чтобы увидѣть непріятеля въ глаза. Для меня подобное приказаніе было излишне. Въ ту же ночь я послалъ на эту дорогу развѣдчиковъ, а на слѣдующее утро у меня уже завязалось жаркое дѣло между Ральстедтомъ и Тондорфомъ.

Отрядомъ, съ которымъ я вступилъ въ бой, командовалъ генералъ Вишери. Онъ выставилъ весьма значительныя силы, всѣхъ трехъ родовъ оружія, коимъ я могъ противупоставить только горсть казаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. М. Карамзинъ и гр. Н. П. Румянцовъ.

Собственноруч. письмо Н. М. Карамзина—гр. Н. П. Румянцову.

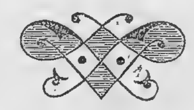
14-го апрѣля 1816 г. Москва.

Въ добавокъ къ милостямъ, вашимъ сіятельствомъ оказаннымъ мнѣ въ Петербургѣ, вамъ угодно было вспомнить обо мнѣ и по моемъ отъѣздѣ: примите за то и за другое мою сердечную благодарность. Умѣю цѣнить ваши ласки такъ же, какъ и ваши необыкновенныя достоинства, которыя дѣлаютъ честь нашему отечеству и времени. Извините простоту выраженія: она мнѣ свойственна вмѣстѣ съ искренностію. Готовясь возвратиться въ Петербургъ, увѣряю себя въ вашемъ неизмѣнномъ ко мнѣ благоволеніи, которое должно быть для меня замѣною многихъ истинныхъ пріятностей, оставляемыхъ мною въ доброй, старинной Москвѣ, гдѣ провелъ я три возраста жизни. Въ 49 лѣтъ уже не ищутъ такъ называемаго счастія; но пока мыслимъ и чувствуемъ, хотимъ удовольствій душевныхъ. Мысль о вашемъ привѣтливомъ, искреннемъ обхожденіи со мною украшаетъ для меня мысль о Петербургѣ. Уже не буду искать тамъ ни представленій, ни разсѣянія, и тѣмъ болѣе надѣюсь пользоваться вашею превлекательною, любезною бесѣдою о минувшемъ и настоящемъ.

Отъ всего сердца желая вашему сіятельству совершеннаго здоровья и спокойствія, какъ перваго блага въ жизни, съ истиннымъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію имѣю честь быть и проч.

Отвѣтъ графа Н. П. Румянцова безъ мѣсяца и числа.

Съ признательностію получа письмо, каковымъ меня удостоили, и за то васъ благодарю, что сами примѣтить изволили, какъ въ бытность вашу въ Петербургѣ я часто съ вами быть желалъ. Кто изъ насъ не почитатель ума, просвѣщенія и доброты душевной. Вы, такъ сказать, въ каждой масти людей въ правѣ найти себѣ приверженцевъ и посреди множества замѣтите меня особо. Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1901 г.

ТОМЪ СТО ВОСЬМОЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

Портреты.

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

Библіографическій листокъ.

1. 14-е марта. Двадцатилѣтній періодъ товарищескихъ собраній „Дворянъ“ и „Константиновцевъ“. (1882—1901 гг.). Воспоминанія одного изъ участниковъ. Спб. 1901. Н. И. Кашкадамова (На оберткѣ октябрьской книжки).
2. „Русскій Біографическій Словарь“. Фаберъ—Цявловскій. Изд. подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. А. А. Половцова. Спб. 1901 г. (На оберткѣ ноябрьской книжки).
3. Д. В. Цвѣтаевъ. Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ. Приложенія къ историческому изслѣдованію. Книга первая. Варшава. 1901 г.—С. Ф. Либровичъ. Царь въ плѣну. Спб. 1901 г. В. Л—аго (тамъ же).

Приложенія.

3, воскресенье. Ш(т)рандъ. Весь день на берегу. Ф(елдъ)егерь Яцинскій. Прикоснулся бы [1]).

4, понедѣльникъ. Переѣздъ черезъ штрандъ. Въ Адлерѣ. Въ Мемелѣ. Встрѣча съ Fabre[2])въ Полангенѣ. Жидъ и нѣмецъ. Размѣнъ денегъ. Ввечеру въ Rutzau. Плутъ инвалидъ.

5. Оберъ Бартау: разсказы почт(мейстерской) жены о Перовскомъ. Тидонненъ. Дрогенъ. Шрунденъ. З(д)ѣсь спалъ.

6, середа. Фрауендорфъ. Бекгофъ. Добленъ. Митава. Отъ Митавы до Риги. Солдатъ.

7, четвергъ. Рига. У Кубе [3]). У Петерсена [4]). Докторъ. Обѣдъ у Кубе. Двѣ жизни. Къ Петерсену спать. Вечеръ въ театрѣ. Очень порядочно: Intermezzo. Въ муссу [5]): Зонтагъ[6]), Гиль, Фелкерзамъ[7]), Тидебель [8]), Вагшлагеръ [9]).

8 и 9, пятница и суббота. Дорога изъ Риги въ Дерптъ.

10, 11 (февраля н. ст.), 31 (января)—12 (февраля н. ст.), 1 (13) (февраля), 2 (14), 3 (15). Въ Дерптѣ.

4 (16), суббота. Выѣхалъ изъ Дерпта.

5 (17), воскр(есенье). Дорога.

6 (18), понедѣл(ьникъ). Пріѣздъ. У велик(ой) княг(ини) [10]). У императрицы [11]). Дома Тургеневъ [12]), Блудовъ [13]).

---

[1]) Вѣроятно, фельдъегерь везъ въ Берлинъ письма отъ великой княгини Александры Θеодоровны.

[2]) Быть можетъ, съ Готгильфомъ-Θеодоромъ Фаберомъ (р. 1768 † 1847), служившимъ по вѣдомству министерства иностранныхъ дѣлъ (въ 1816 г. онъ былъ чиновникомъ при Франкфуртской миссіи, а въ 1822 г. чиновникомъ при нашей миссіи въ Майнцѣ), извѣстнымъ своими трудами о графѣ Каподистріа.

[3]) См. выше, стр. 72, прим. 8-е.

[4]) Вѣроятно, у Евстаѳія Θедоровича (Георга-Густава) Петерсена, впослѣдствіи бывшаго лифляндскимъ губернскимъ прокуроромъ (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу", стр. 272—273).

[5]) Die Musse—клубъ въ Ригѣ, основанный въ 1786 году.

[6]) Карлъ-Готлобъ Зонтагъ (р. 1765 † 1827), докторъ богословія и философіи, предсѣдатель лифляндской оберъ-консисторіи.

[7]) Егоръ Θедоровичъ фонъ Фелькерзамъ (р. 1766†1848), правитель канцеляріи рижскаго военнаго генералъ-губернатора, затѣмъ лифляндскій вице-губернаторъ, а съ 1829 по 1847 г. тамошній губернаторъ.

[8]) Андрей Богдановичъ Тидебель, совѣтникъ губернскаго правленія по части крестьянскихъ дѣлъ.

[9]) Яковъ Ивановичъ фонъ Вагшлагеръ, лифляндскій губернскій казначей.

[10]) У великой княгини Александры Θеодоровны.

[11]) У императрицы Маріи Θеодоровны.

[12]) Александръ Ивановичъ.

[13]) Дмитрій Николаевичъ.

7 (19), вторникъ. У императрицы. У Карамзина [1]). У Козлова [2]).

9 (21), четвергъ. Визиты. Въ театрѣ во дворцѣ: Une journée de Versailles. Le tailleur de S. S. [3]). Tableaux.

10 (22), пятница. У в(еликой) к(нягини). Визиты съ Блудовымъ. Об(ѣдалъ) у Блудова. Сѣверинъ [4]). У Карамзина, у Кривцова [5]).

1826.

9 (мая). Отдалъ госуд(арю) письмо о Карамзинѣ [6]).

10 мая. Прощанье съ импер(аторомъ), импер(атрицею) и в(еликимъ) княземъ [7]). Поутру у Карамзина. Вечеръ дома съ Тургеневымъ и Блудовымъ.

11. Поутру у Карамзина. Реманъ [8]). Въ пять часовъ на пароходъ. До парохода провож(алъ) Тургеневъ. Со мною въ Кронштатъ Перовскій [9]), Кавелинъ [10]), Шемьотъ. Ночевалъ у Тимирязева [11]).

---

[1]) Вотъ, что писалъ Карамзинъ И. И. Дмитріеву черезъ день послѣ свиданія съ Жуковскимъ, 9 февраля 1822 года: „Наконецъ явился Жуковскій съ любовію къ Берлину и съ пріятнымъ воспоминаніемъ о своемъ путешествіи, но безъ жены, вопреки сказкамъ. Говоритъ, будто въ Берлинѣ сердца теплѣе и умы дѣятельнѣе" (см. „Письма Карамзина къ Дмитріеву", Спб. 1866, стр. 323).

[2]) У поэта Ивана Ивановича Козлова.

[3]) Сн. выше, стр. 108.

[4]) Дмитрій Петровичъ Сѣверинъ (р. 1791 † 1865), членъ „Арзамаса", гдѣ онъ носилъ прозвище Рѣзвый Котъ; съ 1811 года онъ посвятилъ себя исключительно дипломатической дѣятельности, былъ съ 1826 года нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи, а съ 1837 г. посланникомъ въ Мюнхенѣ.

[5]) Николая Ивановича Кривцова (р. 1791 † 1843), человѣка весьма образованнаго и умнаго, находившагося въ пріятельскихъ отношеніямъ почти со всѣми Арзамасцами (о Н. И. Кривцовѣ см. въ Воспоминаніяхъ Б. Н. Чичерина, напеч. въ „Русскомъ Архивѣ" 1890 года, книга первая).

[6]) Въ это время Карамзинъ былъ уже сильно боленъ († 22 мая 1826). Извѣстные рескриптъ императора Николая I Карамзину отъ 13 мая 1826 года и указъ министру финансовъ о производствѣ ему пенсіона по 50 тысячъ рублей въ годъ были написаны Жуковскимъ (см. Погодинъ, Н. М. Карамзинъ, т. II, Москва, 1866, стр. 494).

[7]) Наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ.

[8]) Лейбъ-медикъ Осипъ Осиповичъ Реманъ (р. 1776 † 1831).

[9]) Василій Алексѣевичъ Перовскій.

[10]) Александръ Александровичъ Кавелинъ (см. выше, стр. 115, прим. 2).

[11]) Быть можетъ, у Ивана Семеновича Тимирязева, женившагося въ 1827 г. на Софьѣ Ѳедоровнѣ Безобразовой, рожд. Вадковской (см. Ѳ. И. Тимирязевъ „Страницы прошлаго", въ „Русскомъ Архивѣ" 1884 года, книга первая, стр. 303—304). По матери своей (рожд. графинѣ Чернышевой) С. Ѳ. Тимирязева приходилась родною племянницею А. И. Плещеевой (рожд. графинѣ Чернышевой), женѣ пріятеля Жуковскаго, А. А. Плещеева.

12, середа. Въ 11-ть часовъ сѣлъ на корабль. Во весь день продолжалась тихая, ясная погода. Мы сдѣлали до вечера не болѣе 15 верстъ и только успѣли поравняться съ Толбухинымъ маякомъ. Удивительной видъ на Ораніенбаумъ. Сколько перемѣнъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ немъ былъ въ послѣдній разъ. Прекрасный петергофскій праздникъ; Александръ въ полномъ цвѣтѣ жизни; Елизавета; Карамзинъ здоровый, веселый. Теперь два во гробѣ. Карамзинъ едва ли воскреснетъ. Я на морѣ. Погода ясная. Но не предвѣщаетъ ли это бури?

13, четвергъ. Прекрасный день, прекрасный вечеръ—но вѣтеръ не попутный. Надобно было лавировать. Къ вечеру прошли только за островъ Сиксаръ. Ночью сдѣлал(ось) немного луч(ше).

14, пятница. Весь день вѣтеръ былъ противный или западный; мы къ вечеру прошли до Гогланда.

15, суббота. Вѣтеръ въ ночь перемѣнился и началъ дуть съ сѣвера; если бы онъ былъ посильнѣе, то былъ бы самый лучшій попутный. Прекрасное захожденіе солнца, особливо продолжительное дѣйствіе свѣта послѣ захожденія. Полоса свѣта яркая на небѣ и надъ нею темныя облака. Море, волнующееся съ удивительною легкостію; и синева, и свѣтъ вмѣстѣ смѣшаны, но на западѣ отдѣлены клочками, кромѣ яркой полосы на самомъ горизонтѣ. Свѣжесть и влага вѣтра. Запахъ. Утки, пролетающія съ крикомъ полосою. Крикъ рыболововъ. Неподвижность корабля. Слѣдъ.

16, воскресенье. Вѣтеръ N.N.O., попутный, но слабый. Мы шли однако по 5 англ(ійскихъ) миль въ часъ. Къ вечеру были уже противъ Даго. Къ ночи вѣтеръ усилился.

17, понедѣльникъ. Вѣтеръ попутный, но не сильный. Около 8-ми вечера мы будемъ на половинѣ дороги.

18, вторникъ. Довольно сильный вѣтеръ. Мы въ виду Готланда. Около вечера лавировали, ибо вѣтеръ перемѣнился.

19, середа. Ночью продолжался сильный вѣтеръ, и мы сдѣлали довольно дороги; но днемъ перемѣнился, утихъ, и къ вечеру было только одно колыханіе корабля, весьма непріятное. Мы лавировали около Оланда. Ночью въ два часа опять поднялся вѣтеръ довольно сильный и попутный.

20, четвергъ. Весь день вѣтеръ довольно перемѣнчивый и слабый. Къ ночи доѣхали до Борнгольма, около котораго надобно было лавировать.

21, пятница. Весь день былъ попутный вѣтеръ, не очень сильный; къ вечеру утихъ; около вечера, когда мы вошли въ Зундъ, совсѣмъ сдѣлалась тишина. Противъ Копенгагена сдѣлался сильный вѣтеръ, съ коимъ проѣхали опасный фарватеръ. Къ счастію, было довольно свѣтло, чтобы различать вѣхи.

*

22, суббота. Эльзинеръ—Копенгагенъ. Видъ на Эльзинеръ съ моря. Замокъ Кроненбургъ [1]). Визитъ къ Габбе [2]). Прогулка въ замокъ. Усталость. Переѣздъ изъ Эльзинера въ Копенгагенъ. Прекрасная, веселая сторона, богатое растеніе. Веселыя деревья. Замокъ и паркъ кронпринца. Буковая прекрасная роща. Маленькія озера, торфъ. Предмѣстія Копенгагена, окруженныя прелестными аллеями. Деревья на улицахъ. Смѣшные солдаты. Книршъ и Триктъ (?) [3]). Hôtel d'Angleterre.

23, воскресенье. Копенгагенъ. Поутру къ графу Санти [4]). Прогулка въ гавань и около города. Въ Lesestube. Негри [5]). Графъ Санти. Table d'hôte. Подлѣ меня за столомъ какой-то французъ, живущій въ Килѣ. Послѣ обѣда визитъ русскаго псаломщика и русскаго священника Степана Карповича Сабинина [6]). Умной человѣкъ. Его разсказы о скандалезной хроникѣ двора. Исторія королевы [7]), матери нынѣшняго короля [8]). Разводъ нынѣшняго кронпринца [9]). Любовныя похожденія нынѣшняго короля. Слухи о королевскомъ сынѣ, будто украденномъ изъ колыбели. Прогулка съ священникомъ въ Розенборгъ, гдѣ всякой годъ въ 1 воскр(есенье) послѣ 1-го марта король бываетъ окруженный всѣмъ дворомъ и рѣшитъ какое-нибудь важное судное дѣло. Королевской садъ. Валъ. Домъ здѣшней Дюбарри [10]).

---

[1]) Т. е. Kronborg.

[2]) Нашему консулу въ Эльзинерѣ Францу Габбе.

[3]) Послѣднее слово написано неразборчиво.

[4]) Графъ Василій Александровичъ Санти († 1841) былъ секретаремъ нашего посольства въ Копенгагенѣ, а потомъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Веймарѣ.

[5]) Быть можетъ, Александръ Ѳедоровичъ Негри (р. 1784 † 1854). А. Ѳ. Негри, родомъ грекъ, состоялъ съ 1815 года на русской службѣ въ вѣдомствѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ; между прочимъ, въ 1818 г. онъ находился старшимъ совѣтникомъ при А. П. Ермоловѣ во время его посольства къ Фетхъ-Али-Шаху. Впослѣдствіи Негри переселился изъ Петербурга въ Одессу и былъ съ 1844 года по свою кончину вице-президентомъ Одесскаго Общества исторіи и древностей (см. „Записки" этого Общества, т. IV, отд. 2-е и 3-е, стр. 414—417).

[6]) Священникъ С. К. Сабининъ (р. 1789 † 1863), бывшій настоятелемъ посольской церкви въ Копенгагенѣ, а потомъ въ Веймарѣ, извѣстенъ своими трудами по богословію, археологіи и древней русской исторіи; имъ была также составлена грамматика исландскаго языка.

[7]) Король Датскій Христіанъ VII (р. 1749 † 1808) былъ женатъ на принцессѣ Каролинѣ-Матильдѣ Великобританской.

[8]) Короля Фридриха VI (р. 1768 † 1839).

[9]) Наслѣдный принцъ Датскій Христіанъ-Фридрихъ былъ женатъ два раза: 1) на принцессѣ Шарлоттѣ-Фридерикѣ Мекленбургъ-Шверинской и 2) на принцессѣ Каролинѣ-Амаліи Гольштейнъ-Августенбургской.

[10]) Т. е. фаворитки короля. Дюбарри, какъ извѣстно, была фавориткою французскаго короля Людовика XV.

24, понедѣльникъ. Утро дома. Молодой Віолье [1]. Обѣдъ у Санти: очень пріятный. M-e Viol(l)ier. Вечеръ дома.

25, вторникъ. Поутру на пристань. Отъѣздъ кронпринца. Онъ и его жена. M-e Bielow. Шуленбургъ. Усталость. Весь день дома. Обѣдъ за table d'hôte подлѣ Негри. Послѣ обѣда у меня Віолье и священникъ. Прогулка мимо театра (дрянное, маленькое зданіе), адмиралтейства, биржи (старинное зданіе), возобновляемаго дворца (весьма мелкая архитектура) на валъ: прекрасныя деревья. Весь городъ окруженъ валомъ; въ него ведутъ четверо воротъ; предмѣстія—домы, построенные въ саду.

26. Выставка: двѣ прекрасныя картины профессора [2]) для новаго дворца. Гипсы Торвальдсена [3]): Амуръ и Психея; Меркурій, готовящ(ійся) умертвить Аргуса; Ганимедъ; Геба; Торжествую(щій) амуръ. Отдыхающій пастухъ; Амуръ, игр(ающій) на лирѣ; Венера съ яблокомъ. Персей Кановы [4]). Барельефъ Торвальдсена: Анакреонъ и Амуръ. Большая картина профессора Лунда [5]) Утвержденіе христіанства въ Даніи. Поѣздка съ Віолье въ университетскую библіотеку: сѣверныя древности—брони, копья, топоры, утвари священныя и домашнія; нѣсколько алтарей; сосуды гробовые, глиняные и металлическіе, уборы, старинныя ткани; руническіе календари и писанія. Манускриптъ Эдды; лексиконъ персидскій и арабскій. Здѣшнее кладбище прекрасный хорошо убранный садъ. Обѣдъ у гр(афа) Санти съ Шлегелемъ [6]), профессоромъ правъ. Ввечеру у нашего священника.

27, четвергъ. Поутру у M-e Viollier, у гр(афа) Санти. Обѣдъ за table d'hôte. Чай у Кирша, Винтеръ. Укладка.

28, пятница. Въ 9 часовъ на пароходъ. Графиня Шиммельманъ [7]). Слѣпой датчанинъ съ Фаре [8]). Липгартъ. Паулуч(ч)и [9]). Соловей, трубачъ и пѣсельникъ. Пасторъ съ сыномъ [10]).

---

[1]) Канцелярскій служитель нашей миссіи въ Копенгагенѣ Людвигъ Віолье.

[2]) Для фамиліи профессора въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

[3]) Знаменитый датскій скульпторъ (р. 1770 † 1844).

[4]) Итальянскаго знаменитаго скульптора (р. 1757 † 1822).

[5]) Извѣстный художникъ Іоганнъ-Лудвигъ Лундъ былъ профессоромъ Академіи художествъ въ Копенгагенѣ.

[6]) Іоганнъ-Фридрихъ-Вильгельмъ Шлегель (Schlegel, р. 1765 † 1836), датскій профессоръ-юристъ.

[7]) Графъ Эрнстъ-Генрихъ Шиммельманъ (р. 1747 † 1831) былъ въ то время датскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

[8]) Т. е. съ островомъ Färö.

[9]) Быть можетъ, рижскій военный генералъ-губернаторъ, маркизъ Филиппъ Осиповичъ Паулуччи.

[10]) Далѣе въ дневникѣ подъ этимъ числомъ находится замѣтка, касающаяся состоянія здоровья Жуковскаго; она при печати опущена.

29, суббота. Около десяти часовъ въ Любекъ. Прекрасное путешествіе по Траве. Старинный городъ. Marienkirche; часы съ курфирстами; Овербекова [1]) картина. Визитъ къ Кутузовой [2]). Отъѣздъ въ Гамбургъ. Ночь въ худомъ трактирѣ въ грозу. Ужаснѣйшая дорога по песку и камнямъ [3]).

30, воскресенье. Вандсбекъ. Клаудіусовъ домъ [4]). Его жена и дочь. [*Далѣе въ дневникѣ нарисованъ планъ Клаудіусова дома и помѣщены слѣдующія объясненія къ плану:* 1. Кресла, на коихъ сидѣлъ и писалъ поэтъ: окна въ садъ; аллея изъ липъ. Постель. 2. Надъ канапе семейственные портреты. Надъ столикомъ портреты: двухъ Штол(ь)берговъ [5]), Ѳомы Кемпійскаго, Фенелона, силуетъ Голицыной]. Пріѣздъ въ Гамбургъ. Трактиръ St. Petersburg на берегу Альстеръ. Гульбище передъ домомъ съ аллеею. Бани на Альстерѣ. Въ театрѣ: Macbeth, пер(еводъ) Шиллера. M-e Miedke — lady Macbeth, Gastrolle. Macbeth—Lenz. Banco—Шеферъ. Macduff—Шварцъ. Глупыя сцены всѣмъ и еще глупѣйшая для нихъ музыка. 1 убійца—Гольманъ. Дунканъ—Шмитъ. Докторъ—Гертигъ. Шекспировы и бо̀льшая часть нѣмецкихъ трагедій не для представленія. Нѣтъ общаго эффекта, кромѣ нѣкоторыхъ Шиллеровыхъ, особенно Валленштейна. Выходишь безъ главнаго—чувства. Madame Miedke въ сценѣ лунатизма была прекрасна: и ужасъ, и трогательное. Ленцъ много кричалъ, но онъ имѣетъ чувство и вообще играетъ съ благородствомъ. Здѣшніе актеры имѣютъ ensemble. Послѣ театра прогулка по аллеѣ. Живость и прекрасное освѣщеніе.

31, понедѣльникъ. Гамбургъ. Весь день просидѣлъ дома, послѣ

---

[1]) См. выше, стр. 156, прим. 9-е.

[2]) Можетъ быть, къ женѣ генералъ-адъютанта Павла Васильевича Голенищева-Кутузова (впослѣдствіи члена Государственнаго Совѣта и графа).

[3]) Вотъ, между прочимъ, что̀ писалъ Жуковскій А. И. Тургеневу изъ Гамбурга 2 (14) іюня 1826 года: „Морское путешествіе мое было благополучно, хотя не совсѣмъ скорое: я провелъ на морѣ десять дней. Въ Копенгагенѣ долженъ былъ прожить цѣлую недѣлю въ ожиданіи парохода, который ходитъ одинъ только разъ въ недѣлю изъ Копенгагена въ Любекъ. Въ 24 часа совершилось это плаваніе. Въ Любекѣ я пробылъ не болѣе полудня и по ужаснѣйшей дорогѣ переѣхалъ въ Гамбургъ: это путешествіе, въ которомъ 15 часовъ я употребилъ на переѣздъ 8-ми миль, утомило меня болѣе морскаго. Я теперь отдыхаю въ Гамбургѣ, гдѣ покупаю себѣ экипажъ: нашелъ прекрасный Оффенбахскій дормёзъ, который продается за дешевую цѣну, и, кажется, рѣшусь взять его“ (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 212—213).

[4]) Матіасъ Клаудіусъ (Claudius, р. 1740 † 1815), писатель для народа, издававшій въ 1771—1775 (подъ именемъ Asmus'a) „Wandsbecker Bote“.

[5]) Поэтовъ графа Христіана (р. 1748 † 1821) и графа Леопольда (р. 1750 † 1819) Штольберговъ (Stolberg).

ванны, весьма не прекрасной. Гроза. Худой праздникъ. Прекрасный видъ изъ моихъ оконъ на Jungfernstieg и на Альстеръ.

1 іюня, Гамбургъ, вторникъ. Поутру у русскаго министра[1]. Осматривалъ коляску: у Лазаруса, у Офруа. Лобановъ [2]. Кронпринцъ Датскій въ театрѣ. Уланы и гренадеры гамбургскіе.

2 (14) іюня, середа. Гамбургъ. Поутру съ Бахарахомъ [3]) къ каретнику. Поѣздка къ Chapeaurouge. На биржу. Börsehalle прекрасное заведеніе для купечества. Обѣдъ у Штруве. Французскій министръ. Поѣздка въ Альтону: городскія кладбища, особенное для каждой церкви. Ботаническій садъ. Клопштоковъ гробъ, его сына и двухъ его женъ подъ прекрасною липою. Видъ съ бастіона на пристани альтонскую и гамбургскую. Кларины страданья [4].

3 (15), четвергъ. Переѣздъ изъ Гамбурга въ Гарбургъ. Слѣпой датчанинъ. Агентъ Гиршъ. Крендели гарбургскіе. Переѣздъ изъ Гарбурга въ Целле.

Гарбургъ. Велле 4. Солтоу 4. Бергенъ. Целле. Шильдершлагъ. Ганноверъ.

4 (16), пятница. Шильдершлагъ. Ганноверъ (мерзкій вонючій трактиръ). Mudenburg, Бриггенъ. Весь день то сильный дождь, то ясно.

5 (17), суббота. Аммазенъ. Эйнбекъ. Нордге(й)мъ. Геттингенъ. Холодный ясный день. Видъ на Гарцъ. Особенно прекрасный видъ около Нордгейма. Веселыя окрестности. Геттингенъ. Городъ некрасивый. Обозрѣніе библіотеки и музеума.

6 (18), Геттингенъ. (Воскресенье). Визитъ къ Гимли[5]. Отъѣздъ въ третьемъ часу. Прекрасные виды по дорогѣ. Особенно прелестныя окрестности Миндена и отъ Миндена вся дорога до Касселя. Долина съ ручьемъ. Высокія горы, поднимающіяся отъ Миндена и спускающіяся къ Касселю. Станціи: Дран(с)фельдъ, Минденъ, Кассель.

---

[1]) Министромъ-резидентомъ въ Гамбургѣ былъ въ то время Генрихъ Антоновичъ Струве (въ дневникѣ Жуковскаго нѣсколько ниже, подъ 2-мъ іюня, фамилія его написана Штруве).

[2]) См. выше, стр. 169, прим. 2-е.

[3]) Секретаремъ нашей миссіи въ Гамбургѣ Романомъ Ивановичемъ Бахерахтомъ.

[4]) Живописецъ Клара (Klara), пользовавшійся покровительствомъ Жуковскаго и которому императоръ Николай разрѣшилъ сопровождать его за границу. Объ этомъ Клара см. въ письмахъ Жуковскаго 1826 и 1827 гг. къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 276—277 и 284), въ письмахъ его къ Е. Г. Пушкиной 1827 и 1828 гг. (тамъ же, стр. 491—493) и къ А. И. Тургеневу 1826 г. (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 219).

[5]) Карлъ-Густавъ Гимли (Himly, р. 1772 † 1837), профессоръ Геттингенскаго университета, глазной врачъ.

7 (19), понедѣльникъ. Кассель. Видъ передъ дворцомъ. Ссора съ часовымъ. Löwenburg: комнаты курф(юрста). Обои. Постель. Rittersaal, Rüstkammer; Rüstung .... [1]). Capelle: гробы, стекла. Геркулесъ. Каскады, органы, фонтанъ. Каскадъ въ лѣсу. Чертовъ мостъ. Aqueduc Фонтанъ въ 190 футовъ. Schönfeld. Герцогиня. Курпринцъ и... [2]) любви. Auengarten. Friedrichsplatz съ монументомъ [3]) и гауптвахтою. Wilhelmsplatz.

8 (20). Диссенъ. Вабернъ, Керстенгаузенъ. Есбергъ. Гальсдорфъ. Шенштатъ. Марбургъ: живописный городъ съ замкомъ на горѣ. Тѣснота улицъ. Аллея липовая до почты.

9 (21), середа. Марбургъ. Белленгаузенъ. Гиссенъ (обѣдъ). Вецларъ (Вертеръ) [4]), ярмарка. Замокъ Браунфельсъ. Вейлбургъ (высокій замокъ; мостъ; станція на берегу; чай). Лимбургъ.

10 (22), четвергъ. Лимбургъ. Монтаборъ. Эмсъ. Комната въ Steinerne Haus до 11 іюля.

11 (23), пятница. Карамзинъ [5]).

12 (24), суббота. Наканунѣ отъѣздъ Клары [6]). К(рон)принцъ [7]). К(нягиня) Мещерская. Докторовъ [8]). Послѣ обѣда у Стурдзы [9]). Штейнъ [10]) съ дочерью. Прогулка. 1 ванна.

13 (25), воскресенье. Посѣтители изъ Кобленца. Визиты къ Тюм-

---

[1]) Одно слово не разобрано.

[2]) Одно слово написано неразборчиво.

[3]) Ландграфу Кассельскому Фридриху II.

[4]) Въ Ветцларѣ Гёте написалъ своего Вертера („Werthers Leiden").

[5]) О смерти Карамзина († 22 мая 1826) Жуковскій узналъ изъ газетъ. „Вообрази мое положеніе—узнать изъ газетъ, что Карамзина нѣтъ на свѣтѣ. И вотъ все, что я знаю!"—писалъ Жуковскій А. И. Тургеневу (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу", стр. 214). Не лишнимъ будетъ замѣтить, что Зейдлицъ въ своей книгѣ „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго" (Спб. 1883, стр. 140—141) ошибочно говоритъ, что Жуковскій „въ Берлинѣ получилъ горестное извѣстіе о кончинѣ Карамзина". Изъ дневника Жуковскаго видно, что въ 1826 г. онъ поѣхалъ за границу моремъ и ни весною, ни лѣтомъ этого года въ Берлинѣ не былъ.

[6]) См. выше, стр. 183, прим. 4-е.

[7]) Кронпринцъ Прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ.

[8]) Т. е. Дохтуровъ.

[9]) У А. С. Стурдзы.

[10]) Знаменитый прусскій государственный дѣятель баронъ Генрихъ-Фридрихъ-Карлъ фонъ Штейнъ (р. 1757 † 1831). „Жук(овскій) очень полюбилъ его (Штейна)—писалъ А. И. Тургеневъ брату Николаю Ивановичу.—Жук(овск)ій, въ быту домашней жизни и по общему уваженію, находитъ б(арона) Штейна сходнымъ съ Карамзинымъ" (см. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу", стр. 58).

плингу [1]), къ гр. Реедъ (г. Клаузевицъ), къ гр(афинѣ) Эглофштейнъ [2]).

14 (26), понедѣльникъ. У меня Симборскій, Эделинкъ [3]), Стурдза. Я къ граф(инѣ) Эглофштейнъ (ея мать). Къ Стурдзѣ. Разговоръ о жизни послѣ смерти.

17 (29), четвергъ. Поѣздка на ослѣ вдоль берега Ланы. Принцъ Шаумб(ургъ)-Липпе.

18 (30), пятница. Поѣздка на ослѣ къ Mooshütte.

19 (1 іюля). Весь день дома. Утр(омъ) жаръ. Разговоръ съ Стурдз(ою) о восп(итаніи) [4]). Кн(ягиня) Голицы(на) [5]). Граф(иня) Бернсдорфъ.

21 іюня (3 іюля), понедѣльникъ. Прогулка по берегу Ланы.

22 іюня (4 іюля), вторникъ. Полдникъ у пр(инца) Липпе. Пріѣздъ Кутузовой. Вечеръ у гр(афини) Эглофштейнъ.

23 (5 іюля), середа. Обѣдъ у кн(ягини) Голицын(ой). Пѣніе. Поутру у Кутузовыхъ. Пріѣздъ гр(афа) Каподистріи.

24 (6), четвергъ. Вечеръ у гр(афини) Перпоншè [6]). Вольфъ [7]). Сцена изъ Ифигеніи, Taucher, Der stan(d)hafte Prinz, Hebel [8]).

25 (7), пятница. Обѣдъ русскихъ.

---

[1]) Адъютанту кронпринца Прусскаго Адаму фонъ Тюмплингу (Tümpling, р. 1781 † 1871), впослѣдствіи бывшему генералъ-адъютантомъ и генераломъ-отъ-кавалеріи.

[2]) Графиня Юлія Эглофштейнъ (р. 1792†1869), обладавшая прекраснымъ художественнымъ талантомъ; она и ея мать, графиня Генріетта Эглофштейнъ (р. 1773 † 1864) были хорошо знакомы съ Гёте.

[3]) Графъ Альбертъ Эдлингъ (р. 1774 † 1841) (Жуковскій въ своемъ дневникѣ пишетъ его фамилію ошибочно Эделинкъ), саксенъ-веймарскій министръ, женатый на сестрѣ А. С. Стурдзы, извѣстной Роксандрѣ Скарлатовнѣ (р. 1786 † 1844).

[4]) Жуковскій, какъ извѣстно, готовился стать воспитателемъ наслѣдника Александра Николаевича.

[5]) Это была княгиня Марья Аркадьевна Голицына, рожд. княжна Суворова „Здѣсь (т. е. въ Эмсѣ) между прочими русскими княгиня Голицына-Суворова—писалъ Жуковскій И. И. Козлову 3 (15) іюля 1826 г.—Я ее вижу довольно часто и слушаю съ большимъ удовольствіемъ ея милое пѣніе“ (Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 464; здѣсь, въ датѣ письма, опечатка: 3 (15) іюня; слѣдуетъ читать: іюля). „Она (кн. Голицына) очень любезна и добра,—читаемъ въ другомъ письмѣ Жуковскаго къ Козлову, отъ 23 іюля (4 августа) того же года.—Я бывалъ, и довольно часто, у нея, и всякій разъ плѣнялся ея милымъ пѣніемъ“ (тамъ же, стр. 466).

[6]) Жены нидерландскаго посланника въ Берлинѣ (см. выше, стр. 88, прим. 1-е).

[7]) Актеръ (см. выше, стр. 83, прим. 2-е).

[8]) Жуковскій приводитъ названія пьесъ, которыя были читаны на вечерѣ: Ифигенія въ Тавридѣ—трагедія Гёте; Taucher—баллада Шиллера; Der standhafte Prinz—драма Кальдерона. Hebel—поэтъ Іоганнъ-Петръ Гебель (р. 1760 † 1826); Жуковскій, какъ извѣстно, перевелъ нѣсколько его произведеній.

26 (8), суббота. Поѣздка въ Нассау съ Каподистрія, Эделингомъ и Стурдзою.

27 (9), воскресенье. Рейтер(н)ъ [1]). Прогулка съ Каподистрія.

28 (10), понедѣльникъ. Дождь.

29 (11), вторникъ. Разг(оворъ) съ Каподистрія.

1 (13) (іюля), четвергъ. Прогулка съ Кутузовыми на ослахъ. Обѣдъ у Стурдзы.

2 (14), пятница. Разгов(оръ) съ Каподистрія. Обѣдъ у Кутузовой. Вечеръ дома. Возвращеніе Клары.

3 (15), суббота [2]). Толстой. Обѣдъ у Бетмана [3]). Graham. У Каподистрія. Hulda. Смѣшной разговоръ съ Голицыною.

6 (18), вт(орникъ). Принцесса Вильгельмъ [4]).

7 (19), середа. Чтеніе письма Стурдзѣ.

8 (20), ч(етвергъ). Чтеніе отчета [5]). Штейнъ. Поутру у Бетмана.

9 (21), пятница. Отъѣздъ Клары. Чай у кр(он)принцессы [6]).

10 (22), суббота. Души. Обѣдъ у Стурдзы Смарагда. У Штейна.

14 (26), с(реда). У кронпринца. У M-e Perponcher [7]). Наводненіе [8]). У Каподистрія. Отъѣздъ Каподистрія [9]).

---

[1]) Будущій тесть Жуковскаго, Гергардъ-Вильгельмъ фонъ Рейтернъ (р. 1794 † 1865), проводившій лѣто 1826 года въ Эмсѣ и сблизившійся тамъ съ Жуковскимъ (см. объ этомъ въ книгѣ: „Gerhardt von Reutern. Ein Lebensbild", Спб. 1894, стр. 48—50). Ранѣе Жуковскій только мелькомъ, разъ на одномъ балу, видѣлъ Рейтерна въ Дерптѣ въ 1816 году (см. письмо Жуковскаго къ Е. А. Протасовой, отъ 10 августа—5 сентября 1840 года въ „Русской Бесѣдѣ" 1859 г., кн. III, Изящная словесность, стр. 17).

[2]) При печати опущена одна фраза, относящаяся къ состоянію здоровья Жуковскаго.

[3]) См. выше, стр. 165, прим. 9-е.

[4]) Принцесса Маріанна, супруга Прусскаго принца Вильгельма, брата короля Фридриха-Вильгельма III.

[5]) По всему вѣроятію, подъ отчетомъ разумѣется „Донесеніе слѣдственной коммиссіи" по дѣлу о 14 декабря 1825 г. Въ это время Жуковскій былъ занятъ участью Николая Ивановича Тургенева, осужденнаго по этому дѣлу.

[6]) У супруги Прусскаго кронпринца (см. выше, стр. 169, прим. 3-е).

[7]) См. выше, стр. 88, прим. 1-е.

[8]) Наводненіе произошло въ комнатѣ, которую занималъ Жуковскій; это обстоятельство заставило его перебраться на другую квартиру въ Kurhaus'ѣ (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу", стр. 217). Вотъ, что сообщаетъ объ этомъ приключеніи К. К. Зейдлицъ въ своей книгѣ: „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго" (Спб. 1883, стр. 141), ошибочно пріурочивая его къ 4 августа: „Въ Эмсѣ одно приключеніе сильно испугало Жуковскаго, но къ счастію не имѣло никакихъ худыхъ послѣдствій. Онъ занималъ квартиру въ нижнемъ этажѣ углового дома у крутого переулка, черезъ который протекалъ маленькій ручеекъ, струившійся съ горы, отъ такъ называемой Mooshütte. 4-го августа послѣ обѣда, въ ту минуту, когда Жуковскій отдыхалъ, сдѣлался вдругъ ужасный ливень, и въ нѣсколько минутъ дождевая вода смыла съ горъ такъ много земли и камней, что совершенно запрудила переулокъ и проникла въ комнату спящаго, который съ трудомъ могъ выбраться благополучно. Онъ долженъ былъ переселиться на другую квартиру".

[9]) „Главнымъ моимъ здѣсь (т. е. въ Эмсѣ) утѣшеніемъ былъ графъ Капо-

15 (27), ч(етвергъ). Переходъ въ Badehaus. У кронпринца. Разговоръ съ Рёдеромъ[1]).

18 (30), в(оскресенье). Обѣдъ у Штейна. Съ гр. Бернсторфъ. Маріан(на). Клауз(евицъ). Поѣздка въ Арнштейнъ. Букетъ.

19 (31) п(онедѣльникъ). Обѣдъ съ Дилемъ[2]). Планъ Кутуз(овыхъ). У M-elle Stolterfot[3]). Вечеръ у кн(ягини) Голицыной. Пріѣздъ вел(икой) княгини[4]).

20 (1 августа), в(торникъ). У Фицтума. Письмо отъ Каподистріи. Послѣ обѣда у вел(икой) княгини.

21 (2), середа. Обѣдъ у Кутуз(овыхъ). У велик(ой) княгини. У Штейна. У кн(ягини) Голицыной. Пріѣздъ Ансильона[5]).

22 (3), четв(ергъ). Въѣздъ госуд(аря) въ Москву[6]). Обѣдъ съ пр...[7]). Тостъ у вел(икой) княгини. M-e Maselet. Отъѣздъ Кутузовыхъ.

23 (4), пятн(ица). У Ансильона. Визиты. Обѣдъ у Голицыной. У вел(икой) княгини. У Грелса и Дюшеня.

24 (5), субб(ота). Отъѣздъ изъ Эмса. Поутру у Ансильона и г(рафини) Эглофштейнъ. Въ Кобленцѣ: терасса, мостъ. Въ Андернахѣ.

26 (6), воскр(есенье). Андернахъ: развалины римской башни. Ремагенъ. Замокъ Рейнекъ. Ремагенъ. Нонненвертъ: Vogelschiessen. Гр. Бернсторфъ. Драхенфельсъ. Боннъ.

дистріа, который прожилъ недѣли четыре въ Эмсѣ,—писалъ Жуковскій И. И. Козлову 23 іюля (4 августа) 1826 г.—Я еще надѣюсь увидѣть его во Франкфуртѣ, гдѣ буду дня черезъ четыре" (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 466). 29 іюля (10 августа) Жуковскій, дѣйствительно, свидѣлся во Франкфуртѣ съ Каподистріею (см. ниже). Какъ извѣстно, Жуковскій указывалъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ на Каподистрію, какъ на такого человѣка, который могъ бы быть лучшимъ воспитателемъ наслѣдника Александра Николаевича (см. тамъ же, стр. 287—289).

[1]) См. выше, стр. 108, прим. 5-е.

[2]) Августъ-Фридрихъ-Адріанъ Диль (р. 1756†1839), въ теченіе 40 лѣтъ (1790—1830 гг.) бывшій врачемъ въ Эмсѣ.

[3]) Поэтесса Адельгейда фонъ Столтерфотъ (Stolterfoth, р. 1800 † 1875 г.).

[4]) Герцогини Саксенъ-Веймарской Маріи Павловны. „Теперь здѣсь (т. е. въ Эмсѣ) великая княгиня Марія Павловна,—писалъ Жуковскій И. И. Козлову 23 іюля (4 августа) 1826 года. Можешь вообразить, съ какимъ чувствомъ я ее встрѣтилъ. Глубокая и молчаливая горесть ея (вслѣдствіе кончины императора Александра) производитъ въ душѣ какое-то благоговѣніе. Какъ она напоминаетъ Александра, не императора, но человѣка плѣнительнаго, прекраснаго душею, котораго такъ весело было встрѣчать, который былъ такъ привѣтливъ, такъ очарователенъ въ обращеніи, который былъ другомъ и душею своего семейства. Она здѣсь не болѣе трехъ дней и пробудетъ еще недѣли четыре" (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 466).

[5]) См. выше, стр. 87, прим. 6-е.

[6]) Торжественный въѣздъ императора Николая I для коронованія въ Москву происходилъ 25 іюля 1826 года.

[7]) Слово не разобрано, такъ какъ карандашъ стерся.

26 (7), понед(ѣльникъ). Боннъ. Путешествіе въ Кельнъ. Домъ.—Боннъ.

27 (8), втор(никъ). Боннъ. Ho(c)hkreuz. Godesberg. Siebengeburg [1]). Remagen. Andernach. Кобленцъ. Боппартъ [2]). Видъ живописный Боппарта.

28 (9), середа. Боппартъ. Оберъ-Везель: Шенбергъ [3]). Живописные виды Оберъ-Везеля. Церковь готическая. Бахарахъ. Бингенъ. Прекрасный день и освѣщеніе. Ваутсбергъ. Рейнгау. Langenвинкель. Эльфельдъ. Домъ гр. Вестфаленъ. Фарсы. Висбаденъ [4]).

29 (10), четв(ергъ). Висбаденъ. Франкфуртъ. К. д' И. [5]). Письмо Сѣверина [6]) и Нессельродъ [7]). 1798—1807 [8]). При Вѣнской миссіи. При Чичаговѣ. При Барклаѣ. Свид(аніе) во Фр(анкфуртѣ) съ импер(атором). Миссія въ Швейцарію. Въ Парижѣ. VII острововъ. Разлука. Сцена въ Парижѣ.—Ганау.

30 (11), пятн(ица). Ганау. Письма въ Петербургъ. Руль [9]). Рисунки Ивангое. Деттингенъ. Ашафенбургъ. Замокъ. Сады кругомъ города.

31 (12), суббот(а). Ашафенбургъ. Эссельталь. Эссельбахъ. Спессартъ покрытый лѣсомъ. Дождливая погода. Вирцбургъ. Домъ въ итальянскомъ вкусѣ. Дворецъ. Живопись Діаполо [10]). Сводъ. Зала императорская. Садъ. Институтъ для горбатыхъ. Ужинъ у Паткуля [11]).

---

[1]) Т. е. Siebengebirge.

[2]) Т. е. Boppard.

[3]) Т. е. Schönburg.

[4]) Вотъ, что писалъ Жуковскій И. И. Козлову о своей поѣздкѣ по Рейну: „Кончивъ курсъ въ Эмсѣ, объѣхалъ Рейнъ. Время было благопріятное; но я ѣздилъ полубольной и весьма не столько могъ воспользоваться своимъ путешествіемъ, какъ бы хотѣлъ. Надобно было, подобно Вральману, любоваться утесами и разрушенными зàмками съ козелъ. А бродить по высотамъ и даже по ровнымъ мѣстамъ мѣшала слабость“ (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 466—467).

[5]) Т. е. Каподистрія.

[6]) Д. П. Сѣверина (о немъ см. выше, стр. 178, прим. 4-е). Въ 1826 году онъ былъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи.

[7]) Графъ К. В. Нессельроде.

[8]) Эта и слѣдующія за нею фразы подъ этимъ числомъ относятся къ служебной дѣятельности графа Каподистріи. Объ этихъ фактахъ подробно говорится въ автобіографической запискѣ гр. Каподистріи, представленной имъ императору Александру I въ декабрѣ 1824 года (см. Сборникъ Русск. Историч. Общества, т. III, стр. 163—292).

[9]) Іоганнъ-Христіанъ Руль (Ruhl, р. 1764†1842), архитекторъ. Ему, сверхъ того, принадлежатъ иллюстраціи къ Бюргеровой „Ленорѣ“, къ нѣкоторымъ произведеніямъ Шекспира и къ Оссіану.

[10]) Фрески въ вирцбургскомъ дворцѣ исполнены въ 1752—1753 гг. венеціанскимъ живописцемъ Tiepolo.

[11]) Быть можетъ, у генерала Владиміра Григорьевича Паткуля († 1856),

1 (13) (августа), воскрес(енье). Вирцбургъ. Нейссъ [1]). Бургвиндгеймъ. Прелестная сторона. Холмистая равнина. Виды на деревни, аббатство и замки. Встрѣча съ Аракчеевымъ [2]) близъ Бамберга. Бамбергъ. Домъ. Картина Усѣкновенія Предтечи. Тройной мостъ. Нептунъ [3]).

2 (14), понедѣль(никъ). Бамбергъ. Виргау. Равнина волнистая. Долины, деревни. Замокъ Маркардебургъ и Зеегофъ. Фантазія [4]). Многовѣковая дуплистая липа. Посѣщеніе гроба Ж(анъ)-Пауля [5]) и встрѣча на гробѣ его брата. Барейтъ [6]).

3 (15), вторникъ. Барейтъ. Эгра [7]): горницы Валленштейна. Франценбрунъ [8]). Останов(ился) въ Schwan [9]).

4 (16), середа. Докторъ Conrath. Письмо отъ Тургенева. Письмо къ Тургеневу [10]).

5 (17), четвергъ. Поѣздка въ Маріенбадъ. Пушкина [11]), Соймоновъ [12]). Возвращеніе до половины дор(оги) съ Ал(ександромъ) и Сер(гѣемъ) [13]).

6 (18), пятница. 1 ванна.

7 (19), суббота. 2 ванна [14]). Началъ писать письмо [15]). Чт(еніе).

сынъ котораго Александръ Владиміровичъ воспитывался съ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ.

[1]) Т. е. Neuses.

[2]) Съ графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ Аракчеевымъ, по кончинѣ Александра I путешествовавшимъ за границею.

[3]) Neptunsbrunnen въ Бамбергѣ.

[4]) Fantaisie—замокъ, недалеко отъ Байрейта.

[5]) Знаменитый нѣмецкій писатель Жанъ-Поль Рихтеръ († 1825) жилъ и умеръ въ Байрейтѣ.

[6]) Т. е. Байрейтъ (Bayreuth).

[7]) Т. е. Эгеръ, гдѣ въ 1634 г. умерщвленъ Валленштейнъ.

[8]) Т. е. Францбруннъ (Franzbrunn).

[9]) Въ гостинницѣ Schwan.

[10]) Этого письма нѣтъ между напечатанными письмами Жуковскаго къ А. И. Тургеневу.

[11]) Вдова Алексѣя Михайловича Пушкина, Елена Григорьевна († 1833). „Для меня будетъ живымъ удовольствіемъ васъ увидѣть,—писалъ ей Жуковскій изъ Эмса 8 іюля 1826 г.—и съ вами съѣздить въ Пирну если не для свиданія съ нашимъ бѣднымъ затворникомъ (т. е. К. Н. Батюшковымъ), то по крайней мѣрѣ для личнаго переговора съ Пённицемъ и для свиданія съ почтенной Александрой Николаевной (Батюшковою, сестрою поэта) (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 482).

[12]) См. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу", стр. 218.

[13]) Съ Александромъ и Сергѣемъ Ивановичами Тургеневыми.

[14]) Жуковскій, какъ видно изъ дальнѣйшихъ помѣтъ въ его дневникѣ, успѣлъ по 25 августа взять 20 ваннъ.

[15]) Къ императору Николаю I. Письмо, вѣроятно, касалось продленія заграничнаго отпуска Жуковскаго. „Чтобы эмскія воды произвели все дѣйствіе, надлежало бы взять два курса и въ промежуткѣ провести зиму въ

Жиллиса [1]). Прекрасная вечерняя прогулка. О путешествіи по Россіи.

8 (20), воскрес(енье). Продолж(алъ) письм(о). Жиллисъ.

9 (21), понед(ѣльникъ). Лошаковъ.

10 (22), вторн(икъ). Тургеневы.

11 (23), середа. Preciosa [2]).

12 (24), четв(ергъ). Прогулка. Сцена на полѣ. Началъ Герена [3]). Шахматы.

14 (26), субб(ота). Пріѣздъ Тург(еневыхъ). Серг(ѣй) [4]). Письмо.

16 (28), понед(ѣльникъ). Отъѣздъ Тургенев(ыхъ) въ Дрезденъ.

17 (29), вторн(икъ). Писалъ письмо.

19 (31), четв(ергъ). Кончилъ письмо. Ликурговы законы [5]).

21 (2 сентября), субб(ота). Отправилъ письмо [6]). Поѣздка въ Зебергъ.

24 (5), вторн(икъ). Соймоновъ.

тепломъ климатѣ: тогда излѣченіе было бы совершенное; но какъ это согласить съ моими обстоятельствами, съ моею должностью, которая теперь для меня всего важнѣе",—писалъ Жуковскій И. И. Козлову 23 іюля (4 августа) 1826 г. (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 465). „Мое здоровье поправилось, но надобно, чтобы оно укоренилось, слѣдственно, нельзя еще теперь возвратиться въ Петербургъ. Я просилъ отсрочки: жду изъ Москвы отвѣта",—писалъ Жуковскій ему же 26 сентября того же года (тамъ же, стр. 467). „Приношу его величеству мою благодарность за дозволеніе провести зиму въ Германіи. Постараюсь, сколько возможно, воспользоваться этимъ пребываніемъ. Всѣ минуты, свободныя отъ лѣченія, будутъ посвящены моимъ приготовленіямъ" (къ должности воспитателя наслѣдника Александра Николаевича)—писалъ Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ 2 (14) октября 1826 г. изъ Дрездена (тамъ же, стр. 273).

[1]) Сочиненіе англійскаго историка Джона Джиллиса (Gillies, р. 1747 † 1836) по исторіи Греціи („The history of ancient Greece"; вышло въ свѣтъ въ 1786 году).—Жуковскій, какъ извѣстно, подготовлялъ себя къ предстоящему дѣлу воспитанія наслѣдника Александра Николаевича и знакомился съ классическими сочиненіями по разнымъ отраслямъ знанія для составленія библіотеки великаго князя (ср. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу", стр. 8—9).

[2]) Опера Вебера.

[3]) Какое-либо сочиненіе извѣстнаго историка Арнольда Герена (Heeren, р. 1760 † 1842).

[4]) Въ С. И. Тургеневѣ стали проявляться около этого времени признаки умственнаго разстройства.

[5]) Т. е. читалъ въ трудѣ Джиллиса о законахъ Ликурга.

[6]) 22 августа (3 сентября) Жуковскій писалъ А. И. и С. И. Тургеневымъ по поводу этого письма слѣдующее: „Вчера отправилъ роковое письмо въ Москву. Что-то велятъ?" (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу", стр. 219).

26 (7), четвергъ. Выѣздъ изъ Францбрунна. Въ Карлсбадѣ. У М-е Weyhrauch [1]). У Саблукова [2]).

27 (8), пятница. Ночевалъ въ Бриксѣ.

28 (9), суббота. Теплицъ. Кульмъ. Арбенау. Петерсвальде. Ценстъ. Пирна. У Батюшк(овой) [3]).

29 (10), воскресенье. Пріѣздъ [4]).

30 ав(густа) (11 сентября), понедѣльникъ. Въ экспозиціи. У Пушкиныхъ.

31 (12), вторникъ. У Пушкиныхъ. Въ театрѣ. Maier und Alpin.

1 (13) с(ентября), середа. У Пушкиныхъ ввечеру.

2 (14), четвергъ. Прогулка въ Japanische Garten. Серг(ѣй) [5]). Началъ чтеніе для лекцій.

3 (15) (сентября), пятница. Поѣздка въ Тарантъ. Таппе [6]).

17 (29) ноября, середа. Начнетъ лекціи Гассе [7]).

19 (1 декабря), пятница. Обѣд(алъ) у Пушкиныхъ.

20 (2), суббота. Gazza ladra [8]). Сонъ.

21 (3), воскресенье. У Taul. У Боссе [9]). Ввечеру у Пушкиныхъ. М-е Seidelmann [10]).

---

[1]) См. выше, стр. 168, прим. 8-е.

[2]) Быть можетъ, у генералъ-маіора Николая Александровича Саблукова (р. 1776 † 1848), автора извѣстныхъ „Записокъ", напеч. въ „Русск. Архивѣ" 1869 года.

[3]) Александры Николаевны, жившей въ Пирнѣ во все время лѣченія ея брата-поэта въ психіатрическомъ заведеніи доктора Пинитца въ Зонненштейнѣ. Ср. выше, стр. 189, прим. 11-е.

[4]) Въ Дрезденъ.

[5]) С. И. Тургеневъ.

[6]) Этому профессору Таппе, жившему въ Тарантѣ, Жуковскій послалъ въ февралѣ 1828 г. письмо черезъ Е. Г. Пушкину (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 492).

[7]) Профессоръ исторіи въ Дрезденскомъ (а съ 1828 г. въ Лейпцигскомъ) университетѣ Фридрихъ-Христіанъ Августъ Гассе (Hasse, р. 1773 † 1848) Жуковскій и А. И. Тургеневъ не разъ бывали на литературныхъ вечерахъ у Гассе (см. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу", стр. 9—10 и 14).

[8]) Опера Россини.

[9]) Живописецъ Эрнестъ Боссе (р. 1780 † 1863), родомъ изъ Риги, профессоръ С.-Петербургской Академіи Художествъ, работавшій въ то время въ Дрезденѣ; о немъ упоминается въ одномъ изъ писемъ Жуковскаго къ Е. Г. Пушкиной, 1828 года (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 492).

[10]) Вѣроятно, М-е Seydelmann (р. 1767†1840), жена живописца Якова Зейдельманна (р. 1750 † 1829), которому были заказаны императоромъ Александромъ I копіи съ многихъ картинъ Дрезденской галлереи для Эрмитажа.

22 (4), понедѣльникъ. У Боссе. Викулинъ[1]). У Гудовича, Голицына, Офросимова[2]).

1827.

14 (26) апрѣля 1827, въ четвергъ, выѣхалъ изъ Дрездена. Дорогою читалъ profession de foi M-e de Recke[3]). По сію пору еще нѣтъ ничего особеннаго. Мысль, что понятіе о Божествѣ испортилось и что Христосъ исправилъ, несправедлива, ибо ника(ко)го понятія и не было лучшимъ; Христосъ далъ новое истинное понятіе, ни на чемъ прежнемъ не основанное. Его понятіе почти столь же далеко отъ вѣры іудеевъ, какъ отъ идолопоклонства грековъ и пр.—Кто молится, тотъ вѣритъ, любитъ, надѣется! Молитва есть выраженная вѣра, то есть молитва ума и сердца, а не обрядъ молитвы. Сей послѣдній убиваетъ вѣру. Но

---

[1]) Вѣроятно, Сергѣй Алексѣевичъ Викулинъ, гвардейскій офицеръ, человѣкъ большихъ дарованій, рано умершій вслѣдствіе умственнаго разстройства (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 268).

[2]) Въ записной книжкѣ Жуковскаго, содержащей его дневникъ 1826—1827 гг., слѣдуетъ далѣе большой перерывъ, за цѣлые семь мѣсяцевъ. На оборотѣ листа 15-го встрѣчается только слѣдующій перечень лицъ, съ которыми Жуковскій былъ знакомъ или встрѣчался за время житья въ Дрезденѣ осенью и зимою 1826—27 гг.: „M-e de Recke. Тидге. Гассе. Ферстеръ. Фридрихъ. M-e Weihrauch. Строгановъ. Идалія. Головкинъ. Мещерская. Струве. Барклай. Посланникъ. Бибиковы. Бекъ. Гудовичъ. Тикъ. Рейхенбахъ. Гр(афиня) Финкенште(й)нъ. Бозе. Боссе. Офросимовъ. Левенштернъ. Ливенъ. Скуратовъ. Пушкины. Соймоновъ. Эрдманъ. Принцъ Фридрихъ, Іоаннъ. Мальтицъ. Штюбель. Аммонъ. Таппе. Шенъ. Викулинъ. Голицыны. Смирновы. Крейсигъ. Ностицъ. Киндъ. Бетихеръ. Даль. Карусъ. Фогель. Раумеры. Беккеръ“. О нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ упоминается въ текстѣ самаго дневника Жуковскаго; о другихъ—въ „Письмахъ Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу“.

[3]) Шарлотты-Элизы-Констанціи фонъ деръ Рекке (рожд. графини Медемъ, р. 1756†1833). Быть можетъ, рѣчь идетъ объ ея книжкѣ „Gebete und religöse Betrachtungen“, вышедшей въ Берлинѣ въ 1826 году. Съ M-e Recke Жуковскій и Тургеневы часто видались въ Дрезденѣ. „Вчера проводили мы вечеръ у больного поэта Тидге, въ домѣ гр. Рекъ,—писалъ, между прочимъ, А. И. Тургеневъ брату Николаю Ивановичу 10 февраля 1827 г., изъ Дрездена,—и болтали о литературѣ, старой и новѣйшей, нѣмецкой. Тидге и гр. Рекъ многихъ или почти всѣхъ знатнѣйшихъ литераторовъ знали и прожили весь славный вѣкъ нѣмецкой словесности и сами въ немъ участвовали. Анекдоты ихъ о прежнихъ литераторахъ и авторахъ нѣмецкихъ любопытны“ („Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 13—14).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 105, 106, 107 и 108 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ"

изд. 1901 года.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

*

Л.

Н.

О.

П.

Р.

С.

*

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

Указатель составила **В. В. Тимощукъ**.

кончивается сухими библиографическими извѣстіями, сатирическими замѣчаніями, болѣе или менѣе остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается въ домашнюю переписку издателя съ сотрудниками...»; «иное сочиненіе само по себѣ ничтожно, но замѣчательно по своему успѣху или вліянію, и въ семъ отношеніи нравственныя наблюденія важнѣе наблюденій литературныхъ». Не долго просуществовала и «Литературная Газета». Но причины прекращенія ея были совсѣмъ не похожи на причины прекращенія «Московскаго Вѣстника». Покровительствовавшій «Сѣверной Пчелѣ» гр. Бенкендорфъ былъ недоволенъ «Литературною Газетою» за то, что она назвала сообщенія Булгаринской газеты ложными. Скоро представился удобный случай къ закрытію «Литературной Газеты». Въ ней былъ помѣщенъ переводъ стиховъ Казим. Делавиня, представляющихъ собою воззваніе къ бойцамъ іюльскаго переворота. Стихи, а также и газета, въ которой они были помѣщены, признаны были вредными. Газета была немедленно пріостановлена, а главный редакторъ ея, баронъ Дельвигъ, послѣ выговора, сдѣланнаго шефомъ жандармовъ, былъ оставленъ въ «сильномъ подозрѣніи».

Получивъ разрѣшеніе издавать «Современникъ», литературный журналъ, Пушкинъ въ объявленіи объ его изданіи не сообщалъ никакой программы. Въ «Сѣверной Пчелѣ», отъ 3-го февраля 1836 г., было помѣщено такое «извѣстіе»: «А. С. Пушкинъ въ нынѣшнемъ 1836 г. будетъ издавать литературный журналъ подъ заглавіемъ «Современникъ». Каждые три мѣсяца будетъ выходить по одному тому. Годовое изданіе составитъ четыре тома. Цѣна годовому изданію 25 руб. асс., съ пересылкой 30 руб. асс.».

Условія, при которыхъ выходили въ свѣтъ книжки «Современника», не были благопріятны. Пушкинъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ и редакторъ журнала, былъ какъ бы преслѣдуемъ судьбой. Выходъ всѣхъ четырехъ книжекъ, которыя вышли при его жизни, совпалъ съ непріятными событіями въ жизни поэта. Когда готовился первый томъ, умерла мать поэта, и онъ долженъ былъ провожать тѣло ея въ Святогорскій монастырь, и книжка вышла въ его отсутствіе.

Въ первомъ номерѣ «Современника» обращаетъ на себя вниманіе статья Н. В. Гоголя «О движеніи журнальной литературы въ 1834—35 гг.». Второй и послѣдующіе томы вышли въ свѣтъ тоже въ самый тяжелый періодъ жизни Пушкина, когда въ обществѣ разнеслась молва объ ухаживаніи д'Антеса за его женой. Поэтъ переживалъ тяжелыя минуты; семейная жизнь въ которой онъ искалъ успокоенія, принесла ему только огорченіе и заставляла его непосильно работать, чтобы добыть возможно больше денегъ. Въ его письмахъ за эту пору часто встрѣчаются фразы въ родѣ слѣдующей: «деньги, деньги, ихъ нужно до зарѣзу».

Второй томъ «Современника», вышедшій въ іюнѣ, былъ тоже удаченъ, хотя и нѣсколько слабѣе перваго. Онъ переполненъ статьями, посвященными различнымъ вопросамъ—миоологіи, статистикѣ, рецензіямъ, отчетамъ и т. под., за то стихотворная часть была очень слаба. Одинъ «Урожай» Кольцова былъ замѣтнымъ произведеніемъ, другія же были очень посредственны. Особенно замѣчательной статьей была замѣтка кн. Одоевскаго «О враждѣ къ просвѣщенію, замѣчаемой въ новѣйшей литературѣ». Эта статья имѣетъ много общаго съ статьей Гоголя, помѣщенной въ первомъ номерѣ «Современника»; она составляетъ какъ бы ея продолженіе.

Содержаніе третьяго номера гораздо разнообразнѣе; стихотворная часть очень богата,—одинъ Тютчевъ помѣстилъ 16 стихотвореній. Пушкинъ помѣстилъ въ немъ «Родословную моего героя» и стихотвореніе «Полководецъ»; изъ прозаическихъ статей поэта особенно замѣчательны: «Объ исторіи Пугачевскаго бунта»—разборъ статьи, помѣщенной въ «Сынѣ Отечества» Броневскимъ; «Вольтеръ» и «Мнѣніе М. Е. Лобанова о духѣ словесности какъ иностранной, такъ и отечественной»,—рѣчь, произнесенная Пушкинымъ въ Академіи Наукъ. Статья эта особенно замѣчательна; въ ней Пушкинъ разбираетъ рѣчь Лобанова, которая, по мнѣнію поэта, требуетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія, такъ какъ она произнесена въ присутствіи всей Академіи и торжественно обнародована.

Послѣдніе два тома «Современника», 4-й и 5-й, которые составлялись при участіи Пушкина, были чрезвычайно блѣдны, походили на самые обыкновенные альманахи, въ которыхъ нѣтъ жизни. Въ четвертомъ томѣ участіе Пушкина выразилось только въ помѣщеніи повѣсти: «Капитанская дочка», которая занимаетъ болѣе половины книги, да тремя незначительными замѣтками. Въ пятой же книжкѣ, хотя и были помѣщены произведенія Пушкина, но въ нихъ нѣтъ ничего характернаго для выясненія журнальной дѣятельности поэта, тѣмъ болѣе, что она вышла уже послѣ его смерти.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе интересной книги г. Кузьминскаго.

Н. К-ш-ъ

